



# "Страстные сказки средневековья Книга 1. (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы  
в онлайн-библиотеке  
[mir-knigi.org](http://mir-knigi.org)

Книга 1

**Книга 1**

ПРОЛОГ.

Пан Лукаши принадлежал к знатному моравскому шляхетскому роду, хотя и не очень богатому. Его старый замок мрачной громадой возвышался над окрестными деревеньками, но когда путники подъезжали ближе, то видели, что от былой мощи осталась только обветшала башня с фрагментом искрошившейся стены. Господский дом размещался поодаль - в просторном высоком здании под соломенной крышей, обнесенном невысоким, почерневшим от времени частоколом. Были здесь и тяжелые дубовые ворота со скрипучими створками, ревностно охраняемыми холопами с пиками, готовыми жизнь отдать за хозяев, и каменная старинная часовенка, которую прилежно посещали многие поколения Лукаши.

Во владениях Лукаши никогда не приветствовались еретические протестантские учения Гуса и ему подобных, Впрочем, самого молодого пана в вотчине сейчас не было, он подвизался при дворе чешского короля.

Всеми делами в замке заправляла мать - пани Анелька, властная женщина средних лет, строгая и богобоязненная. Её суровое лицо часто взирало с высокого крыльца господских покоев на подвластных людей, зорко всё примечая и, казалось, ничего не могло утаиться от этого всевидящего аргуса, никакой даже самый мелкий грешок. Хозяйка она была отменная, и только благодаря её железной воле дом Лукаши ещё не был окончательно разорен. Жизнь в старом замке текла размеренно и спокойно, не потрясаемая никакими волнениями. Квохтали куры, мычали на рассвете коровы, блаженствовали в вечно не просыхающей большой луже посреди двора поколения свиной.

Если пани Анелька предпочитала проводить время в непрерывных молитвах, да в подсчетах прибылей и убытков, подвластных людей это интересовало мало. Дворня, после того, как заканчивала с дневными делами, всегда толпилась на кухне, греясь у огня и вдыхая аппетитные запахи еды. Болтали, о чем придется. В тесном, лишенном развлечений мирке любая мелочь становилась новостью - и объевшаяся клевера лошадь и забравшаяся на дерево коза. Всем с детства известные сказки, небылицы, легенды пересказывались чуть ли не каждый день, но не надоедали неприхотливым слушателям.

В тот осенний вечер разговор, в который раз зашел о кровавых походах Яна Жижки. Старый смотритель покоев не торопясь расписывал, как это кровожадное чудовище держало замок в осаде, как отличился покойный пан Януш, отец сегодняшнего, в защите своих владений, как свирепствовали и бесчинствовали еретики в окрестных селах, жители которых не успели спрятаться под защиту Лукаши. Комнатные девушки и холопы, раскрыв рты, слушали жуткое повествование. Была среди них и дочь управляющего Хеленка.

Девушка не жила в самом доме, но её мать служила здесь поварихой, и каждый день она приходила на кухню помогать. В людскую же спускался за ними отец, и, поужинав, семья отправлялась в башню, где пани Анелька выделила им комнату под голубятней.

Хеленка была четырнадцатилетней, красивой крепкой девушкой с серыми ясными глазами, открытой улыбкой и белокурыми до бесцветности кудрями. Но при всех её достоинствах был у неё один недостаток, а именно - её терпеть не могла пани Анелька.

История этой неприязни упиралась в далекое прошлое, когда о Хеленке и помину не было.

Со всех сторон к замку и окружающим его подвластным деревенькам подходил дремучий лес, прозванный Черным. Куда только не кинешь взор, так сразу упруешься на острые пики могучих елей, и вот там, где-то в таинственной глубине проживала бабка девушки - старая колдунья Агата. О ней все знали, к ней обращались за помощью, но само её существование очень не нравилось пани, оскорбляя её христианские чувства.

Между тем отец Хеленки и её доверенное лицо эконоом Вацлав был единственным сыном лесной ведьмы. Когда-то именно он сопровождал тогда еще молодого пана Януша на учебу в Пражский университет, где служа паньчу и сам многому обучился, поэтому Вацлав был самым грамотным человеком в замке. И все бы ничего, если бы он однажды, в уже в немолодом возрасте, вдруг не задумал жениться.

Сельские, из-за старой ведьмы, не хотели отдавать за него своих дочерей. Но справедливости ради стоит отметить, что Вацлав и сам не обращал на деревенских красавиц никакого внимания. Зато он часто по делам бывал в Брно, где сбывал деревенскую продукцию. Там он останавливался в одном трактире У зяблика, который содержал немец. Трактир ему нравился чистотой и хорошей кухней, и там-то он заметил юную судомойку. Девочка была красивой, только вся светилась от недоедания и непосильной работы. Ей уже исполнилось тринадцать лет, и она вполне годилась для замужества.

Вацлав навел справки и узнал, что Гута немка и круглая сирота. Трактирщик запросил очень высокую плату за то, что давал ей кусок хлеба. Может, он просто не желал отдавать горожанку за подневольного человека, а может, сам имел на неё какие-то виды, но таких денег у Вацлава не было, и он обратился за помощью к пану Янушу.

Лукаши отказывать не стал, но сам съездил в Брно, чтобы посмотреть на девушку. И тут же поставил условием денежной помощи право первой ночи.

Не сказать, что это было из рук вон выдающимся событием - такие вещи происходили сплошь и рядом, но пан Януш подобным никогда не грешил и уже много лет, к тому времени, жил с пани Анелькой в любви и согласии. Вацлав поморщился и, после недолгих раздумий, согласился. Гуту, само собой, никто не спросил о том, чего она хочет, да она и вообще была безропотным созданием, а вот пани затаила обиду на всю жизнь.

Анелька была слишком горда, чтобы дать понять мужу, что чем-то недовольна. Но родившуюся неизвестно от кого через девять месяцев Хеленку терпеть не могла и отказывалась её видеть. Только поэтому та не стала ни комнатной девушкой в замке, ни поварихой, как её мать, и вообще могла появиться на замковой кухне только, когда пани удалялась в свои покои.

Девушка скучала в башне одна, изредка помогая отцу вести хозяйственные книги, да читая ему вечерами тайком от замкового капеллана Библию на чешском языке. Вацлав в отличие от пани никогда не сомневался в своем отцовстве, дочь и жену очень любил, и вообще умел быть счастливым и довольствоваться малым. Это был разумный человек.

Сейчас Хеленка, разомлев от тепла, внимательно слушала рассказы о кровавых и страшных делах, происходивших совсем недавно на этих землях.

- А уж разбойников-то сколько, бродяг разных, женщинам невозможно было и носа высунуть за ворота,- скрипел дальше старик.

Девушки хихикнули.

- Дохихикаетесь,- пригрозил им смотритель,- глядите, они и сейчас попадают на дороге и тогда подолы-то вам наполнят!

Хеленка насторожилась. Она частенько по поручению отца ходила к бабке в лес, украдкойнося то молоко, ту муку, а то и кусок мяса. Вацлав мать никогда не забывал, хотя и со свойственным ему здравомыслием это ото всех скрывал. Дорога, в основном, шла по лесной тропинке, но вначале довольно долго приходилось идти по шляхту. Бабка жила в такой чащобе, что даже определить на чьих землях и то не представлялось возможным - то ли это были охотничьи угодья Лукаши, то ли Збирайды, их соседа-барона. Диких зверей девушка, конечно, то же боялась, но людей больше. Ясно, что ждало бедняжку ото всякого сброда!

А пани Анелька такими вещами не шутила. Провинившуюся девушку выставляли на паперти деревенской церквушки в одной рубашке, и каждый, проходя мимо, мог на неё плюнуть, а то и кинуть камень, а потом несчастную пороли кнутом во дворе замка так, что кожа клочьями летела.

Вскоре на кухню спустился отец, он перед сном всегда давал пани отчет о том, что случилось за день и вся их немногочисленная семья пошла спать.

- Завтра сходишь к Агате,- приказал отец пред сном,- отнесешь ей крупы и возьмешь отвар от кашля для пани. Святоша, а как расхворается, сразу про мать вспоминает!

Утро выдалось более ясным, чем предыдущий день. По сторонам тропинки от еще зеленой травы испарялся туман, и Хеленка торопливо шагала по знакомой дорожке, петляющей среди гигантских деревьев. Осенью день короткий, а надо было ещё подождать, когда Агата сварит отвар, и засветло добраться обратно.

Где-то невдалеке слышался лай собак, наверное, это охотился кто-то из соседей земанов. Пани Анелька разрешала мелкой подвластной её сыну шляхте охотиться в своих угодьях на досаждавших волков. Бояться вроде бы было некого, и все же девушка убыстрила шаг - быстрее бы добраться до заветного уголка леса, туда никто не сунется, все боятся ведьмы! Но приближался и собачий лай.... И вдруг на поляну, которую почти бегом пересекала она, выскочили несколько всадников. Замершая Хеленка остановилась, в ужасе глядя, как прямо на неё несется нарядно одетый мужчина лет тридцати с надменным профилем и высокомерной горделивой осанкой. Она никогда не видела барона Збирайды, но тут же догадалась, что так держаться в их краях мог только он. Всадники окружили растерянную девушку.

- Куда же это спешит такая красавица?- спросил кто-то из них.

- Наверное, к колдунье за приворотным зельем!- рассмеялся другой.

- Зачем такой красавице приворотное зелье,- заговорил и барон,- она и так владеет всем, что может привлечь внимание любого мужчины!

Его голос вроде бы звучал ласково, но охваченная страхом девушка расслышала в нем явную угрозу. Её всполошенный взгляд скрестился с насмешливым взором темных глаз, и с невероятной быстротой Хеленка пустилась наутек. Проскользнув, подобно испуганной ласке между всадниками, девушка мигмом исчезла в лесу.

-Эй, панове, давайте развлечемся, отловим эту козочку,- донеслось до её ушей,- кто поймает, тот и повалит на лопатки!

Никогда еще так быстро не бегала Хеленка. Подгоняемая ужасом и страхом неслась она, преследуемая собаками, вдоль деревьев, не разбирая ни пути, ни дороги. Они на лошадях, в чащобу и бурелом не сунутся,- билась в голове мысль, и девушка специально выбирала самые труднодоступные участки, забиваясь, как раненный зверь в густой кустарник. Постепенно вроде бы погоня отстала, хотя собаки все равно прыгали рядом, весело лая и норовя ухватить беглянку за подол. Наверное, с их точки зрения, это была забавная игра, и они изо всех сил путались под ногами, мешая ей бежать. Задышающаяся Хеленка вынуждена была остановиться и с укором посмотреть на бессовестных псов.

- Как вам не стыдно! Разве я зверь какой, а ну-ка, бегите к своему хозяину!

- А зачем им куда-то бежать, когда я здесь,- раздался за спиной тот самый, напугавший её голос.

Девушка вздрогнула и обернулась, побледнев от страха. Барон уже спешил и теперь недобро ухмыляясь, рассматривал свою жертву.

- Ты что же, девочка, хотела убежать от такого опытного охотника, как я? И более хитрым зверям это не удавалось...

Хеленка обреченно упала на колени.

- Отпустите меня, добрый господин, мне всего четырнадцать лет,- умоляюще заплакала она, понутив голову,- пожалейте, проявите милосердие!

- Милосердие?- искренне рассмеялся тот,- когда это ты видела, чтобы охотник к добыче проявлял милосердие? А в четырнадцать лет самое время становиться женщиной!

Он наклонился над ней и, резко вздернув подбородок, заглянул в полные слез глаза.

- Перестань плакать! Если ты хорошо будешь себя вести, то на мне все и закончится,- барон развязал пояс её душегрейки,- а если будешь брыкаться и упрямиться, то отдам своим людям, и тогда ты так навсегда и останешься лежать на этой поляне. Выбирай, девочка!

Напрасно пани Анелька сомневалась в отцовстве Вацлава, потому что именно его здравомыслие передалось Хеленке по наследству.

Тяжело вздохнув, она легла на сырую траву и плотно зажмурила глаза, со стоическим смирением выдержав все, что сотворил с ней этот жестокий человек. Она искусала себе в кровь губы, но не издала ни звука, изо всех сил вцепившись в траву руками. Наконец все закончилось.

- А ты мужественная малышка,- похвалил её довольный барон, отряхивая прилипшие травинки с колен,- хочешь поехать ко мне в замок? Это только сначала так больно, потом тебе понравится!

Хеленка поднялась, оправив подол измятой грязной юбки. Её колотило от холода, боли и горя.

- Вы обещали меня отпустить!

- А я от своего слова и не отказываюсь, но будет лучше, если ты поедешь со мной!

- Мне надо идти!

- Я тебя провожу!

- Я иду к ведьме.

- Зачем?

- Она моя бабка.

- Так ты дочь Вацлава, эконома пани Анельки?

- Да.

- Что же, иди..., только я думаю, мы с тобой еще не раз встретимся!

Агата так и ахнула, увидев свою внучку в мокром грязном платье, с безумным заплаканным лицом и растрепанными волосами.

- Меня выставят в одной сорочке на паперти и будут пороть кнутом,- рыдала Хеленка, рассказав бабке все, что с ней приключилось.

Она никак не могла прийти в себя и дрожала от озноба под всеми имеющимися в хижине тряпками и одеялами.

- И вовсе необязательно,- рассердилась старуха, помешивая в котле варево,- откуда кто узнает, что у тебя с бароном было в лесу? Даже его люди и то вас не видели вместе. А уж он-то никому не скажет.

- Почему?

- Вот еще, будет он кому-то что-то говорить! Да и забыл про тебя барон в тот миг, как ты исчезла из виду!

Почему-то Хеленке это показалось обидным и несправедливым - неужели вот так сразу и забудет? А ещё звал к себе в замок! С другой стороны, бабка разбиралась в этих вещах лучше, недаром прожила столько лет!

- Ничего,- успокаивала её Агата,- пройдет несколько дней, боль пройдет, а там видно будет! Не ты первая, и не тебе стать последней!

Но через несколько недель к матери неожиданно нагрянул сын, который предпочитал у неё бывать, как можно реже.

- У меня крупные неприятности,- сразу же сказал он,- Хеленка беременна. Ты же знаешь, как её ненавидит пани, она просто прикажет запороть несчастную насмерть. Дай дочери какого ни будь варева, чтобы она скинула ребенка, пока не вырос живот.

Но варево не помогло - Хеленка несколько часов прокорчилась на лежанке в хижине Агаты, но ребенок не покинул её тела. Все оказалось напрасным и тогда старуха обреченно пожала плечами.

- От судьбы ещё не придумали зелья,- тихо сказала она сыну,- этому ребенку либо жить, либо погибать только вместе с матерью!

- Неужели нет никакого выхода?- в отчаянии простонал сын,- мы с Гутой не перенесем смерти

дочери! Она все, что у нас есть!

- Выход есть всегда!

Прошло три месяца. Землю сковало льдом и выпал снег. Хеленку в ту пору мало кто видел из двора, настолько редко она покидала родительское жилье. Говорили, что дочь Вацлава недомогает, а тот не опровергал этих слухов, хотя и не распространялся насчет болезни, поразившей ещё недавно здоровую девушку.

Под Рождество экономом попросил у пани разрешения обратиться к ней по личному делу.

- Ясная пани, - почтительно склонил он голову перед Анелькой, - позвольте моей дочери поухаживать за моей заболевшей матерью!

- Уж лучше бы она сдохла, проклятая колдунья, - прокрипела та, но после раздумья, разрешение все-таки дала, - только пусть не забывает посещать церковь и ходить к исповеди!

В тот же день, в сопровождении отца Хеленка ушла в лес.

- Говорили, больна, - удивился стражник на воротах, проводив глазами их исчезающие за деревьями фигуры, - а девчонка даже поправилась за это время, вон груди-то какие, шубейку рвут! Замуж ей пора, вот и все болезни пройдут!

Он ещё долго недоуменно скрипел себе под нос соображения по этому вопросу, но потом из загона вырвалась свинья и вся дворня принялась её ловить. Поросячий визг, шум, крики, возня... и Хеленка с её полнотой вылетела у стражника из головы.

Через месяц о девушке неожиданно вспомнила пани.

- Почему твоя дочь не появляется из леса? - поинтересовалась она у Вацлава.

- Есть подозрение, что болезнь матери заразная, поэтому они не решаются выходить к людям, - поклонился экономом.

- Вечно от этой колдуньи всякие неприятности, - заворчала Анелька, - это Господь гневается на нас за скверну! Вот помрет твоя дочь, поздно будет раскаиваться!

И Вацлав только смиренно согнул голову.

- Всё в руках Божьих!

Между тем Хеленка с тоской смотрела на свой растущий живот.

- А куда мы его после денем? - с тоской спросила она бабушку.

- Сначала роди, - хмуро ответила та, - а потом решим, что с младенцем делать. Может Господь смилуется, да помрет он родами, такое часто бывает!

Слух о заразной болезни ведьмы, с легкой руки Вацлава, распространился по всей округе и их никто не беспокоил. Но вскоре произошла встреча, избежать которой все-таки не удалось.

Хеленка недалеко от хижины собирала хворост. Кругом все было завалено снегом, и она с трудом, придерживая живот, пробиралась по вязким сугробам, выбирая ветки посуше. Ярко

светило солнце, и уже ощущалось веяние близкой весны, но она не особо радовала девушку. Ребенок уже шевелился, и сейчас мягко переворачивался в лоне - что-то ему видимо не нравилось.

Будущая мать, прислонив руку к животу, прислушалась к этому движению новой жизни, а когда подняла голову, то увидела, что в нескольких шагах от неё восседает на коне виновник её неприятностей.

- Вот ты где,- рассмеялся, спешиваясь, барон,- а я спрашивал о тебе Вацлава, и он сказал, что ты уехала из наших краев. Оказывается недалеко! Как тебя зовут?

- Хеленка!- опасливо попятилась она, но далеко уйти не удалось.

Барон одним прыжком оказался рядом с ней, заинтересованными глазами приглядываясь к округлившейся талии.

- Что это ты Хеленка за живот сейчас держалась? - с этими словами он распахнул на ней видавшую виды бабкину кацавейку,- ого, так ты решила сделать меня отцом?

Хеленка покраснела, смущенно опустив глаза. А что тут скажешь?

- Он шевелится!- в конце концов, пробормотала она.

Збирайда довольно хохотнул, с удовольствием пройдясь горячими ладонями по её вздувшемуся животу.

- Молодец, девочка! Не заставила долго ждать! Поехали ко мне в замок!

Бедная девушка в испуге отпрянула от него. Только этого ко всем бедам и не хватало! Тогда все узнают о позоре дочери Вацлава!

- Нет, пожалуйста, нет!

- Чего ты боишься, дурочка?! Все что могло, с тобой уже случилось, а рожать тебе будет легче в замке, чем как лесному зверю под кустом! Да и о байстрюке надо подумать, куда ты его денешь-то? Пошли к твоей бабке!

Разговор со старухой у Збирайды получился нелегким. Она, конечно, до смерти боялась барона, но держалась как скала.

- Моя внучка порядочная девушка! Разве она виновата, что попалась вам под горячую руку? Зачем же вы окончательно хотите погубить её, увезя к себе в замок? Неужели господин не понимает, что после этого Хеленка никогда уже не сможет выйти замуж?

- Все это так, - недовольно хмыкнул барон,- я тебя понимаю, ведьма, но что ты собираешься сделать с моим ребенком? Сварить из него колдовское зелье?

Женщины съезжились от страха. Обвинение в колдовстве могло стоить старухе жизни. Но, очевидно, Агата меньше дорожила собой, чем счастьем единственной внучки.

- Я знаю целебные травы, варю из них отвары и делаю настойки, но магией никогда не занималась,- отрезала она, - не по мне это!

- Так что будет с ребенком?- Хеленка вздрогнула, услышав интонации его голоса, как и тогда

осенью в нем слышалась явственная угроза.

- Пан,- умоляюще схватила она Збирайду за руку и прижалась к ней губами,- не сердитесь на мою бабу - она не знает ответа на ваш вопрос! Пусть ребенок сначала родится, а там видно будет!

Барон пристально осмотрел испуганную девушку, но руку отнимать не стал. Его темные глаза так сверкнули, что Хеленка моментально покраснела.

- Выйди отсюда, ведьма, я хочу остаться с твоей внучкой наедине!- приказал он Агате.

И та с поспешной быстротой поспешила удалиться, мудро рассудив, что все что можно, барон с её внучкой уже сделал, а её упрямство может это положение только ухудшить.

- Раздевайся,- между тем распорядился тот, снимая подбитый мехом плащ.

Когда до Хеленки дошло, что он имеет в виду, из её глаз брызнули слезы.

- Не надо, мне итак плохо!

- Мне лучше знать, что надо, а что нет,- прикрикнул барон, толкая сопротивляющуюся девушку на лежанку.

В этот раз все было по-другому. Збирайда старался, насколько мог, вести себя ласково, но преодолеть испуга своей жертвы не сумел. Уж слишком он был чужим, непонятным, да и то, что он сделал понравилось ей мало, хотя, конечно, это получилось лучше, чем в первый раз.

- Тебе понравилось быть со мной?- спросил, уже одеваясь, барон.

И Хеленка, хотя и робко, растянула губы в улыбке.

- Ты очень красивая, когда улыбаешься,- заметил Збирайда,- так что, поедешь со мной? Тебе будет хорошо в моем доме, обещаю!

- Нет,- быстро опустила она глаза,- прошу вас, оставьте все как есть!

- Вот упрямая девчонка,- вздохнул барон, но было видно, что он не сердится,- ладно, мне пора, холопы, наверное, и так уже ищут меня по всему лесу. Но я еще появлюсь!

Бабка пришла, как только Збирайда удалился. Она очень замерзла, поэтому шепча какие-то ругательства, грела руки у огня, искоса поглядывая на съевшуюся на лежанке внучку. Хеленка задумчиво смотрела в одну точку, бережно обхватив свой живот.

- Смотри, не влюбись в этого красавца,- тяжело вздохнув, произнесла Агата,- это гораздо страшнее, чем даже ребенок в твоем животе! Сейчас он тобой увлекся, но чем ты его сможешь удержать? Выкинь из головы, барон не пара нищей девчонке, ты разобьешь себе сердце!

- Я знаю,- покладисто согласилась с бабушкой Хеленка,- я постараюсь не думать о нем, хотя это непросто, когда носишь его дитя.

Но бабушка, оказывается, ещё не закончила говорить. Возясь с котелками с водой, она монотонно бормотала себе под нос, мало заботясь, слушает её внучка или нет:

- Всё одно и то же, из века в век! Збирайды во все времена были гораздо влиятельнее и богаче

Лукаши, но пан Ирджих уж слишком горд и не зависим, поэтому и проводит так много времени у себя в замке, а не при дворе маркграфа. Был он когда-то и женат, но все жалели бедную пани, настолько мало барон обращал на неё внимания. Она, наверное, поэтому и померла так рано, оставив ему двоих сыновей. А уж если ему девушка какая понравится, то никогда не церемонится! От Збирайды, как от дьявола, подневольные люди дочерей прячут! И байстроуки в его замке есть... В общем, держись ты от него подальше, ничего хорошего он тебе не принес и не принесет!

Последнее могла и не говорить - уж об этом Хеленка знала не понаслышке, но выполнить столь разумный совет старухи оказалось непросто.

Збирайда стал частым гостем в хижине ведьмы. Привозил добытую дичь, хлеб, и пока ещё позволял растущий живот, заваливал Хеленку на лежанку. Но когда и это стало невозможным, все равно их не бросил, возникая на пороге, когда его меньше всего ждали.

Время шло, прожурчала ручьями и отпыхала первоцветами весна, и в начале лета Хеленка родила девочку, немного не доносив до положенного срока. Барон в очередной раз появился как раз на утро после этого события, посмотрел на спящую мать и новорожденную дочь и уехал, ничего не сказав.

Через три дня старуха неожиданно подняла роженицу с постели и поволокла в лес за какими-то травами, которые срочно нужно было собрать до Троицы.

- Троицкие травы самые сильные,- пояснила она,- покорми её, да привяжи к спине, пусть спит! Мы пройдемся по западному склону вдоль шляха - там заросли лучшего девясила!

Женщины как раз набрали полные подолы крупных сочных корней, когда услышали доносящийся издали женский крик. Агата, оставив в укрытии внучку, осторожно выглянула из-за деревьев и тут же смело вышла на дорогу. В поломанной повозке посреди огромной лужи, кричала беременная женщина, судя по всему, у неё начались схватки. Вокруг роженицы суетился перепуганный мужчина.

- Агата! - облегченно крикнул он, заметив показавшуюся из леса колдунью,- быстро помоги пани, а я помчусь в замок за подмогой. Мои люди уехали к кузнецу, потому что сломалась эта колымага, но кто мог подумать, что у госпожи начнутся схватки!

Подслеповато приглядевшись, старуха поняла, что перед ней находится сын пани Анельки пан Януш-младший. Он знал лекарку, потому что, как-то поранившись на охоте, забредал к ней в хижину. А кричащая пани, очевидно, была его молодой женой, которую тот вез к матери рожать.

Вацлав рассказывал матери, что пан женился по осени, и пани Анелька ездил на свадьбу в Буду.

Молодой пан ускакал в замок за помощью, а Агата принялась за привычное дело. Но юной пани не повезло - роды были очень тяжелыми, ребенок шел ягодицами. И когда, наконец, роженица, поднатужившись изо всех сил, родила мальчика, то сразу потеряла сознание. Но пред тем как провалиться во мрак беспомощности, она все-таки спросила:

- Кем благословил нас Господь?

- Юной пани, госпожа! - ответила, пеленавшая новорожденного старуха.

Все это время скрывающаяся за ближайшим кустом Хеленка изумленно покосилась на бабу, пристально разглядывающую посиневшее личико младенца.

- Почему ты обманула пани? - потрясенно спросила она.

- Её сын мертв, а твоя дочь жива! Мы сейчас подменим детей!

Хеленка так и села, где стояла, в ужасе глядя на суровое лицо старухи. Она, конечно, знала, что расстанется с дочерью, но что так скоро! Сердце пронзила страшная боль отчаяния.

- Нет,- заплакала она,- я не отдам свою дочь! Мою деточку, мою кровиночку... Нет!

Но бабушка только презрительно глянула на плачущую внучку.

- А куда ты её денешь, дурочка? Пани Анельке отнесешь, на вашу с ней погибель? А если подсунешь Лукаши в дочки, то все время будешь рядом, когда вернешься домой!

Бабушка, как всегда была права, и обезумевшая от тоски Хеленка отвязала от спины спящего ребенка. Даже поплакать над дочкой было некогда - времени осталось только на то, чтобы исчезнуть с мертвым мальчиком на руках в тот момент, когда из-за поворота, наконец-то показался его отец с дворней.

Новорожденного зарыли под елью недалеко от хижин. Хеленка рыдала, свернувшись клубочком на лежанке - ей ничто было не мило.

- Это же неслыханная удача,- доказывала неразумной внучке упрямо насупившаяся старуха,- твоя дочь вырастет пани, а не незаконнорожденной байстрючкой. У девчонки будет приданное, муж- паныч и она будет свободной!

Всё это было так, но осиротевшей матери все равно было плохо. И за всеми этими событиями женщины как-то забыли о том, о ком забывать совсем не следовало.

- Где моя дочь?- на следующее же утро принес черт барона,- её нужно окрестить!

Бабушка и внучка растерянно переглянулись.

- Девочка умерла! - пробормотала прячущая глаза старуха.

- Да,- сурово сжал губы Збирайда,- а может быть, ты её съела?

- Хеленка?! - гневно обернулся барон к любовнице, но та только навзрыд расплакалась.

Лицо мужчины приобрело от ярости свекольный цвет.

- Так,- взревел он,- показывай могилку, иначе я прикажу тебя саму живьем закопать в землю!

Облегченно вздохнувшая Агата указала ему на маленький холмик, но через минуту ей стало страшно, когда барон не просто его разрыл, но ещё и внимательно осмотрел маленькое тельце.

- Да это же мальчик, ведьма! - от гнева его даже перекосило,- не могла же ты мою дочь превратить в сына?! Быстро отвечай, где мой ребенок и откуда здесь взялся этот?

Агата молчала, судорожно соображая, что говорить дальше. Не правду же! Между тем, Збирайда, недолго думая, выкрутил ей руки и, втащив в хижину, сунул пятками прямо в очаг.

Хеленка, сотрясавшаяся от рыданий на лежанке, пришла в себя от страшного крика бабки и едкого запаха пылающих тряпок.

- Быстро говорите, что здесь произошло, иначе я вас обеих сожгу в этой хижине! - орал невменяемый от бешенства барон.

- Пан Ирджих,- упала перед ним на колени перепуганная девушка - отпустите Агату, я все вам расскажу!

И пока старуха, ахая и кряхтя, забивала на себе пылающие юбки, Хеленка рассказала барону о том, что произошло. Гнев пана Ирджиха был страшен.

- Ослицы! Отдать мою дочь в чужие руки! - ругался он, в ярости круша все вокруг.

Летели чугушки, немудрящая посуда, пучки трав, дым, вонь, кряхтение и стоны Агаты, но, тем не менее, Хеленка упорно ползла на коленях за мечущимся в гневной ярости мужчиной.

- Простите нас, - девушка все-таки умудрилась обвить руками и прижаться всем телом к его ногам,- умоляю вас!

Хоть и неосознанно, но рассчитала она верно - барон тот час смягчился.

- Зачем,- простонал он, окидывая её тяжелым взглядом,- зачем вы это сделали?

- Я хотела быть с ней рядом!- даваясь слезами пояснила Хеленка.

Но барон почему-то даже взвыл, услышав это простое объяснение.

- Как ты будешь с ней рядом, когда я выкупил тебя у пани Анельки и сегодня же собирался вас с дочерью отвезти в свой замок? - с горьким смехом спросил он, - старая ведьма вымотала мне всю душу, прежде чем согласилась тебя продать! Я её на дух не переношу, мерзкую ханжу, и теперь узнаю, что ты моего ребенка определила к ней во внучки?!

Хеленка так и застыла с открытым ртом, пытаясь до конца уяснить весь размер катастрофы, но зато сразу же нашла слабые места в позиции барона старая Агата.

- В вашем замке или еще где, девочка по-прежнему оставалась бы байстрючкой,- непоколебимо проворчала она,- а теперь она вырастет настоящей пани! Эта участь гораздо лучше, чем та, которую ей уготовили вы, её отец!

- Молчи, ведьма, иначе я тебя собственноручно вздерну на ближайшем дереве!- угрюмо пригрозил барон.

Агата испуганно замолчала. Угроза отнюдь не показалась ей пустой!

- А ты собирайся, сегодня же переедешь в мой дом! - рявкнул он на Хеленку.

- Но господин, - опешила та от такого поворота дела, - я не могу, ведь....

Но она выбрала неудачное время для спора с гневным мужчиной.

- Ты, по-моему, не поняла,- нахмурил брови барон,- я тебя уговаривал, пока ты была чужой холопкой. Теперь же ты моя, а моя дворня со мной приказы не обсуждает!

Всё оказалось напрасным, и, не смотря на невероятные усилия отца и бабушки, теперь её позор станет известен всем. Скачущая на одной лошади с бароном Хеленка давилась молчаливыми слезами отчаяния.

В их мирке не было участи более позорной, чем участь замковой шлюхи. Даже спящие вместе со свиньями пастухи и то не были столь презираемы, как не сумевшие себя вовремя оградить своевременным замужеством падшие девушки. Несчастные даже в часовне, и то стояли не ближе предела, и к причастию допускались последними. А не оскорблял их, походя, только уж совсем ленивый.

Как и все девушки Хеленка, конечно же, грезилась о другой судьбе. Вацлав собрал для любимой дочери вполне приличное приданое, да и конюший пани Анельки, ясноглазый веселый Карек давно обменивался с девушкой вполне понятными взглядами. И вот теперь этим незамысловатым мечтам о счастье пришел такой позорный конец. Было от чего проливать слезы!

- Не реви,- по своему истолковал её горе Збирайда,- знаю, что отец тебя баловал, поэтому не пошлю на тяжелую работу! Ну, разве только ночью будешь уставать...

Пан Ирджих был настолько уверен, что эта участь прельщает его новую холопку, что даже игриво ущипнул её за бедро, как бы предлагая порадоваться такому везению. Хеленка нервно вздрогнула, но кисло улыбнулась, шмыгнув носом.

- А что ты вообще делала в замке Лукаши?

- Помогала отцу вести хозяйственные книги, да хлопотала по хозяйству, ведь мать все время пропадает на замковой кухне.

- Вот как?! Что ж, и у меня тоже будешь помогать эконому, а то он стал слепой, как крот. Все забывает, или вообще путает местами, но зато помнит, сколько стоил овес ещё до рождества Христова!

Вечером, когда унылая Хеленка обосновалась в маленькой каморке под самой крышей, Збирайда зашел посмотреть, как она устроилась. Окинув взглядом узкую лавку с соломенным матрацем, недовольно покачал головой.

- Мы здесь не поместимся! Прикажу, чтобы тебя перевели поближе к моим покоям!

Нервы у девушки не выдержали, и она навзрыд зарыдала, без сил опустившись на скудное ложе. Сбывались её самые худшие опасения.

- Хватит ныть,- Збирайда прижал девушку к себе и неожиданно ласково поцеловал,- я хотел как лучше, но сделанного не воротишь! Наша дочь теперь будет там, а ты здесь, со мной. Разве это плохо?

Хеленка тоскливо замерла в его тесных объятиях.

- Я был сегодня у Лукаши, там праздник по поводу рождения наследницы - все веселятся и радуются! Я так был любезен со старой ведьмой Анелькой, так лебезил перед этой каргой, что она смягчилась и пригласила в крестные к нашей девочке. Но боюсь, - вздохнул барон,- как бы вслед за праздником у них не наступили черные дни - молодая пани Боженка очень плоха, вряд ли отойдет от родов.

- Как они её окрестили?

- Стефанией.

Збирайда оказался пророком. Молодая пани Лукаши, действительно, вскоре после крещения дочери умерла, пан Януш вновь уехал в Венгрию, а маленькая Стефка осталась с бабкой Анелькой.

Жизнь же Хеленки в замке барона неожиданно сложилась удачно.

Поначалу ей приходилось нелегко среди чужих, не жалующих её людей, но, к удивлению всех знавших ветреного пана, мимолетный каприз Збирайды обернулся крепкой привязанностью к юной холопке. Почему так произошло, он и сам, скорее всего, не знал. В делах любви никогда ничего нельзя сказать определенно, а тут и вовсе! Как случилось, что сдержанная, холодновато отстраненная девушка, в конце концов, прибрала к рукам такого сластолюбивого необузданного распутника, было тайной для всех окружающих. Он никогда её не обижал, за редким исключением, когда ему хотелось развлечься с другими девушками. Но, в основном, всегда делил постель с Хеленкой.

Положение любовницы настолько с годами окрепло, что иначе, чем за настоящую хозяйку замка её никто и не воспринимал, даже сыновья барона относились к ней с определенным уважением. Дочь Вацлава унаследовала его здравомыслящую голову, знала грамоту, и поэтому вскоре все немаленькое замковое хозяйство сосредоточилось в её разумных руках. Вот только детей ей больше Господь не дал, поэтому она с напряженным интересом следила за тем, как растёт её маленькая дочка в соседнем замке. Если барон, как крестный отец, видел её часто, то она могла похвастаться только тем, что несколько раз, спрятавшись, наблюдала за ней издали. Девочка росла красивой и такой же белокурой, как и её мать.

Прошли годы.

МОРАВИЯ. Черный лес.

Когда Стефании исполнилось пять лет, пан Лукаши женился снова, привезя новую жену откуда-то из Венгрии. Мадырка была молоденькая, красивая, черноволосая и черноглазая.

- Этот Лукаши не в своем уме, - ворчал пан Ирджих, деля с Хеленкой постель в их общей спальне, - выбрала же ты мне со своей ведьмой бабкой родню! Дела у него хуже некуда, он почти совсем разорен, и, надумав жениться, выбрал себе девку без приданого!

Барон раздраженно фыркнул, машинально погладив любовницу по бедру. Чужая дурость всегда выводила его из себя, а тут речь шла о мачехе его дочери.

-Эта Мария, чья-то там воспитанница, крестница герцога каринтийского, а имущества только то, что на ней одето. Зато ты бы видела, что это за наряд! Какая-то дурацкая мода - колпак такой высоты, что она, и подняв руки, не может до его острия дотянуться, платье хоть и из хороших тканей, а какое-то нелепое, грудь сжата, живот наоборот выпячен. Черт знает что!

- Вам она не понравилась? - улыбнулась Хеленка, уткнувшись носом в его плечо.

Но против ожидания, Збирайда довольно хмыкнул.

- Ну, я бы так не сказал..., - задумчиво протянул он, - глазки у неё блестящие и игривые. Не

знаю, как у них там в Венгрии, но в наших краях, когда мужчина ловит на себе такой взгляд, то тот час начинает действовать.

Понятно, какого рода действия собирался предпринять пан Ирджих!

- Конечно, мой господин, вы такой красивый мужчина, что пани Мария не смогла остаться равнодушной! - Хеленка за годы жизни с бароном усвоила твердо, что много лести не бывает.

Збирайда самодовольно улыбнулся, но все-таки счел нужным пояснить своей любовнице:

- Дело даже не в моей красоте, душенька, а в том, что если ты женился на юной красавице, то время нужно проводить с ней, а не в фамильной часовне за молитвами на пару со старой дурой Анелькой. Понятно, что мадьярка скучает, глядя на его постную физиономию. Если спустя даже полгода после свадьбы, Януш так и не сделал пани беременной, то зачем вообще женился, или он рассчитывает, что об этом, как и в первом случае позабочусь я?

Прошло уже столько лет, однако барон вел себя так, как будто дочь отняли у него только вчера. Но Хеленка давно перестала реагировать на его выпады, искусно переводя разговор на другие темы.

- А что, у вас есть такое желание?

- Пани Мария намекнула, что завтра собралась на прогулку в лес, и если это не приглашение на свидание, то можешь считать меня болваном!

- Любая пани сочтет за счастье обратить на себя ваше внимание!

- Вот завтра я ей эту честь и окажу,- рассмеялся барон, прижимая к себе экономку,- а ты не ревнуй, милая?

Хеленка вполне искренне удивилась, недоуменно покосившись на Збирайду.

- Какой в этом смысл? Разве моя ревность что ни будь изменит?

- А вдруг я влюблюсь в кого ни будь и оставлю тебя?

- Вот тогда и буду расстраиваться! Да и не расстанетесь вы с хорошей экономкой, мне же достаточно просто быть с вами рядом, чтобы чувствовать себя счастливой!

Пан Ирджих повернулся на бок и пристально взгляделся в безмятежные черты женщины рядом.

- Меня всегда поражает твоя рассудительность! Неужели тебя не обидно, когда я предпочитаю других женщин?

- Мне итак невероятно повезло..., зачем гневить Бога и требовать большего!

На следующий день Хеленка проводила барона на свидание, и занялась своими обычными делами. Её немало позабавило, сколько времени он провел, прихорашиваясь перед зеркалом, в предвкушении свидания с юной пани. За годы их совместной жизни Хеленка его хорошо изучила. Пан Ирджих всегда загорался страстью к новой женщине и почти сразу же остывал, стоило ему добиться своего. Так было и на этот раз.

- Я думал мадьярки страстные,- делился он той же ночью впечатлениями о прошедшем свидании,- а пани Мария говорила и говорила, испортила все удовольствие. Терпеть не могу,

когда во время занятий любовью женщины беспрестанно болтают! Ты, душенька, этим никогда не грешишь, поэтому я тебя так и люблю. Но пани не дворовая девка, я не могу её бросить после первого же свидания, придется еще хотя бы пару раз с ней встретиться, чтобы не обидеть!

Но пара раз растянулась на целые месяцы, пока не закончилось лето и любовникам невозможно стало встречаться из-за холода.

- Какая же она навязчивая,- тем не менее, жаловался барон Хеленке,- пани Мария осточертела мне до крайности, меня от неё уже тошнит!

- А её от вас,- скупой улыбнулась та,- сегодня был отец и сказал, что у Лукаши радость - молодая пани забеременела. Её мутит по утрам и тянет на соленое. Пани Агата и пан Януш из часовни не выходят, моля Бога о наследнике.

- Лучше бы он из спальни своей жены не выходил,- хмуро пробурчал пан Ирджих,- хотя теперь он уже, конечно, опоздал. Я что, нанялся производить детей для Лукаши? Сначала вы со своей бабкой отдали ему мою дочь, теперь его жена носит моего ребенка...

Но как Лукаши не молились, Бог остался глух к их просьбам, и пани Мария родила дочь вместо ожидаемого сына. И если мать и сын только смиренно склонили головы перед волей Всевышнего, то в замке соседа разразилась буря.

Сидящая за расходными книгами Хеленка, обреченно слушала очередной виток обвинений от своего хозяина, но теперь компанию ей составила ещё и пани Мария.

- Вот, вы со своей бабкой пристроили мою дочь в это семейство нищих, а теперь эта мадьярка опросталась девкой! Где Лукаши наберут приданное для моих дочерей?- возмущался барон,- как же мне неприятно, что мои девочки будут чего-то лишены из-за расточительности этого малахольного Януша! Благо ещё, что и в этот раз меня пригласили крестным отцом, но больше пани Мария в постель меня не затащит. Если им нужен еще один ребенок, пусть делают его сами!

Девочку окрестили Еленой.

Прошло ещё три года.

Особых событий в Черном лесу не происходило. Не считать же происшествием трех застигнутых в курятнике лисиц, да ежегодную травлю волков? Но на исходе зимы, пан Януш простудился на охоте и умер.

Хозяином покойный был никудышным, но все-таки пользовался авторитетом и среди соседей, и среди подданных. После же его смерти положение семьи начало стремительно ухудшаться. Как не билась, на всем экономя пани Анелька, дела шли плохо. Подвластная шляхта обнаглела, собранный оброк становился все меньше и меньше, а ведь ещё нужно было платить немалые налоги в казну маркграфа, церковную десятину и..., да мало ли было поводов у наглых сборщиков, чтобы обчистить карманы у бедной вдовы?

Пани Мария, оказавшись один на один с грозной свекровью, притихла и боялась слово молвить. Внучек бабка обожала, а от невестки требовала, чтобы та часами стояла в часовне на коленях.

- Вертихвостка,- жаловалась Анелька, захавшему по делам Збирайде,- не прошло и двух лет со

дня смерти мужа, а она уже готова и траур снять, блудница! Дочерей бы постыдилась! Что с ними со всеми будет, если меня призовет Господь, ума не приложу? Девчонки маленькие, сноха безмозглая курица, ни родства, ни приданого! Зачем покойный Януш на ней женился? Даже сына родить не смогла!

Барон только согласно кивал головой, кляня про себя старую дуру ведьмой и каргой. Все эти годы он помогал Лукаши и деньгами, и советами, без него они бы давно по миру пошли. Глупышка Мария, решив, что сосед это делает ради неё, сразу же пристала к бывшему любовнику с требованием, чтобы тот на ней женился.

- Только не хватало,- жаловался пан Ирджих Хеленке,- привести в дом эту настырную бабенку. Я не знал, как отделаться от мадьярки, когда был еще жив Януш, а теперь и вовсе она мне не нужна! Если бы ты в свое время, со своей ведьмой бабкой....

Экономка на время отключилась - она уже давно знала наизусть, что он ей скажет. Все-таки столько лет изо дня в день слушала одну и ту же речь, но в этот раз Збирайда закончил обвинение другими словами:

- Но как же мне вернуть под свой кров дочерей? - задумчиво нахмурил он лоб, вопросительно глядя на штопающую его рубашку женщину,- жениться, и в первую же брачную ночь придушить мадьярку?

Пани Марии барон объяснил все, конечно, по-другому.

- Дорогая, я не раздумывая сделал бы вас своей женой, и стал счастливейшим человеком на земле, если бы не связывающий меня священный обет. Я поклялся покойной жене, что не приведу сыновьям мачехи!

Понятно, что обет был делом серьезным, и огорченная вдова сразу же отстала с женьбой.

На два года еще во владениях соседей воцарилось затишье. Но как только стала вытягиваться и хорошеть Стефка, в мирной до этого семье стали разгораться нешуточные страсти. Расцветающая красота падчерицы была очень не по нраву мачехе.

- Приданого для неё нет,- заявила она свекрови,- пусть идет в монастырь!

Помешавшаяся к старости на постах и молитвах пани Анелька эту идею приняла без возмущения, хотя кое-какие возражения у неё все-таки были.

- Для знатной шляхтянки нужен заклад! Не в простые же трудницы ей идти, как простолюдинке!

- А мы попросим её крестного, пана Ирджиха, внести заклад за Стефанию,- нашла устраивающий её во всех отношениях выход пани Мария, - он не откажет нам в столь богоугодном деле.

И не откладывая дела в долгий ящик, тут же обратилась с просьбой к барону.

Не знала молодая пани Лукаши насколько была близка в этот момент к смерти. Внимательно, изо всех сил сжав зубы, выслушал просьбу сосед и, пообещав подумать, уехал домой. Впервые за пятнадцать лет совместной жизни увидел он свою Хеленку в состоянии ужаса и паники. Ей обо всем рассказал отец.

- Они со старой ведьмой загубят мою девочку! - кричала та и чуть ли не билась головой о стену.

- Успокойся,- рявкнул на холопку барон, но, увидев тоску в любимых глазах, уже мягче добавил,- я не допущу этого, даже если придется их обеих прибить!

Барон думал всю ночь, ощущая, что рядом не спит и то же переживает Хеленка.

- Спи спокойно, я знаю, что нужно делать! Все будет хорошо!

Экономка сразу же успокоилась и уснула, доверчиво прижавшись к любовнику.

Рано утром, едва забрезжил рассвет, барон появился в замке Лукаши. Отказавшись от любезно предложенной простокваши на завтрак, он прямо перешел к делу.

- Елену вы тоже собрались отдать в монастырь?

Женщины недоуменно переглянулись.

- Конечно, нет,- возмутилась пани Мария,- она еще совсем маленькая!

- А что будет, когда вырастет?

Старая и молодая Лукаши опешили, было видно насколько они поражены и сбиты с толку его странными вопросами. И тогда, обругав про себя женщин тупоголовыми стервами, Збирайда любезно пояснил:

- Лукаши - ленное владение. Стефания по праву старшинства является наследницей замка, и если она уйдет в монастырь, то и Лукаши отойдет монахам, а вы, мои дорогие, окажетесь на улице! Я, конечно, могу у вас выкупить замок, тогда хватит на вклады в монастырь для обеих дочерей покойного Януша. Но могу и просто наградить их приданным, как своих крестниц, но только при условии, что они выберут себе жениха не небесного, а земного!

А потом раздраженно наблюдал, как медленно доходит сказанное до глупых баб. И пока Мария хмурила лоб и кисло изгибала губы, пытаясь уяснить сказанное, её свекровь радостно встрепенулась. Несмотря на фанатичную веру, пани Анелька все-таки понимала, что из внучки получится плохая монахиня, да и дома на старости лет лишаться не хотелось. Зато её невестка вспыхнула от злости, она рассчитывала совсем на другое.

- Какое же приданное вы им дадите?- сухо поинтересовалась она, - надеюсь, уж Елену-то не обделите!

Дурочка чуть ли не открыто призывала его вспомнить, что он отец девчушки. Благо, что пани Анельке, в силу собственного целомудрия, и в голову не приходило, что она живет рядом с достойной кнута потаскухой.

- Они для меня одинаковы, за обеих пред Богом отвечать,- сердито заметил барон,- а приданное будет по женихам. И раз я его даю, то и женихов выбирать буду то же я! А чтобы чего не получилось (мало ли как складывается в жизни), то под заклад этих денег возьму у вас земли. Так будет надежнее!

- Да где их взять-то женихов? - тяжело вздохнула пани Анелька,- чтобы девочку вывозить, надо её одеть и не только её, но и Марию. А откуда достать денег?

- Я возьму это на себя,- пообещал им пан Ирджих, - но проконтролирую каждый грош. Я денег

на ветер не бросаю, поэтому у меня они и есть. Слушайтесь во всем моих приказов, и я обещаю вам, что в ближайшее же время наша Стефка выйдет замуж.

Не любил барон бывать при дворе маркграфа, но в этот раз смирил свой независимый нрав ради дочери обожаемой Хеленки. Встретился с нужными людьми, переговорил с теми, с другими, и добился для Стефании представления ко двору. У пана Ирджиха было много влиятельной родни, людей зависимых лично от него и, тем не менее, он и не подозревал, какое противодействие вызвала его просьба у маркграфа.

- Стефания Лукаши,- недовольно приподнял тот брови, когда его советник Бургард передал прошение,- это не Лукаши из Черного леса?

- Они самые!

- Ёё отец был плохим вассалом и больше пресмыкался перед венгерским королем, чем служил своему господину. Даже женился второй раз на мадьярке! Мне бы не хотелось привечать его сироту, подавая пример абсолютно ненужного всепрощения.

Вчера во двор Бургарта из Черного леса привезли целый воз битой птицы, оленьи окорока и три увесистых свиных туши. Нужно было отрабатывать столь щедрый дар!

- Лукаши действительно вел себя не так, как подобает,- подобострастно согласился советник,- но Бог наказал его за нарушение вассальной клятвы. Род пана Януша угас, потому как после него остались только дочери, да и разорены Лукаши окончательно.

- Зачем же мне при дворе нищая дочь дурного подданного?

- За неё просит её крестный отец, барон Збирайда.

Маркграф надменно выпятил подбородок.

- Этот гордец и упрямец?

Что было, то было! Но целый воз мяса...

- Барон богат и в своих краях весьма влиятелен! Ссориться с таким человеком крайне неразумно. И Збирайда, не смотря на свою гордость, ни в каких комплотах никогда не участвовал, налоги за своих крестьян платит исправно, и вооруженных людей поставляет по первому требованию.

Последний аргумент оказался решающим. В то беспокойное время вооруженный человек ценился выше всяких богатств, и маркграф сменил гнев на милость.

- Да, - неохотно согласился он,- в этом отношении Збирайда никогда меня не подводил. Значит, он просит меня за свою крестную дочь? А своих дочерей у него нет?

- У барона только два сына и оба сейчас учатся в Пражском университете.

- Ладно, - государь все-таки принял нужное Бургарту решение, - чтобы не ссориться с бароном я приму эту сироту, когда маркграфиня вернется с сыном из Будапешта. Надеюсь, девчонка хотя бы хорошенькая?

- По слухам, что-то необыкновенное!

- Может, красота дочери поможет мне забыть дурное поведение отца?!

Вот таким образом и был решен вопрос о появлении при дворе юной пани Лукаши.

Но пока суд да дело, и близкие пытались каждый на свой лад решить её судьбу, как же жила сама Стефка? Не очень хорошо.

Больше всех знал о том, каково ей приходится, конечно, дед Вацлав. Но он благоразумно молчал, ни слова не говоря дочери. Во-первых, не хотел расстраивать Хеленку, а во-вторых, боялся гнева барона, который мог обрушиться на всю семью Лукаши, и тогда бы не поздоровилось многим. Эконом пани Анельки никак не мог понять, почему именно Стефка пользовалась такой любовью своего отца. Внебрачных детей у барона было достаточно, и мальчиков, и девочек - все они были прижиты от дворовых девок и крутились под ногами в замке отца, не вызывая в нем никаких чувств. Судьба же Стефки волновала его даже больше, чем собственных сыновей! Наверное, дело было в чувстве, которое он испытывал к Хеленке, сделав её практически хозяйкой своего замка на протяжении долгих лет. А может, могущественного барона задело за живое, что этого ребенка у него отняли и отдали в чужие руки, даже не спросив разрешения? Немалую роль играла и редкостная красота девочки - пану Ирджиху льстило, что он произвел на свет такую дочь.

Все может быть! Но только красота имела и обратную сторону медали - Анелька, искренне любившая внучку, относилась к ней с подозрением.

- Все это от черта,- часто с опаской говорила она, поглядывая на нежные черты лица девушки, - только на грех толкает. Молись девочка, чтобы Бог дал тебе силы противостоять искушениям!

И заставляла внучку часами стоять на коленях перед распятием, постоянно выпытывая, нет ли у неё каких дьявольских, греховных мыслей? А когда однажды застала ту перед зеркалом, примеряющей головные уборы мачехи, то даже подвергла бичеванию.

С мачехой дело обстояло ещё хуже. Та просто ненавидела падчерицу. Пани Мария никогда не пропускала случая сказать девочке обидное слово, больно ущипнуть, походя, орать на неё за малейшие провинности, тайком от свекрови, конечно.

Стефка её не любила, но относилась, как к неизбежному злу с философским смирением.

Зато у непризнанного деда в каморке она чувствовала себя превосходно. Именно Вацлав научил её и читать, и писать, толковал с ней обо всем на свете, успокаивал, когда пани Мария доводила бедняжку до слез. Разговаривал с ней по-чешски, венгерски и немецки. По-хорошему, нужно было отдать девочек в монастырь учиться, но денег для этого не было. Когда же стало известно, что вскоре мачехе и падчерице предстоит появиться при дворе, пани Мария, скрипя сердцем, была вынуждена обучить падчерицу всему, что умела сама.

Барон приказал подготовить для себя и гостей свой долго пустовавший дом в Брно.

- Ты же понимаешь, сердце моё,- сказал он, расставаясь с Хеленкой,- что я не могу тебя взять с собой? Вдруг эта мадьярка что-то заподозрит!

Вся округа знала, какое место экономка занимает возле него, знали это и дамы Лукаши, но раз пан Ирджих хотел сделать вид, что никто ни о чем не догадывается, то Хелена не стала ему перечить. Впрочем, хватило его ровно на две недели, а потом он прислал за любовницей.

- Мне тоскливо без тебя, душа моя,- объяснил барон при встрече,- не с кем ни поговорить, ни

посмеяться! Как-то поймал себя на том, что обращаюсь к подушке на твоей стороне, да и о нашей девочке я могу разговаривать только с тобой.

Хеленка так и замерла от восторга. Наконец-то, она оказалась в одном доме вместе со своей ненаглядной Стефкой, и теперь сможет увидеть её вблизи, услышать милый голосок и, может быть, даже к ней прикоснуться!

- Я не могла уснуть без вас ни одной ночи, мой господин,- благодарно поцеловала она руку барона,- наша кровать напоминала мне снежную пустыню, так же холодно, мрачно и бесприютно! Я так счастлива, что вы позвали меня к себе!

БРНО.

Только прибыв в Брно, Стефания поняла, какой глухоманью были родные Лукаши. Её глаза в тот момент практически постоянно были расширены от изумления при виде высокого холма с замком Шпильберг - резиденцией маркграфа, как будто парящим над окрестностями. Девушку поражали узкие городские улицы, с нависшими над ними эркерами домов, заваленные различными товарами прилавки приветливых улыбающихся торговцев. А уж когда Збирайда привел их с мачехой в забитую рулонами тканей лавку, её восторгу не было предела. Дома Стефка бегала в домотканых платьях, или, в лучшем случае, в перешитых из старых юбок и коттах, а здесь переливались таинственным светом шелка, нежил руки, как ласковый кот, венецианский бархат, а кружева и тесьма восхищали взор причудливыми узорами. Разделяла восторг падчерицы и мачеха.

Наконец-то, пани Мария смогла уехать из опостылевшего Лукаши. Её радовала вновь обретенная свобода после стольких лет заточения в грязной деревне наедине со сварливой суровой старухой свекровью. Юность она провела в свите венгерской королевы, при дворе короля Матияша - танцевала на балах, кокетничала с красавцами- баронами, но все прошло, когда её неожиданно выдали замуж за моравя Януша Лукаши. Все было решено за её спиной - растерянную такими переменами в жизни девушку просто поставили в известность о времени венчания, не пожелав узнать её мнение о предполагаемом муже. А на что еще могла рассчитывать сирота без приданого?

Неужели Мария вновь увидит придворные празднества, любезных кавалеров, сможет надеть красивые платья, появиться хотя бы и при небольшом, но все-таки дворе моравского маркграфа? А все благодаря милости пана Ирджиха.

Мария с удовольствием вспоминала их сумасшедший роман, увенчавшийся рождением её маленькой дочери. И она была по-прежнему без ума от соседа. Какая же жалость, что он так необдуманно дал обещание покойнице-жене! Иначе, какой бы прекрасной была её жизнь с таким богатым и красивым мужчиной! Уж она бы покончила с его блажью жить в деревне, заставив перебраться его в Брно.

Пани Мария, разумеется, знала, что Збирайда уже много лет живет с дочерью эконома пани Анельки Хеленкой. Но она никогда её не видела, и никаких чувств у неё это известие не вызывало. Подумаешь, какая-то холопка-наложница! Не та это была фигура, чтобы о ней много думать.

Падчерицу она терпеть не могла, хотя и сама себе не признавалась, почему. Сама пани Мария в свои двадцать четыре года была весьма красивой женщиной. Она не раз задумывалась о том, что её большие темные глаза, черные как смоль густые волосы и аппетитная фигурка могут сослужить ей хорошую службу, если найдется состоятельный пан, которого не смутит, что она

вдова и что у неё имеется маленькая дочь. Новый брак с достойным человеком мог бы волшебным образом изменить её тоскливую жизнь, а тут рядом вдруг появляется юная красавица падчерица, и все взоры сразу останавливаются на ней. Есть от чего взбелениться! Но с другой стороны, именно благодаря Стефке, она вообще смогла выбраться из моравского захолустья.

Все её планы и надежды не были тайной для Збирайды. Пани Мария невольно проболталась перед комнатными девушками, а те были его верными осведомительницами. Барон любил быть в курсе всего, что происходит в его доме.

- Замуж ей захотелось,- усмехался он, по обыкновению разговаривая с Хеленкой перед сном,- пусть забудет даже думать об этом, пока мои дочери не будут выданы замуж! Только отчима им и не хватало, который полезет под юбки девчонок!

Барон обо всех судил со своей колокольни. Впрочем, этот недостаток присущ многим.

- Но пани еще так молода и без мужчины,- осторожно возражала экономка,- понятно, что ей хочется замуж!

- Перехочется,- резко отрезал барон,- никогда ни один посторонний мужчина не появится рядом с моими дочерьми, пока я жив! Но это значит, что мне помимо нашего ангела Стефы еще и придется приглядывать за этой мадьярской шлюхой.

Хеленка промолчала. Пани Марию она боялась и не любила, инстинктивно чувствуя в ней врага. Они уже не раз с ней сталкивались в коридорах, но пани даже и не подозревала, что степенная с пышными формами женщина лет тридцати в платье простолюдинки и есть та самая Хеленка, о которой она так много слышала. Мало ли комнатных женщин проживает в доме пана Ирджиха!

Зато сама пани Мария, попав в дом холостого мужчины, сразу же кинулась наводить в нем свои порядки. Характера она была взрывного и часто выходила из себя, раздавая направо и налево пощечины подвластным людям. Барон досадливо морщился, но пока молчал. Он у себя в доме рукоприкладством не грешил, и если и наказывал своих людей, то только за серьезные проступки.

Все закончилось мгновенно, но бесповоротно расставив вещи по своим местам.

Маркграфиня с сыном и свитой должны были вернуться в Брно к Рождеству. Портнихи срочно шили и мачехе, и падчерице платья для придворного выхода. Те часами стояли на примерках, и все дворовые девки, сбиваясь с ног, помогали мастерицам. Воспользовавшись общей суматохой, Хеленка осторожно подобралась поближе к дочери. Подавая то нитки, то ленты и булавки она смогла встать с ней рядом и даже прикоснуться к Стефке, заботливо расправляя складки и оборки на подоле. Любуясь на прекрасное нежное лицо, белокурые волосы и темно-синие глаза девушки мать чувствовала себя очень счастливой. Её дочь, её кровиночка!

Но тут что-то застопорилось в работе портних возле пани Марии.

- Что вы, коровы, все столпились вокруг панночки, когда нужны тут,- раскричалась та на служанок.

Почти все кинулись к ней, кроме Хеленки. Та даже не отнесла эти крики к себе. На неё уже почти шестнадцать лет никто не повышал голоса, разве только иногда пан Ирджих покрикивал, но совсем по-иному, без малейшего намека на злобу.

- А почему это ты встала столбом?- возмутилась пани, заметив её непослушание, - совсем вас распустил хозяин! Ну-ка, быстро ко мне! Иначе прикажу тебя выдрать розгами.

Только тут до удивленной Хеленки дошло, что мадьярка обращается к ней. Молча, она подошла к пани и поклонилась. Но что-то той в её смирении все-таки не понравилось, потому что Мария быстро и с душой дала ей несколько таких хлестких пощечин, что у Хеленки даже слезы повисли на ресницах.

- Знай свое место, холопка,- прошипела пани, с силой толкая её на пол к ногам, где портниха подшивала трен бархатного платья.

В комнате воцарилась напряженная недобрая тишина.

Пани Мария даже толком не поняла, что произошло, и когда и кто так быстро умудрился сообщить обо всем Збирайде, но только через несколько минут барон был уже в горнице. Обведя всех находящихся в комнате тяжелым взглядом, он остановил его на стоящей на коленях Хеленке, и что-то такое сверкнуло в его зоре, что дворню как ветром сдуло из комнаты. Следом, что-то почувствовав, моментально испарились портнихи.

Недоумевающая пани Мария растерянно оглянулась, она никак не могла понять, что творится вокруг неё, а когда подняла глаза на приближающегося к ней барона, то крик ужаса замер у неё в груди. Она не узнала в этом разъяренном мужчине всегда любезного и обходительного пана Ирджиха.

- Ах ты, мадьярская шлюха,- прохрипел он, сжимая руки на её горле,- да как ты посмела хотя бы пальцем дотронуться до моей Хеленки!

- Ирджичек, не надо! - в ужасе закричала экономка, в первый раз за их совместную жизнь забыв о дистанции между ними.

Хеленка кинулась к барону и попыталась оторвать его руки от уже посиневшей пани Марии. Тот раздраженно откинул её от себя с такой силой, что она упала на пол, но руки все-таки разжал. Но не успели женщины и оцепеневшая от страха Стефка перевести дыхание, как барон схватился за откуда-то взявшийся в его руках хлыст.

- Я покажу тебе, потаскуха, как угрожать моим людям розгами! - взревел он, набросившись на побледневшую от ужаса женщину, особо даже не заботясь, куда попадет.

Пани Мария закричала от боли и страха. Тут опять к пану бросилась Хеленка, и вновь он досадливо отбросил её прочь, но на помощь мачехе пришла Стефания.

- Крестный,- закричала она, бросаясь между ними,- вы же убьете несчастную!

Вид испуганной дочери охладил расходившегося от бешенства барона. Тяжело дыша, он отбросил хлыст и отрывисто приказал Стефке и Хеленке.

- Оставьте нас наедине! Быстро! Не трону я её больше!

- Вот что, дорогая,- уже мирно сказал он пани Марии,- если я еще хотя бы раз услышу, что вы здесь корчите хозяйку, то прикажу вас отправить в Черный лес, а вам на смену вызову пани Анельку. Пусть она и старая, но внучку на балы сопровождать сможет, и её одеть мне встанет значительно дешевле, чем вас! Что же касается моих людей, только посмейте на них повесить голос, и увидите, что потом будет! Запомните, вы здесь никто!

Пани Мария к Збирайде всегда относилась хорошо, даже больше, чем хорошо. Но она была дамой знатного происхождения, пусть и волей случая оказавшейся в незавидном положении, поэтому навсегда затаила жгучую ненависть за унижение, которому он подверг её из-за какой-то холопки. В представлении людей их круга подобное поведение можно было смыть только кровью. Но кто бы пролил эту кровь, если у пани Марии не было ни братьев, ни отца? Оставалось только терпеть и строить планы мщения. Збирайда прекрасно понимал чувства пани Марии, но относился к ней с таким презрением, что даже скрывать этого не пожелал.

- Пусть засунет свой венгерский гонор подальше,- заявил барон Хеленке,- со мной этот номер не пройдет! Подумай, душа моя, она осмелилась тебя ударить! Если пани ещё раз что ни будь подобное вытворит, я убью её и этим решу все наши проблемы, взяв девочек под опеку.

- Это страшный грех, мой господин,- возразила Хеленка, успокаивающе поглаживая его плечо.

- Мой господин,- насмешливо передразнил её тот,- а как ты сегодня на людях назвала меня Ирджичек?!

- Я не знаю, как у меня это вырвалось,- расстроилась и смутилась женщина,- наверное, от страха и волнения!

- Ладно, милая, не переживай, Ирджичек так Ирджичек, я разрешаю тебе иногда меня так называть, но только наедине, разумеется!- улыбнулся в ответ барон.

Представление ко двору Стефании произошло накануне сочельника.

Маркграфиня с сыном и своими придворными дамами была при дворе венгерского короля и только вернулась домой после долгой отлучки. Прибыл вместе с ней, так же старший сын и наследник принц Генрих.

Это был молодой человек двадцати трех лет с приятным лицом, каштановыми кудрями и орлиным профилем всех Люксембургов. Его свиту составляли молодые шляхтичи из самых знатных моравских родов, но он подчеркнуто предпочитал общество маркграфини, потому что всегда был более близок с матерью, чем с отцом. Они обожали болтать друг с другом, перебрасываясь шутками и остротами.

Сейчас сын и мать сидели рядом, занимаясь собаками и толкуя о перспективах охоты. Несколько дней бушевала вьюга, и заниматься любимым развлечением не представлялось возможным. Придворные дамы маркграфини и молодые дворяне из свиты наследника между тем активно флиртовали и состязались в острологии. Это не лишнее приятности времяпровождение было неожиданно нарушено распорядителем маркграфа советником Бургардтом. Тот вошел в женскую половину вместе с двумя дамами и пожилым красивым мужчиной. Барона Збирайду присутствующие прекрасно знали, а вот дамы вызвали определенный интерес.

- Пани Лукаши из Черного леса с падчерицей пани Стефанией,- представил дам Бургард.

Маркграфиня милостиво кивнула головой, приветствуя двух деревенских простушек - наличие советника при представлении говорило, что муж особо был заинтересован в этих людях.

- Я рада видеть при своем дворе таких красавиц,- снисходительно улыбнулась государыня,- но почему при дамах оказались вы, барон?- обратилась она уже к пану Ирджиху,- это ваши родственницы?

- Это мои соседки по поместью, ваша светлость,- учтиво поклонился барон,- пан Януш Лукаши давно умер, а так как пани Стефания моя крестная дочь, то долг рыцаря повелел мне помогать беспомощным женщинам в их желании выразить вам свое низжайшее почтение и восхищение вашей неувядающей красотой!

Маркграфиня с усмешкой покосилась на сына, приглашая того посмеяться над этим льстецом и с удивлением обнаружила, что Генрих, не отрывая глаз, смотрит на вновь представленных дам. Тогда уже и мать более внимательно присмотрелась к пани. Мачеха была хороша собой, спору не было, но вот падчерица! Давно, немало повидавшая маркграфиня не видела такой красавицы. Нежное с совершенными чертами лицо поражало фарфоровой изысканностью черт, темно-синие бархатистые глаза, волосы темного золота, изящная, еще до конца не сформировавшаяся фигурка. Немудрено, что сын так загляделся!

- Ваша крестница настоящий ангел,- милостиво похвалила она девушку,- подойди ко мне, дитя мое!

Смущенная Стефка робко приблизилась к нарядной строгой даме с темными насмешливыми глазами. Её до слез смущал пристальный, странный взгляд сидящего рядом с маркграфиней молодого мужчины.

- Ты любишь танцевать, милая?

- Да! - чуть слышно ответила девушка.

- Тогда я приглашаю и тебя, и твою матушку на рождественский бал!

Стефка вспыхнула от радости и удовольствия, подняв на добрую госпожу засиявшие глаза.

- Это великая честь для меня, ваша светлость!

- Я рада, Стефания, что сумела доставить эту радость,- надменно кивнула головой маркграфиня и отвернулась к сыну.

Сообразив, что аудиенция закончилась, Стефка тихонько отошла к мачехе и барону и встала с ними рядом. Они еще какое-то время постояли в стороне, пока их не вывел из зала Бургард. Но все это время Стефка ловила на себе темный взгляд наследного принца, от которого ей было здорово не по себе.

- Повезло,- облегченно вздохнул барон, выходя со своими дамами с аудиенции,- на балу ты окажешься на виду у всего именитого панства! Не может быть, чтобы твоя красота не привлекла взоры самых достойных. Останется только выбрать наиболее подходящего...

При дворе маркграфа царил легкий фривольный дух той эпохи, когда Европа уже познакомилась с открытиями Возрождения, освободившись от гнета суровой средневековой морали, а обратный процесс сворачивания всплеска человеческого духа, который явил миру титанов мысли, еще не начался. До откровенного разврата, конечно, не доходило, но определенная вольность все-таки была. Маркграфиня сквозь пальцы смотрела на шалости своего сына и с придворными дамами и со смазливими горожанками.

- Вы совсем разбаловали принца,- не раз выговаривал ей супруг, не одобрявший этих развлечений, считая, что наследник мог бы заняться и более серьезными делами, чем флирт и охота.

- О,- с кокетливой улыбкой отвечала жена,- молодость явление приходящее и быстротечное! Генрих ещё успеет поседеть за государственными делами и нажить такие же морщины, как и у вас, мой друг!

Но женщина она была далеко не глупая и неплохо разбирающаяся в людях.

- Я вижу, Генрих,- заметила маркграфиня, спустя некоторое время после того, как барон с дамами покинули зал, - что юная Лукаши тебе приглянулась?

- Приглянулась,- фыркнул тот,- она мне запала в самую душу! Какая красавица!

- Да, девушка очень хороша,- согласилась мать,- и я понимаю, что пока король Матиаш и твой отец решают на какой королевский двор обратить нам внимание в поисках руки принцессы, тебе нужна подружка. Но это не тот случай!

- Почему?- недовольно приподнял брови Генрих,- кто такие эти Лукаши, кто о них, что и когда слышал? Наверняка, какая ни будь голытьба с хорошей кровью! Насколько я понял, Стефания сирота без отца и матери, такая за честь должна посчитать мои чувства к ней!

- Конечно, мой мальчик,- охотно согласилась со своим отпрыском маркграфиня,- твоё расположение для неё великая честь. Но ты не обратил внимания на одну маленькую деталь - крестный отец девушки барон Збирайда. Это не тот человек, крестницу которого можно обидеть безнаказанно. Он один из самых влиятельных вассалов твоего отца и если ты поссорись с ним, маркграф будет в гневе!

Генрих промолчал в ответ. Мать не могла поручиться, что принц безоговорочно принял к сведению её аргументы, но что он все-таки будет более осмотрительным, она не сомневалась.

- Когда приезжает из Италии твой наперсник, граф Ярослав Палацкий?- перевела она разговор на другое.

- Я ожидал его сегодня, но очевидно буря застала графа где-то в горах. Но надеюсь, что к балу он прибудет. Ох, матушка, я так по нему соскучился, без Ярослава все развлечения скука смертная.

Маркграфиня усмехнулась, искоса глянув на сына. Граф Ярослав Палацкий был богатым и влиятельным вельможей, его ленные владения занимали немалую долю маркграфства. Рано оставшись без родителей, он воспитывался во дворце, вместе с принцем, хотя и был его на несколько лет старше. Они немало покуролесили и набезобразничали на пару. Когда до маркграфа дошло, что его сын и крестник разыгрывают хорошеньких горожанок в кости и спят с ними по очереди, он так разозлился, что приказал последнему отправляться на учебу в падуанский университет. Тот вынужден был подчиниться, два года послушно изучал латынь и право, а потом его потянула непонятно куда жажда странствий. Граф целых два года скитался по Италии, Франции, Испании, Германии, присылая отовсюду достаточно забавные и занимательные письма о своих впечатлениях. И вот теперь ему наконец-то разрешили вернуться домой. Генрих весь извелся от нетерпения, дожидаясь своего приятеля.

В первый день рождества в доме барона Збирайды царил радостная суэта. Пани одевали к балу. Стефания волновалась и места себе не находила от тревоги. Одно дело танцевать дома с мачехой и сестрой, другое - у всех на глазах во дворце, а вдруг что-то не получится?!

Второе, что беспокоило, лишая покоя и заставляя странно замирать сердце, был взгляд, которым смотрел на неё принц. Стефка не раз ловила на себе восхищенные взгляды мужчин,

она прекрасно знала, что красива и нравится лицам противоположного пола. Но в этом взгляде не было привычного любования, он был какой-то уж слишком откровенный и даже неприятный. Бабка Анелька ей так долго вбивала в ум понятие о грехе, как о самом омерзительном и тяжелом, что есть на свете, так долго морочила голову тем, какие опасности ждут девушку от мужчин, стоит им только высунуть нос за ворота родного замка, что она поневоле представляла себе, как он выглядит. Это было что-то черное, извивающееся, лохматое и с неприятным запахом серы и гнили, потому что вело несчастную заблудшую душу напрямиком в ад. Но, встретившись несколько раз взглядом с глазами принца, девушке вдруг пришло в голову, что грех может выглядеть и по-другому, в виде приятного симпатичного мужчины с темными глазами. Но, став пригляднее на вид, он от этого не стал менее опасным!

В парадной зале Шпильберга в тот день собралось такое количество народа, что наши героини затерялись в шумной толпе именитого панства.

Стефка опасливо искала глазами принца. Генрих находился неподалеку от тронного возвышения в компании молодого мужчины. Что-то в одежде и манере поведения незнакомца выдавало в нем человека, приехавшего издалека.

К облегчению девушки, принц никакого внимания на неё не обращал, и вообще, наверное, вряд ли заметил её присутствие. Вон сколько красавиц собралось сегодня под старинными сводами огромной рыцарской залы, с чего бы он помнил о простой деревенской девчонке?! Впрочем, долго рассуждать на такие темы девушке не дали - какой-то пан пригласил её на танец и она, взявшись с ним за руки, встала в ряд, исполняя медленные па под заунывные звуки маленького оркестра на хорах бальной залы. Напряженно следя за тем, чтобы не ошибиться и не сбиться с такта, Стефка выпустила из виду и так волновавшего её молодого человека, и уж тем более, его собеседника. Между тем, их глаза как раз остановились на ней.

- Девушка в синем бархатном платье с кружевным энненом на голове,- показал Генрих кивком головы на танцующий зал,- из-за низко опущенной вуали лицо видно плохо, но уверяю, там есть на что посмотреть!

- Конечно, глядя отсюда, трудно, что ни будь определить,- произнес в задумчивости Ярослав, отыскав глазами тонкую фигурку юной пани,- но двигается эта девочка приятно. Ладно, я приглашу её на следующий танец, а потом скажу, стоит ли тратить на неё усилия!

Каждая девушка мечтает о возлюбленном и, так или иначе представляет его себе. Пусть смутно, неопределенно, но все же мысленно рисует портрет того единственного, который должен прийти и покорить её сердце. В воображении Стефки это был высокий черноволосый и чернобородый красавец с синими глазами и обворожительной улыбкой, немного похожий на крестного отца, барона Збирайду, по которому давно уж сохла её мачеха, пока он не угостил пани Марию хлыстом.

Человек, который сейчас шел к ней, никакого сходства с воображаемым идеалом не имел. Был светловолос и сероглаз, бороду не носил вовсе, но что-то было в чертах его лица такое, что сердце девушки сначала сладко замерло, потом ухнуло вниз, а затем так громко забилося, что она сразу поняла: Он!

Молодой мужчина поклонился и подал руку, приглашая на танец. Очарованной девушке показалось, что время странно замедлило свой бег, когда она, неуверенно заглянув в серые лучистые глаза, подала ему ладонь и задвигалась под музыку. Смятенный ум отмечал какие-то мелочи - темно-бордовое бархатное котарди, расшитое золотом, нагрудную цепь с эмалевым

гербом на груди, круглый бархатный шаперон на волнистых русых волосах... Её заворожил, лишил разума внимательный ласковый взгляд из-под густых бровей, от которого горячо таяло сердце.

Что со мной происходит?- в растерянности думала Стефка, с трудом заставляя себя отвести глаза от партнера. Девушка одновременно желала, чтобы сводящий её с ума танец закончился, и в то же время ей хотелось ощущать под своей ладонью его крепкую и сильную руку. В общем, к тому моменту, когда музыка умолкла, Стефания окончательно потеряла голову от стыда, смущения, волнения и тревожного счастья.

Незнакомец отвел её к барону, раскланялся и отошел прочь.

- Надо же,- проворчал недовольный Збирайда,- граф Ярек появился из дальних странствий, и не раньше не позже, как к твоему первому балу! Еще тот прохвост и распутник! Пусть только сунется, я ему быстро бока обломаю. А тебе, я заметил, он пришелся по душе, моя кошечка?

- Кто это, крестный?- в ответ поинтересовалась Стефка, потому что мало что поняла из речей Збирайды.

- Отчаянный сорвиголова, близкий друг наследника! Они так четыре года назад отличились, что у маркграфа лопнуло терпение, и он изгнал распутника из Моравии. Но, видимо, в конце концов, сменил гнев на милость, раз Ярек тут.

Стефка еще хотела поговорить о графе, но её вновь пригласили на танец.

Между тем, на другом конце зала обсуждали саму пани Лукаши.

- Ну, как она тебе?- заинтересованно расспрашивал приятеля принц,- понравилась?

- Понравилась,- задумчиво улыбнулся тот,- бесхитростная девушка, вся как на ладони! Но из таких пани получаются хорошие жены, матери семейства, но никак не занимательные, страстные любовницы. В постели с ней, скорее всего, будет скучно! Такая совершенная красота, как правило, является признаком определенной холодности. Я не заметил в пани Лукаши ни скрытого огня, ни кокетства, ни затаенной страсти, только холодная высшая красота, как на витражах соборов. Она проста и незатейлива, как хлеб.

- Может, ты просто плохо смотрел? - с иронией заметил Генрих, и они оба рассмеялись.

- Что мешает тебе рассмотреть получше? - усмехнулся Ярек,- пригласи её потанцевать, да попробуй, разговори. Мы с ней молчали, как два монаха-трапписта!

Заметив приближение принца, Стефка сжалась от неловкости. Она его боялась, и танцевать с ним не хотела, но и отказать было невозможно. Робко подав руку, девушка застенчиво поникла головой.

- Вы любите танцевать?- между тем поинтересовался принц.

- Да!- односложно ответила Стефка.

- Что вы еще любите делать, помимо танцев?

- Гулять по лесу, вышивать..., да мало ли дел! Но почему это интересует такую высокопоставленную персону, как вы, ваша светлость?

- Молодой мужчина всегда интересуется занятиями очаровательной пани!

- Я слишком незначительная особа, и не стою вашего внимания!

- Разве девушке, чтобы заинтересовать мужчину нужно быть значительной и высокородной? Разве синие глаза, золотые кудри и подобные бутонам роз губы не более прельстительны, чем самые гордые гербы и титулы?

- Право слово, вы льстите мне!- не удержалась от улыбки Стефка.

Подобные слова ей были приятны, хотя мало нравился собеседник. Хотя, где уж ей было тягаться в остроумии, с поднаторевшем в таких играх принцем!

- Красота делает любого мужчину рабом женщины независимо от того, кто она! Король и пастушка, королева и паж... Женщина правит, используя свою очаровательную власть над мужским сердцем. Никаких преград не знает любовь, равняя всех - и герцогинь, и судомоек. А вы уже poznali её силу?

Стефка удивленно вздрогнула. Как умудрился их внешне вполне безобидный разговор стать столь бесстыдным?

Не так уж она была наивна, чтобы не сообразить, что его высочество обхаживает её? Но зачем? Не мог же принц настолько забыть по отношению к порядочной девушке? Все это смущало Стефку, сбивало с толку, и ей хотелось, чтобы скорее заглохла музыка, и высокородный партнер оставил её в покое.

- Это, конечно, Диана,- поделился принц впечатлением с другом,- с колчаном и стрелами, но я не заметил ничего мешающего сотворить из неё, как из пены морской, любвеобильную Венеру!

- И, однако, такое препятствие есть,- сухо заметил Ярослав,- это её крестный, барон Збирайда, который никогда и ничего не слышал ни о Диане, ни о Венере, но из своей крестницы блудницу сделать не даст!

Но принца не остановили доводы приятеля, наоборот, чем значительнее становились препятствия, тем больший азарт он испытывал.

- А Збирайда об этом ничего не узнает! Если все продумать хорошенько, можно воспользоваться девчонкой и без его ведома. Видишь, рядом с пани черноволосую красотку не первой свежести, это её мачеха. Мачехи и падчерицы, как правило, никогда не ладят, надо прощупать эту бабенку, не окажется ли она нам полезной?

- Что вы задумали Генрих?- настороженно поинтересовался граф.

Принц разочарованно глянул на приятеля - раньше Ярек понимал его с первого же намека.

- Ничего из рук вон выходящего, - фыркнул он,- мне захотелось узнать, кто скрывается за этим синим безмятежным взглядом? И кто из нас прав? Ты, считая её холодной возвышенной натурой, или я, думая, что Стефания прирожденная шлюха с внешностью ангела! И не вижу серьезных препятствий в установлении истины. А ты, мой лучший друг, сможешь мне удовлетворить любопытство. Я думаю, это будет презабавное приключение!

У Палацкого окаменело лицо, впрочем, он растянул губы в улыбке.

- В чем же будет заключаться моя помощь?

Генрих пожал плечами, прищуренными глазами наблюдая за танцующей Стефанией.

- Надо подумать! Для начала поухаживай за её мачехой! Пригласи на пару танцев, наговори комплиментов, расположи к себе эту глупую бабенку. Думаю, это будет несложно, пани Мария поедает глазами всех мужчин на балу.

ЯРОСЛАВ И СТЕФАНИЯ.

Збирайда выходил из себя, глядя на пустую половину кровати. Ему не терпелось рассказать Хеленке обо всем, что было на балу, а эта женщина неизвестно где болталась, вместо того, чтобы давно уже лежать рядом. Он уже хотел послать холопа на её поиски, когда дверь скрипнула и взволнованная экономка показалась на пороге.

- Что происходит с нашей девочкой, мой господин?- обеспокоенно спросила она, присаживаясь на край кровати.

- А, ты у Стефки была? Я-то уже злиться начал, думая, где это ты болтаешься,- недовольно проворчал Збирайда,- как там она?

- Я помогала раздеться нашей ласточке! Думала порадоваться за неё, ведь это первый бал, а Стефка такая грустная и подавленная, что у меня сердце чуть не разорвалось!

Вот теперь и Хеленка расстроилась, а какой прок от женщины в постели, когда у той душа не на месте?

- Черт бы взял этого графа Ярека,- досадливо выругался пан Ирджих,- принесла его нелегкая на нашу голову! Все было хорошо, пока этот молодчик не пригласил дочку танцевать, а она как глянула на него, так и глаз оторвать не смогла. Стефка еще совсем ребенок, по её лицу, как по открытой книге читать можно. Вот так сразу взяла и влюбилась!

Скатывавшая чулки Хеленка недоуменно наморщила лоб.

- Но почему она такая грустная, этот граф обидел её?

- На свой лад,- тяжело вздохнул барон,- протанцевав с ней один танец, почти весь остаток вечера прокрутился, как бычок на веревочке, вокруг пани Марии. Бедняжка Стефка сразу сникла и погасла. И только унаследованная от тебя сдержанность, родная, помогла ей сохранить лицо в этой ситуации и не разреветься, как малому ребенку.

Это было нечто выше понимания всегда логично рассуждающей женщины, и она замерла с наполовину снятым чулком в руке.

- Пани Мария? Она, конечно, очень красивая женщина, но чтобы предпочесть её Стефке? Здесь что-то не так!

- Меня и самого это удивляет,- нехотя признался пан Ирджих,- но самое главное, я заметил несколько заинтересованных взглядов, которые кинул на Стефку принц, и это меня встревожило!

Хеленка плохо знала нравы принцев, наивно думая, что их высокое положение сродни

святости. Простолюдины всегда завышенного мнения о благородстве королей! Отсюда и такое количество сказок о добрых государях, хотя подобных никогда не существовало за всю историю человечества.

- Сам принц заметил нашу девочку?- благоговейно ахнула восторженная женщина.

Пан Ирджих подобными иллюзиями себя никогда не тешил, поэтому только снисходительно хмыкнул, с пренебрежением покосившись на любовницу.

- Что же Генрих, глаз что ли не имеет? - угрюмо заметил он,- такой же мужчина, как и все! Но слава у него плохая, и небезопасно для любой девушки в маркграфстве обратить на себя его внимание. Отец борется, как может с разнузданностью принца, но на стороне Генриха мать, высокородная дама из Саксонии, а там всегда женщины себе слишком много позволяли!

Хеленка разделась и юркнула под одеяло, и хотя она больше ни слова не сказала барону, тот знал, что она взволнована и выведена из себя.

- Черт бы побрал этого Ярека,- вновь чертыхнулся Збирайда,- принесла его нечистая на нашу голову, шлялся бы себе и шлялся по дальним землям! Одна морока...

А Стефка в первый раз за всю свою жизнь провела бессонную ночь, и вся её подушка была мокра от слез обиды. Память услужливо подсовывала то ласковые глаза графа, то улыбку, обращенную к мачехе, то торжествующее лицо пани Марии. Ей было очень плохо и горько, и к утру она окончательно влюбилась.

## ДРУЗЬЯ.

Иногда бывает, что два человека были дружны, любили вместе проводить время, с нетерпением ждали встречи, а, увидевшись, вдруг с горьким разочарованием убедились, что время прошло, они изменились и им больше нечего сказать друг другу.

Принц обожал общество Ярослава, часто вспоминал их веселые пирушки и выходки, скабрзные развлечения и длинные разговоры за кружкой вина. Все годы вынужденной разлуки ему не хватало веселого цинизма приятеля, его умения найти выход из любой ситуации, исполнить даже самое безумное желание. И вот долгожданная встреча состоялась.

Приятель, как и раньше, закатили веселую пирушку с не менее веселыми девушками, но уже через полчаса Генрих понял, что его друга это забавное безобразие не интересует так, как раньше. Пил Ярек умеренно, на девок вообще не обратил внимания, рассеянно хлопнув одну из них по заду, как будто и сделать с ними больше было нечего, зато много говорил, и про вещи совсем неподходящие для дружеского застолья.

Принц с вежливым вниманием, поигрывая бокалом с вином, уныло слушал рассуждавшего о высоких материях Ярослава. Имена Николы Кузанского, Плифона, Лоренцо Валло и Паджо Брачиоли срывались с губ приятеля так же легко, как клички охотничьих собак с уст самого Генриха.

Да, Палацкий изменился, посерьезнел, набрался впечатлений и знаний, и уже по-другому смотрел на жизнь. Тому, кто любит философию и увлекается новейшими течениями в богословии, вряд ли захочется ворваться в дом, какого ни будь бургера, и, напугав до полусмерти, подпалить полог на кровати или вывалить содержимое горшка на голову его дородной жены! Теперь компания Ярослава годилась разве для посещения философских

диспутов - Генрих почувствовал острое разочарование.

- Ярек повзрослел и остепенился,- с улыбкой заметила мать на следующий день, услышав горькие сетования сына,- скоро и ты поймешь, что веселое времяпрепровождение не главное в жизни, хотя мне бы хотелось, чтобы это произошло нескоро. Остывающая кровь признак старости и угасания желаний!

- За то, что моим желаниям грозит угасание, можно не волноваться,- рассмеялся сын, почтительно целуя руку матери,- я сильно увлекся этой малышкой Лукаши. Не откажите ли мне в любезности помочь нашим встречам, приглашая её вместе с мачехой ко двору?

Маркграфиня недовольно поморщилась.

- Я уже говорила с тобой, мой мальчик, о бароне Збирайде!- укоризненно напомнила она.

Генрих с шутовски преувеличенным возмущением округлил глаза.

- Что вы, матушка! Мое чувство к девушке чисто платоническое. Ярек сказал, что её красота напоминает витражи в соборах, а это, согласитесь, не объект для преступных вожделений!

- Генрих, не заиграйся! Мне надоело покрывать твои выходки перед отцом!

Тем не менее, и пани Мария и Стефка получили высочайшее приглашение примкнуть к свите маркграфини. На барона это приглашение, понятно, не распространялось, и тот был вынужден, скрепя сердцем, отпускать своих женщин во дворец одних.

- Запомните, Мария,- хмуро пригрозил он пани Лукаши,- самая главная ваша обязанность заключается не в том, чтобы строить глазки графу Ярославу, а чтобы ни на секунду не спускать глаз с вашей падчерицы! Если вы что-нибудь упустите, и из-за вашей расхлябанности честь девушки пострадает, клянусь, что вы всю жизнь потом будете расплачиваться за эту ошибку!

Но женщина лишь только метнула на него быстрый взгляд из-под ресниц и промолчала. Жизнь пани Марии чудесно изменилась с появлением в ней графа Палацкого. Те знаки внимания, которые он ей оказывал, недвусмысленно указывали на серьезное чувство с его стороны.

Как и всякая женщина, она тут же заметила, что падчерице понравился этот белокурый великан, и то, что он предпочел красавице Стефке её, наполняло душу Марии ликованием и ожиданием счастья. Что ей были угрозы Збирайды, когда она могла стать графиней Палацкой - любимой женой богатейшего моравского вельможи, да ещё такого красавца!

Надо сказать, что основания для торжества у неё были - Ярослав делал все, чтобы уверить вдову в своих чувствах. Он постоянно крутился возле обеих Лукаши, отпуская комплименты одной и подчеркнуто игнорируя другую, от чего последняя впадала в состояние угрюмости и печали.

- Мы так грустны,- однажды подсел к вышивающей Стефке принц,- в чем дело? Вам скучен наш двор? Может позвать шутов и менестрелей, чтобы увидеть улыбку на этих прелестных устах?

Разумеется, правду Стефка ему сказать не могла, но сочувствие такого высокопоставленного лица к её бедам невольно расположило девушку к нему. Разбитое сердце всегда нуждается в участии!

- Я скучаю по дому, ваша светлость,- со вздохом призналась она Генриху,- прошло уже более двух месяцев, как я в Брно. Здесь, конечно, очень интересно - много лавок, домов и людей, да и не скучно никогда. Но сейчас конец февраля, и в Черном лесу появились проталины, везде пахнет весной и свежестью, а в городе вечный дым, да запахи нечистот!

- Да,- покладисто согласился принц,- в лесу сейчас хорошо. Но наст режет ноги лошадям и охоту приходится откладывать, да и мех у зверья плохой в эту пору.

Они еще немного поговорили на эту тему. Генрих вел себя настолько деликатно и одновременно почтительно, что обычно настороженная Стефка оттаяла и даже заулыбалась, поневоле все чаще и чаще встречаясь с собеседником глазами. Принц по-своему оценил это проявление доверия со стороны робкой девушки.

- Как у тебя дела с вдовушкой?- деловито спросил он друга, едва отойдя от юной пани,- готова ли она тебя пустить в свою опочивальню?

Ярек вздрогнул, с опаской посмотрев на порядком возбужденного приятеля. Он не знал, о чем тот разговаривал со Стефанией, но эта встреча спровоцировала в нем новый приступ похоти.

- Пани Мария, может, и готова, но как это сделать?- осторожно возразил граф, - в доме Збирайды, наверняка, народу больше, чем горошин в стручке!

Но принц только снисходительно похлопал его по плечу. В его темных глазах разгорался хорошо знакомый Ярославу по прежним выходкам дикий огонь азарта.

- На дворе весна, - самоуверенно хохотнул он,- не выдержит Збирайда, и хоть на несколько дней, но посетит свое поместье! Вот ты и договорись с пани на это время о встрече, а когда та тебя впустит в уснувший дом, обезвредишь её и откроешь мне дверь! А дальше, - принц сладострастно улыбнулся, - я справлюсь сам!

Палацкий не смог сдержать возгласа шокированного изумления. Одно дело, задрать подол какой-нибудь дочке пекаря, ворвавшись к ней в дом накануне свадьбы, другое дело, сделать то же с крестницей Збирайды! Здесь жалобами городского капитула не отделаешься, строптивый барон мог пойти открытой войной на оскорбившего его господина, а за ним потянутся вечно недовольные властью северные кланы, и тогда... спаси Господь их многострадальную Моравию! Но разве докажешь что-либо избалованному сумасброду Генриху? Он привык всегда получать свое, даже ценой мира в собственной стране! И, однако, Ярослав сделал осторожную попытку образумить зарвавшегося принца.

- Барон никогда не простит такого бесчестья, и ваш отец может сурово наказать нас за эту шалость! Изгнанием уже не отделаешься!

Но Генрих только отмахнулся.

- Стефания от стыда и страха будет молчать, и никому ничего не расскажет! Пани Мария, надо думать, тоже в рот воды наберет, разве только уж совсем ума лишится!

Долго раздумывал Ярослав над создавшейся ситуацией, взвешивал все за и против, и наконец-то решил действовать.

Недолюбливавший Палацкого Збирайда был неприятно удивлен, когда ему передали, что тот просит о тайной встрече. Он как раз осматривал на конюшне свою приболевшую лошадь, и ко

всем неприятностям ему не хватало только прихвостня Генриха.

- Какого черта нужно от меня этому распутнику и богохульнику! Уж не руки ли пани Марии пришел просить? - нахмурился он, но все-таки вытер запачканные руки и вышел к непрошенному гостю.

Прошло всего несколько минут разговора, и барон сменил гнев на милость по отношению к молодому человеку.

- Я люблю вашу дочь,- говорил ему взволнованный до крайности Ярослав,- и думаю, что она ко мне тоже равнодушна, но слишком опасно было проявлять свои чувства, потому что Стефания очень интересует принца. Генрих вбил себе в голову мысль обесчестить вашу крестницу, и как я не отговаривал его от этого шага, не желает ничего слушать! Можно, конечно, отказаться во всем этом участвовать, но тогда бы мы не знали, что принц задумал. А охотник всегда придумает ловушку для ценного зверя!

У Збирайды от гнева чуть не случился припадок, по крайней мере, его лицо приобрело свекольный оттенок, и он несколько минут не мог произнести ни слова, от охватившего его удушья.

- Ах, мерзкий щенок,- в конце концов, яростно взревел барон, едва обретя дыхание,- сейчас же пойду к маркграфу и открою глаза на поведение наследника!

Вот этого Палацкий и больше всего боялся.

- Этого делать ни в коем случае нельзя,- категорически возразил он,- злить и восстанавливать против нас принца крайне опасно! Ведь жизнь кончается не завтра! А ну как заболит маркграф и отдаст Богу душу, что будет со всеми нами? Опала? Немилость? Не придется ли нам со Стефанией бежать с родной земли, чуть ли ни в чем мать родила?

- Но что же делать?- окончательно растерялся барон,- как отбить охоту этому юнцу увиваться за моей крестницей?

- Давайте действовать его же методами,- тяжело вздохнув, предложил Палацкий,- обманом Генриха!

И мужчины начали кропотливо обсуждать план действий.

- Подслушивала?- спросил ночью Хеленку барон.

- Да, мой господин,- не стала скрывать она,- все это время простояла за дверью, слова не пропустив!

- И как тебе граф?

Хеленка радостно ткнулась носом в его плечо.

- Весьма красивый и достойный юноша, другого бы наша дочь не полюбила!

- Мне он тоже понравился,- нехотя признался барон,- и пусть он порядочный шалопай, но судя по всему, сердце у него благородное!

Женщина помолчала, раздумывая, и когда барон уже засыпал, неожиданно перебила ему сон.

- Меня во всей этой истории больше всего почему-то тревожит даже не принц,- озабочено заявила она,- а пани Мария. Не слишком ли было жестоко так играть её сердцем со стороны графа?

Вот ещё только чувствами пани Марии не забивал Збирайда своей и без того пухнувшей от проблем головы.

- Ты же слышала, что Ярослав это сделал по приказанию принца!- раздраженно повернулся он на другой бок.

Но лежащую рядом женщину не смутила эта демонстрация недовольства.

- Может, всё и так, - усомнилась она,- но пани Мария об этом не знает!

- Да плюнь ты на мадьярку, далась она тебе,- зевнул пан Ирджих,- что ты гудишь, как шмель над цветком над моей несчастной головой. Тю, баба, спать!

- Не могу,- честно призналась Хеленка,- боюсь мести пани!

- Вот, дурочка,- ругнулся барон,- мадьярки боится, а меня доводить своими глупостями не опасается! Ещё слово, и я не поленюсь встать и отходить тебя по мягкому месту, чтобы спать не мешала!

Угроз Збирайды Хеленка не боялась, хотя не стала его больше беспокоить, но на следующий день она уже плотно обосновалась возле своей дочери, презрев все остальные обязанности экономки. Только она, её мать, могла защитить свою кровиночку от всевозможных козней коварной мадьярки.

ГЕНРИХ.

В один из дней конца февраля граф Палацкий сообщил принцу, что барон уезжает на несколько дней к себе в имение. Пани Мария согласна впустить его в дом и все готово к осуществлению коварного замысла.

Довольный принц тут же подошел к Стефке.

В последнее время отношения между ними выровнялись - принц часто подходил к девушке во время посещений покоев матери, чтобы сказать ей пару-тройку замысловатых комплиментов, а так как он таким образом оказывал внимание ещё с десятку девушек, Стефанию это не волновало. Генрих вел себя с ней осторожно, но сегодня у него появилось желание смутить юную пани. Близкое осуществление заветного желания сделало его веселым, и он не собирался больше скрывать свою дерзость перед этой глупой девчонкой.

- Как чувствует себя пани Стефания, она больше не склонна скучать?- игриво улыбнулся он,- не собираетесь ли вы посетить родные края? Я слышал, ваш опекун собрался в свой замок?

- Нет, к сожалению,- вздохнула девушка,- крестный не берет меня с собой.

- Какое счастье! Лишившись такого украшения, наш двор бы потерял половину своего блеска. От одной мысли, что я хотя бы временно буду лишен возможности любоваться вашими прелестями, у меня сразу же падает настроение, и я погружаюсь в беспросветную тоску.

За несколько месяцев пребывания при дворе, Стефания пусть не приобрела придворного лоска,

но все-таки уже знала, что нужно говорить в таких случаях.

- О, я не сомневаюсь, что найдется немало красивых пани в свите вашей матушки, которые рассеют вашу тоску и печаль!

- Но глаза ни одной из них не сулят влюбленному такого блаженства, как ваши,- таинственно понизил голос Генрих.

- О каком блаженстве идет речь?- недоуменно приподняла брови Стефка, решив, что это очередной мудреный оборот слов.

Неожиданно принц нагнулся совсем низко и, опалив девушку темными глазами, тихо, только для неё одной, прошептал:

- Я говорю о блаженстве, которое дарует ваше восхитительное тело будущему возлюбленному!

Стефка залилась краской смущения, онемев от стыда. Она никогда ещё не слышала таких откровенных непристойностей. Уткнувшись в вышивку, расстроенная девушка решила сделать вид, что оглохла, но принц уже сказал все, что хотел, и, посмеиваясь, отошел от неё. Он собирался припомнить этот разговор ночью, когда проникнет в спальню Стефании. В предвкушении опасного приключения у него приятно волновалась кровь, и было превосходное настроение.

От пани Марии молодые люди уже знали, что в доме остается всего лишь несколько человек прислуги, что все они спят в людской, и что доступ в спальни пани никем не охраняется, а кого было бояться Збирайде в собственном доме?

Поздней ночью молодые люди подъехали к дому. Принц с несколькими самыми доверенными людьми из личного окружения затаился на соседней улице. Но со своего места ему было хорошо видно, и как граф стукнул условным стуком в калитку, и как ему открыли.

Генрих знал, что ему на промозглой улице ждать придется долго, но его желание овладеть Стефанией было настолько велико, что от нетерпения он не чувствовал ни мокрого со снегом ветра, ни долго тянущихся минут.

И тут случилось нечто непредвиденное - из усадьбы послышался шум, крики, отзвуки скандала. На улицу высыпала вооруженная дворня, и недоумевающему и злому принцу из осторожности пришлось убраться восвояси, так и не дождавшись Ярослава.

Всю ночь Генрих ждал известий от приятеля, мечась в волнении по своим покоям. Одного за другим посылал он своих людей в дом приятеля, но тот почему-то не торопился. Встреча произошла уже после обеда, когда граф, наконец, соизволил появиться в Шпильберге. Генрих к тому времени весь извелся от нетерпения

- Что случилось этой ночью? - набросился он на Ярослава,- почему в доме оказалось так много народа?

Тот замялся, пряча глаза от пронизывающего взора принца, но потом все-таки неохотно признался:

- Оказывается, барон не смог пробраться через перевал в родные края, потому что в горах сейчас бушует ураган, и поздно вечером внезапно вернулся домой!

- И?

- Все были порядком вымотаны и свалились спать, вот пани Мария и подумала, что сможет меня впустить, и никто не проснется, но она ошиблась! Когда мы пробирались по коридору в её покои, навстречу нам вышел барон, собственной персоной! Пани пискнула и исчезла, а я оказался с ним один на один! - граф сдержанно перевел дыхание и быстро договорил, - что дальше было, с трудом поддается описанию! Убедить Збирайду в том, что я не хотел обесчестить его крестницу, оказалось невозможным, поэтому мне ничего не осталось, как предложить пани Стефании руку и сердце...

Произнеся последнюю фразу Ярослав замер, потому что Генрих не просто стал багровым от ярости, у него перекосило ненавистью лицо.

- Почему же ты не объяснил, что шел не к падчерице, а к мачехе?- наконец, отдышавшись, процедил он сквозь зубы.

Граф с наигранным недоумением посмотрел на принца.

- Жениться на вдове без гроша за душой, с ребенком и далеко не первой свежести? Нет уж, если и надевать на себя это ярмо, то только ради молодой и красивой. Неужели, Генрих, ты бы от меня потребовал такой жертвы?

Станный вопрос, конечно, потребовал бы! И тот и другой собеседник это знали, но одно дело думать, другое говорить. До такой степени, Генрих ещё не обнаглел.

- Значит, ты теперь жених юной Лукаши?- криво усмехнулся он.

Пряатель, виновато улыбнувшись, смущенно пожал плечами.

- Я знаю, Генрих, как ты был ей увлечен, но, в конце концов, Стефания не единственная красивая девушка на свете, найдутся и другие, не менее привлекательные.

Они помолчали. Один с нарастающим ледяным гневом, другой, с вполне оправданной опаской.

- Когда же свадьба?- мрачно поинтересовался Генрих.

- Этот вопрос будет решать маркграфиня, ведь Стефка сейчас состоит в её свите. Сегодня вечером Збирайда встретится с государыней по этому вопросу.

Генрих согласно кивнул головой, и перевел разговор на другое. Если бы Ярослав не был так взволнован и счастлив одновременно, что может прекратить так надоевшие ухаживания за пани Марией и, наконец, приблизиться к любимой девушке, то может, и заподозрил в этой сдержанности недоброе. Но этого не произошло, и граф искренне посчитал, что все его неприятности теперь позади, а принц немного подует, да смиритсЯ с неизбежным. Он бы понял, как ошибается, если бы услышал разговор Генриха с матерью.

- Сегодня Збирайда будет просить вашего разрешения на венчание его крестницы с графом Палацким,- мрачно осведомил принц маркграфиню,- он бы её выдал замуж хоть завтра, но я вас прошу оттянуть это событие, насколько возможно!

Женщина изумленно вздернула брови.

- Что же я ему скажу?

- Скоро Великий пост - осталась неделя! Поясните Збирайде, что это время больше подходит для молитв, чем для свадеб!

- Хорошо,- недоуменно пожала плечами маркграфиня,- только, что это тебе даст? Они все равно поженятся!

Она видела, как расстроен сын из-за смазливой деревенской девчонки, и полагала, что его увлечение блажь, но не посчитала нужным отказывать единственному сыну в такой безделице. Вот только, какой в этом был прок?

- Не знаю,- тихо и задумчиво ответил принц,- пока не знаю... Но я обязательно что-нибудь придумаю, чтобы сорвать эту свадьбу! Не допущу, чтобы меня обманывали безнаказанно!

- Почему ты считаешь, что тебя обманули? И вообще, что случилось?

- Ничего особенного, но я подозреваю, что из вашего сына сделали болвана! И обязательно узнаю, каким образом граф Ярек получил руку пани Стефании, - недобро усмехнувшись, пообещал он матери.

Отсрочка венчания расстроила и Збирайду и графа. Инстинктивно они чувствовали нависшую опасность, и поэтому хотели как можно быстрее осуществить задуманное, но ответ маркграфини не допускал двух толкований, и настаивать на своем было, по меньшей мере, неразумно.

Но пока жених и отец размышляли о том, какие ещё козни ждут обрученных от завистливого принца, не было на целом свете человека счастливее, чем Стефка.

Когда она узнала, что Ярослав сделал ей предложение, то от восторга поцелуями и крестного, и Хеленку, и вообще прыгала и танцевала, забыв обо всем, и уж тем более о мрачно наблюдающей за её ликованием пани Марии.

Зато вечером того же дня, когда принц увидел её радостное лицо, сияющие от восторга и любви глаза, обращенные на тот час прилипшего к невесте графа, то у него помутилось в голове от ревности. Теперь, когда их любовь была признана, и состоялось обручение, влюбленные не скрывали своих чувств. Они о чем-то своем ворковали друг с другом, и от жениха и невесты, как будто лучами исходило безмятежное и радостное чувство искреннего счастья.

- Генрих,- не выдержала мать,- посмотри, какая красивая и счастливая пара. На них так и хочется любоваться, не отрывая глаз. Пожалей ты их!

Но, произнеся эту фразу, она глянула на сына, и слова застряли у неё в горле, таким бешенством было искажено его потемневшее лицо.

- Любуйтесь, матушка,- тихо проговорил он,- как люди любят на облако. Миг, и его уже нет!

Даже о намечавшейся подлости и то, при желании, можно сказать поэтично.

Сам Генрих был в состоянии такой всепоглощающей ненависти, что смотреть на жениха и невесту не мог - он просто боялся не сдержаться. Зато его тяжелый взор привлекла другая фигура неподалеку. И не нужно было быть особым знатоком человеческих душ, чтобы понять, пани Мария находится в жутком состоянии. Она была бледна, с черными тенями под глазами, и едва держала себя в руках.

Применив несколько нехитрых приемов, принцу удалось поговорить с интересующей дамой наедине.

- Надо же,- позволил он себе удивиться,- я предполагал, что в вашем доме быть скоро свадьбе, но не вашей падчерицы, а вас, пани. Мне казалось, что граф Ярек увлечен вами, и вдруг узнаю, что он обручен с пани Стефанией!

Этими словами Генрих коснулся открытой раны. Из глаз пани Марии заструились слезы отчаяния.

- Это все Збирайда!- всхлипнула она.

- Но разве у вас с графом уже не дошло дело до свиданий? Он со мной, как с преданным другом делился мечтами о назначенной в ту ночь встрече! - лицемерно вздохнул принц.

- Уж не знаю, как пан Ирджих прознал о готовящемся свидании, - яростно воскликнула женщина в ответ,- но только все было заранее подстроено. Я расспрашивала кое-кого из его людей, так мне рассказывали, что Збирайда и не собирался домой, просто выехал за город, постоял там немного, а потом вернулся, придумав эту бурю. Так ему хотелось поймать графа Ярека в ловушку и женить на своей Стефке. А Палацкий промолчал о правде, чтобы не опозорить меня в глазах людей!

Принц мгновенно понял, в отличие от этой глупой бабы, что произошло. Его провели как ребенка, сговорившись между собой, два неверных вассала.

- У вас будет возможность отомстить,- сухо улыбнулся он пани,- если вы согласитесь мне помочь!

- Но..., какого рода будет помощь? - вытерла слезы мадьярка,- Збирайда ведь и убить может, если догадается, что я что-то имею против его крестницы!

- Не волнуйтесь, я что-нибудь придумаю,- пообещал Генрих пани Марии, и она ему сразу поверила.

А влюбленные сияли, держась за руки. Потерявшая голову от любви Стефка таяла от счастья в лучах любимых серых глаз. Радовалась за неё и Хеленка, хотя тревожное беспокойство все-таки не давало ей иногда спать по ночам.

- Быстрее, что ли бы, они поженились,- пожаловалась она как-то барону,- боюсь я!

- Что я могу сделать, если маркграфиню вдруг обуяло неожиданное благочестие,- тяжело вздохнул тот,- успокойся, родная, все будет хорошо!

БРНО.

Невеселым было возвращение погони в город. Принц становился невменяемым от бешенства от одной только мысли, как его провел испанец. Надо же, он собственными руками устранил с его пути все препятствия, расчистив дорогу сопернику, да какому сопернику! Стефку теперь не вернуть никакими интригами - она потеряна навсегда.

Ярослав, вообще, находился на грани умопомешательства, отказываясь верить в такое несчастье. Его милая красавица невеста и этот хищник-испанец? Но ведь они никогда до этого

не перемолвились даже словом! Когда же де ла Верда польстился на его невесту и составил свой коварный план? Хотя..., какая разница, каким образом испанец похитил беззащитную девушку, если она теперь потеряна навсегда!

Зато именно это больше всего волновало Збирайду. Дочку, конечно, не воротишь, но он собирался тщательно разобраться со всеми виновными и в краже Стефки, и в убийстве прислуги. Вопросов у него накопилось немало. Кто открыл дверь в дом? Почему прислуга не подняла шума и позволила себя без сопротивления убить? Как похитителям удалось выскользнуть из города, когда городские ворота были закрыты? Даже после поверхностных размышлений и то становилось ясно, что у похитителей в доме был сообщник и может быть даже не один. Но кто?

Дома его ждала Хеленка. Женщина хоть и с перевязанной головой, но уже хлопотала по хозяйству.

Збирайда виновато отвел глаза в ответ на молчаливый вопрос.

- Он обвенчался с ней!

- Но кто - он?

- Папский посланник, испанец дон Мигель, граф де ла Верда, - имя зятя барон выговорил с трудом, запинаясь в необычных звукосочетаниях.

- Испания? Это далеко отсюда? - поинтересовалась экономка.

Збирайда только фыркнул в ответ, при помощи холопа снимая сапоги. Он устал за прошедшую ночь, был так угнетен и вымотан, что едва шевелился. Но на вопрос Хеленки, все-таки, спустя некоторое время ответил, с кряхтением вытягиваясь на кровати.

- Дальше некуда! Я слышал, что в этой Испании жара, как в аду, и нет деревьев, а только выжженные солнцем безлюдные пустыни. Понятно, что такие мерзавцы, как наш новоявленный зятек, могут появиться только из пекла!

- И там люди живут, - неожиданно возразила Хеленка, - зато пани Мария мою дочь не достанет! Все эти годы я боялась, что она загубит её. И перед вашим приходом была уверена, что ей это удалось, но вы принесли мне радостную весть!

- Радостную весть? - подскочил с места возмущенный пан Ирджих, - тебя, наверное, очень сильно ударили по голове! Наша дочь в руках какого-то авантюриста, бедный Ярослав на грани безумия от горя, а ты говоришь о какой-то радости!

- Палацкого, конечно, жалко, - сухо заметила собеседница, - но испанец женился на Стефке и увез её от этой страшной женщины! В любом случае, наша дочь сейчас жива и невредима! А что касается любви..., мужчина есть мужчина, и рожать одинаково больно и от любимых, и от нелюбимых!

- Что ты болтаешь, дурища? - вскипел и без того выведенный из себя пан Ирджих, когда до него дошёл истинный смысл слов любовницы.

Но Хеленка только ниже опустила голову к шитью. Збирайда немного помолчал.

- Почему ты все время твердишь о пани Марии? - заинтересованно повернулся он к женщине.

- Я долго думала, пока вас не было,- задумчиво пояснила она,- почему, когда я начала кричать, она не прибежала мне на помощь, почему не защищались наши люди, и почему я не слышала, как ломали дверь?

Хеленка как всегда была права. И смутные подозрения Збирайды получили новый толчок.

- Я тоже постоянно об этом думаю,- вздохнул он,- но ты уверена, что в этом замешана Мария?

- Была бы уверена, если б знала, какая связь между ней и этим испанцем! Он что, ухаживал за ней, как в свое время пан Ярослав?

Пан Ирджих пожал плечами:

- В том-то и дело, что его ни разу не видели ни со Стефкой, ни с Марией!

И тут он кое-что вспомнил.

- Кстати, дон Мигель передал тебе подарок.

- Мне?- изумилась Хеленка.

Збирайда пристально взгляделся в её ошеломленные глаза.

- Он каким-то образом догадался, что ты не чужая Стефании. А в их краю матерям невест после брачной ночи дарят подарки!

С этими словами барон поднялся с постели, порылся в своих вещах и передал пораженной женщине резную небольшую шкатулку. Заинтригованная Хеленка медленно откинула крышку и не сдержала возгласа восхищения. На мягком бархате красовался большой кусок янтаря с перламутровым золотистым облачком изнутри.

Для Збирайды содержимое то же оказалось неожиданностью.

- Очень дорогая вещь,- удивленно приподнял он брови,- только ... я не понимаю, зачем она тебе?!

- Ах, Ирджичек,- счастливо рассмеялась Хеленка, разглядывая янтарь, - это же прекрасный подарок! Посмотри на это облачко, оно тебе ничего не напоминает?

Барон, насупив брови, внимательно рассмотрел вещицу, и недоуменно пожал плечами.

- Красиво, конечно, но что оно должно мне напомнить?

- Так искрятся волосы Стефки, когда на них падает солнечный свет! - печально вздохнула экономка, вытерев набежавшие на ресницы слезы, - это почти тоже, как если бы испанец срезал у неё локон и поместил его в самое прочное и красивое хранилище на свете. Этот человек способен тонко чувствовать, и наша дочь будет с ним счастлива!

Такой неожиданный вывод всегда благоразумной женщины, привел Збирайду в бешенство.

- Все бабы дуры, все! Без исключения!- выругался он в сердцах,- даже самые лучшие из них! Подарили ей какой-то булыжник, она и растаяла, простив мерзавцу и похищенную дочь, и бесчестие!

Но Хеленка, как всегда, проигнорировала оскорбление. За пятнадцать лет она к ним так привыкла, что воспринимала как обязательный рефрен общения с капризным господином.

- По мне так лучше выдать её замуж без чести, чем похоронить со всеми почестями,- меланхолично заметила она, любясь янтарем, - с тех пор, как Стефка обручилась с паном Ярославом, я не дала ей съесть ни одного куска, не попробовав сначала сама, всё боялась отравы! Да и спала вполуха, и все равно не уберегла. Пусть лучше в какой-то дикой Испании замужем, чем в нашей Моравии, но мертвой!

- Что ты городишь, безумная? - гневно фыркнул Збирайда,- наша девочка изнасилована и плачет сейчас где-то, удовлетворяя похоть этого чужеземца..., по мне так лучше её схоронить!

Странно, но обычно покладистая экономка в этот раз почему-то не посчитала нужным считаться с его авторитетом господина и вела себя непривычно дерзко.

- Становиться женщиной всегда больно!- холодно заметила она.

Взбешенный барон выругался сквозь зубы, плюнул и выбежал из комнаты, со злостью хлопнув дверью, а Хеленка еще долго с печальной улыбкой любовалась подарком зятя, хотя по щекам её и текли слезы.

Барон не раз грозился убить пани Марию, но когда дело дошло до этого, руку на пани все-таки не поднял, предпочтя выдать её на суд маркграфа. Проведенное им среди домашних холопов расследование ясно указывало, что в похищении принимала участие пани Лукаши, вот он и хотел, чтобы наказание преступнице назначил суд.

В дворцовой зале, где на возвышении, окруженный баронами и советниками, сидел маркграф, пани Марию заставили преклонить колени. Свирепый и гневный Збирайда изложил суть обвинений, которые он выдвинул против этой женщины, и его внимательно выслушали.

Вся Моравия знала о бесчестии, которому подвергся пан Ирджих, поэтому ему сочувствовали. Казалось, суровое наказание для пани Марии было неотвратимо, но тут в дело встрял принц.

- А что, кто-нибудь видел, как пани подсыпала отраву в пищу слуг?

- Нет,- покачал головой барон,- но кроме неё некому было это сделать!

- Кто-нибудь видел, как пани открывала дверь чужеземцам?

- Нет!

- Кто-нибудь может подтвердить ваши слова?

- Слова барона не нуждаются в подтверждении,- недовольно оборвал сына маркграф,- он всего лишь ознакомил нас со своими подозрениями! А что вы можете сказать по этому поводу, пани Мария?

- Я ни в чем не виновата, всё это оговор!

- Но ваш святой долг охранять падчерицу, а вы даже не покинули своих покоев, чтобы защитить честь девушки!

- Возможно, я и проявила малодушие, ведь я всего лишь слабая женщина, но не совершала

преступления,- пани Мария держалась достойно, если учесть какая угроза нависла над её головой.

Маркграф долго размышлял, прежде чем принять решение. Это было весьма сложно! Бароны требовали от него наказания преступницы, но с другой стороны, все утверждения Збирайды были голословны, на что ему несколько раз настойчиво указал наследник.

Самого маркграфа мало интересовала судьба девицы Лукаши, больше всего его занимало, каким образом похитители пробрались в закрытый город, минуя тщательно охраняемые ворота. О потайном ходе знали немногие, к числу которых, естественно, не принадлежала пани Мария. Значит, измена была где-то рядом, в его собственном доме. И от этого маркграфу было очень и очень не по себе!

- Пани Мария Лукаши,- наконец объявил он,- обвиняется в пренебрежении своими обязанностями матери и направляется для покаяния в монастырь на неопределенный срок - время заключения будет определено позже!

Пока подавленная женщина ожидала приезда настоятельницы, которая сопроводит её в один из монастырей, к ней сумел тайно пробраться принц.

- Я вас вытащу из обители!- твердо пообещал он.

- Лучше найдите мне мужа,- тяжело вздохнула пани Мария.

- Я подумаю над вашей просьбой, только наберитесь терпения и ждите!

- А что мне ещё остается?

Между тем, у Збирайды, оказывается, были ещё притязания к дому Лукаши. И он изложил их перед почтенным собранием.

- У пани Марии есть дочь Елена, то же моя крестница. Так как вышеназванная пани показала себя дурной матерью, прошу отдать девочку мне под опеку. Тем более что все имущество Лукаши уже давно у меня в залоге.

После недолгого размышления маркграф дал согласие. Он понимал, что бароны недовольны вынесенным решением и надеялся хоть этой уступкой немного сгладить обстановку. Таким образом, потеряв одну свою дочь, Збирайда обретал другую.

- Хеленка, дорогая,- ворвался в комнату довольный пан Ирджих,- мне отдали под опеку Елену!

Привычно возящаяся по хозяйству экономка посмотрела на него снисходительным взглядом.

- Это очень хорошо, мой господин,- согласилась она,- но что с пани Марией?

Выслушав вынесенный маркграфом приговор, она только тяжело вздохнула.

- Ворон ворону глаз не выклюет. Совсем скоро пани Мария вновь будет на свободе и начнет мстить, только мне всё равно, потому что самое дорогое, что у меня есть, ей не достать! Пора возвращаться в Черный лес, мой господин, здесь нам делать больше нечего!

Хеленка как в воду смотрела, потому что не прошло и трех месяцев, как пани Мария вышла из заключения и сразу же попала в свиту маркграфини.

- О дорогой,- ответила та на упреки мужа,- женщина была оговорена злобным, неотесанным Збирайдой. И вообще, великодушные - добродетель королей!

- Вы не королева, сударыня! - хмуро заметил тот, но настаивать на своем не стал.

Прошло еще полгода, и на масленицу пани Мария тихо вышла замуж за церемониймейстера принца пана Кроули. Её положение укрепилось настолько, что Збирайда было испугался, что она попытается отнять у него опеку над дочерью, но та, казалось, и не вспоминала о Еленке.

Весть о том, что дочь пани Марии будет жить теперь в их замке, поначалу не особенно обрадовала Хеленку, хотя она понимала, насколько это важно для пана Ирджиха. Но когда в доме появилась девятилетняя девочка с испуганными черными глазами и копной вьющихся черных волос, женщина поневоле пожалела её, настолько та не по годам была одинока и дика.

Пани Анелька к тому времени совсем обезумела и творила в замке Лукаши несусветные вещи, обвиняя всех в ереси и распутстве. Хеленка, как могла, приласкала девочку, пожалела сироту и постепенно привязалась к ней. С радостью возилась она с ребенком.

- Дорогая,- как-то растрогано заметил барон,- у тебя золотое сердце! Ты умудрилась полюбить даже дочь своего злейшего врага.

- Нет, мой господин,- вздохнула женщина,- у меня самое обыкновенное сердце, только в нем слишком много свободного места. Там где у остальных находятся дети, внуки, у меня зияющая пустота. Где интересно, наша девочка? Хотя бы какую-нибудь весточку получить от неё!

Что на это мог ответить Збирайда? Только расстроено развести руками...

Граф Палацкий почти полгода скрывался ото всех в своем поместье. Осенью же он снова появился при дворе.

- Я прошу у вас разрешение продолжить образование в университете Падуи! - попросил он разрешения покинуть страну у маркграфа.

Тот досадливо нахмурился, и нехотя согласился. Но особенное недовольство вызвало у правителя Моравии известие, что вместо того, чтобы уехать в Италию, граф тронулся в путь по Священной Римской империи в сторону Франции.

- Что вас удивляет, отец,- усмехнулся принц, прознав об этом,- Тристан поехал за своей Изольдой. Наверное, Ярек и Стефка то же выпили волшебный напиток!

- Я мало знаю дона Мигеля,- не принял насмешливого тона маркграф,- но это не тот человек, за женой которого можно волочиться безнаказанно. Не помогут никакие волшебные напитки - Ярослав глупо поставит под угрозу и себя, и жизнь молодой женщины.

- Они не дети,- небрежно пожал плечами Генрих,- сами разберутся!

## ПАПСКОЕ ПОСОЛЬСТВО.

В Вене юную графиню первым делом начали одевать.

- К сожалению, обстоятельства нашего брака таковы, что ваше приданое пришлось оставить в Брно,- сказал ей муж, с тяжелым вздохом прикидывая, в какую кругленькую сумму ему это обойдется, - поэтому придется все шить и заказывать заново. Хотя здесь нет ни подходящих

тканей, ни стоящих портних, смыслящих в установившейся в Европе бургундской моде. Но ничего не поделаешь, придется довольствоваться тем, что есть!

Стефка с недовольным видом стояла перед зеркалом в окружении суесящихся швей. Ей ничего не было мило. На супруга она даже не пожелала взглянуть, настолько неприязненно относилась к его заботе и потугам на любезность. Дерзкий вор! Девушка желала ему, по меньшей мере, Геенну огненную за свое разбитое счастье и поруганную любовь.

- Я прошу вас проявить терпение и позволить мастерицам закончить хотя бы одно платье,- дон Мигель сделал вид, что не замечает её холодности,- слух о нашем романтическом браке летел впереди нашего отряда, и вдовствующая эрцгерцогиня Матильда Пфальцкая пожелала вас увидеть при своем дворе! Надеюсь, вы будете любезны с высокородной дамой?!

Супруга угрюмо промолчала, упорно глядя в зеркало. Де ла Верда ушел, но вместо него появился один из викариев свиты епископа, низенький и пожилой толстячок.

- Вам придется, не теряя времени, изучать целых три языка,- смиренно поклонившись, елеяно мягко пояснил он,- испанский, итальянский и французский. Пусть женщины шьют, а мы будем учиться. С какого языка вам бы хотелось начать?

Только этого и не хватало! С испанцами мужа она, в случае надобности, объяснялась по-немецки и не видела необходимости, что-то менять.

- Зачем так много?- хмуро поинтересовалась девушка.

- Ближайшие полгода вам предстоит провести во Франции, бывать при самом блестящем в Европе бургундском дворе, и вы будете неловко себя чувствовать, не понимая речи окружающих! - пояснил викарий и тонко улыбнулся,- на испанском же языке ваш муж хочет разговаривать о любви!

- Не думаю, что мне есть, что сказать на эту тему! - отрезала Стефка.

- Возможно,- терпению этого человека, казалось, не было предела,- но ваша свекровь говорит только по-испански, не заставляя же пожилую женщину учить ради общения с вами чешский язык?

Девушка поняла, что назойливый прелат не отвяжется и будет до скончания века приводить ей все новые и новые аргументы. С церковнослужителями вообще трудно спорить.

- Что ж, тогда начнем с французского! - уныло согласилась она.

- Я бы посоветовал начать все-таки с испанского!- настойчиво гнул свою линию собеседник.

- С французского! - упрямо сжала губы Стефания, не желая ни в чем уступить своему новоявленному супругу.

Хочет говорить о любви по-испански? Придется разговаривать с самим собой!

Вдовствующая эрцгерцогиня Матильда Пфальцкая оказалась полной пожилой женщиной, с крупными чертами лица и надменным взглядом чуть выпученных глаз.

- Ах, милочка, мы тут уже наслышаны, что вас похитили буквально из-под венца,- она соизволила даже улыбнуться,- ваш муж истинный испанец! Говорят, только коренным жителям

Пиренеев свойственен такой напор чувств и горячий темперамент. Мы, немцы, как правило, более рассудительны и менее эмоциональны. Но дон Мигель такой интересный мужчина, что думаю, вы ему давно простили эту эскападу!

Стефка терпеливо выслушала снисходительную тираду - ей были одинаково неприятны и сама женщина, и её насмешливые слова. Никто не разделял её горя, словно перейти из рук в руки от одного мужчины к другому было так же легко и приятно, как сменить надоевшее платье! С ещё большим недоумением девушка ощутила недоброжелательность свиты вдовствующей эрцгерцогини, которую в отличие от двора маркграфини составляли в основном женщины в летах. Эти почтенные матроны так и сверлили глазами столь скандально прославившуюся моравку. Их взгляды как будто обвиняли её в чем-то порочном и преступном. Но зато де ла Верда чувствовал себя среди этого скопища мрачных старух ничуть не хуже, чем среди красавиц Моравии. Он охотно болтал с самыми неразговорчивыми, дарил направо и налево улыбки, заинтересованно сверкал глазами. И вскоре даже эти замороженные в презрительной надменности австриячки заулыбались и стали охотно ему внимать.

Новоявленная графиня поневоле заинтересовалась этим феноменом. В Моравии она никогда не обращала внимания на приезжего чужака, только мельком отмечая его присутствие возле маркграфини. Но теперь её не могло не заинтересовать, за кого же она все-таки вышла замуж? И Стефания, усевшись на предложенное место возле эрцгерцогини, стала исподволь наблюдать за супругом.

Речь между тем шла о предполагаемом браке дочери герцога Карла Смелого Марии и принца Максимилиана Габсбурга. Эрцгерцогине что-то не нравилось в этом проекте, и она кисло сомневалась в разумности подобного соединения двух домов, а дон Мигель, наоборот, приводил в его пользу множество доводов, которые вызывали на губах вдовы снисходительную улыбку. Впрочем, все понимали, что вопрос уже решен папой, герцогом Бургундским и императором Фердинандом, который сейчас находился в своем имперском городе Страсбурге.

Тем не менее, красноречивый посланник пытался убедить в грядущей выгоде этого союза, казалось, даже кошку, что-то грызущую возле кресла сиятельной матроны. Но как не был дон Мигель занят обсуждением таких важных вопросов, он не забывал и о своей юной новобрачной. Периодически их взгляды встречались, и хотя Стефка сразу же отводила глаза, ей не всегда удавалось это сделать достаточно быстро.

Граф поспешил сделать свои выводы, причем, они не были слишком далеки от истинного положения дел.

- Дорогая,- заявил он, навестив супругу по приезде домой,- я понимаю, что вызываю у вас любопытство, и вам хочется получше разглядеть своего мужа! Но я бы попросил вас делать это, когда мы остаемся одни! Вот сейчас, например, пожалуйста, сколько угодно! Может это зрелище, все-таки, окажется прельстительным для ваших глаз?

Смущенная, как будто её обличили в чем-то недостойном, Стефка быстро опустила глаза, обругав себя нелестными словами.

- Поймите, дорогая, - между тем ласково пояснил ей супруг,- я не могу заниматься делами, когда вы смотрите на меня! Простительная слабость для новобрачного, но я сразу отвлекаюсь и начинаю с наслаждением взирать на вас в ответ! Между тем, моим глазам надо останавливаться на других дамах!

Стефка вспыхнула от негодования при таком бесстыдном признании. У этого человека, вообще,

не было представления о совести!

- Можете не волноваться, я больше ни разу не взгляну в вашу сторону! - холодно заверила она распутного супруга.

- Это тоже крайность,- мягко заметил тот,- возьмите в руки так полюбившееся мне в Моравии вышивание, и уйдите с головой в работу! Если изредка вы и кинете на меня взгляд, то мне это будет только приятно!

Разозлившаяся Стефания холодно кивнула головой и резко отвернулась к окну, считая этот оскорбительный разговор законченным.

Но дон Мигель не ушел, а наоборот, подошел ближе и, обхватив юную супругу за плечи, тихо спросил, нагнувшись так близко к уху, что она с неловкостью почувствовала щекой его дыхание.

- Вы учите испанский?

Стефка нервно дернулась, но с вызовом возразила:

- Нет!

- Разве вас не предупредили, какое значение я придаю испанскому языку?

- Сожалею, но мне безразлично, какое значение и какому языку придаете вы!

- Я хочу, чтобы вы признались мне в любви в нашу первую брачную ночь именно по-испански,- его дыхание щекотало ей шею, заставляя краснеть щеки и громче, чем надо биться сердце.

Этот нахал был уверен, что достаточно положить ладони ей на плечи, и она забудет о страшной ночи венчания, о сорванной свадьбе и поруганной любви! Значит, он такого низкого о ней мнения?

- Вы не дождетесь от меня этого ни на каком языке мира!- гневно отрезала Стефка, раздраженно дернув плечами.

Но дон Мигель лишь тихо рассмеялся.

- Может, хватит?

- Чего именно, хватит?

Но он не ответил, немедля покинув спальню супруги.

После этого визита она долго не могла уснуть. Ворочаясь на мягкой перине в тесноте душного полога, Стефка мучительно размышляла о той невыносимой ситуации, в которой оказалась. Невыносимо ныло сердце, не желая смириться с потерей Ярека. От жестокой боли, иногда, оставшись одна, она просто выла или стонала - сил плакать уже не было. Несчастной девушке везде мерещились серые лучистые глаза бывшего жениха, и страшно хотелось забыться хотя бы сном, чтобы не помнить о постигшей её катастрофе, но сон бежал, лишая даже этого иллюзорного успокоения.

Сложным было и отношение Стефки к дону Мигелю.

Она его пылко ненавидела, и одновременно испанец её интересовал, против воли притягивая к себе пристрастный взор жены. И постоянно разыскивая в нем недостатки, девушка в противовес этому не могла не отметить, что это весьма необычный и привлекательный мужчина. В глубине сердца она не могла понять, почему супруг до сих пор не осуществил своих брачных прав - это обескураживало её, и одновременно подавало какие-то туманные надежды, что все ещё можно изменить. Вот только непонятно, куда же все-таки запропастился Ярослав? Почему он с мечом в руке не требует возвращения невесты?

Во время следующего визита к эрцгерцогине Стефка прилежно сидела с вышиванием и, практически не поднимая глаз, слушала, как муж рассуждает о вреде перевода Библии с латыни на современные языки. Он ловко оперировал, какими-то цитатами из речей различных пап, приводил довольно забавные доводы, опять всех рассмешил, но к удивлению девушки все с ним охотно согласились. В тот вечер де ла Верда рассказывал так же о своих путешествиях по северу Европы, и вновь показывал коллекцию янтаря, который дамы с восхищенными возгласами разглядывали. Подарив герцогине янтарные четки, граф закрыл большую шкатулку. Наверное, до следующего венценосного двора!

Воспользовавшись тем, что во время ужина с супругами за одним столом оказался епископ, Стефка решила обсудить с ним заинтересовавший её вопрос:

- Дон Мигель сегодня так долго рассуждал с эрцгерцогиней о вреде чтения Библии на родном языке, что это меня поневоле заинтересовало. Почему я не могу читать Книгу книг, допустим, по-чешски?

Его преосвященство обменялся быстрыми взглядами с де ла Вердой.

- А вы читали, как я понимаю, Библию в чешском переводе? - отечески улыбнулся прелат, снисходительно глядя на юную женщину.

- Надо же,- натянута рассмеялся дон Мигель,- я взял в жены еретичку!

Но она не приняла его насмешливого тона.

- Нужно было лучше смотреть на товар, тогда бы не пришлось разочаровываться! Я внимательно выслушала все доводы, которые вы вчера приводили эрцгерцогине и меня они не убедили.

Веселость моментально покинула супруга.

- Это серьезное упущение с моей стороны! Если я не убедил вас, значит, мог не убедить и кого-то другого. А зачем вам, донна, вообще читать Библию?

Вопрос поставил впросак нашу героиню.

- Как зачем? - растерянно пробормотала она,- это ведь такая важная книга в жизни каждого христианина!

Теперь уже взгляды епископа и графа скрестились на более длительное время - почему-то это невинное объяснение заставило их окончательно оторваться от тарелок с ветчиной.

- Но что вы там сможете понять, дитя мое?- чуть погодя слабо подал голос епископ.

Стефания, в предчувствии какого-то подвоха, так же отложила в сторону нож.

- Все, - озадаченно пробормотала она, - от первого слова до последнего!

Мужчины почему-то снисходительно заулыбались.

- Так что же написано в Священном писании? - голос епископа был тих и даже мягок.

- Там рассказывается о жизни евреев и о Господе нашем, Иисусе Христе!

- А зачем вам знать о жизни древних евреев, что в ней интересного для вас?

Стефка замялась, недоуменно наморщив лоб.

- Ну..., это очень занимательно и поучительно!

И вот тут-то глаза его преосвященства блеснули таким пламенем, что собеседница даже отпрянула от стола, перестав узнавать обычно столь мягкого и добродушного прелата. В мановение ока тот стал настолько жестким и опасным человеком, что у неё мурашки побежали по коже.

- Ах, дочь моя, - захохотал Братичелли, - вот в этом-то и кроется главная опасность для вашей души. Там где скрыт огромной важности сокровенный тайный смысл, вы видите лишь занимательное и поучительное чтение!

- Нельзя неподготовленным людям читать Библию, - живо подхватил его слова граф, - ладно ещё, если вы ничего не поймете! Но самое страшное, если поймете не так, а Сатана никогда не дремлет, он сразу же начнет вам нашептывать на ухо сомнения, вредные мысли и толкать на грех.

На лице юной девушки, видимо, установилось настолько ошеломленное выражение, что добряк епископ все-таки решил смягчить краски, пояснив этой бедной овечке, в чем смысл её заблуждений на доступном любой женщине языке.

- Вот представьте себе, что я вдруг собрался печь пирог, зная лишь только понаслышке, как это делается. Свалил бы в одну кучу и муку, и масло, и начинку! Сунул все это в печь, и чтобы у меня получилось?

- Что-то несъедобное! - вынуждена была согласиться Стефка.

- Вот так и в этом случае! Обращаться со Священной книгой нужно умеючи, читать осторожно и далеко не всем, кому это придет в голову, а только тем, кто знает, как это делать, - поучительно поднял палец епископ, - пусть кухарка печет пироги, а пастырь читает Библию, он для этого много лет прилежно учится.

Слова его преосвященства были Стефании вполне понятны, вот только...

- Но при чем здесь родной язык? - продолжала недоумевать она, - почему тот же священник не может читать Библию перед прихожанами не на латыни?

Братичелли лишь только глубоко и снисходительно вздохнул, зато де ла Верда счел нужным пояснить глупышке-жене то, что казалось, было и без того ясно.

- Потому, дорогая, что у паствы появится искушение самим заглянуть в Священное писание и

заняться богоискательством. Тем самым, священник только будет искушать своих прихожан грехом гордыни! Вспомните историю Люцифера!

Граф набожно перекрестился, и договорил, уже не столько обращаясь к жене, сколько рассуждая вслух:

- Нет, священный язык латыни доступен далеко не каждому, и, благодаря только этому, далеко не каждый возомнит себя пророком. Наша святая мать церковь за века существования накопила немалый печальный опыт борьбы с человеческой гордыней, поэтому в вопросах издания Библии только на латинском языке, она так не уступчива,- дон Мигель с улыбкой прикоснулся к руке супруги,- зачем вам, милая, забивать свою головку столь скучными материями? Читайте, если нечем заняться, жития святых, на худой конец - сонеты, рыцарские романы! Кстати, мне очень нравится узор на вашей вышивке! И с сегодняшнего дня, властью мужа, я запрещаю вам и думать, и говорить на подобные темы.

Стефка вспыхнула, резко отдернув пальцы - дон Мигель в первый раз так категорично ей что-то запрещал.

- Не сердитесь на вашего мужа, дочь моя,- попытался успокоить подопечную епископ,- им движет забота о вашей душе. Вы ещё так юны, мало чего в жизни видели, и будет жаль, если по неведению погрязните в ереси.

Разговор оставил у Стефки неприятный осадок. Дома она привыкла всё обсуждать с экономом Вацлавом, или, на худой конец, с бабкой Анелькой - у неё редко, конечно, возникали богословские вопросы, но все же прямота и искренность, чувство уверенности в окружающих людях были постоянными спутниками юной пани в её коротенькой жизни. Здесь же ей дали отчетливо понять, что лучше всего держать язык за зубами, иначе это окажется опасным для жизни.

- Кто в вашей семье читал Библию по-чешски?- строго свел брови муж,- отвечайте честно, не лгите и не бойтесь, что эта беседа не выйдет за пределы комнаты. Это пани Хеленка?

Хеленка и Библия? От удивления у Стефки округлились глаза.

- Нет, это был эконом моей бабки Анельки - Вацлав, отец Хеленки!

- А кем вам приходится пани Хеленка?

- Это экономка моего крестного отца!

- Наверное, она когда-то была вашей кормилицей или няней?

- Я впервые её увидела всего полгода назад, когда мы все переехали в Брно!- у Стефки все эти вопросы вызвали недоумение.

Между тем супруг не унимался, пытаясь выяснить что-то крайне непонятное.

- Но вы не можете знать, что было, когда вы лежали в колыбели, возможно, эта женщина находилась рядом?

- Вот это, я как раз хорошо знаю,- возразила ему жена,- моя бабка по сто раз на дню твердила, что если бы знала, что барон покупает Хеленку для себя, то никогда бы не продала холопку. Но Збирайда уверил Анельку, что хочет выдать её замуж за своего конюха и бабушка дала

согласие, поэтому, когда я родилась, Хеленки уже в замке не было.

Де ла Верда выслушал это разъяснение с невозмутимым выражением лица.

- Ничего не понимаю, почему же та баба кричала, что донна её дочь? - по-итальянски сказал он епископу,- какая-то загадка!

- Может, вы ошиблись в переводе?- заметил тот.

Но дон Мигель только недоуменно пожал плечами.

- Возможно!

Стефку страшно раздражало, что она не понимает, о чем говорят епископ с графом. Иногда ей казалось, что речь идет о ней, и как знать, каких гадостей ждать бедной девушке от жестоких мужчин?

Теперь ей уже хотелось как можно быстрее разобраться в этих языках, но, увы, дело шло туго, хотя с ней напряженно работали викарии из свиты епископа. Она целыми днями твердила слова и фразы по-французски, до такой степени, что даже болела голова.

Самое противное заключалось в том, что принуждая себя жить чуждой жизнью, Стефка все время мысленно была дома. Её часто посещали мысли о побеге, ведь Моравия была рядом, и она даже видела земляков в городе.

Вот если бы появился Ярек! Но время шло, а его всё не было. Поначалу Стефка постоянно в мечтах представляла, как это произойдет - вот возлюбленный на лихом скакуне мчится навстречу её врагам, в мановение ока уничтожает их всех, сажает любимую в седло, прижимает к себе и они, обнявшись, скачут домой, в Моравию. Дальше правда её фантазии не хватало, потому что она с трудом представляла, как сможет избавиться от мужа и выйти замуж за Ярека, но ведь должен же быть какой-то выход?! Вот если бы дон Мигель вдруг внезапно умер, как бы было хорошо! Но тот, между тем, умирать не собирался, чувствовал себя прекрасно и вновь приказал готовиться в дорогу.

Вскоре их маленький отряд выехал из австрийского герцогства по направлению к Баварии. Стояли жаркие месяцы начала лета, а извилистая горная дорога шла по красивейшим местам Европы. Пахло смолистой хвоей, солнцем и душистым разнотравьем альпийских лугов. Густой с высокими пиками елей лес сменялся изумрудным пледом пастбищ, кое-где на труднодоступных вершинах гор мелькали мрачные очертания замков, и веселили глаз уютные соломенные крыши маленьких чистеньких деревень.

Так как в повозке было и скучно и тряско, Стефка приняла приглашение мужа составить им с его преосвященством компанию, и теперь тоже возглавляла отряд, оседлав смирную кобылку.

На графиню натянули широкополую шляпу, которая скрыла треть обзора, но зато лучи жаркого солнца не досаждали ей, угрожая оставить водяные пузыри на носу. Поначалу девушку не очень радовало соседство супруга, но оставаться наедине со своими мыслями было невыносимо, и она все чаще и чаще впадала в тоску. Все окружающие люди были настолько чужды, настолько враждебны, и Стефке так хотелось домой!

Между тем, дон Мигель ознакомил юную жену с историей своей семьи.

- Де ла Верда знатный каталонский род! Мы приходим от младшего сына великого короля Хайме I Завоевателя. Основные наши ленные владения находятся в Каталонии, но есть земли и в империи, полученные, душенька, моими предками в качестве приданого или в награду за некоторые услуги. Наша семья всегда славилась смелыми воинами и благочестием. Я тоже собирался принять сан и хотел сделать духовную карьеру, мечтая о кардинальской шапке, а так как по линии матери моим родственником был сам папа Каликст III, то думаю, никаких препятствий бы не возникло, и я, в конце концов, стал бы князем церкви. Увы, Господь распорядился по-другому! Но святому кресту можно преданно служить и, не выстригая тонзуру! И отсутствие сана не мешает мне бороться с ересями и колдовством!

Рассеянно слушающая эти разглагольствования Стефка окончательно запуталась в его объяснениях. Князь церкви? Ереси? Служба святому кресту? С её точки зрения это была чистейшая несурезица - разве возможно одной рукой ухватиться за два уха? Быть одновременно и монахом, и графом? Впрочем, целибат дон Мигель уже нарушил, женившись на ней.

- Вы бросили свой замок и своего короля, и кочуете по Европе, потому что хотите искоренить ересь?- холодно удивилась она,- разве это возможно?

- Разумеется, возможно!- убежденно заявил дон Мигель,- нужно только не давать поблажки Сатане и Господь поможет нам покончить с этой скверной. Сейчас в Германии развелось много различных дьявольских сект! Люди идут на союз с нечистой силой в поисках славы, богатства, удовольствий. А государи Священной Римской империи часто потакают им в этом, не давая работать нашим братьям-доминиканцам. Это не может не волновать отцовское сердце папы, который скорбит обо всех заблудших душах. Вот поэтому мы с его преосвященством и вынуждены, оставив все свои дела, разъезжать по городам, призывая к благоразумию и помогая, чем можем, в этой тяжелой борьбе. Страшно сказать, ведьмы свободно живут в городах и селениях, к ним даже обращаются за помощью, в слепом неведении не понимая, что обращаются прямиком к дьяволу! С этим надо покончить, и как можно скорее, пока не грянул Страшный суд и не покарал погрязшие в грехе страны и народы!

Речь де ла Верды отличалась пылкостью, но особого впечатления на его супругу не произвела.

- Вы рассуждаете, как моя бабка Анелька,- сухо хмыкнула она,- в нашем лесу то же жила ведьма, мать того самого Вацлава, про которого я вам рассказывала, когда мы говорили о Библии на чешском языке. Так вот, она все время кляла колдунью, а когда заболела, то сразу же послала к ней за лекарством.

- Сатана часто пользуется такими методами, дорогая, чтобы загубить христианские души,- сдержанно заметил де ла Верда,- болезнь дается Богом в наказание, и лечить её, значит, выступать против его воли! В Мюнхене нас ждет встреча с двумя беззаветно преданными делу профессионалами-теологами Генрихом Инститорисом и Яковом Шпренгером. Эти люди несут на себе непосильный крест борьбы с ведьмами! Они уже многих отправили на костер, и сделали бы еще больше, если бы им не вставляли палки в колеса некоторые плохие слуги Господа нашего.

Стефка, в силу своего невежества по данному вопросу, была очень далека от костров инквизиции. А так как бабка Анелька постоянно призывала проклятия на голову еретиков и колдунов, обвиняя их даже в плохом удое какой-нибудь коровы, она как-то поинтересовалась у эконома Вацлава:

- Чем страшны ведьмы? Тем, что пьют человеческую кровь и пожирают живьем младенцев?

- Помилуй Бог, панночка,- испуганно перекрестился тот,- откуда вы это взяли?

- Но все говорят, что они продали душу дьяволу!

Старик только пожал плечами.

- Отдают души князю тьмы люди! Причем тут ведьмы? Этот дьявол вечный путаник, вот и перепутал в неразумных головах черное с белым, а расплачиваются невинные!

Тогда она ничего не поняла, хотя по напряженному лицу Вацлава догадалась, что он сказал нечто важное. Впрочем, мало что разъяснилось и из патетической речи супруга.

- Неужели необходимо,- хмуро поморщилась Стефка,- сжигать живых людей? Как это страшно!

- Конечно, страшно, - снисходительно согласился дон Мигель, - но пусть они лучше претерпят временную боль на костре, чем их души отправятся на муку вечную в ад.

- Разве нельзя еретикам доходчиво объяснить, в чем суть их заблуждений, не прибегая к пыткам и аутодафе! Не слишком ли жестока инквизиция?

- Что вы, дорогая, - вступил в разговор епископ,- отправлять заблудших на костер, братьев инквизиторов заставляет жалость к согрешившим людям!

Как не старалась Стефка, она ничего не поняла из сказанного. Дон Мигель, увидев её озадаченное лицо, осуждающе покачал головой, но все-таки принялся терпеливо объяснять, оперируя доступными юной жене понятиями.

- Разве, когда в вашем родном замке провинившемуся холопу приказывали устроить порку, то делали это из ненависти? Нет, просто хотели, как можно действеннее показать, что делать так, как он, нельзя! Суровым наказанием в то же время предупреждали и всех остальных, что их ждет в случае подобных провинностей! Ведь так?

- Так! - нехотя кивнула она головой.

Но мужу видимо было недостаточно этого вялого согласия, поэтому он не поленился добавить аргументов:

- Настоящий сеньор любит своих вассалов всем сердцем! Скорбит о них, защищает, но и наказывает, как любящий отец сына, заботясь и об их имуществе, и о душах! Наша церковь - сеньора всех христиан! Мы все её рабы и она всех нас любит и, наказывая, скорбит, но другого выхода у неё нет. Если не отсекай гниющие ветки, погибнет все дерево!

- Мне рассказывали братья-доминиканцы,- живо подхватил его слова епископ,- что, заставляя ведьму признаться в содеянном, они сами испытывают те же муки, что и она! Но из жалости к этим тварям Божьим, не дают поблажки и принуждают себя применять к ним суровые пытки.

У Стефки заломило болью виски. Она осознала, что никогда не поймет этих людей, и от этого становилось не по себе. Как и всякая жительница замка, девушка не раз была свидетельницей жестоких наказаний провинившихся холопов, но никогда убийства, да еще столь мучительного и, при этом, с таким убеждением оправданного.

- Но разве можно мучить того, кого любишь?- наконец устало спросила она, обреченно поникнув головой.

Губы де ла Верды внезапно изогнулись в лукавой улыбке.

- Иногда мука превращается в наслаждение,- он интимно понизил голос, бросив красноречивый взгляд на погрустневшее лицо супруги,- вам предстоит в этом убедиться, как только вы начнете учить испанский. И уверяю, что после этого вам будут уже глубоко безразличны все ведьмы мира!

Стефка покраснела и смутилась. В такие моменты ей хотелось убежать от него куда подальше, и одновременно, что-то опасно завораживало её в самих интонациях вкрадчивого мужского голоса, заставляло испуганное сердце биться в предчувствии чего-то прямо неведомого и таинственного.

Впрочем, только Братичелли знал, насколько сбит с толку и очарован своей женой его спутник. Он с понимающей улыбкой ловил его на рассеянных взглядах, бросаемых на красавицу новобрачную, на ответах невпопад. Будучи от природы мудрым человеком, епископ понимал, что де ла Верде нужно осуществить свои брачные права, остудить пыл, успокоиться, и тогда он вновь станет тем блестящим дипломатом, которым показывал себя на продолжении всей их нелегкой миссии. Увы, пока на это не было ни времени, ни возможности, а значит, дон Мигель так и должен был томиться от неразделенной страсти.

Шла вторая неделя пути по живописным предгорьям Альп. Дорога здесь была оживленная - бодро двигались отряды паломников, благочестиво постукивая посохами, то и дело попадались караваны обозов с товарами, а то спешащие по своим делам небольшие отряды рыцарей. Но будь-то отдельные путники, или большие группы людей, все они вставали на колени прямо в придорожную пыль, едва завидев папское знамя, с благоговением принимая благословение епископа. И даже торопящиеся рыцари и то смиренно преклоняли колена и снимали шлемы перед пастырским перстнем.

Стефка настолько уже привыкла к неторопливому торжественному шествию среди расступающихся людей, что воспринимала это как само собой разумеющееся. Но вот однажды, уже при подъезде к Мюнхену им попался одинокий путник, который не поспешил падать ниц. Молодой мужчина в дорожном плаще просто слегка посторонился и поклонился, даже не очень низко. Это явное выражение неуместной гордыни не могло пройти мимо графа, потрясенного таким неуважением к папскому знамени. Он тут же дал приказ остановить движение отряда.

Всадники угрожающе окружили невежу.

Под полями дорожной шляпы, оказывается, скрывались веселые серые глаза, загорелое симпатичное лицо и белокурые волосы совсем ещё юного молодого человека.

- Кто такой?- резко спросил дон Мигель,- почему не преклонил колени перед папским знаменем?

Но юноша почему-то не смутился и не испугался. Сняв шляпу, он приветственно согнул голову:

- Я вагант - Славек Гачек из Оломоуц, мой господин! Направляюсь из Праги в парижскую Сорбонну прослушать курс лекций по медицине. А не преклонил колена перед знаменем, потому что солнце застило мне глаза, и я не заметил, что оно папское,- тут его взгляд остановился на Стефке, и молодой человек тот час преклонил колена,- Пресвятая Мадонна! Да я, наверное, действительно ослеп, если не только знамени не заметил, но даже живого Ангела пропустил! Простите ли вы мне, мою дерзость, светлейшая пани?

Лучше бы он промолчал, притворившись слепым и немым. Дон Мигель оледенел от ярости.

- Однако,- в гневе поднял он брови,- твоя наглость, вагант, не знает пределов!

Но беспечный юноша, отмахнулся от витавшей над его головой опасности, как от надоедливой мухи.

- Женская красота не менее достойна коленопреклонения, чем любое, даже самое священное знамя!

При этих словах у Стефки жарким теплом растаяло сердце. К тому же, юноша был земляком, и девушка ему обрадовалась, как близкому другу

- Мне приятны ваши слова, пан Славек, - ответила она по-чешски, игнорируя недовольный взгляд мужа,- я рада встретить земляка так далеко от дома! Но куда же вы сейчас направляетесь?

- О, пресветлая пани,- расплылся тот в улыбке,- такая красота может появиться только в нашей прекрасной Моравии! А направляюсь я сейчас в Мюнхен, чтобы отдохнув, продолжить путь во Францию!

У Стефки загорелись радостью щеки. Она так истосковалась по звукам родной речи!

- Нам по дороге! Хотите, я попрошу мужа взять вас в наш отряд?

- Так этот грозный господин ваш муж?- помрачнел юноша,- не сердитесь, пани, но от таких людей хочется держаться подальше. Я уж как-нибудь сам доплетусь!

Неизвестно почему, но этот несколько минут назад совершенно чужой человек, вдруг стал для Стефании дорожке всех испанцев супруга, да и что греха таить, самого дона Мигеля!

- А если я вас попрошу,- умоляюще протянула она,- мне так плохо и одиноко среди чужих людей!

Гачек улыбнулся открытой хорошей улыбкой, которую она уже давно не видела на мрачных физиономиях окружающих её людей, как в латах, так и в рясах.

- Я,- ответил он, - не могу вам отказать, только вряд ли ваш муж согласится взять в свой отряд случайного путника!

Дон Мигель на удивление терпеливо выжидал, пока жена закончит беседу с земляком, но на просьбу взять его с собой, ответил категорическим отказом.

- Об этом не может быть речи, донна,- резко ответил он,- мы не должны подбирать по дороге всех бродяг, а этот мне особо не нравится, уж больно дерзок! Кто знает - а если он наведет на наш отряд разбойников?! Это слишком опасно..., мало ли какой сброд шатается по дорогам в наше беспокойное время!

Но Стефка с мольбой заглянула в его черные суровые глаза, и удовлетворенно заметила, как в их бархатной черноте что-то вспыхнуло. Она поспешила воспользоваться редким моментом на свой лад, зная, что эта выходка не оставит супруга равнодушным.

- Если вы позволите пану Гачеку ехать с нами,- прошептала Стефания так, что её услышать смог только он,- я начну учить испанский язык!

И дон Мигель мгновенно подхватил желанную игру.

- Вот даже как,- дрогнули его губы в игривой улыбке,- ловлю вас на слове, донна! Начнете прямо сегодня же!

- Кто ты по происхождению, вагант? - резко спросил он у путника.

- Дворянин!

- Как же твой отец позволил тебе заниматься столь недостойным делом?

- Я сирота, ваша светлость! И сейчас медициной занимаются многие дворяне, которым отцы не оставили замков и туго набитых кошельков!

- Дайте ваганту запасную лошадь,- приказал он невозмутимому Эстебану,- он поедет с нами!

И вот уже счастливая Стефка может отвести душу, поговорив на родном языке с этим веселым юношей. После стольких недель молчания звуки чешской речи казались ей райской музыкой, поэтому она болтала с терпеливым собеседником несколько часов без остановки. Вскоре они выяснили, что Гачек знает сыновей пана Збирайды, и не раз бывал в Брно, а вообще зарабатывает в своих скитаниях на кусок хлеба пением и рассказами сказок и баллад. И он, не откладывая, исполнил ей одну из песенок про простодушную пастушку и хитрого волка.

Стефка сначала чуть смутилась от фривольного содержания песенки, но потом весело и от души рассмеялась, с удивлением почувствовав, как отступает черная невыносимая тоска, которая пожирала душу с той далекой ночи, когда её похитили из родного дома, и мир вокруг снова приобретает жизнерадостные краски.

- Девочка изменилась, - улыбнулся епископ, понаблюдав за оживленной парой,- я ни разу не видел её такой счастливой!

Неизвестно, ревновал или нет лон Мигель, но ответ его был на диво разумен.

- Графиня юна и простодушна, и её нужно отвлечь от переживаний о графе Палацком. Вот пусть этот шут гороховый этим и займется, а уж тарелку похлебки мы для него найдем!

Но, наслаждаться и дальше обществом полюбившегося ей спутника, супруг Стефании благоразумно не дал. Вскоре к девушке подъехал викарий и напомнил о данном обещании, и тяжело вздохнувшая Стефка была вынуждена отвлечься от своего веселого собеседника, и заняться испанским языком. Неожиданно дело пошло успешно, наверное, потому что у неё впервые после похищения появилось хорошее настроение.

В Мюнхене они пробыли совсем недолго.

Стефания вместе с мужем была принята при дворе герцога Альбрехта IV. И вновь она склоняла голову над вышивкой, выслушивая красноречие супруга, которому опять что-то от кого-то было нужно. И он в очередной раз плел хитроумную интригу, отбросив свойственную ему в обыденной жизни сдержанную чопорность. Перед глазами, как по волшебству, предстал обаятельный, остроумный и необычайно привлекательный мужчина. Его ошеломленная жена глазам не верила, глядя на эти метаморфозы. Теперь, после того, как она столько времени провела с ним в привычной обстановке, её не могло не поражать, как ловко он меняет в зависимости от обстоятельств свое обличие. Впрочем, виделись они в то время редко - дон Мигель постоянно был занят, но, тем не менее, она все-таки нашла время высказать ему свое

недоумение.

- Вы, ваша светлость, кажетесь человеком со многими лицами, которое же настоящее? Лицо бесстрастного воина, или очарователя и искусителя женщин?

- А какое вам больше нравится?- не остался тот в долгу.

Стефка пожала плечами.

- Я не готова ответить на этот вопрос, потому что не знаю, какое из них на самом деле ваше!

- У меня припасено для вас еще одно, и вы его увидите в нашу брачную ночь!

Как всегда, когда разговор касался этой темы, у девушки мгновенно пересохло во рту и запылали щеки, но почему-то вместо того, чтобы как обычно отмолчаться, она тихо спросила:

- А когда это случится?

Слова вырвались непроизвольно, испугав её саму.

- А вы хотите этого?

Тогда их, то ли прервали, а может быть, граф и сам торопился по своим таинственным делам, но только фраза так и повисла в воздухе недоговоренной. Впрочем, викарий не отставал от своей подопечной даже на день, используя любую свободную минуту, чтобы заставлять её бесконечно повторять испанские слова и выражения.

После Мюнхена их путь пролегал через Эльзас. Епископ с графом спешили в имперский город Страсбург для заранее назначенной встречи с императором. Гачек по-прежнему находился в отряде, но почему-то выглядел довольно мрачным. Не пел и не играл для своей спутницы на лютне, на её вопросы отвечал слишком кратко, и, в конце концов, все-таки не выдержал.

- Странного мужа вы себе выбрали! - с тяжелым вздохом поразился он, - о чем только думали ваши родители, отдав вас в жены подобному человеку?

- Дон Мигель сам себя выбрал моим мужем, - вздохнула в ответ Стефка и грустно поведала собеседнику историю своего замужества.

Де ла Верда и епископ ехали поблизости, занятые обсуждением каких-то своих дел, поэтому она не опасалась, что те услышат её разговор с вагантом, ведь он велся на чешском языке. Гачек же на протяжении всего рассказа, почему-то смущенно прятал от неё глаза.

- Невеселая история, - задумчиво покачал он головой, - скажем так, ваш муж показал себя, как человек не чуждый людских страстей! Тогда почему же он так строг по отношению к слабостям других людей? Вам известно, мадам, что впереди нашего отряда, как облако пыли, движется дурная слава. По всей Германии несется слух, что где бы ни появились наши спутники, костры инквизиции разгораются еще ярче, хотя они и так неплохо горят!

Стефка неловко поежилась, все-таки речь шла о муже, значит, в какой-то степени касалась и её.

- Дон Мигель - необычный человек, но он искренен в своей ненависти к еретикам, - сочла

нужным пояснить она, с удивлением поймав себя на мысли, что пытается защитить супруга,- граф твердо уверен, что творит благо и действует во имя высшей справедливости! И судя по всему, он выражает точку зрения всей католической церкви, коль папа сделал его своим легатом.

- А что на эту тему думаете вы?- осторожно поинтересовался вагант.

Что думала она? Девушка растерянно посмотрела на своего собеседника.

- Я,- нахмурила она лоб,- ничего!

- А если завтра графу взбрдет в голову обвинить в колдовстве вас?

Уж чего-чего, а этого юная графиня не боялась. Инстинктивно, но она знала, что притязания дона Мигеля совсем иного рода!

- Я его жена и он любит меня!

Но Гачек с какой-то снисходительной жалостью глянул на спутницу.

- Нет ничего более непостоянного, чем страсть мужчины к женщине! Неизвестно откуда берется и после парочки пылких ночей куда-то улетает, а вот фанатичная преданность даже самой безумной идее, иногда переживает самого человека!

Исходя из умственного развития собеседницы, вагант мог бы и не расплыть красноречия - она мало что поняла, кроме жаркой волной, ударившей по сердцу парочки пылких ночей.

Стефания шокировано глянула на земляка, даже не сообразив, что тот не знает, что после двух месяцев замужества она по-прежнему девственница.

Гачек по-своему понял её всполошенный взгляд.

- Я не сомневаюсь, что супруг любит вас,- поспешил он заверить юную графиню,- мои рассуждения носили чисто отвлеченный характер!

Стефка стыдливо опустила ресницы, напряженно рассуждая, что же отвлеченного может быть в парочке пылких ночей? Может, она чего-то не понимает? Брошенный искоса взгляд остановился на гордом профиле супруга. Дон Мигель внимательно слушал епископа, но все равно ответил жене таинственной улыбкой.

- Наш отряд напоминает мне свадебный поезд,- простодушно пошутил Братичелли, заметив эти переглядывания,- остается только папское знамя заменить на стрелы Амура или парочку сердец! Сын мой, хватит мучить и себя, и вашу прелестную супругу, давайте возьмем пару дней отдыха, и займитесь вашими домашними делами!

- После Страсбурга, ничто не остановит меня на пути к брачному ложу,- заверил его рассмеявшийся спутник,- а пока...

... а пока дорога продолжалась.

Становилось все жарче и жарче, ночи сделались совсем короткими, и отряд едва успевал забыться коротким сном на стоянках, как быстрая заря окрашивала небосвод и призывала продолжить путь. Впрочем, с таким спутником как Гачек любая дорога казалась втрое короче - чех и пел, и смешил спутников веселыми шутками и рассказами. Даже дон Мигель скуп

улыбался, слушая его зубоскальство, а что уж говорить о епископе, у которого был более легкий нрав и любовь к хорошей шутке.

Стефка так же много времени проводила с викарием за испанским языком и уже могла без запинки сказать несколько фраз, которые очень интересовали её мужа.

Постепенно девушка начала привыкать к своему новому положению. Не сказать, что она забыла Ярослава - воспоминания о несбывшемся счастье все еще отдавался тупой болью в её сердце, но постоянно меняющиеся дорожные впечатления, общество веселого ваганта, темный взор мужа, приводящий её в жаркое смятение, загнали эту боль далеко вовнутрь, и к Стефании вернулись жизнерадостность и веселость.

Увы, последующие после посещения Ульма события, чуть было не поставили под угрозу это с таким трудом обретенное равновесие. Не прошло и трех часов как путники выехали из города, как увидели на обочине ничком валяющуюся женщину.

Несчастливая была в страшном состоянии - окровавленное порванное платье, обрезанные клочьями волосы.

Дон Мигель брезгливо поморщился, но все-таки приказал отряду остановиться. Озабоченный Гачек сразу же спрыгнул с лошади и подошел к бедняжке. Как медик он уже давно взял на себя обязанность оказывать всем лекарские услуги. Перевернув казавшееся безжизненным тело, молодой человек отвел слипшиеся от крови волосы от лица несчастной и пристально взгляделся в покрытые грязью обострившиеся черты лица.

Стефку всегда поражала его способность мгновенно узнавать все новости в деревнях и городках, через которые они проезжали. Так было и на этот раз - он перевернул тело, и все увидели, что оно принадлежит молодой, только очень грязной от засохшей крови девушке.

-Я видел её,- нахмурился Гачек,- она стояла у позорного столба, после чего девушку, наверное, порол кнутом, а потом и вовсе выгнали из города.

- За что?- в ужасе спросила потрясенная такой жестокостью Стефка.

- Судя по обрезанным волосам,- это вступил в разговор дон Мигель,- за прелюбодеяние! Очевидно, это падшая женщина! Нам здесь нечего делать, едем дальше, - приказал он отряду и уже мягче пояснил своей взволнованной жене,- блудница согрешила, значит, должна понести наказание!

- Но она еще жива,- вагант с мольбой посмотрел на графиню,- если мы её бросим, несчастная умрет!

Графиня вопрошающе глянула на мужа, но тот только сурово покачал головой.

- И не просите!

- Но мы не можем оставить девушку так! Это против христианского милосердия!

- Преступница должна муками искупить свой грех, - отечески пояснил девушке епископ,- и чем сильнее будут её страдания в этом мире, тем больше шансов у неё попасть на небо! Милосердие тут может только повредить!

Стефка вновь кинула на супруга взволнованный взгляд.

- Но мы же ничего не знаем, вдруг она оклеветана, или ...

- В таком случае у неё ещё больше шансов попасть на небо, к праведникам! - устало перевел дыхание де ла Верда.- Донна, мне очень жаль, но если мы будем останавливаться около всякого сброда, нам никогда не добраться до Страсбурга!

- Но я не буду иметь покоя, если брошу эту несчастную умирать на дороге! - взмолилась Стефка.- Не жалеете её, смилуйтесь хотя бы надо мной!

- Неужели, - чуть усмехнулся дон Мигель,- у вас опять найдется, что мне предложить?!

Графиня подъехала к супругу поближе, и с удовольствием заметила, как загорелся его взор теперь уже знакомыми огоньками.

- Я скажу вам по-испански всё, что вы пожелаете от меня услышать! - тихо прошептала она, не сдержав улыбки.

- Если это произойдет сегодня, то можете приказать отнести блудницу в повозку!- с торопливой готовностью согласился дон Мигель.

- Гачек!- обрадовано повернулась к ваганту Стефка,- отнесите девушку в повозку, и как можно быстрее приведите её в себя!

Отряд двинулся дальше в путь, но теперь юная графиня уже не хотела ни с кем разговаривать. Девушке, захваченной странным и жарким чувством волнения, хотелось разобраться в себе. Хотела ли она остаться с мужем наедине? Скорее всего, нет! Пусть юная супруга перестал его так страшиться и ненавидеть, как сразу после венчания, но любила она по-прежнему своего Ярека, и никого другого не хотела видеть в своих возлюбленных. С другой стороны, Стефка прекрасно осознавала, что дону Мигелю она принадлежала по закону! И рано или поздно он ей это даст понять! Поэтому - будь что будет!

Дон Мигель с затаенной улыбкой поглядывал на её задумчивое и взволнованное лицо.

- Вокруг вашей донны постепенно образуется свита,- заметил епископ,- да еще какая! Бродяга-зубоскал, на лице которого крупными буквами написано еретик, осужденная за проституцию девица! Не слишком ли опасное окружение для столь юной женщины?

- Не лучшее, но мы можем это прекратить в любой момент одним лишь движением руки. Зато когда Стефания разговаривает с этим Гачеком по-чешски, открывая ему душу, я могу узнать, что у неё на уме.

- Зачем вам это?

- Редко какой муж может свободно слушать, что его жена говорит о нем посторонним людям!

Гачек появился рядом с графиней спустя несколько часов, когда над горами уже светилось закатное солнце, и де ла Верда отдал приказ искать подходящее место для привала и ночлега.

- Её зовут Хельга, госпожа! Она дочь золотых дел мастера, но два года назад её отец умер, а мать вышла замуж за другого. Отчим надругался над девушкой, а мать обвинила во всем её, сказав, что та вела себя бесстыдно и сама подтолкнула его на грех.

Стефка едва удержалась в седле.

- Мать,- в ужасе поразилась она,- как же она могла поверить мужчине и обречь свою дочь на гибель?

- Вы ещё слишком юны, дорогая и не знаете, что на свете бывает абсолютно всё,- внезапно вмешался в разговор дон Мигель,- и когда дело касается мужчины, то даже мать и дочь могут стать соперницами. А эта девушка, кстати, могла вести себя действительно неосмотрительно и обратить на себя внимание отчима.

Гачек угрюмо промолчал, хотя ему явно хотелось что-то сказать.

Стефка знала, что вагант опасается её мужа и не желает с ним связываться. За все время пути, он только односложно отвечал на его вопросы, но сам никогда и никуда не встревал. С епископом дон Мигель разговаривал в основном по-итальянски, с женой только по-немецки, со своими людьми, по-испански, Стефка болтала с Гачеком по-чешски. Настоящий Вавилон - любил шутить епископ, но зато была возможность вести разговоры, находясь в непосредственной близости, о каких угодно тайнах.

Поздним вечером, когда уже были раскинута палатки и съеден ужин, за Стефкой пришел Эстебан. Та решила, что испанец приглашает её в палатку мужа, но тот велел ей отправиться к возвышающемуся над лагерем холму, поросшему лесом и с огромными валунами. Около одного из них супругу терпеливо дожидался дон Мигель.

Над горами уже зажглись первые звезды, а чуть поодаль расстился лагерь, и было видно, как снуют, приготавливаясь ко сну люди, доносился запах и дым костра, переключка на гортанном испанском языке. Де ла Верда уже успел переодеться, и сейчас его темная фигура выделялась на фоне белого камня. Он небрежно теребил в руках какую-то веточку и, судя по всему, о чем-то напряженно раздумывал. Но увидев приближающуюся жену, с улыбкой повернулся к ней.

- Вы сегодня так мило пообещали поговорить со мной по-испански, что я решился, оторвав немного от часов отдыха, пригласить вас на свидание! - ласково произнес он, за талию подсаживая жену на валун.

Смущенная крепким прикосновением его ладоней Стефка почувствовала сквозь платье тепло нагретого за день камня, и рассеянно осмотрелась вокруг.

Лагерь окружали высокие сосны - резко и пряно пахло разогретой смолой.

- Почти как дома,- тоскливо вздохнула девушка,- хотя в нашем лесу гораздо больше елей, чем сосен, и деревья выше!

Дон Мигель с пониманием отнесся к этой ностальгии.

- Чем дальше мы будем удаляться от вашей Родины, тем меньше будут становиться деревья, - пояснил он,- а когда, наконец, приедем во Францию, то вы увидите, как растет виноград, и какое жаркое солнце на юге! Хотя, конечно, нигде так не сияет солнце, как у нас, в благословенной Каталонии!

- Вы скучаете по родному дому?- вежливо поинтересовалась Стефка.

А как ещё было поддержать разговор? Может, они обменяются пустыми репликами и разойдутся на покой? Почему-то при мысли о таком развитии событий девушка почувствовала разочарование

- Как сказать,- между тем вздохнул супруг,- мне некогда скучать! Столько дел, что голова идет кругом! Даже сейчас, в вашем очаровательном обществе, и то мои мысли предательски возвращаются к заботам моей миссии. Но иногда я мечтаю о Каталонии, как о земле обетованной.

Он ловко подтянулся и уселся рядом, чуть притянув её к себе за талию, Стефка с волнением почувствовала тепло мужского тела, вдохнула странный, но приятный запах, исходящий от его бархатного пурпуэна. Супруги немного помолчали, любуясь стремительно наступающей ночью.

- Так что же на счет испанского, милая?- прошептал, наконец, дон Мигель на ухо юной жене.

- Спрашивайте, мессир!- девушка от смущения пригнула голову.

Её даже зазнобило от мужского дыхания где-то у виска.

- Так как же будет я тебя люблю?- хриплый задыхающийся голос звучал подчеркнuto интимно, и она отчетливо услышала удары собственного растревоженного сердца.

Донельзя взволнованная Стефка, старательно выговорила словосочетание, запинаясь на каждом слогe. Её бедный язык едва ворочался в пересохшем рту.

- Неплохо,- рассмеялся дон Мигель в ответ на этот жалкий лепет, - но это только форма, а где же сладостное содержание?

- Но мне пока нечем наполнить эту форму!

Общение с Гачеком не прошло бесследно. Но ей ли было тягаться в остроумии с одним из самых красноречивых людей Европы?

- Я помогу вам!- с этими словами дон Мигель запрокинул голову супруги и нежно поцеловал.

Стефания поначалу инстинктивно дернулась, сопротивляясь крепким рукам, но мужские губы имели пряный привкус и были такими горячими и настойчивыми, что она удивилась и невольно покорилась, ошеломленно прислушиваясь к новым ощущениям. Это было стыдно, и невероятно волновало.

Сердце встревоженной, задохнувшейся с непривычки девушки билось так, что его удары гулом отдавались в голове, путая мысли и заставляя странными искрами бурлить кровь. А поцелуй все длился и длился..., дон Мигель языком раздвинул её губы, и их дыхание слилось воедино. Его руки остановились, лаская, на её груди. Чувство, охватившее Стефку при этом, было настолько острым, что она поневоле вздрогнула, противясь, но тут же сама вновь прижалась к мужу, пытаясь понять, нравится ей это или нет? Вдруг дон Мигель разжал руки и резко оторвался от её губ.

- А теперь вновь повторите по-испански, что вы любите меня,- потребовал он, тяжело и прерывисто дыша и утыкаясь носом в её волосы.

- Я люблю вас!- дрожащим голосом, задыхаясь, пролепетала Стефка, растерянно пытаясь прильнуть к груди супруга.

Но тот лишь рассмеялся. Спрыгнув с камня, ссадил её и, коротко и крепко поцеловав, сказал:

- Любви, душа моя, нужно учиться постепенно, не будем лишать себя сладостных мгновений торопливостью. На сегодня достаточно! Завтра мы возобновим урок и, закрепив пройденное, двинемся дальше!

С этим словами дон Мигель взял жену за руку и помог спуститься с пригорка. Остановившись на пороге её палатки, галантно поцеловал пальцы и исчез.

Надо ли говорить, что этой ночью Стефка уснула далеко не сразу, настолько она была взволнованна и растрожена новыми ощущениями. Было и стыдно, и неловко, и жарко, и таинственно сладко думать о происшедшем. Девушка была окончательно сбита с толку - ведь её сердце принадлежало Яреку, почему же тогда одного поцелуя оказалось достаточно, чтобы она так легко увлеклась другим? Может, всё дело было в данной у алтаря клятве?

Но лишь наутро, когда отряд вновь двинулся в путь, до Стефки окончательно дошло, насколько все вокруг волшебным образом изменилось. Если раньше она свободно и легко болтала с Гачеком, не обращая никакого внимания на мужа и остальных спутников, то теперь её взор, то и дело останавливался на его фигуре, страхась и одновременно желая ответного взгляда. Ласковые бархатистые глаза как будто напоминали ей о прошедшем вечере, и Стефка вспыхивала от смущенного удовольствия при виде искажающей его губы многозначительной улыбки. Именно в то утро наша героиня полностью осознала, что, оказывается, замужем за очень красивым мужчиной. И это внезапное озарение принялось стремительно разрушать все старательно возводимые бастионы между ней и столь диким способом навязанным супругом.

А так как графиня то и дело оглядывалась, краснела, бледнела, и была настолько невнимательна, что отвечала невпопад, вагант с нескрываемым удивлением наблюдал за спутницей, и, в конце концов, прервал свой рассказ на самом интересном месте, но, увы, погруженная в свои переживания Стефания этого даже не заметила.

- Бедная девочка,- пожалел её епископ, с интересом наблюдающий за взволнованной девушкой,- вы слишком жестоки с ней!

Дон Мигель лишь самоуверенно улыбнулся.

- Нет ничего проще, чем вскружить голову девственнице! Они любопытны, наивны и абсолютно невежественны в делах любви,- презрительно хмыкнул он,- другое дело опытные дамы! Там можно и впросак попасть, и самому как глупой рыбе клюнуть на замысловато замаскированный крючок, чтобы тебя потом на нем водили по всем кругам ада!

Собеседник смущенно покрутил носом.

- Неужели любовь женщины к мужчине настолько примитивна?

На щеках испанца заиграли неожиданно озорные ямочки.

- Нет, ваше преосвященство, примитивна не любовь, примитивна страсть, заложенная в них со времен падения Евы. Я уважаю решение отцов церкви, принятое на соборе почти тысячу лет назад, где они сравняли души мужчин и женщин. Но согласитесь, душа мужчины все-таки несоизмеримо выше и более угодна Создателю!

- Но бывают же знаменитые своим духовным подвигом женщины! Например, святая Фелиция?

- Единицы, исключения из правил, поэтому их и канонизировали!

Епископ лишь снисходительно покачал головой.

- Я накладываю на вас епитимью - сто раз Аве Мария, чтобы научились уважать женщин! - укоризненно приказал он, - хотя бы в лице вашей очаровательной супруги!

Но и дон Мигель состоял отнюдь не из камня, поэтому не мог себе отказать в ухаживаниях за юной супругой. Оставшиеся остановки до Страсбурга Стефка теперь проводила в состоянии сладостной лихорадки. Каждый вечер они с доном Мигелем ненадолго уединялись невдалеке от лагеря и упоенно и самозабвенно целовались.

Ах, эти летние ночи в горах Баварии! Когда на небосводе зажигаются первые, такие далекие и тусклые звезды, что их блеск едва заметен. Но вот стремительно наступает темнота, и на все более сгущающемся мраке неба они начинают сиять так неистово и близко, что, кажется, до них можно дотянуться рукой. Точно так же загоралась и страсть к греховным наслаждениям в сердце растревоженной девушки. Поначалу поцелуи и ласки приводили её в смущенный трепет, заставляя стыдиться саму себя, но время шло, и от свидания к свиданию ласки мужа принимали все более и более откровенный характер, иногда доводя её до сладостного мучительного озноба.

Сон и покой окончательно покинули графиню - она не находила себе места, мечась среди скомканных простыней походной кровати.

Облик Стефании изменился, и она с ужасом по утрам видела в зеркале беспокойные тени под глазами, осунувшееся лицо. Ей было невероятно стыдно, и девушка в смутении прятала ото всех глаза, чтобы никто не заметил их беспокойного выражения. И часто, покорно следуя под палящим солнцем по пыльной дороге, она видела перед собой не торопящихся навстречу людей, и не живописные пейзажи, а напряженное лицо супруга, его губы, шепчущие ей по-испански слова страсти, замирала от болезненной истомы, а потом резко вздрагивала, и удивленно оглядывалась на окружающих. Словно ночная охотница сова теперь торопила девушка неинтересный день, её перестали развлекать разговоры с Гачеком, и вообще стало не интересно все происходящее вне ночного мрака наедине с мужем.

Бабка Анелька права, - часто в отчаянии думала она, - я великая грешница!

А жизнь между тем текла своей чередой. Вели нескончаемые беседы викарии, епископ и граф, переговаривались о чем-то своем даже обычно молчаливые испанцы. Устав очевидно от её невнимания, куда-то все чаще и чаще стал пропадать вагант. И однажды сквозь её туманные грезы вдруг прорезался резкий звук женского смеха.

Он был так неуместен в их закованном в латы чопорном отряде, что Стефания вздрогнула и недоуменно оглянулась. Смеялась высунувшаяся из повозки крепкая светловолосая девушка, в которой с трудом можно было узнать тот страшный полутруп, который они недавно подобрали на дороге. Рядом с повозкой ехал Гачек, и этот счастливый смех был явно предназначен ему.

Дон Мигель с епископом хмуро переглянулись, но Стефку больше всего удивило странное волнение, возникшее среди обычно невозмутимых как каменные изваяния испанцев. Над отрядом пронесся возмущенный ропот, сникший только от холодного взгляда разгневанного сеньора.

И только тут Стефания вспомнила о спасенной девушке. Ещё одна женщина в отряде! Вот с ней она бы могла поговорить о наболевших проблемах. Простолюдины всегда житейски более опытные!

- Как там Хельга?- спросила она у Гачека на следующий день,- раны её зажили?

- Она здорова! - сухо буркнул тот, отведя глаза.

У девушки от такого ответа удивленно расширились глаза. Тут что-то было не так! Вагант обычно был разговорчив и весел, а сейчас его лицо поражало отстраненностью и даже ожесточенностью. Стефке стало неудобно. За своими переживаниями и таинственными переглядываниями с супругом, она вообще обо всем забыла, а между тем они с доном Мигелем были всё-таки не одни - почему-то был опечален Гачек, что-то происходило с подобранной по дороге Хельгой.

Наша героиня чувствовала себя в ответе за них, и поэтому изо всех сил попыталась вырваться из крепких пут чувственного морока, и вернуться в мир реальных проблем.

- Что с вами случилось, пан Славек? Отчего вы не смеетесь, как прежде?

Прежде чем ответить Гачек осторожно оглянулся на увлеченно рассуждающих епископа и графа. И хотя они разговаривали на родном языке, все-таки с опасением понизил голос.

- Ваш муж вчера ночью приглашал Хельгу в свою палатку.

Стефка не то чтобы огорчилась, она просто не поняла.

- Зачем?

- Он приказал ей обслуживать своих испанцев!

Этот, казалось бы, исчерпывающий ответ, поверг её в ещё большее недоумение.

- То есть, как это обслуживать?

- Мессир сказал ей, что раз она шлюха, то должна заниматься своим ремеслом. Хельга в отчаянии, заступитесь за девушку, донна! У неё уже вчера побывало двое этих ненасытных дьяволов. Они совсем замучили её, и она с ужасом ждет сегодняшней ночи.

Ошеломленную девушку бросило в гневный жар. Бабка Анелька смогла бы в тот момент гордиться своей внучкой - и хотя пани не удалось сделать из неё фанатичную католичку, зато понятие о женской чести было вбито в голову крепко. И пусть Стефка по-прежнему опасалась своего супруга, но всему должны быть пределы, мужскому самодурству тоже! Она уже давно поняла, что мужчины существа сумасбродные, жестокие и бессердечные. С этим ничего не поделаешь, остается только смириться. Такими их создал Господь! Но сначала осуждать девушку за проституцию, обречь на смерть, а потом самому же отдать приказ надругаться над ней? Нет, это уже было за пределами её понимания!

Разъяренная Стефания немедля подъехала к графу. Дон Мигель был так занят разговором с епископом, что против обыкновения недовольно глянул на жену, когда та попросила разрешения к нему обратиться.

- Да, я отдал такой приказ,- не стал он отказываться, холодно отвечая на её возмущение,- я не понимаю, почему если в отряде едет блудница, то её услугами нельзя пользоваться. Мои люди давно нуждаются в женщине. Пусть исполняет свои обязанности и обрабатывает хлеб, который ест. Каждый должен заниматься своим делом!

- Но она не хочет быть блудницей!- резко возразила Стефания.

- Только порядочная женщина имеет право на одного мужчину, - раздраженно заметил дон Мигель,- я смог бы еще понять, если бы она раскаялась в своем грехе и проводила время за молитвами, но я сам вчера видел, как она в нем упорствует. Девка откровенно заигрывала с вашим Гачеком, а чем он лучше моих людей? А раз она это позволяет ему, то почему отказывает другим?

Хельге нравится Гачек? Что ж, графиня вполне её понимала, и тем возмутительнее казались инсинуации супруга.

- Что здесь плохого, если он ей действительно по сердцу?

Де ла Верда фыркнул с таким возмущением, что в дело поспешил вмешаться его собеседник. Епископ, искренне симпатизирующий юной графине, по-своему стремился сгладить ситуацию.

- Увы, дочь моя, грех прельстителен,- тяжело вздохнул он,- только священные узы брака могут дать женщине возможность, не греша, вступать в плотские отношения с мужчиной. Но раз она теряет целомудрие, то должна понимать, что её жизнь резко меняется и теперь мало что зависит от доброй воли самой женщины. Ради её же спасения ваш муж решил показать Хельге, насколько грязен, тяжел и омерзителен грех! Может, это заставит грешницу по-другому взглянуть на жизнь и раскаяться? Вспомните историю Марии Египетской!

И тут не выдержал и вступил в разговор взбешенный Гачек.

- Но почему, что бы что-то доказать человеку, его нужно обязательно втоптать в грязь, мессир? Если вам не понравилось, что происходит между нами, достаточно было просто сказать об этом!

Лучше бы он и дальше придерживался тактики избегания разговоров с каталонцем.

- Но ведь речь идет не о тебе, вагант,- взгляд графа стал ледяным,- ты отработываешь свой хлеб, развлекая донну, хотя мне не всегда нравятся взгляды, которые ты на неё кидаешь! Но это нормально, когда вокруг красавицы собираются преклоняющиеся перед ней рыцари. Что же касается Хельги, то я так решил и так будет! Если после того, как она пропустит через себя моих людей, у неё останутся силы еще и на тебя, то я ничего иметь против не буду!

Стефания нахмурилась. У неё была другая точка зрения на этот предмет.

- То что происходит с Хельгой, оскорбительно в первую очередь для меня,- возмутилась она,- я упросила взять несчастную в наш отряд, не для того чтобы слушать ваши споры о способах искупления греха, а потому что она умирала. И вообще, я нуждаюсь в услугах приближенной женщины! Или графиня де ла Верда должна, как простолюдинка обходиться только своими руками?

Укол оказался точным и довольно болезненным для того, кому был нанесен. Дон Мигель сразу же почувствовал себя не в своей тарелке. Эта юная девочка моментально, как и все дочери Евы, нашла брешь в его, казалось бы, неуязвимой позиции.

- Разумеется, что такая женщина вам необходима! И только то, что мы в пути, является причиной отсутствия тех удобств, на которые вы вправе рассчитывать по своему происхождению и положению,- неохотно согласился де ла Верда, и тут же гневно возразил, - но ведь не блудница же должна это делать? Наоборот, присутствие рядом с вами женщины

такого рода позорно!

- Если она не желает заниматься этим, как вы выразились, ремеслом,- не сдавалась Стефания,- так значит, раскаялась и осознала грех! Вы же сами недавно приводили в пример Марию Египетскую!

- Это не одно и то же!

Стефка была не сильна в спорах, но иногда могла и заупрямиться.

- Я хочу, чтобы мне прислуживала именно Хельга!

Дон Мигель с епископом многозначительно переглянулись.

- Только вы забыли, дочь моя,- вкрадчиво заметил последний,- что у вас самой есть господин, которому вы должны полностью подчиняться. И если вам что-то от него надо, вы должны не кричать в ослепленной гордыне я хочу, я не потерплю, а униженно просить его об этом.

Стефка растерянно поглядела в насмешливые глаза прелата, перевела взор на невозмутимое лицо мужа и на огорченного Гачека.

- Господь не оставит вас, донна!

Что ж! Сурово нахмутив брови, впавшая в амбиции девушка спешила с коня и встала на колени в дорожную пыль, нагнув голову настолько низко, что вуаль с её шляпы оказалась на земле.

С лица епископа неожиданно исчезла отеческая улыбка.

- Смотрите, сколько гордыни в её даже коленапреклоненной позе, у вас еще будут с ней проблемы, сын мой!- встревожено произнес он по-итальянски.

- Гордость - это качество, которого никогда не будет слишком много для матери моих сыновей,- неожиданно улыбнулся граф,- ничего, женщины в нашей семье всегда знали свое место. Дорогая,- обратился он к жене по-немецки,- встаньте, эта девка не стоит того, чтобы из-за неё валяться в дорожной пыли. Нужна она вам, берите! Но предупреждаю, что если она не будет вести себя целомудренно, прикажу её запороть насмерть!

Весь остаток дня до привала, Стефка не могла прийти в себя от того унижения, которому её подверг муж. Заставить встать на колени! На глазах всего отряда! И только когда на отдыхе в палатку вошла Хельга и принялась со слезами благодарности целовать подол её платья, она чуть опомнилась и оттаяла.

И все-таки урок оказался болезненным - напрасно Эстебан пришел за ней, приглашая на очередное свидание к своему господину, Стефания сухо отказалась, сославшись на головную боль. Неизвестно, как перенес отказ жены дон Мигель, но утром он осведомился о её самочувствии.

- Я здорова, - сухо ответила юная супруга, и подчеркнуто отвернулась от вопрошающих глаз.

Зато, когда ближе к вечеру на горизонте показались острые шпили церковей Страсбурга, Гачек благодарно склонился к графине:

- Я хотел в этом городе покинуть вас, но теперь не сделаю этого, действительно став вашим

верным оруженосцем, пока вы не прибудете во Францию. Мне понятно, какое унижение вы испытали, преклонив колени перед мужем из-за нас с Хельгой, но хотите, я расскажу вам легенду о леди Годиве?

- Кто это?

- Это была знатная английская госпожа из города Ковентри, а муж у неё был такой же изувер, как и ваш. И однажды лорд взял и повысил городские налоги так, что горожанам стало совсем плохо, и они обратились за помощью к доброй леди. Она заступилась за них перед своим господином, но он потребовал, чтобы взамен милости она голая проехала по улицам города.

- Какой ужас,- изумилась потрясенная Стефка,- неужели она согласилась?

- Но ведь от её поступка зависела жизнь огромного количества людей! Что значит унижение одного человека рядом с горем многих людей? Самопожертвование леди пережило века и осталось в истории народов. Кстати, все жители города, пока леди ехала на лошади, закрыли ставни домов, чтобы не смущать её стыдливость.

Спутники передвигались чуть в стороне от графа и епископа и говорили по-немецки. Де ла Верда, казалось, весь ушел в беседу с Братичелли и вообще не обращал на них внимания, и тем неожиданнее в беседу врезался его насмешливый голос.

- Все это так, гаер, но ты забыл рассказать об одной интересной детали этой старинной баллады!

Вздрогнувшие от испуга Стефания и Гачек опасливо повернули головы к испанцу.

- Какой, мессир?

- У леди Годивы были очень густые и длинные волосы, которыми она смогла укутаться до пят. Что, согласитесь, несколько меняет картину происшедшего!

СТРАСБУРГ.

Недаром Страсбург называли городом дорог. Действительно, сюда, как и в Рим, вели, казалось, все торговые пути с запада на восток, настолько было тесно от повозок с товарами при подъезде к его знаменитым крытым мостам. Их округлые солидные башни, отражались в водах реки Иль, которая обтекала город со всех сторон, чтобы затем впасть в величественный Рейн.

Имперский вольный город, уютный и сравнительно небольшой, стал общеевропейским центром торговли из-за своего уникального положения, да ещё из-за того, что его часто выбрали своей резиденцией императоры Священной Римской империи. Обитал здесь и нынешний император Фридрих II.

Именно на эти дни был назначен имперский сейм, на который съехались наиболее влиятельные князья, и, конечно же, все курфюрсты империи.

В Страсбурге де ла Верда повел себя несколько иначе, чем в других герцогствах, через которые проезжал с юной супругой. Он не заигрывал с дамами, не развлекал герцогов, а выступил с довольно резкой речью перед императором и рейхстагом при полной поддержке вооруженного папскими грамотами епископа с многочисленным клиром.

В светлом и довольно большом зале городской ратуши в тот день разместились все важные лица империи. На небольшом возвышении на троне восседал император, увенчанный в знак высшей власти золотой тиарой, чуть ниже полукругом расположились курфюрсты, а властительные князья заняли места во втором круге за их спинами. Всем присутствующим не хотелось ударить в грязь лицом, поэтому глаза слепило от обилия шелков, бархатов, золота и драгоценных камней в солидного веса нагрудных цепях. Не терялись среди этой вызывающей демонстрации богатства и роскошные, отороченные мехом, не смотря на жару, фиолетовые сутаны епископов.

На фоне этого сверкающего великолепия строгий и глухой, (не смотря на духоту, воротник топорщился у самого подбородка), черный костюм испанца выделялся мрачным и угрожающе неуместным пятном. Но де ла Верда отлично сознавал, что оживляемый всего лишь золотой цепью с родовым знаком (яростно сплетенные в битве химера и бык), черный бархат делал лицо его владельца ещё более значительным и суровым. А как же, ведь речь шла о делах очень серьезных - о расширении полномочий инквизиции на территории империи!

Стефка среди других высокопоставленных дам тихо сидела за спинами мужчин с неизменным вышиванием, и недоуменно прислушивалась к раздающимся в приемном зале речам. Вообще-то, женщинам здесь было не место, но император из каких-то своих соображений, почему-то пожелал придать собранию менее официальный характер. Забегая вперед нужно сказать, что это у него, мягко говоря, не получилось. Уж слишком серьезна и угрожающа была речь папского посланца в лице испанского гранда.

Император и князья с каменными лицами слушали его вдохновенную речь, но такого опытного оратора, как дон Мигель, мало смущала эта холодность. Он знал, чего хочет:

- Наше посольство выехало из Рима в дальнюю дорогу по благословению его святейшества, и прежде чем приехать сюда, посетило немало городов и селений Священной римской империи. Мы с его преосвященством разговаривали и с властительными государями, и с простыми священниками, и просто с добрыми прихожанами, и пришли к неутешительному выводу - Германия опасно больна! Больна болезнью хуже, чем проказа, потому что та уничтожает всего лишь тело, а еретики продают нечистому свою бессмертную душу. Я уже написал папе письмо о том, что сатанизм, ведовство, поклонение дьяволу приняло в ваших землях такой неслыханный размах, что нуждается в более жестких мерах, чем применялись до сих пор. Со скорбью и гневом я вынужден констатировать, что население в ваших краях больше поклоняется дьяволу, чем Богу! До меня дошли возмутительные слухи о связи с нечистым даже многих знатных людей, которые по своему положению должны бы наоборот встать на защиту святой-матери церкви, а не заигрывать с ним! Но страшная николаистская ересь распространяется даже быстрее, чем мор. Вы что же хотите, чтобы разгневанный Господь обрушил на империю свою кару? Вам мало чумы, голода, войн? Вы хотите участи Содома и Гоморры?

Сидящие перед папским посланцем люди досадливо поежились, явно не зная, как отреагировать на столь гневную филиппику. По рядам прошуршал слабый ропот, и пурпурные отделанные горностаем шапочки курфюрстов закачались как цветы под дуновеньем ветра, склоняясь то в сторону одного соседа, то другого. Люди были явно растеряны и не знали, как отреагировать на такие возмутительные нападки. В конце концов, за всех высказался недовольный происходящим император.

- Не преувеличиваете ли вы опасность, граф? - осторожно осведомился он.

Возможно, Фридрих просто плохо подумал, прежде чем спросил? Этот пожилой,

поднаторевший в интригах человек с хищным профилем и изрезанным преждевременными морщинами лбом явно недооценивал своего гостя.

- Преувеличиваю?- холодно вздернул бровь дон Мигель,- да разве её можно преувеличить, когда вчера непосредственно под вашим городом ведьмы проводили свой шабаш!

По залу прокатился шум изумленных голосов, в которых отчетливо слышалось недоверие.

- Отцы-доминиканцы с городской стражей сумели захватить их около десятка, - жестко пресек эти зачатки бунта каталонец,- на дознании они выдадут остальных. Богохульницы голыми плясали вокруг костра, и, опьяненные дьявольским зельем, призывали к себе сатану! И кто это? Женщины из почтенных семейств города! Как это могло случиться, куда смотрел капитул, священнослужители, их сограждане? Я уж не спрашиваю о том, почему мужья не заинтересовались, где это их жены находятся ночью?! Наверное, они тоже находились в сговоре с дьяволом! И что теперь делать с этими несчастными, загубившими свою душу? Излечение невозможно, покаяния не дожидаться, остаются только самые крайние меры! Но откуда мы знаем, как глубоко проникла эта разъедающая души смертоносная зараза? Нужны особые методы дознания!

Надо сказать, что его речь теперь по настоящему всколыхнула зал, но не так, как бы хотелось непримиримому борцу за чистоту веры.

- Инквизиция, если ей дать волю, обезлюдит наши земли,- выступил один из князей, недружелюбно глянув на де Ла Верду,- вы, испанцы, привыкли к жестокости по отношению к неверным, но здесь-то речь идет о католиках!

- Да-да,- охотно подержал его сосед, - часто инквизиция не знает меры, и хватает и правых, и виноватых!

В поддержку выступавших неожиданно загудели и курфюрсты. И только лишь молчали как каменные изваяния имперские епископы - в них боролась цеховая солидарность с чисто прагматическим подходом к ведению хозяйства.

- Это только от излишка усердия,- между тем, живо возразил дон Мигель,- пусть лучше на небо попадут десять добрых католиков, ведь на том свете их ждет счастливая вечная жизнь, чем удастся избежать кары хотя бы одной ведьме. Что же касается нашей жестокости, то действительно в Испании все хорошо видно - вот мавр, еврей, а вот добрый христианин! Враг ясен, крести или уничтожай его! Здесь же все гораздо сложнее и хуже, ведь сатана все делает исподтишка, потому что он отец лжи и хитер. Днем женщина добрая мать семейства, уважаемая всеми, а ночью она седлат метлу и отправляется к дьяволу, призывая на ваши земли болезни и мор! А на неё смотрит её дочь, внучка и все превращается в бесконечную вакханалию страшного греха. Понятно, что вам трудно в этом разобраться, у каждого властительного князя много государственных дел, так предоставьте же решать эти проблемы тем, кто может отличить ведьму от почтенной женщины, колдуна от добропорядочного католика! Не ставьте палки в колеса инквизиции, проявляя неуместную жалость к этим опасным преступникам! Поймите, защищая их, вы тем самым сами становитесь прислужниками дьявола!

Раскрывшая рот от изумления Стефания с нескрываемым восхищением смотрела на своего мужа. Она мало что понимала из его вдохновенных речей - какие-то ведьмы, метлы, пляски голышом на каком-то лугу (и как им только не холодно!), и это почему-то приносит болезни и мор! Бабка Анелька, наверное, была бы в восторге от этого собрания! Но зато графиня хорошо

разглядела, как необычайно красив дон Мигель в своей увлеченности данной темой. Глаза светились темным огнем, лицо поражало вдохновением и сосредоточенностью, речь звучала страстно и убедительно.

Неотразим!- восторженно шушукались дамы вокруг.

И действительно, многие выступали на этом почтенном собрании, но испанцу не было равных. Граф играючи разбивал доводы своих противников, и иногда казалось, что он заморозил зал, заставив подчиниться доводам безупречно железной логики. Много и замысловато выступал так же епископ, бесконечно цитируя труды отцов церкви по данному вопросу, в особо трудных местах переходя на латынь, словно рассчитывая задавить этим тяжелым щитом всех сомневающихся.

Мужчины яростно спорили, язвили и отпускали замечания в адрес друг друга, вскоре перейдя на такие выражения, что растерявшийся распорядитель был вынужден попросить дам покинуть зал. Совсем запутавшиеся женщины с легким недоумением покидали неудавшееся собрание.

- Крайние меры - это как? - удрученно спросила Стефка свою соседку, герцогиню Пфальца.

Пожилая женщина пренебрежительно глянула на юную глупышку, у которой очевидно все мозги ушли в хорошенькую мордашку, но все-таки холодно ответила.

- Это аутодафе. Костер на средства города, милочка!

Стефка нервно сглотнула, но больше не осмелилась задавать вопросы.

Графиня задумчиво возвращалась из дворца по живописным улочкам Страсбурга, вытянувшимся вдоль каналов с зацветшей грязной водой. Её как всегда сопровождала стража из испанцев, рядом ехал верный Гачек, что само по себе было странно. Обычно стоило им приехать в какой-либо городок, как он исчезал и появлялся только в час отъезда. Но на этот раз вагант не покинул её.

- Что происходит?- открыто поинтересовался он,- что еще потребовал от курфюрстов ваш муж?

Резкость тона встревожила нашу и без того замороченную героиню.

- Я мало, что поняла,- озадаченно призналась она,- дон Мигель что-то твердил о невероятной опасности, дьяволе и ведьмах. Но, по-моему, - девушка смущенно помялась,- говоря о чрезвычайных мерах, он вовсе не имел в виду аутодафе! Эти люди не поняли моего супруга!

Гачек с откровенной жалостью посмотрел в её расстроенное лицо.

- Графа, вообще, трудно понять, ваша светлость! - сухо согласился он.

- Но если все эти люди против моего супруга, то почему слушают его? Ведь император может приказать замолчать человеку и с более высоким положением, чем дон Мигель?

Гачек небрежно пожал плечами.

- Времена интердиктов канули в Лету,- задумчиво пробормотал он,- невозможно представить, чтобы Фридрих простоял на коленях перед закрытыми воротами Каноссы, как в свое время император Генрих перед папой Григорием, но... у Рима всегда есть чем напугать непокорных, и

очевидно, у вашего супруга, тоже есть какой-то камень за пазухой!

- Но чего он все-таки хочет, пан Славек?

Собеседник тяжело вздохнул.

- Превратив Германию в поле охоты на ведьм, усилить позиции инквизиции, а через неё и возможность Рима активнее влезать во внутренние дела империи!

Объяснил! С таким же успехом он мог сказать подобное и на китайском языке! Стефка с уважением посмотрела на столь заумно размышляющего спутника, и за неимением лучшего, улыбнулась в ответ, хотя и понимала, что вряд ли это была правильная реакция на его слова. Впрочем, красивой женщине всегда охотно прощают улыбку не к месту, ведь она её делает ещё привлекательней, а против такого аргумента не в силах устоять даже самый разумный в мире мужчина.

Отряд, не спеша, передвигался по узким улочкам города к постоялому двору, едва протискиваясь среди выступающих эркеров домов, когда всадникам дорогу преградила толпа взволнованных женщин в характерных чепцах эльзасок - высоких, с черными лентами.

Конь Стефании поневоле встал на дыбы, когда одна из них метнулась прямо под копыта, вырвав из её рук поводья.

- Это же жена черного испанского дьявола, который приказал подвергнуть наших дочерей пыткам!- пронзительно закричала другая, гневно тыча в неё пальцем.

Белые от бешенства неменяемые глаза, искаженные ненавистью лица, тянущиеся к всаднице скрюченные злобой пальцы. Перепуганная насмерть Стефка судорожно вцепилась в гриву коня, когда её попытались вытащить из седла. Трещала материя юбок, от ударов крепких кулаков по ногам и рукам, казалось, не было спасения, но пуще всего пугал нескончаемый вопль:

- Бей дьяволицу!

И пока закупоренные в тесноте узкой улочки испанцы смогли пробиться к своей госпоже, бросившийся на помощь донне Гачек уже оказался в плену распоясавшихся женщин, пинками втоптавших его в грязь, а юбка Стефании превратилась в клочья, открыв взору страшные кровоподтеки на ногах.

- Сумасшедшие дуры,- орал, извивающийся под ударами Гачек,- чем этот ангел виноват перед вами!? Нужно было лучше смотреть за дочками, когда они по ночам сбегали из дома!

- Бей прихвостня сатаны!

Взявшиеся за копыта испанцы, попытались оттеснить взбешенных женщин от пострадавших. Но минутное замешательство обернулось вскоре градом камней, которыми они закидали кавалькаду. Как ни защищал Стефку и без того изрядно израненный Гачек, как не старались изо всех сил испанцы, уже не шутя начавшие избивать взбунтовавшихся женщин, но один из камней все-таки достиг своей цели и трясущаяся от ужаса Стефания, почувствовав тупой болезненный удар по голове, потеряла сознание.

Приходила она в себя с большим трудом, потому что вместе с сознанием возвращалась и тошнотворная саднящая боль в области темени.

Первое, что девушка увидела, с трудом разомкнув ресницы, были обеспокоенные глаза Гачека.

- Мессир, - тихо позвал он, призывая, очевидно, находящегося где-то рядом донна Мигеля, - донна пришла в себя!

И прежде чем застонавшая от боли Стефка смогла хоть что ни будь сообразить, она увидела у своей кровати коленопреклоненного супруга.

- Любимая, как вы?- его взволнованные глаза ласково оглядели бледное лицо жены, - я бы не пережил такой потери, мой ангел!

Он был настолько выведен из себя, настолько встревожен, и говорил такие нежные слова, что Стефка невольно забыв про боль, мягко улыбнулась. Приятно было видеть всегда невозмутимого графа в такой растерянности и смятении. Сердце жарко полыхнуло радостью, и мгновенно стало легче.

- Какова сила дьявола, - голос епископа разрушил все очарование момента, и в поле зрения тот час застонавшей больной оказалась его фиолетовая сутана, - он замутил разум этим несчастным, чтобы отплатить вашему мужу за разоблачение его козней, ударив в самое сердце! Надеюсь, дочь моя, эти безумные горожанки не сильно вас напугали?

Стефка вспомнила ненавидящие глаза и вздрогнула от ужаса. Дон Мигель тяжело вздохнул, нежно погладил её по перевязанной голове, и, поцеловав в лоб, вышел из комнаты.

Графиня пролежала в кровати несколько дней, с ней практически неотлучно находились Гачек и Хельга. Супруг показывался редко - в основном целовал ей руки и заботливо заглядывал в глаза, но его почти сразу же отвлекали, и он покидал комнату.

- Мессир даже ночами не бывает дома, - как-то хмуро заметил Гачек, когда она удивилась кратковременности этих визитов, - и я не желаю знать, чем он занят! Говорят, что история с нападением на вас наделала такого шума, что имперский совет внял его убеждениям и принял постановление, развязывающее руки инквизиции на территории империи.

Теперь графиня была не склонна осторожничать в вопросе о преследованиях ведьм. Приличная болезненная шишка на голове лучше всяких аргументов убедила её в том, что их нужно уничтожать.

- Граф сражается с ведьмами, - сухо пожала плечами Стефка, - чтобы нормальные люди могли без опаски появиться на улице! Эти сумасшедшие чуть не убили меня!

Славек болезненно поморщился.

- Они ошиблись, донна! Но тревогу этих женщин можно понять, их близкие повергнуты пыткам! В таком состоянии человек не может рассуждать разумно!

Графиня недовольно глянула на собеседника, его заступничество показалось ей неуместным. Но так как она доверяла земляку, то поневоле задумалась над его словами:

- Я никак не могу понять, что же заставляет этих несчастных вступать в сделку с дьяволом? Неужели им не страшно, что их разоблачат? Да и почему они это делают, до меня не доходит! Что в этом привлекательного?

Собеседник долго раздумывал, глядя на озадаченную женщину. Высокий с отворотами чепец

не смог закрыть обвивавшую лоб повязку, но лицо уже не соревновалось с ним по белизне. Можно уже было не щадить больную, затеявая столь серьезные разговоры.

- Насколько я знаю, вы, донна, выросли в деревне?

Стефка грустно улыбнулась.

- Наш замок стоял среди гор, поросших лесом настолько густо, что его прозвали Черным.

- Вы, наверное, часто гуляли среди лугов и деревьев? - клонил к чему-то своему вагант.

- О, я так и пропадала на лесных полянах, вместе с няньками и холопками мы собирали ягоды, купались в речке неподалеку. Мне так нравилось нырять прямо в бившие со дна ключи, но к чему эти странные вопросы, пан Славек?

Но вагант только покачал головой в ответ каким-то своим мыслям.

- Я долго жил в Праге, когда учился в университете, - вздохнув, пояснил он, - и имею неплохое представление, как устроена жизнь простой горожанки. В ней мало минут отдыха - женщина никогда не бывает одна. В переделах тесных стен дома толпятся дети, муж, слуги, родственники. Она все время под перекрестком множества не всегда даже доброжелательных глаз. Каждый день тяжелая изнурительная работа, каждый год неизменные роды - и ни глотка свежего воздуха, ни капли родниковой воды, даже солнечные лучи редкие гости на темных городских улицах...

Стефка, широко раскрыв удивленные глаза, слушала его тихий проникновенный голос.

- ... но вот однажды приходит день, и откуда-то из-за городских стен ветер доносит до неё запах травы, весны, леса. И женщина вспоминает, что там за пределами вонючих душных закоулков есть другой мир, где много простора, света и тепла! Это осознание тревожит её кровь, волнует оступившие чувства, и она как птица из клетки, рвется на волю. Разве женщина в этом виновата?

- И она выбирается ночью из города и танцует голой при свете луны? - недоверчиво посмотрела на собеседника Стефка, - но..., зачем?

Гачек тихо рассмеялся.

- Но вы только представьте себе, донна, как это здорово, скинуть с себя давно осточертевшие тряпки и подставить тело волнующему ветерку, почувствовать свободу от этих рубашек, юбок, корсажей и раствориться в окружающей прекрасной природе, слиться с ней!

Графиня с опаской посмотрела в ставшие мечтательными глаза.

- Что вы в этом можете понимать, - холодно удивилась она, - вы ведь не женщина!

- О, госпожа, - в разговор внезапно вмешалась Хельга, чуть ли не с религиозным благоговением глянув на Гачека, - он всё понимает!

Стефка почувствовала легкую саднящую боль. Так же когда-то смотрела она на Ярослава. Сейчас ей казалось, что это было в другой жизни, и не несколько месяцев отделяет её от дня несостоявшейся свадьбы, а целый век. Тогда все было совсем по-другому! Светло и радостно.

- Но причем тут дьявол?- все-таки вернулась она к первоначальной теме разговора.

Прежде чем ответить, вагант осторожно оглянулся на закрытую дверь и понизил голос до шепота.

- Да ни причем,- тихо сказал он,- его на тех полянах просто нет!

Стефка задумалась над этими откровенно отдающими ересью словами, но не стала обвинять собеседника в вероотступничестве, найдя другие аргументы.

- Мой муж - человек не очень приятный,- тяжело вздохнула она,- и я сама видела, как иногда он морочит головы людям, но есть вещи, в которых дон Мигель никогда не позволит себе солгать. Это вопросы веры. Если он говорит, что женщины призывали дьявола, значит, так оно и было!

Гачек нагнулся к ней настолько близко, что графиня с неловкостью почувствовала жар его дыхания.

- Да мало ли кого можно позвать,- едва слышно прошептал он,- но ведь это не значит, что тот придет!

Но видимо отеческие наставления епископа оставили свой след в мировоззрении юной графини, потому что мало-помалу, но она уже начала разбираться в некоторых вещах. И не дала себя запутать даже такому милому человеку, как пан Славек.

- Но ведь дело даже не в том придет дьявол или нет, а в том, что они его зовут! Значит, чего-то от него хотят?

- Да что взять с этих больных, усталых, и запутавшихся женщин, они сами не ведают, что творят,- с болью, забыв про осторожность, воскликнул вагант,- вот, например, вашу ангельскую красоту назвали искушением дьявола и попробовали вас убить. Неужели вы не видите, что это какое-то массовое умопомешательство, которое надо лечить и... не пытками!

Стефка по натуре была непритязательной, недалекой женщиной, словно созданной для того, чтобы быть хорошей матерью десятка детишек, заботливой женой и рачительной хозяйкой, какого-нибудь средней руки баронского замка. А насмешница судьба, словно издеваясь, заставляла её решать такие ребусы, что и дамы с более крепкой головой попали бы впросак. И все же, наша героиня честно пыталась освоиться в этих странных доктринах, от которых у неё пухла и без того пострадавшая голова.

- В ваших словах есть что-то роднящее их со словами моего мужа. Вы говорите почти одинаково, он тоже называет этих женщин, достойными сожаления безумицами, - озадаченно подвела она итоги разговора,- так что же вам не нравится в его деятельности?

- Лечение болезни мы предлагаем разные!- с сердцем ответил Гачек, и сухо извинившись, удалился из комнаты.

На этом их разговор закончился, но он что-то всколыхнул в душе Стефки, заставил её по другому взглянуть на вещи и задать себе некоторые вопросы. И графиня не нашла ничего лучшего, как в поисках ответа обратиться за помощью к мужу и епископу.

К тому времени папское посольство уже покинуло негостеприимный Страсбург.

Капитулы города, стремясь замазать скандал, подарили пострадавшей графине множество красивых тканей и украшений, а от императора лично она получила в подарок забавного шута. У него была большая голова с умными глазами и тонкие ножки, спереди и сзади его украшали два горба. Звали карлика Тибо. Шут был довольно остроумным, но что-то не заладилось у него с имперской свитой, кого-то он неосторожно задел, и вполне искренне любящий его Фридрих предпочел отдать любимца в чужие руки, чем похоронить. А тут как раз подвернулась история нападения горожанок имперского города на жену папского посла, и подарок пришелся очень кстати.

Дон Мигель в этот раз был не склонен к чинному торжественному шествию, наоборот, он всячески торопил кавалькаду. Граф неукротимо рвался в Страсбургское епископство, где у него, как выяснилось, был небольшой замок, подаренный епископством, за какие-то прошлые заслуги ещё его деду.

- Я имею право на двухнедельную остановку,- с жаром доказывал он по-итальянски епископу,- вот уже пять месяцев, как я женился, а до сих пор не провел свой медовый месяц, занятый нашими делами. Меня уже тошнит от допросов, крови и вида камеры пыток. Я хочу передохнуть и заняться продолжением рода, что согласитесь неудивительно, имея столь очаровательную красавицу жену. Ей что, так и умереть девственницей, дожидаясь, пока у нас с вами появится время на отдых?

- Сын мой,- сочувственно вздыхал Братичелли,- я все понимаю, но...

- Да, я прекрасно знаю, что нас ждут при дворе Карла Смелого,- досадливо соглашался де ла Верда, - но вы, ваше преосвященство, далеко не молоды, вам бы то же не мешало отдохнуть от постоянных переездов, дурных постелей, напряженной работы на износ! Да я и не предлагаю вам у меня в гостях предаться безделью! Пока я буду занят с донной, напишите письма, - он виновато покосился на собеседника, - кстати, ответьте на письмо, в котором святой отец упрекает меня за скандальную женитьбу. Придумайте, какое ни будь оправдание, объясните, что по-другому поступить было нельзя!

Искренне сочувствующий своему спутнику епископ, однако, возражал против этих планов, красноречиво доказывая, насколько у них сжатые сроки, говорил, что больше чем на неделю де ла Верда не имеет права задержать отряд в своих владениях, но постепенно уступал его нетерпеливому напору.

Стефка же, которая и не подозревала, о чем они так ожесточенно спорят, некстати вторглась в их яростную полемику:

- Я тут долго думала над вашей речью в Страсбурге, мессир, - осторожно начала она беседу с мужем и епископом, подъехав к ним поближе,- и у меня появились вопросы!

Дон Мигель тоскливо посмотрел на розовые пухлые губы жены - у него не было ни малейшего желания говорить с ней на такие темы. Сейчас граф жаждал слышать только слова любви, и желательно в укромном месте, но, тем не менее, он вымученно улыбнулся и поощрительно кивнул головой.

- Да, любимая?

И Стефания, широко распахнув глаза, осведомилась.

- Почему страсбургские ведьмы призывали дьявола, он что, должен был прийти? Значит, они

его хотели увидеть?

- Уже одно то, что они его звали, говорит о том, что он находился внутри их, дьявол, прежде всего, проникает в душу!- сдержанно пояснил де ла Верда.

- Но тогда не понятно, в чем же они виноваты? Получается, что женщины сами жертвы темных сил?

- Ах, дочь моя, вы слишком юны и не знаете такого термина как богопопустительство,- терпеливо вступил в разговор епископ,- Господь дает людям свободу выбора между светом и тьмой. И тот, кто выбирает тьму, становится жертвой дьявола.

- Но зачем выбирать тьму? И если дьявол в душе, тогда почему его изображают с рогами и копытами?

- Он всемогущ, дочь моя, и может принять любой облик!

- Даже красивого юноши? - почему-то на ум Стефке моментально пришел принц Генрих.

- И что еще хуже,- холодно усмехнулся в ответ на её удивление дон Мигель,- красивой девушки. Наверное, ему приятнее на шабашах с ними вступать в плотскую связь, поэтому среди красавиц так много ведьм.

- В плотскую связь?!

Стефания окончательно запуталась, но поневоле была заинтригована, потому что последнее утверждение было особо непонятно.

- А вы думаете, почему они прыгают голыми вокруг костра и призывают сатану? Они хотят нечистого, как мужчину!

Пока наивная девушка бледнела и краснела от стыда, пытаясь сообразить, что именно ей было сказано, не выдержали нервы у её земляка.

- И что же дьявол, приходит?- вклинился в разговор Гачек.

Дон Мигель хмуро смерил надменным взглядом осмелевшего ваганта, но все-таки ответил:

- Если бы не приходил, то не звали бы! Показания, которые дают эти заблудшие на допросах, не двусмысленны!

Но Гачек не сдавался.

- Но почему они считают, что это именно дьявол? Может, над ними кто подшучивает, и пользуется обезумевшими женщинами для разврата?

- У него есть одно отличительное свойство, которое выдает нечистого, в какую бы личину он не рядился,- мрачно пояснил, благочестиво перекрестившийся граф,- у него ледяное семя. Все допрашиваемые хором твердят об этом, и, путаясь в других показаниях, в этом всегда единодушны.

- Может, они оговаривают себя под пытками?

- Пытки применяются только к упорствующим в ереси, таких мало!

Стефка вновь задумалась. Ей опять не все было понятно. Но епископ и муж торопливо заговорили по-итальянски, и она пережидала, чтобы вклиниться в разговор.

- Вы правы, сын мой, вам пора вступать в ваши супружеские права! У донны совсем не то в голове, что должно быть у юной женщины её лет,- встревожено говорил его преосвященство, - конечно, во многом виноваты и мы с вами, и наши занятия, но все же подобное любопытство очень опасно для её души. Дьявол не дремлет и везде ищет лазейку, - он терпеливо вздохнул, - что ж, я, пожалуй, действительно, плохо себя чувствую, и моя болезнь затянется на две недели, но не больше! Вы слышите, сын мой, не больше!

- Мне вполне хватит этого времени,- оживленно согласился обрадованный дон Мигель,- а беременные женщины думают, как правило, только о своем ребенке, он для них является сосредоточием всего мира и предметом неустанных забот!

Граф живо оглянулся на свою явно пытающуюся спросить ещё о чем-то жену и внезапно потребовал у Гачека его лютню. Тот недоуменно и неохотно протянул де ла Верде свой инструмент.

И вскоре епископ, вагант и Стефка с удивлением услышали как каталонец, неожиданно опытной рукой перебрал струны, вдруг запел. Голос у донна Мигеля был низким, даже чуть хриплым, но сильным и хватающим слушателей за сердце. Пел он по-испански, что-то очень печальное и страстное, не сводя сверкающих глаз со своей порозовевшей от удовольствия жены.

Замершей от неясных предчувствий чего-то чудесного девушке было приятно и томительно радостно слушать его песню, и, хотя она еще не все понимала по-испански, но все же осознавала, что это песня о любви, о страсти и нежности, которую муж испытывает к ней.

Супруги встретились понимающими взглядами, и внезапно Стефании показалось, что по ней пробежала щекочущая молния, оставившая их в одиночестве на этой дороге, увлекавшей к таинствам любви и счастью. Закончив петь одну песню, дон Мигель было начал вторую, но внезапно оборвал, не доведя до конца и небрежно сунув лютню обратно владельцу

- Дорогая,- сказал он по-испански,- вы видите пред собой крепость?

И он, протянув руку вдаль, показал на чернеющие на фоне закатного неба тонкие башни замка по правую сторону от дороги.

- Вижу!- улыбнулась Стефка.

- Это Конствальц, милая, наш первый с вами приют на протяжении долгого времени. Внимательно посмотрите на него, постарайтесь запомнить его очертания, потому что теперь до конца жизни слово Конствальц и слово любовь для вас будут означать одно и то же!

**КОНСТВАЛЬЦ.**

Обряженная в алую тяжелую парчу графиня и её близкое окружение сидели в ожидании свадебного обряда в будущей спальне новобрачных.

Стефания нервно поглядывала на огромное покрытое простынями ложе, под расшитыми гербами де Ла Верда бархатными пологам, и тайком ото всех вытирала почему-то потеющие ладони. В животе было холодно и пусто.

- Любимая, - ласково пояснил ей муж по прибытии, - я хочу повторить наше венчание. Обряд в Моравии прошел настолько в напряженной обстановке, что едва ли вы вложили много чувства в слова священного обета. Все-таки свадьба самое серьезное событие в жизни любой женщины, и я хочу, чтобы наше счастье было скреплено радостью, а не слезами!

К удивлению графини в замке уже все было готово к проведению церемонии - приглашены в гости самые значительные персоны епископства, готовился на кухне праздничный ужин, и набежавшие неизвестно откуда женщины выкупали и обрядили невесту в роскошные одежды, тщательно расчесав её золотистые локоны, накинули на голову тончайшую вуаль.

Несколько опешившее от всей этой суеты близкое окружение девушки оказалось оттесненным на задний план, но зато когда больше похожая на сверкающего золотом идола, чем на счастливую невесту, Стефка была, наконец, обряжена, и посторонние удались, у них появилось время задать мучившие их вопросы.

- Ох, ваша светлость, - раньше всех высказалась недалекая Хельга, - это что же получается, что вы почти полгода были замужем и так и не стали женщиной?

Графиня попыталась грозно глянуть на служанку, но очевидно, это у неё получилось плохо, потому что та упрямо продолжала высказывать свое недоумение.

- А зачем же вы тогда с ним постоянно шлялись по лесам во время стоянок? Я думала, графа заводит, когда ему комары жалят задницу!

Стефка побагровела, но прежде чем она открыла рот, чтобы поставить зарвавшуюся немку на место, в разговор вступил строивший смешные рожи Тибо.

- Может, графу любовный инструмент заменяет длинный нос, - несколько раз подпрыгнул он, - а пестик просто не дорос!

Теперь графиня понимала, почему того чуть не убили приближенные Фридриха, она и сама бы сейчас придушила язвительного уродца. Да что там говорить, когда даже умница Гачек и тот не отказал себе в наслаждении уязвить ненавистного графа.

- Видимо, весь любовный раж его светлость тратил на преследование ведьм! Но теперь, донна, пришла и ваша очередь!

- Замолчите вы все, - в ярости закричала она, - вы ничего не понимаете!

Вагант дурашливо улыбнулся.

- Уверен, что и вы, графиня, то же!

- Наш испанец так за дьяволом скакал, что чуть в рогоносцы не попал! - радостно подхватил Тибо, - подождет б ещё денек, дождался бы ублюдка, куманек!

Тяжелая парча топорщилась коробом, но все равно разозлившаяся Стефка исхитрилась изогнуться и, сняв туфлю с ноги, от души запустила в насмешника.

- Ой-ой, - притворно взвыл тот, потешно размазывая по щекам несуществующие слезы, - донна вся во власти гнева, словно яблок не отведавшая Ева!

Он так забавно и жалобно морщил нос и со скорбной миной держался за горб, что графиня не

выдержала и рассмеялась. Правда, не очень весело.

- Не сердитесь на нас, донна,- тот час извинился Гачек, - мы все вас любим! И хотим, чтобы вы были счастливы.

- Благодарю вас, друзья мои!

Как же сильно отличался второй брачный обряд от первого!

Вошедшая в сопровождении свиты в замковую часовню Стефания направилась к ждущему у алтаря супругу. Она впервые увидела графа настолько роскошно и ярко одетым, обычно он предпочитал глухие, не бросающиеся в глаза тона, особо выделяя черный цвет. Сейчас же де Сааверда был наряжен в красный бархатный упленд, украшенный золотой цепью. На его кудрях ловко сидела небольшая красная шапочка с алмазным аграфом и шелк белоснежной рубашки выглядывающий из разреза рукавов сюркота только оттенял яркое сочетание черного с красным. Дон Мигель показался своей юной супруге ошеломляюще красивым.

Брачующиеся стояли напротив анаоя, и счастливой Стефке казалось, что они плывут куда-то вдаль на корабле замковой часовни, повторяя за епископом слова священного обета. Плывут в радость, долгую и счастливую семейную жизнь, наполненную любовью и пониманием.

А потом был свадебный пир, с заздравными тостами, смехом, веселыми, подчас непристойными шутками, с музыкой и танцами. Новобрачные сидели рядом и терпеливо принимали поздравления гостей. Надо сказать, что те иногда имели далеко не невинный характер. Особенно изощрялся, вгоня графиню в нервную краску один из баронов, пожилой мужчина лет пятидесяти с рыжей неопрятной бородой.

- Желая вам, граф, так объездить в эту ночь новобрачную, чтобы она, как кобылка вечно несла на себе седока!

- Пусть ваш меч легко войдет этой ночью в девственные ножны...

И так далее, и тому подобное.

- Кто о страсти много говорит, у того пестик очень редко стоит!

Вылез откуда-то из-под юбок госпожи вездесущий шут.

Можно только представить, что тут началось. Оскорбленный гость взревел и схватился за нож, все остальные гости согнулись от смеха (кстати, громче всех смеялся епископ!). Стефка испуганно закрыла своего карлика юбками, испугавшись, что рыжебородый убьет глупыша прямо на глазах у присутствующих.

Дон Мигель, так же отсмеявшись, громко обратился к жене.

- Час поздний, сердце моё! Не пора ли нам удалиться в часовню?

Стефка вопросительно глянула на супруга, решив, что она ослышалась или чего-то не поняла, но судя по тому как стихал смех в огромном зале, гости были в таком же недоумении, изумленно уставившись на новобрачного.

- В часовню? - внезапно раздался чей-то подвыпивший озадаченный голос,- а зачем ему в часовню? Она же уже его жена!

Граф холодно улыбнулся, надменно глянув на собрание.

- В нашей семье,- сухо пояснил он,- веками придерживаются традиции проводить первые три ночи после свадьбы в молитвах к Богу о ниспослании крепкого и здорового потомства! Это называется ночами Тобиаса.

Опешившая от перспективы заменить долгожданные ласки и поцелуи ночным стоянием на коленях, новобрачная оцепенела. И моментально услышала странное хрюканье возле своих юбок, сразу же догадавшись, что оно означает. Стефка бросила всполошенный взгляд на Гачека, тот быстро опустил глаза, но все равно не смог скрыть их веселого блеска.

Да что там друзья! Подвыпившие гости за малым исключением смотрели на графа, как на опасного больного. Такая красавица жена и вдруг...

- Для графа лучше молиться, чем на жену взгромоздиться!

И без того выведенная из себя графиня моментально нашла ухо насмешника и больно вцепилась в него пальцами.

Но дон Мигель тоже понимал, что сказал лишнее, и то что нормально для аскетической Испании, неприемлемо для веселой и откровенной Германии. А уж вытянувшееся лицо явно разочарованной супруги вызвало у него снисходительную улыбку.

- Но так как я уже пять месяцев неустанно молюсь об этом каждую ночь,- добавил он, - то, думаю, можно сократить время Тобиаса до нескольких часов. Я мечтал, что вы преклоните колена рядом со мной, дорогая, но раз вам нездоровится, то сделаю это один, а вы пока отдохнете и приготовитесь к вашей первой ночи в объятиях супруга!

Минутное замешательство после этих слов, было вызвано тем, что гости каждый по-своему переварили услышанное, и только осознав, что испанец просто блажит, а не отказывается от первой брачной ночи, с легким сердцем вернулись к еде и питью, все-таки немного про себя пожалев юную графиню.

В спальне хозяйку ждала только Хельга. Она помогла ей снять тяжелый свадебный наряд, помыться, расчесала волосы и, раздев до нага, уложила в просторную кровать. Она собиралась уже задернуть полог, когда взволнованная до нервного озноба Стефка её задержала:

- Побудь со мной, Хельга! Мессир не скоро придет, он будет несколько часов молиться, а мне не по себе!

Служанка с доброй улыбкой встала на коленях у края кровати, с жалостью оглядев, натянувшую до самого носа простынь перепуганную госпожу.

- Да чего вам бояться,- небрежно взмахнула она рукой,- это всё ерунда, так..., словно комарик укусит. Ахните, и вот уже все останется позади! И хорошее, и плохое! А я все время буду рядом и помогу вам смыть кровь!

Стефке стало совсем дурно.

- Быстрее бы уж! - тоскливо простонала она.

Хельга игриво хихикнула.

- Как бы ни был набожен ваш супруг, - со знанием дела заверила она юную графиню,- в эту ночь он не задержится! Мессир сам сейчас сгорает от нетерпения. Это подумать только, сколько времени он выдержал!

- Хельга,- графиня нервно схватила её за руку,- а это очень больно?

Немка только дернула плечами.

- По-разному бывает...

- Расскажи, а как было у тебя?

Хельга поудобнее уселась на ступеньке подножья кровати, положив подбородок на скрещенные руки, и лицо её осветилось улыбкой.

- Курт с малолетства был подмастерьем моего отца. Я была уверена, что он заменит его в лавке, когда тот состарится, так как сыновей у моих родителей не было,- неторопливо заговорила она,- Курт был такой симпатичный и веселый парень! Он все время задевал меня шутками, и часто улыбался при встрече, говоря всякие приятные вещи, а однажды отец прислал его домой за инструментом, когда кроме меня никого там не было. Мы так целовались, что у меня перехватило дыхание, и я даже не поняла, почему мне вдруг стало больно, так незаметно он пробрался ко мне под юбку!

Хельга прерывисто перевела дыхание.

- Я сразу полюбила любовь, и после этого мы с ним пристраивались, где только можно, но я знала, как только я забеременею, Курт пойдет к отцу и тому не останется другого выхода, как нас поженить. Ребенка все не было, да нам и без этого было хорошо! Но тут отец простудился, и, проболев всего неделю, умер. Лавка перешла к моей матери, и однажды я застала Курта с ней в постели. Я потом плакала, кричала, но он и слушать меня не пожелал, женившись на ней. Было так горько, когда я видела, как каждую ночь за ними закрывается дверь их супружеской спальни. Мать быстро забеременела, и однажды ночью Курт пришел ко мне, и я все ему простила, за первой ночью последовала вторая, а потом мать нас застала, и был позор, и кнут палача и вы, моя госпожа!

- А Гачек? Ты его любишь?

- Кто он, а кто я,- тяжело вздохнула немка,- да и сохнет вагант по вас!

- По мне?- радостно оживилась Стефка,- с чего ты это взяла?

Но Хельга не стала отвечать на вопрос, она насторожилась, а потом, подобрав юбку, быстро исчезла.

Стефка сразу поняла, что это значит, и, затаив дыхание от страха, вжалась в свою половину постели.

Полог шелохнулся, резко отодвинутый властной мужской рукой, и в проеме показался супруг. Едва увидев его обнаженное тело, девушка сразу же крепко зажмурила глаза. Дон Мигель негромко рассмеялся, и она почувствовала, как он вытягивается рядом, сразу же крепко прижав жену к себе и захватывая жадными губами её дрожащие от волнения губы. Все было совсем не так, как на их свиданиях в лесу, даже поцелуи были другими - более настойчивыми и даже болезненными...

Задыхающаяся от нехватки воздуха и возбуждения Стефка почувствовала, как его тяжелое горячее тело упорно вдавливают её простыни постели и растерялась. Она ждала нежности, тех самых пьянящих ласк, которыми он прежде доводил её до истомы, наслаждения, увы! Супруг был настолько целеустремленно настойчив и нетерпелив, что напугал свою юную жену и странным пряным запахом обнаженного тела, и скупыми, даже грубоватыми движениями. Потревоженный распухший рот полыхал огнем под его алчными губами, руки не ласкали, а крепко сжимали груди, но, тем не менее, до её слуха донеслись какие-то испанские страстные слова, смысл которых Стефании был неясен, но они зажигали в ней, что-то неведомое, заставляя бурлить в жилах кровь и учащая и без того неровное дыхание.

Всё получилось так быстро, так странно, что она даже опомниться не успела, как все закончилось.

- Спасибо, любимая,- прошептал ей на ухо супруг,- за этот подарок. Мне никогда еще ни с одной женщиной не было так хорошо!

Дон Мигель не торопился отпускать жену, медленно и нежно целуя лицо, шею, грудь, а Стефка чувствовала себя настолько странно, что едва сдерживала слезы разочарования. Это было совсем не то, о чем она мечтала и чего так долго ждала! Болели губы, ныла грудь, а главное, страшным болезненным огнем горело все там, внутри. Это и есть любовь? Но почему тогда о ней так много разговаривают, как о самом главном счастье на земле?

Служанка неожиданно появилась рядом, и настойчиво потянув её с постели, увела в соседнюю комнатку, где погрузила в теплую воду лохани. От боли Стефка даже заплакала, но Хельга с улыбкой вытерла ей слезы, и опять проводила на супружескую постель, которая уже была перестелена и теперь уже муж, лежа под простыней, дожидался жену.

- Как вы, радость моя?- спросил он её, нежно притягивая к себе.

Но расстроенная супруга лишь уткнулась носом в его грудь, стараясь вновь не расплакаться.

- Ничего,- по голосу чувствовалось, что граф улыбается,- вы не представляете, моя бедная малышка, как вскоре все изменится! Раны любви очень болезненны, но легко лечатся поцелуями и заживают от повторных объятий. Хотите, я предложу вам увлекательную игру?

Играть с ним Стефке не хотелось. У неё было неприятное чувство, что её жестоко обманули, обвели вокруг пальца, и теперь, очевидно, пытаются опять одурачить.

- Какую игру?- обиженно шмыгнула она носом.

- Очень занимательную,- де ла Верда встал с постели (его супруга зажмурилась, чтобы не видеть наготы мужского тела), но быстро вернулся, неся в руках небольшую золоченую шкатулку,- смотрите!

Стефания неохотно открыла коробку и поневоле залюбовалась мерцающими крупными розовыми жемчужинами. На самом верху красовались две редкостные черные.

- Какая красота! - поразилась она, восхищенно проведя пальцем по прохладной поверхности.

Дон Мигель со слабой улыбкой наблюдал за её оживившимся лицом.

- А игра заключается в следующем,- пояснил он,- мы с вами с двух сторон нашей кровати

поставим две пустых шкатулки. Одна из них будет ваша, другая моя. Когда вы мне будете дарить наслаждение, то мы в вашу шкатулку будем опускать жемчужину, когда любовный восторг доставлю вам я, то жемчужина пойдет в мою. А потом мы с вами сосчитаем, кто из нас больше старался, и каждый получит свое жемчужное ожерелье, длина которого будет зависеть от его личного вклада в любовь.

Стефка с опасливым изумлением посмотрела на супруга. Это сколько же надо будет заниматься любовью, чтобы хватило на ожерелье? И хватит ли у неё сил и дальше выдерживать эту процедуру? Все, правда, в один голос уверяют, что боль пройдет, но все-таки..., приятного мало!

Дон Мигель, как будто прочитав её мысли, весело рассмеялся.

- Всеу свое время, дорогая! В любви все имеет тайный сокрытый смысл, первая ночь должна быть ночью боли, чтобы потом ярче и полнее было наслаждение. А пока,- здесь он достал самую большую черную жемчужину,- положите этот перл в свою шкатулку. И хотя он, конечно, не сравнится с тем наслаждением, которое я испытал, лишая вас девственности, все же его редкость и красота будут иметь свою цену в будущем ожерелье.

Стефка озадаченно взяла из его рук жемчужину и, покрутив в пальцах, растерянно отдала назад.

- С почином, дорогая,- супруг ласково поцеловал жену в висок,- а теперь нужно лечь спать! Завтра нам предстоит еще один тяжелый день. В замке полно гостей, придется сидеть с ними за столом, но к вечеру мы всех проводим и будем любить друг друга, сколько душа пожелает!

С этими словами он, схватив её волосы, обернул их вокруг своей шеи и, обняв жену, тут же заснул. Стефка, затаив дыхание, тоскливо разглядывала его лицо, тонкий нос с горбинкой, властный крупный рот, хищные дуги бровей, поросшую черным волосом грудь и тихо плакала. Шевельнуться она не могла, потому что он крепко держал её за волосы, и вскоре, обессилив от слез, то же заснула.

## МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ.

Утром графиня проснулась от поцелуя. Испуганно распахнув ресницы, Стефания встретила взглядом с черными глазами супруга. Де ла Верда был уже полностью одет и снисходительно улыбаясь, любовался разметавшейся по постели женой.

- Просыпайтесь, ангел мой, нас ждут гости! Все хотят отпраздновать нашу брачную ночь. Посмотрите, какое украшение реет над нашим домом!

С этими словами он вытащил обнаженную жену из постели и подвел к окну. Нервно кутаясь в поспешно прихваченную простынь, Стефка недоуменно оглядела возвышающуюся перед глазами башню донжона.

- Украшение?!

- Но, любовь моя, - ласково упрекнул её супруг, - неужели вы не видите, что я даже спустил фамильный штандарт, склонив его перед вашим знаменем!

Графиня с опаской покосилась на неизвестно почему радующегося супруга. Иногда он её пугал! Какое ещё знамя? Она вновь пристально оглядела шпиль башни и с удивлением

заметила закрепленное на нем непонятное белое полотнище. Но вот ветер рванул его, и отчетливо стали видны бурые пятна.

- Это моя простыня?!- не веря собственным глазам, спросила шокированная Стефка,- но..., зачем?

В их краях, конечно, то же практиковали обряд выкупа простыни новобрачной, но никому и в голову не приходило вывешивать её на всеобщее обозрение на башню донжона. Этими деликатными делами обычно занимались мать невесты и женская половина семьи жениха.

- Как - зачем? - не понял её изумления граф, - пусть каждый из находящихся во всей округе людей убедится в вашей чистоте и невинности! Никто не должен усомниться в законности происхождения моего наследника!

- Какое им всем до этого дело?

У Стефки даже слезы выступили на глазах от стыда - в голове билась одна только мысль, что сейчас на это полотнище смотрит Гачек, епископ, Тибо и все испанцы из отряда мужа, и от этого становилось кошмарно неловко.

- Таков обычай, принятый в моей семье,- снисходительно пояснил де ла Верда, откровенно забавляясь её смущением,- все графини выходили замуж подобным образом. В брачную ночь этот драгоценный для мужа штандарт невесты обязательно должен быть вывешен на башне замка. Разумеется, я не мог пренебречь этой традицией и вывесил ваш!

Стефка, онемев от возмущения, уставилась на простынь, и тут до неё кое-что дошло.

- Так именно из-за этого вы пять месяцев мучили меня бесплодными свиданиями? - сузила она глаза, грозно глянув на супруга, - чтобы иметь возможность помахать этой окровавленной тряпкой?

- Не мог же я её повесить над постоянным двором или украсить простыней наш отряд,- ничуть не смутился дон Мигель,- а родовые обычаи на то и существуют, чтобы их придерживаться!

- Хорошо,- начала закипать Стефка,- а если бы епископ не подарил вашему деду этот замок, мне что же, пришлось дожидаться окончания вашей миссии, а потом ещё ехать в поисках брачных радостей в Испанию?

У графа было настолько хорошее настроение, что его не могли испортить даже глупые придирки жены. Впрочем, понятно, почему она так злилась. Мысли женщин всегда сосредоточены на постели, что им борьба с еретиками или особые поручения папы! Да пусть хоть весь мир рухнет в тартарары, если им нужен мужчина, то подойдет любой придорожный куст и клоч соломы! Дон Мигель сочувственно поцеловал, зашипевшую словно разъяренная кошка, супругу в обнаженную шею.

- Столько бы я не выдержал, - с готовностью признался он,- это уже слишком!

- И чтобы вы тогда сделали?

Де ла Верда хмыкнул, с любовью отводя от её раскрасневшегося лица пряди спутанных волос.

- Скорее всего, приказал захватить какой-нибудь замок по дороге, и пока мои люди бились на стенах, осуществил бы свои супружеские права. И, вздернув вашу простынь вместо стяга,

пошел под его сенью в свой последний бой.

Граф, конечно, смеялся над гневом оскорбленной жены, но Стефка даже на секунду не усомнилась, что он способен и не на такое!

Ещё недавно графиня наивно думала, что такого количества непристойностей, как на вчерашнем ужине, не произносилось ни на одной свадьбе, но утро показало, что она сильно ошибалась.

Развевающееся на всю округу полотнище в пятнах крови подействовало на присутствующих, как тряпка на быка. Бедной Стефке казалось, что это событие громко обговаривают между собой даже развешанные по стенам залы, проржавевшие рыцарские латы, что уж говорить про не обремененных излишней стыдливостью эльзасских баронов!

Каждый изощрялся, как мог, больше всего опасаясь, что его не услышит то и дело краснеющая новобрачная. Поэтому пьяные разнузданные голоса составили такую какофонию звуков, что мирно спавшие, наверное, целое столетие в перекрытиях крыши летучие мыши то и дело испуганно вылетали из своего убежища, гадили на головы и в блюда буянам и опять исчезали в темноте.

- Дурость в голове, а та по самые уши в дерьме! - тот час мечтательно прокомментировал Тибо, - и мыши баронам под стать, знают, где им нас...ть!

Стефания даже взвыла, не в силах хотя бы дать безобразнику подзатыльник. И тот бессовестно воспользовался её попустительством.

- Ваша простынь пусть не велика, но свисает здесь с любого языка!

Впрочем, граф вовсе не разделял угрюмого настроения жены и искренне развлекался происходящим. Смеялся громче всех над сальными шутками и епископ, само присутствие которого, казалось бы, должно было отбить охоту шутить подобным образом у этих доморощенных пошляков. Гордость не позволила Стефании раскиснуть, и она, выпрямившись в кресле, постно уткнула глаза в сложенные руки и терпела. Вот если бы ещё можно было вставить затычки в уши, или временно оглохнуть!

- Жизнь женщины не мед, но Соломон говорил, что и это пройдет!

Стефка удивленно опустила глаза на сидящего у её ног карлика. Тибо по обыкновению дурачки хихикая, строил рожи, какому-то наливавшемуся злобой огромному гостю, но эти слова... в них прозвучало сочувствие и попытка утешить! Неужели этот шут умнее её мужа?

- Тибо?

- Ваша светлость, мужчин золотая греза, вы здесь как жемчуг среди свинячьего навоза!

Неизвестно почему, но последние слова принял на свой счет огромных размеров толстяк барон.

- Ваш шут обозвал меня свиньей, - подскочил он с места, гневно обращаясь к графу, - я требую наказания для дерзкого!

Тибо едва не пострадал во время вчерашней выходки, и вот пришел новый день, а он и не

подумал остерегаться, дразня баронов, как кот стаю свирепых псов.

Испугавшаяся за любимца Стефка опять укрыла его ото всех подолом своей пышной юбки, хотя, понятно, спрятать не смогла. Но за шута неожиданно вступился граф.

- Обращать внимание на дурака, любезный барон Кунц? Да стоит ли он такой чести?

- Барон оказал шуту честь, перестав на минутку есть! - карлик упрямо вылез из своего укрытия и, высунув язык, скорчил обиженному гостю страшную рожу,- пусть я и дурак, но ни разу своей тушей не своротил косяк!

- Да я тебя...,- рванулся разъяренный барон на обидчика.

Но Тибо, юркий, как огонек пламени, метнулся прочь и, впрыгнув на стол, ловко понесся, лавируя среди блюд. Кунц бросился за ним, но понятно, что неповоротливому толстяку было не угнаться за шутом. Он моментально перевернул стол и под всеобщий радостный вопль рухнул на пол, осыпаемый тарелками с остатками пищи.

Громовой хохот, местами переходящий в рычание озверевшего барона, несусветная ругань, новый виток полета перепуганных мышей и новый шквал помета.

Стефка оторопело уставившись на все это безобразие, думала только об одном: И это моя свадьба! Да лучше бы я умерла старой девой!

Впрочем, у де ла Верды было свое мнение по этому вопросу.

- Пока они тут развлекаются на свой лад,- шепнул он на ухо супруге,- не пора ли нам подумать и о наших забавах?

У Стефки сразу же испуганным протестом заболел низ живота.

- А Тибо? - пискнула она,- вдруг они убьют карлика?

- Не велика потеря,- фыркнул граф, настойчиво увлекая упирающуюся супругу с места,- да и не догнать им его никогда. Он же ловкий, как обезьяна! Пойдем, душа моя, у меня есть чем вас развлечь помимо дурацких выходок шута!

Да уж... развлечь! Впрочем, когда нетерпеливо совавший с себя одежду граф оказался в постели рядом с супругой, то оказалось, что это действительно более интересное времяпрепровождение, чем сидение за столом в компании пьяных эльзасских баронов.

На этот раз дон Мигель никуда не торопился, бесконечное количество раз лаская становившееся все более и более отзывчивым тело жены, и едва ли не мурчавшей как кошка, Стефке показалось, что на ней зажглось бесконечное количество маленьких жгучих огоньков. И она запылала в этом костре страсти так, что опомнилась только тогда, когда он вновь оказался в ней. Но в этот раз боль была мимолетной, и тут же сменилась блаженной истомой, доставившей ей самое настоящее не испытываемое никогда ранее удовольствие. Стефка стонала в руках супруга и постоянно искала своими губами его губы, как будто испытывала жажду, и только его поцелуи могли её напоить.

- И как?- спросил, смеясь, дон Мигель, когда они оба отдышались и смогли, наконец, говорить,- вам понравилось?

- Да,- улыбнулась она в ответ и потянулась к нему губами.

Но прежде чем пылко ответить жене, муж сунул ей в пальцы жемчужину.

- Не забывайте о нашей игре!- прошептал он, легонько прикусив мочку уха.

С этого момента для Стефании началась совсем другая жизнь. Она перепутала день с ночью, отключаясь в объятиях мужа только от изнеможения и усталости. Занавески кровати отделяли их, казалось, от всего мира.

Это было время самых прекрасных открытий в жизни юной моравки.

И шкатулки по обе стороны кровати быстро наполнялись жемчугом.

Стефка, конечно, ничего не знала об уговоре графа с епископом и вообще забыла обо всем на свете кроме мужа, его рук, губ и объятий. Она редко кого видела, кроме таинственно улыбающейся Хельги, да ей и не был кто-либо нужен. Казалось, счастье и блаженство теперь продлятся вечно.

Но вот пришел и последний вечер новобрачных в замке.

Разжав объятия, дон Мигель достал шкатулки, положил в них очередные жемчужины и вдруг молниеносно ссыпал их вместе. Стефка только и успела, что огорченно ахнуть. Ей все время хотелось посчитать количество перлов, и вот, пожалуйста, стоило так стараться!

- Пусть в одном ожерелье, перепутаются и мои и твои экстазы, любимая, и обовьют твою шею воспоминанием о нашем сумасшедшем медовом месяце, который заканчивается сегодняшней ночью,- печально сказал супруг.

Их глаза встретились, и у Стефки тревожно екнуло сердце. Она не понимала, в чем причина его грусти, ведь они не расстанутся и после того, как покинут Конствальц?!

- Мой друг,- нежно обвила она руками шею мужа,- наша любовь сделает медовой всю нашу жизнь.

Дон Мигель кривовато усмехнулся.

- Да, конечно,- отстраненно согласился он, и уже более заинтересовано добавил,- надеюсь, что одна из этих жемчужин прорастет в вашем теле, и вы осчастливите нас наследником!

- Я хочу этого больше всего на свете!

- Надо как можно больше молиться, и Господь обязательно наградит нас сыном, - граф поцеловал жену в лоб,- а теперь спать, завтра в дорогу!

Когда ранним утром Хельга подняла госпожу с постели, мужа в спальне уже не было.

Супруги увиделись только на выезде из замка, когда граф возглавил свой отряд. Невозмутимый и суровый дон Мигель опять о чем-то серьезно толковал с епископом по-итальянски, не обращая особого внимания на свою тоскующую жену. Рядом ехал силящийся улыбаться Гачек, пытающийся развлечь печальную женщину какой-то историей, смысл которой она едва ли понимала от сжавшей сердце внезапной тоски.

- Что с вами, донна?- наконец, не выдержал Славек,- вам плохо?

- Нет, но мой медовый месяц закончился! - тихо призналась Стефка.

- Вы любите супруга?

- Да,- счастливо вздохнула она,- только это слово не передает того, что я чувствую. В доне Мигеле вся моя жизнь, как будто по нашим жилам бежит общая кровь!

Гачек побледнел и подавленно замолчал, и никто не заметил, как отвлекшись от беседы с епископом, победно улыбнулся де ла Верда.

## ЛОТАРИНГИЯ.

Так куда же столь упорно стремился папский отряд, окольными путями блуждая по всей Европе?

Брачные прожекты, борьба с ересями, поддержка притязаний инквизиции, разбирательство с выплатами бенефиций - все это было всего лишь попутными маленькими поручениями на дороге к самой главной цели. Посольство, вооруженное собранной за это время кучей верительных грамот, тайн, соглашений и интриг подбиралось к главному европейскому узлу того времени, завязавшемуся между французским королем Людовиком XI и герцогом Бургундским Карлом Смелым.

Этот конфликт давно уже исчерпал все возможности мирного развития, и на землях Франции должна была вот-вот разразиться война, в которую оказалось бы втянуто большинство европейских государств. Не мог остаться в стороне и Рим. Роль третейского судьи всегда выгодна - здесь и привилегии, и бенефиции за оказанные услуги, да и вообще в минуту растерянности и поражений люди чаще вспоминают о Боге. Но надо отдать папе справедливость - Сикст был настроен решительно против войн католиков против католиков, когда в христианском мире столь неспокойно из-за наступления ислама на юго-востоке, да и еретики в самой Европе все более нагло поднимали головы, оспаривая незыблемые церковные доктрины. Вот куда нужно было направлять усилия государям, а не устраивать глупую братоубийственную бойню.

А вот Карл Смелый был не склонен слушать мнение Рима, хотя устами легатов и говорил здравый смысл. Но де ла Верда кроме отеческих увещаний вез ещё и проект выгодного брачного союза между единственной дочерью герцога и сыном императора, который моментально усилил бы позиции первого, а взамен тоже рассчитывал на некоторые уступки со стороны бургундского упряма. Ведь все властители Европы родственны между собой, и здесь от согласия папы зависело очень многое!

Путь посольства пролегал во Фландрию, потому что герцог вдруг изменил намерение посетить свою древнюю столицу Дижон, и прислал гонца с известием, что ждет легатов в Брюгге.

Можно только представить, как расстроились граф и епископ, получившие это известие от Карла Смелого. Вместо того, чтобы проехав через Лотарингию и Нанси, вскоре прибыть в Дижон, им теперь предстояло резко забрать на север, да ещё побывать во владениях Людовика. Туда они тоже намеривались попасть, но только значительно позже, уже что-то имея на руках для начала миротворческой деятельности. Да ещё предстояла встреча с лотарингским герцогом Рене - человеком нелегким, склонным к изощренным интригам и лукавству, и играющим далеко не последнюю роль в нарастающем конфликте.

И, конечно же, незапланированная двухнедельная остановка в Конствальце до предела сократила запас времени. Да ещё до этого благоволившая путникам природа вдруг решила показать свой нелегкий характер, залив ледяными дождями застрявший на горном перевале отряд.

Дул ураганный ветер, все залепило мокрым снегом, дорога раскисла, опасно скользя под копытами измученных лошадей. Злой, насквозь промокший граф настоял на том, чтобы епископ перебрался в повозку к графине, куда стащили все имеющиеся в отряде теплые вещи, одеяла и жаровни.

- Прижмитесь к моей жене поплотнее,- кричал, позабыв про уважение к сану, дон Мигель на дрожащего от холода итальянца-епископа,- не бойтесь, не попадете вы из-за неё в ад, а вот на то свет от простуды, запросто! Хельга, укладывайся на дно повозки и грей им ноги! Ты же, Тибо, согревай донну с другой стороны, и если она, хотя бы раз чихнет, я вас так взгрею, что мало не покажется! Ты, вагант, помогай вознице! Да смотри, чтобы лошади не понесли!

- Бог мой, Хельга,- позвала Стефка служанку, как только отъехал супруг,- встань, ничего со мной не случится, зачем ты мои ноги ставишь на свой живот?

- Нет уж, госпожа,- стуча зубами, возразила та,- лучше я полежу на дне повозки под вашими маленькими ножками, согревая их своим телом, чем под плетью вдоль дороги, которыми меня прикажет угостить ваш муж, если вы, не дай Бог, подхватите лихорадку!

Стефка приняла было к сведению эти увещевания и, сбросив туфли, поставила ноги на её упругий живот, но не прошло и нескольких минут, как она их отдернула, испуганно воскликнув:

- Хельга, у тебя там кто-то шевелится!

Служанка смущенно хмыкнула.

- Да, донна, я ношу ребенка!

Графиня озадаченно нахмурила лоб, при наличии рядом явно не глухого епископа, неизвестно зачем понизив голос:

- А кто его отец?

- Трудно сказать, попадая под пилу, какой зубчик тебя поранил,- легкомысленно рассмеялась немка - может, это был Курт, а может испанцы вашего мужа. Да какая мне разница от кого его рожать. Страдать-то все равно мне, а не им!

Беспечность Хельги потрясла Стефанию, прежде всего потому, что она точно знала, мужу это известие вряд ли понравится.

- Мессир знает?

Откуда-то из кипы меховых одеял показалась насмешливая рожица Тибо.

- Ещё бы граф не знал, кто на ком и сколько раз скакал, - зевнув во весь рот, с удовольствием заявил он,- сколько раз давала крошка, завывая словно кошка! Знает сколько звезд на небе, и когда мы все доедем до веселого конца, превратившись в мертвеца!

- Тибо, попридержи язык,- рассердилась Стефания,- не до твоих дурацких шуток! Насколько я знаю дон Мигеля, твоя беременность, Хельга, не вызовет в нем особой радости!

- Значит, Хельга будет рожать без его радости,- буркнул откуда-то из-под полога снаружи Гачек,- а что он, подсылая к ней испанцев, не знал, чем это может закончиться?!

- Наивней графа только его большая шляпа,- охотно поддакнул Тибо,- он думал, что если девка юбку задерет, то всех испанцев сразу ветром унесет!

- Ах, ты уродец,- моментально взъярилась Хельга,- это почему же от меня мужчин ветром унесет? Я держу себя в чистоте!

- Хельги чище, только пруд, где даже жабы не живут!

Немка с диким шипением попыталась вцепиться в его шевелюру, но тот, взвизгнув, нырнул в меховые одеяла, укрывавшие хозяйку. И Хельга не нашла ничего умнее, как заколотить кулаками поперек полости, тот час попав по ноге его преосвященству.

Братичелли был добрым человеком, и все это время старательно делал вид, что дремлет, не замечая ни соседства двух женщин, ни холода, но в этот момент его терпению пришел конец.

- Ох, дочь моя,- с досадой проскрипел он, приоткрывая веки и зябко кутаясь в подбитый куницей плащ,- совсем вы распустили свою свиту! Да разве подобает жене испанского гранда общаться на равных с блудницей, дерзким вольнодумцем и безмозглым дураком? Вашему господину вряд ли понравится роняющая его честь и достоинство жена!

От такой суровой отповеди Стефка моментально сникла - больше всего на свете она не желала вызывать недовольства мужа. Тибо обиженно нахохлился, нахлобучив на уши колпак с бубенчиками, Хельга же опасливо втянула голову в плечи, но зато не промолчал вновь заглянувший за полог Гачек:

- Заботящаяся о своих людях госпожа не только не роняет свою честь, но и может служить примером истинно христианского милосердия. Вы, как священнослужитель, должны это прекрасно понимать и не расстраивать, возможно, беременную женщину.

Странно, но епископ не разгневался на наглого ваганта, он только недовольно заметил:

- Вы ещё слишком молоды, сын мой, чтобы учить меня, как себя вести! И не нужно пока говорить о том, в чем не уверен. Не будите в графине, быть может, напрасных надежд..., представьте, какое горе она и так испытает, если не угодит своему господину?

Стефка тайком вздохнула. Она прекрасно знала, чего от неё все с нетерпением ждут, и сама мечтала о младенце, но епископ был прав, все могло закончиться и ничем! А вдруг она вообще бесплодна? Есть ведь на свете такие несчастные женщины! Страшно было даже подумать, что её ждет в таком случае - дон Мигель уж точно разлюбит свою неудачницу жену!

Юная женщина так расстроилась и разволновалась, что тайком ощупав свой живот и прочитав молитву о ниспослании зачатия, решила отвлечься от мыслей о плохом.

- А правду говорят, что во Франции была Столетняя война? Или её просто так называют, потому что воевали слишком долго? - спросила она епископа.

Епископ выпрямился, окончательно стряхнув дрему. Он любил поговорить.

- Война шла сто шестнадцать лет, дочь моя, и официально до сих пор не закончилась, по крайней мере, соглашение по всем спорным вопросам между Англией и Францией не подписано!

- Но что можно выяснять сто шестнадцать лет? Наверняка, даже внуки тех, кто её начали и то забыли, в чем была причина раздора!- поразилась Стефания.

- Как раз о причине никто никогда не забывал,- это вмешался в разговор, оказывается, внимательно слушающий их Гачек.

- Да,- недовольно вздохнул, колко покосившись на невежу, его преосвященство,- Господь покарал Францию за то, что нечестивый король Филипп Красивый жестоко оскорбил папу Бонифация, и пленил папский престол в Авиньоне! Он вскоре умер, все его сыновья оказались не способными произвести на свет потомков мужского пола, и династия прекратила свое существование. Корона перешла в руки побочной линии Валуа. А потом развалилось под ударами англичан и все королевство, которое Валуа не удается собрать до сих пор!

- Все говорят о деньгах тамплиеров,- заметил, высунув нос из-под одеяла, дотошный шут,- ославивших Капеттигов, как жадных изуверов. Мол, чтоб долги не отдавать, король их приказал в огне сжигать!

- Тамплиеры на святой земле продались дьяволу, чтобы тот сделал их богатыми,- раздраженно не согласился его преосвященство,- они были еретиками и вероотступниками, в чем и признались на допросах. А миф о проклятии тамплиеров придуман приспешниками сатаны!

- А я слышал,- раздался насмешливый голос Гачека,- что во всем виноваты три невестки короля! Красотки-принцессы так загуляли с любезниками из королевской свиты, что король вынужден был их заключить в монастырь, где они и сидели вместо того, чтобы рожать своим мужьям сыновей! В конце концов, с этим могли бы справиться и любовники, если не получалось у принцев! А дочь короля Филиппа английская королева Изабелла, муж которой увлекался не женщинами, а мужчинами, так им завидовала, что сначала их выдала своему отцу, а потом потребовала французскую корону для своего сына.

О таком вопиющем распутстве провинциалке из дремучего моравского захолустья слышать ещё не приходилось. У шокированной Стефки округлились глаза.

- Что, все три стали изменять своим мужьям?- ужаснулась она,- разом? Как это может быть?

- Ваш муж бы сказал, что без козней дьявола не обошлось!- ехидно заметил вагант.

- Это была кара Господня!- загромыхал в неожиданном гневе обычно миролюбивый и снисходительный епископ,- три принцессы настолько забыли о своем долге перед мужьями, что стали прелюбодействовать. Это ли не прискорбно? Именно их возмутительное поведение погубило могущественное королевство! Естественно, что это произошло при богопопустительстве, и понятно, что их на блуд толкнул дьявол.

- А может быть, принцы? - фыркнул Гачек. - Ведь не на второй же день после свадьбы супруги начали им изменять! Скорее всего, их высочества были настолько хороши в постели, что их жены срочно принялись себе искать любовников!

- Но ведь на что-то существует и верность, и порядочность, и целомудрие, - уже тише возразил

его преосвященство, - и что может, в какой-то мере, позволено Хельге, никак не может быть позволено принцессе. А уж о вассалах нарушивших свой долг перед сеньором и говорить не приходится! Только позорная смерть их удел. Кстати, в Бургундии, куда мы направляемся, супружеская измена карается плахой.

На Стефку это известие не произвело никакого впечатления - в её родном маркграфстве процесс казни блудниц был страшнее: неверных женщин по шею замуровывали в стену подвалов замка Шпильберг, а на их головы капала вода, из-за этого они сходили с ума и умирали в муках.

Зато немку слова епископа заставили расстроено ахнуть.

- За такую малость и плаха?- в изумлении округлила она глаза, - вот так закон! Уж лучше кнут, спина все-таки поболит и пройдет, а голова на место не прирастет!

Нет, эти люди как будто поставили своей целью заставить его преосвященство согрешить:

- О какой малости ты говоришь, неразумная, когда у тебя от этой малости во чреве растет ребенок! Уже с самого детства, он будет носить пятно незаконнорожденного и будет лишен отцовской любви!

Увы, его гневная отповедь не имела успеха среди слушателей!

- Уж лучше ублюдков от ветра рожать, - философски заметил Тибо, - чем немощных меринов ублажать! И если любовникам любится всласть, тогда всё равно, что на плаху им класть!

- Да уж..., конечно проще, чем искать общий язык с женщиной, - зло поддержал шута Гачек, - просто пригрозить ей плахой и спать спокойно, ни о чем не думая. И, тем не менее, разве в Бургундии не наставляют рогов мужьям? Все равно изменяют, потому что потребность в любви у женщин настолько велика, что их не запугаешь смертью! И плевать им, принцессы они или нищенки, плаха их ждет за любовь или награда!

- Тебе бы сонеты писать, вагант!

Гачек вздрогнул от неожиданности, завидев суровое лицо под промокшим капюшоном. Дон Мигель появился, как всегда, вовремя, чтобы призвать к порядку распоясавшуюся свиту жены.

- Ты прирожденный трубадур сладострастия и разврата! Только учти, твои мысли вряд ли вызовут одобрение у мало-мальски нормального человека, а я себя считаю именно таковым! Поэтому проповедуй свои идеи подальше от ушей моей жены, если не хочешь лишиться языка!  
- в голосе графа звучало нескрываемое признание, но стоило ему только нагнуться и заглянуть в повозку, как суровый тон изменился. - Вы не замерзли, душа моя? Этот болтун не довел вас до головной боли? Потерпите немного, скоро небольшой городок и мы сможем сделать привал.

- Нет-нет, - поспешно успокоила супруга расцветшая улыбкой Стефания, - мы тут обсуждали с его преосвященством причины столетней войны, и он рассказал мне о принцессах-прелюбодейках.

- Это не совсем так, - мягко поправил её епископ, - об этом прискорбном факте вам поведал вагант, а я уж больше говорил о последствиях.

Дон Мигель внимательно осмотрел их теплую компанию, причем, под его взглядом и Тибо, и Хельга нервно вздрогнули и растворились под одеялами. Стефка уже давно этому не

удивлялась, она знала, что за исключением епископа и жены, сурового испанца боятся даже лошади их кавалькады.

- Король Филипп Красивый повел себя в этой истории, как распоследний осел, хотя в других делах проявлял себя человеком далеко не глупым,- наконец, хмуро заявил он. - Нужно было, не вынося сор из дворца, тихо отправить блудниц на тот свет, а не позорить на века свой род. Сыновей он должен был как можно быстрее женить на других девушках, и тогда уже глаз не спускать с новых принцесс.

Телега качнулась на повороте, и его голова на несколько минут исчезла, чтобы после вновь появиться в проеме полога.

- Глупо вытаскивать на поверхность свои рога и давать повод для насмешек!- жестко фыркнул граф. - Любовный же зуд изменницы можно легко успокоить домашними средствами, безо всякой плахи и дурацких судилищ. Могильная плита фамильного склепа, как правило, служит прекрасным покрывалом для неумных страстей.

- Это же убийство,- упрямо буркнул Гачек,- тяжкий грех!

- Ничего,- легко вздохнул епископ, - его можно отмолить! Сделать большой вклад в монастыри, много жертвовать нищим, самому хорошенько помолиться, купить индульгенцию, в конце концов! Но не потакать разврату и греху! Муж отвечает перед Богом за свою жену, поэтому за её грехи спросится с него.

Вообще-то, весь этот разговор был затеян де ла Вердой и епископом для сведения юной графини, но Стефка с весьма умеренным интересом слушала полемику. Какое отношение это могло иметь к ней? Измена мужу воспринималась ей далекой от реальности страшной сказкой из жизни каких-то неведомых племен. Да и как она бы смогла ему изменить, если при одном взгляде на супруга у неё таяло сердце, хотелось оказаться в его объятиях и ощутить на своих губах его губы. Даже в этот промозглый холодный денек и то при виде фигуры супруга, графиню окатывала совсем неуместная жаркая дрожь желания.

Между тем, поставив точку в неуместном разговоре, дон Мигель вновь вернулся в головную часть отряда. На улице по-прежнему шел проливной дождь со снегом, и у него было достаточно хлопот и без головной боли об окружении жены.

На постоялом дворе супругам отвели отдельную комнату с жарко пылающим камином. Дон Мигель разделся при помощи Хельги, торопливо скинув на руки той насквозь промокшее платье.

- Ах, дорогая,- утомленно пробормотал он, вытягиваясь на постели, - как же я устал!

Он нежно поцеловал жену в висок и тут же заснул сном до предела измотанного человека.

Это была странная для Стефки ночь.

С одной стороны, ей было очень жаль супруга и хотелось, чтобы он отдохнул и выспался, но с другой стороны... Дон Мигель возбуждал в ней сильнейшее желание - ей до боли во всем теле хотелось, чтобы он обнял её, приласкал и занялся с ней любовью. Тело жарко и невыносимо горело от близости его горячей груди. Юная женщина искусала себе губы, в попытках сдержаться и не накинуться на утомленного мужа с поцелуями, и только под утро, измучившись окончательно, задремала тяжелым сном. Проснулась Стефания оттого, что он

занимался с ней любовью, особо не церемонясь, просто подсунув руки под ягодички, двигал её на себя. Она ещё до конца не пришла в себя, как уже все закончилось. Небрежно поцеловав, супруг тот час испарился из комнаты, оставив её в таком расстройстве чувств, что Стефка разочарованно расплакалась на плече у верной Хельги.

- Успокойтесь, донна,- растерянно гудела та,- подумаешь, слишком быстро.... Это ведь лучше, чем совсем ничего! Вот будет большая остановка, тогда граф уделит вам больше внимания, вот увидите!

Но в последующие ночи вплоть до Нанси, де ла Верда, вообще, не появлялся в комнатах супруги, ночуя неизвестно где и с кем. Стефка совсем извелась от тоски и ревности, потеряв покой и сон. Она отказывалась понимать, почему постель рядом с ней пуста. Неужели, муж разлюбил её?

- Да нет у него никого,- смеялась над её подозрениями Хельга,- просто у епископа старческая бессонница, вот они все ночи напролет и болтают о своих делах, о которых нам с вами лучше не знать, чтобы крепче спать! А ночует граф, где придется, но в основном, вообще не спит!

Непогода не давала отряду двигаться быстро, и прошло целых две недели, прежде чем они оказались в Лотарингии.

В Нанси их поселили в доме одного из членов капитула господина Луазье, пожилого торговца тканями. В большом красивом особняке он проживал вместе с женой, госпожой Катриной и охотно сдавал помещения, когда в город приезжали знатные гости. Луазье это делал из тщеславия, ему льстило знакомство со столь значительными личностями, и он любил блеснуть громкими именами на заседаниях магистрата. Правда, на этот раз постояльцы его не особо порадовали - свора угрюмых испанских рыцарей вкупе со множеством священников в рясах, да ещё епископ и граф.

С такими не почешешь язык в поисках занимательных историй! Зато госпожа Катрина - симпатичная пожилая дама растаяла от умиления, едва увидев очаровательное золотоволосое дитя, не иначе как по недоразумению попавшее в эту грозную компанию. Да и кого бы ни тронул беззащитный взгляд темно-синих печальных глаз? Стефания выглядела измученной тяжелой и долгой дорогой, но на самом деле тревожило её совсем другое.

Она медленно обвела взглядом резные башенки уютного дома и тяжело вздохнула. Когда же она обретет свой угол и свою постель, в которой будет не одна? Кочевая жизнь и неопределенность отношений уже порядком ей надоели.

А между тем, дом господина Луазье представлял образчик жилища богатого и состоятельного бюргера той эпохи, когда не в пример Новому времени, с его войнами и реформацией, преуспевающие торговцы не жалели денег на роскошь. Первая комната его особняка была украшена картинами, изображавших членов семьи. В другой ещё большей по размеру были собраны музыкальные инструменты -- арфы, фисгармонии, виолы и лютни. Третья зала была предназначена для развлечений иного рода - здесь были расставлены столики для игры в шахматы, триктрак и шашки. Гордился Луазье и своей библиотекой, совмещенной с часовней, потому что книги в основном были религиозного содержания. Богато украшенные тяжелые фолианты в переплетах из дерева и слоновой кости или бархата, сверкали медными и позолоченными застежками, и располагались на специальных пюпитрах. В конторе - рабочем кабинете господина Луазье в особых открытых обозрению шкафах хранились драгоценные камни, пряности и меха. Была у него и оружейная комната. Здесь достопочтенный торговец хранил оружие - большие арбалеты, украшенные искусной резьбой, луки, пики, кинжалы,

кольчуги, щиты разной формы, а также узорчатой чеканки доспехи.

Было довольно забавно, глядя на толстенького коротышку Луазье представлять его с арфой или с пикой наперевес - курьезней не представишь зрелища. Но мода, есть мода!

Сама же госпожа Катрина вложила всю душу в убранство комнаты юной гостьи, разложив на кровати шелковые одеяла и подушки, застелив кровать тончайшими простынями, и заставив прислугу раскатать на полу восточные мягкие ковры. Увы, проку от этого было мало!

- Мигель меня разлюбил,- расплакалась Стефания, вновь не обнаружив своего супруга в постели,- но сейчас-то он где? Почему шарахается от меня, как от чумы? И вообще, зачем граф женился, если ему не нужна жена?

Её близкие расстроено наблюдали за взрывом отчаяния своей госпожи. Они бы то же с удовольствием задали этот вопрос сумасшедшему испанцу, который предпочитает общество папских викариев ночам любви с красавицей женой.

- Графа пытаться понять,- как всегда емко выразился опечаленный Тибо,- только время напрасно терять! Та каша, что у него в голове, не придется по вкусу ни мне, ни тебе!

- Вроде бы здоровый мужчина! - недоуменно чесала голову и простодушная немка.

Но хороший, по-житейски, совет Стефка получила не от своей экстравагантной свиты, а от пожилой хозяйки дома. Госпожа Катрина довольно быстро разобралась в причинах грусти юной гостьи и небрежно отмахнулась.

- Ах, ваша светлость, ваш муж ещё не привык к мысли, что у него есть жена, и ведет себя как холостой мужчина! Ничего не поделаешь, но мужчины всегда охотнее вспахивают чужое поле, забывая о своем! Хотите вернуть его в брачную постель? Тогда не ждите, когда он вспомнит о жене, а постарайтесь сама привлечь его внимание.

- Как? - оживилась Стефка.

Женщина неопределенно улыбнулась, с неожиданным кокетством поправив кружевные отвороты высокого чепца. Несмотря на годы, она была большой щеголихой.

- Тут уж у каждой свой рецепт! Когда я была молоденькой, а мой Жан постоянно пропадал в своей лавке, то я при каждом удобном случае поправляла в его присутствии подвязки на чулках!

- И действовало?

- Ещё как! Ведь каким-то образом мне удалось родить восьмерых детей от такого увальня, как мой благоверный! Но предупреждаю, это рецепт только для тех, у кого красивые ножки!

Стефка немедля задрала свои юбки и произвела придиричивый осмотр.

- Хорошие ножки,- вылез откуда-то из-под стола пронырливый карлик,- стройны всем на диво, и то что повыше, без спору красиво!

Хельга тут же понеслась, размахивая тряпкой за бесстыдником, а тот, изворачиваясь, влетел головой прямо в живот внезапно появившегося на пороге графа. Надо же, что он, столь долго пренебрегавшей женой, решил навестить её именно сейчас. Стефка приглушенно ахнула и

торопливо опустила юбки, но было уже поздно.

- Что происходит? - нахмурил брови де ла Верда, с брезгливой силой отталкивая от себя шута.

Тот с пронзительным визгом забился обратно под стол. Хельга пугливо вжалась в угол, зато графиня, невинно округлив глаза, охотно пояснила:

- Я поправляла подвязку на чулке!

И тот час вновь задрала юбки, показав опешившему супругу бархатные ленточки. Что ж, на войне как на войне - если ему не стыдно бросать жену в постели одну, то ей тоже нужно отбросить излишнюю стыдливость! Иначе вместо младенца рискуешь получить покрывало монахини и попреки, что так и не сумела зачать!

Госпожа Катрина оказалась права. Глаза графа полыхнули при виде её ног, только не понятно отчего, может от желания, может от гнева. Разве у этих испанцев что-нибудь поймешь?

Дон Мигель между тем подошел к жене, и она увидела распятое на его пальцах жемчужное ожерелье.

- Вот, душа моя..., принесли от ювелира!

Стефка сразу же узнала жемчуг, и ей стало настолько горько, когда она вспомнила, каким образом они его собрали! Слезы поначалу произвольно побежали по её щекам, а потом хлынули таким потоком, что юная женщина, разрыдавшись, уселась прямо на пол, прижимая ожерелье к груди. Когда она пришла в себя, то мужа уже не было, одна только хозяйка дома с сочувствующим лицом протягивала ей стакан воды.

- Все будет хорошо,- улыбнулась госпожа Катрина,- ваш муж осознал свою ошибку!

Но колокольчики на колпаке Тибо зазвенели угрюмым несогласием.

- Что бы ошибки осознать,- буркнул тот, вылезая из своего убежища,- испанцу нужно пол на время поменять!

Хельга то же подозрительно завздохала, окончательно испортив настроение своей госпоже. Но, когда вечером подавленная Стефка уже забралась под одеяло, дверь внезапно распахнулась, и на пороге все-таки появился муж.

- Дорогая,- сказал он, с кряхтением стягивая при помощи Хельги сапоги,- в голове у меня все, что угодно, только не любовь! Но если я вам так необходим...

- Больше, чем небо птице, и вода рыбе, - разом повеселела жена,- я сниму вашу усталость, мой господин! Ведь не для того же вы меня так настойчиво учили любви, чтобы эти таланты я оставляла втуне.

Со справедливостью этих слов графу пришлось довольно быстро согласиться, потому что на протяжении долгого времени жена не дала ему сомкнуть глаз, бесконечно целуя и лаская залученного с таким трудом в постель супруга.

- Вы стали ненасытной, любовь моя,- заметил дон Мигель, в конце концов,- взяв в жены северянку, я опасался, что в любви вы будете холодны как снег. Но теперь вижу, что в вопросах страсти вы заткнете за пояс любую испанку.

Он вроде бы подшучивал над ней, но все равно Стефка почувствовала себя весьма неудобно. Ей почудилась в его словах мимолетная, но все-таки нотка недовольства.

- Я истосковалась по вашей любви,- поспешила оправдаться она,- я вас так люблю, мой господин, так желаю, что даже смотреть на вас спокойно не могу. Вы не представляете, что я испытала, когда вы спали рядом со мной на постоялом дворе после урагана. Я горела, как в аду!

Граф как-то странно покосился на супругу. Его темные глаза стали непроницаемы как ночь.

- Я не знал, что вы настолько сладострастны!

- Это плохо? - тревога острой иглой кольнула где-то внутри,- вам это не нравится?

- Помилуйте,- глубоко вздохнул дон Мигель,- что же мне здесь может не нравиться? Всё хорошо! Вот ещё бы..., - и его рука многозначительной тяжестью легла на её живот,- когда вы меня сможете порадовать известием о беременности? Признаки есть?

Стефка растерянно наморщила лоб.

- Живот ещё не растёт!

- Помимо этого есть ещё признаки,- пояснил ей судорожно зевающий супруг, - порасспросите вашу дуру немку, она пояснит!

Через минуту он уже крепко спал.

Хельгу было спрашивать бесполезно. Она только плечами пожала, буркнув, что поняла, что беременна, когда её малыш зашевелился.

С госпожой Катриной они встретились перед обедом, когда хозяйка была по уши занята на кухне, наблюдая за обедом для столь высокопоставленных особ.

- Баранье жаркое с чесночным соусом и черносливом, пирог с дичью и каштаны на первую перемену блюд,- выговаривала она прислуге, но услышав просьбу молоденькой гостьи, оставила все свои дела.

- Что случилось, донна Стефания? - Катрина торопливо сняла передник со своего нарядного платья,- вас опять обидел супруг?

- Нет, но .... - и Стефка изложила просьбу графа.

Пожилая женщина изумленно наморщила лоб.

- Какая разница,- не поняла она,- почему графу столь важно знать об этом сейчас? Почему он не может подождать пару месяцев?

- Не знаю..., - растерялась юная женщина, - а что вы мне можете сказать?

- Прошло так мало времени с вашей брачной ночи, трудно сказать определенно, но... когда у вас были в последний раз дамские неприятности?

Стефка задумалась.

- Давно!

- Но если ещё пару недель будут отсутствовать, может, тогда стоит надеяться!

Надо сказать, что в Нанси папское посольство задерживалось не по своей вине. Герцог Рене почему-то накануне приезда легатов соизволил уехать на охоту, отложив встречу до той поры, пока набьет достаточно дичи.

Дон Мигель и епископ с большой тревогой отреагировали на этот демарш. И дело даже не в том, что у них было мало времени для столь неопределенной задержки, но за невинным развлечением эти два опытных дипломата усмотрели попытку уклониться от общения с посланниками его святейшества. И теперь легаты вели бесконечные консультации, стремясь достойно подготовиться ко всевозможным неприятностям.

Дом господина Луазье в эти дни больше напоминал штаб действующей армии, чем мирное пристанище служителей церкви. Выезжали и въезжали на взмыленных лошадях курьеры, сновали толпы подозрительных личностей и священников. Понятно, что в таком цейтноте дону Мигелю было не до переживаний о жене, о чем он ясно высказался вечером того же дня.

В комнате графини собрались все близкие ей люди, приплелся даже откуда-то Гачек, который в эти дни редко появлялся около Стефании, пропадая неизвестно где. Госпожа Катрина и графиня болтали за шитьем, Хельга им помогала, вагант рассказывал забавные байки о герцоге Рене, а шут комментировал на свой лад его слова.

- Его светлость большой женолюб, говорят, что его жена давно потеряла счет метрессам герцога.

- Герцог любит женщин слишком, - хихикнул Тибо, - заменяя качество излишком! Никого он не обходит, ни уродку, ни красу, лишь бы пика не устала быть все время на весу!

Женщины бросили на карлика укоризненные взгляды, но тому, как с гуся вода. Он подбежал к Хельге, и, потешно пританцовывая, потянул её за юбку за собой.

- Попляши со мною, красотка, да не тухни, как селедка!

- Кто тухнет? Я! Ах ты, сморчок!

И Хельга с замысловатыми немецкими ругательствами запустила в шута мотком лент. Тот понятно, ловко увернулся, и размотавшиеся в полете ленты, конечно же, приземлились прямо на вошедшего в комнату графа.

- Это что, делается специально? - холодно поинтересовался тот, выпутываясь из шелка, - то в мой живот врезаются шут, то на голову мне опускаются ленты! Чего ждать в следующий раз?

Бросившая недовольный взгляд на Тибо, Стефка подскочила навстречу мужу.

- О, мессир, это просто неудачная шутка!

- Все шутки вашей свиты, донна, обычно неудачны! Но я пришел сказать вам, что намерен закрыть этот балаган! Вы узнали то, о чем я вас просил?

Графиня неловко поежилась, покосившись на Гачека, ей было неудобно обсуждать столь интимные дела в его присутствии.

- Госпожа Катерина,- тихо ответила она,- говорит, что точно можно определить только месяца через два!

Де ла Верда недовольно поморщился, почему-то с упреком глянув на жену.

- Плохо!

- Что плохо? - робко спросила грозного супруга Стефка.

Прежде чем ответить, граф прошел вглубь комнаты и с досадой опустил на стул между двумя женщинами.

- Если вы беременны, то я намерен отправить вас в Испанию,- заявил он,- к моей матери. Незачем и дальше колесить по дорогам и странам! В тиши нашего родового замка вам будет покойнее выносить нашего первенца, да и я не буду отвлекаться от важной миссии на ваши бесконечные капризы.

Бедная Стефания онемела от такого поворота дела. В Испанию?! Не надо было иметь большого ума, чтобы понять, что следующая встреча с супругом может состояться, когда их первенец уже будет не только ходить, но и говорить. Он просто отделялся от неё, как от ненужной вещи!

- Ваша свита, графиня, вряд ли понравится моей матери - женщине почтенной, богобоязненной и серьезной. Поэтому шута я заберу с собой и подарю герцогу Бургундскому, он любит всяких уродцев. Ты же, вагант, ступай своей дорогой!

Воцарилось молчание. Пока растерянная Стефка пыталась осознать все тяжесть разразившейся катастрофы, первым подал голос Гачек.

- Что же будет с Хельгой? Она будет сопровождать вашу жену?

Граф перевел ледяной взгляд на смельчака.

- Почему я должен думать об этой глупой немке? Неужели вы всерьез считаете, что я позволю блуднице переступить порог моего родового замка? Если она тебя так заботит, забирай её с собой, вагант! Вы будите отличной парочкой!

При таком повороте дела Стефания, наконец-то, пришла в себя и отвлеклась от шокирующей мысли, что в следующий раз она разделит страсть с супругом только года через два! Перепуганные глаза несчастной Хельги и потухшее лицо Тибо требовали от неё решительного вмешательства.

- Нет,- твердо сказала она, презрев обычный страх вызвать недовольство в супруге,- я не допущу, чтобы вы таким образом распорядились моими людьми. Тибо император подарил мне, и я с ним ни за что не расстанусь, понравится он вашей матери или нет! И Хельгу не брошу на произвол судьбы, куда она такая денется? Кто будет кормить и её, и ребенка?

- Почему это должен делать я? - сухо поинтересовался граф.

- Потому что я ваша жена!

- А, по-моему, вы сейчас, как раз об этом забываете!

Скандал развивался по проторенному тысячелетиями существования брачных отношений сценарию, только его главные действующие лица об этом не знали в силу отсутствия опыта.

Госпожа Луазье, наоборот, опыта имела в избытке, поэтому встревожено попыталась сгладить ситуацию.

- Ваша светлость,- почтительно обратилась она к испанцу,- не преждевременен ли этот разговор? Может статься, что ваша жена и не беременна, и тогда нет надобности отправлять её в Испанию и лишать верных слуг!

Но прежде, чем дон Мигель возразил или согласился с этим замечанием, всплыла его юная оскорбленная жена.

- Графу все равно, беременна я или нет! - с горечью заявила она,- он мечтает избавиться от меня, сплавив куда угодно, только с глаз долой! Ему вообще не нужна жена!

Де ла Верда встал и, сохраняя оскорбленное выражение лица, демонстративно удалился из комнаты. Проводившая недоуменным взглядом его гневно выпрямившуюся фигуру Стефка пришла в себя и растерянно оглянулась.

- Что теперь будет? - расстроено прошептала она, обращаясь ко всем присутствующим.

Вагант только раздраженно пожал плечами.

- Дон Мигель не будет топить горе в вине! И не умрет от разбитого сердца!

Госпожа Луазье была склонна оценить ситуацию более трезво.

- Ах, дорогая, вы ещё так молоды, но запомните на будущее - никогда не ссорьтесь с мужем при посторонних! Это не дает ему возможности с честью отступить, а ничто не злит мужчин более чем пререкания с женой!

Расходились спать присутствовавшие при супружеской ссоре люди в угнетенном молчании. Все прекрасно осознавали, что над юной женщиной нависла угроза, и граф должен был каким-то образом наказать супругу, чтобы в следующий раз той было не повадно устраивать ему сцены.

Понимала это, конечно, и сама перепуганная Стефка. Как же она корила себя за несдержанность!

Тихо и смиренно раздевшись, она отпустила подавленную Хельгу и залезла под одеяло. Сон бежал от неё, отгоняемый неясным предчувствием ожидаемой беды, но все равно она умудрилась тревожно задремать, когда дверь жалобно скрипнула, распахнутая сильным толчком взбешенного мужчины.

Дон Мигель грозной громадой навис над вжавшейся в постель перепуганной женой. Его черные глаза гневно сверлили ослушницу.

- Ты только с виду ангел,- жестко прошипел он,- а на самом деле, строптива, словно дьяволица! Когда я решил спасти тебя от бесчестья, то, прежде всего, пожалел твою невинность! Там, в Моравии ты показалась мне созданной из солнечного света! А сейчас..., мне даже смешно вспоминать об этом! Так ошибиться!! Где был мой разум? Ненасытная, бесстыжая блудница! Вот кем ты стала под влиянием этого достойного кнута палача ваганта! Забыла о целомудрии,

смирении, чистоте! Разве супружеская постель - ложе для разврата? Твоя несдержанность внушает мне отвращение!

Стефка окаменела от боли, и, глядя на расхолодившегося супруга остановившимися глазами, бледнела и бледнела до тех пор, пока он не выкрикнул последнее ругательство! Оно ей показалось чудовищнее всех предыдущих оскорблений. Отвращение! Может, поэтому он и перестал посещать супружескую постель и так стремился отправить её подальше от себя? А она..., она так его любила, так желала! Горечь оказалась настолько непереносимой, что Стефка провалилась в обморок с мимолетным чувством странного освобождения.

Очнулась юная женщина от сотрясающего её тело болезненного судорожного озноба. Не понимая, что с ней происходит, она удивленно и вопрошающе оглядела толпящихся возле её постели людей. Вокруг с напряженными озабоченными лицами собрались и епископ, и Гачек, и хозяйка дома, уж не говоря о Хельге, и о торчащих из-за спинки кровати унылых колокольчиках Тибо, ну и конечно, с тревогой взирал на жену, крепко державший её за руку дон Мигель. Увидев последнего, Стефка мучительно застонала, вспомнив о произошедшем, и опять почувствовала страшную, режущую боль в сердце.

- Уйдите,- прошептала она,- вы разбили мне сердце! Я не могу вас видеть!

Внезапно боль стала нестерпимой, скрутив все её тело. Увидев, как она скорчилась на постели, схватившись за живот, Гачек хмуро сказал графу:

- Похоже, донна теряет ребенка!

Де ла Верда обвел безумным взглядом столпившихся вокруг людей.

- Что-нибудь можно сделать?

- Молиться, сын мой! - и епископ сочувственно потянул его за локоть прочь от зрелища мучившейся в корчах схваток жены,- больше вы ничем ей не сможете помочь!

Граф покорно простоял рядом с епископом на коленях перед распятием весь остаток ночи, неистово твердя все молитвы, которые только знал, но на рассвете к ним в молельню почтительно протиснулся один викариев.

- Все кончено!- с сочувствием перекрестился он.

- Графиня жива? - побледнел дон Мигель.

- Да, а вот плод погиб!

И де ла Верда покорно склонил голову перед наказанием небес, поручив душу своего не родившегося сына Всевышнему. Ему было так больно, так отвратительно плохо, как будто уход этого малыша, разрез в его душе страшную черную пустоту.

Поглядев на бледное, покрытое капельками пота и искаженное мукой лицо своего подопечного, епископ мягко предложил:

- Может, вам станет легче, если вы покаетесь, сын мой?

Дон Мигель согласно кивнул головой - он осознавал, что без помощи Всевышнего ему не преодолеть своего горя.

На горизонте уже восходило солнце, когда отслуживший утреннюю мессу епископ приготовился к принятию исповеди.

- Что мучает тебя, мой сын? В чем ты хочешь покаяться Господу?

Дон Мигель истово перекрестился и, встав на колени, начал говорить.

- Меня мучает мысль о моей несчастной жене и не родившемся ребенке!

- Вы чувствуете себя виноватым?

Де ла Верда, помолчал, собираясь с мыслями и, наконец, твердо сказал:

- Да! Это моя вина... Мне не стоило жениться на этой женщине, но раз я все-таки это сделал, то нужно было больше уделять ей внимания, а не оставлять практически в одиночестве в окружении совершенно неподходящих людей!

- Поэтому вы решили отправить жену в Испанию?

- Нет, - после небольшой заминки не согласился граф, - это не так! Дорога полна опасностей, наша миссия довольно специфична, и у меня много врагов. Прежде всего, я хотел защитить жену и будущего ребенка, отправив под опеку моей мудрой матушки!

- А её свита? Разве вы не хотели избавиться от них?

Дон Мигель тяжело вздохнул.

- Что делать задиристу эльзасскому уродцу-зубоскалу в глуши каталонской провинции? Там его шуткам не только не будут рады, но как бы ему и голову без времени не сложить! А Хельга, - неизвестно от кого беременная бестолочь! Моя мать разумная женщина, но есть вещи, которых она не потерпит в своем доме! Стефания кинется защищать своих любимцев, матушка разозлится и мой дом превратится в ад!

- Значит, все ваши поступки были продиктованы заботой о жене? Но тогда, что вас так беспокоит, сын мой? Почему стонет ваша душа?

Дон Мигель нервно и задумчиво перебрал четки.

- Я..., отец мой, я... виноват!

- В чем заключается твоя вина? Обнажи душу перед Господом!

- Я не пожелал впустить эту женщину в свое сердце! Вместо того чтобы открыться для супружеской любви, я наоборот, держал жену на расстоянии, боясь, что это чувство ослабит меня, сделает беззащитным! И Стефания перестала мне доверять!

Епископ слабо улыбнулся, перекрестив склоненную перед ним голову.

- Любимая женщина всегда делает мужчину уязвимым, а как же иначе, ведь она его неотъемлемая часть, колыбель сделана из ребра прародителя! Что же касается вашей супруги, то вы слишком долго имели дело с женщинами иного рода, отсюда и все проблемы! Но Господь, в мудрости своей, незримым покровом оберегает заключивших священный обет супругов, не оставит он и вас!

Его преосвященство прочитал разрешительную молитву и на душу графа опустился если не покой, то хотя бы смирение перед волей Всевышнего. Действительно, Господь явственно показал ему свое недовольство, но, в конце концов, в безграничной милости своей дал возможность всё исправить.

- Найдите ваганта,- отдал он приказ своим людям, после того как вернулся из молельной комнаты.

Пока того искали, де ла Верда задумчиво сидел за пустым столом в столовой, в ожидании завтрака. Гачек появился в тот момент, когда подали еду, поэтому его неожиданно любезно пригласили разделить трапезу не только с графом, но и с епископом и хозяевами дома.

Овсяная похлебка с мясом отнюдь не радовала ни глаз, ни желудок, но, пожалуй, едоки мало обращали внимания на содержимое тарелок, настолько серьезным был разговор.

- Я не буду кривить душой, вагант,- прямо обратился к собеседнику дон Мигель,- толкуя, что ты мне не нравишься! Отнюдь, мне встречались люди и гораздо худшие, но если даже они не стали моими врагами, то ты тем более не удостоишься такой чести. Да и вообще, зачем же нам делить неделимое? Донна Эстебана - моя жена, нравится тебе это или нет! Прими это к сведению, смирись, и предлагаю тебе продолжить путь в Париж уже в одиночестве - в конце концов, именно это ты намеривался делать, пока не встретил наш отряд!

Гачек давно уже ждал подобного разговора, но когда приговор все-таки был вынесен, восстал:

- Я не могу сейчас оставить донну Стефанию, она нуждается в моем участии!

Дон Мигель задумчиво осмотрел его взволнованное лицо.

- Потеря ребенка наше общее с ней горе, значит, я тоже нуждаюсь в участии? И ты можешь проявить его, немедля покинув нас!

Вместо ответа вагант упрямо уткнулся носом в тарелку, решив про себя, что все равно не оставит её светлость, даже если придется плестись вослед за папским посольством. Дон Мигель, страдальчески приподняв брови, переглянулся с епископом, но неожиданно в его поддержку выступила обычно молчавшая в присутствии столь значительных гостей госпожа Луазье,

- У женщины не может быть сразу два мужа,- тихо заметила она,- а в ни в ком другом донна Стефания сейчас не нуждается!

Гачек дернулся было что-то возразить, но подавленно промолчал.

- Я могу проститься с графиней? - спросил он уже в конце трапезы.

- Конечно, вы ведь земляки! - сухо усмехнулся дон Мигель.

Стефка все последующие после выкидыша дни находилась в страшном, пограничном между реальностью и обмороком состоянии. Она никого не хотела узнавать, хотя и лежала с открытыми глазами, уставившись в потолок. Юная женщина не желала ни есть, ни пить, доводя свое окружение до невменяемости от тревоги за её жизнь. Не отреагировала она вначале и на появление Гачека, но когда он заговорил...

- Ваша светлость, мне жаль вас оставлять, когда вы в такой горе, но ваш муж настаивает на

моем отъезде!

Женщина горестно поморщилась.

- Вы покидаете меня, пан Славек?

- Да, я... - вагант окончательно пал духом,- ваш муж считает, что так будет лучше для всех! Он ревнует!

Стефания измученно глянула на земляка.

- Чтобы ревновать, нужно любить! Но, может, вы и правы, решив покинуть нас!

Когда за Гачеком закрылась дверь, наша героиня почувствовала себя настолько одинокой, что горько расплакалась от тоски и печали. Сочувственно прикусившая край передника расстроенная Хельга тихо подвыла в унисон.

- В жизни многое что происходит,- заметил на этот взрыв отчаяния тяжело вздохнувший Тибо,- друзья приходят и уходят! И одиночеству дано в тоскливый уксус превратить вино!

На третий день к Стефке в спальню зашел сам епископ. Он дал ей поцеловать свой пастырский перстень и с удовлетворением увидел, что святая сила, заложенная в нем, действует - женщина шевельнулась на своем скорбном ложе и обратила на него болезненный взгляд. У Братичелли сочувствием защемило сердце при виде осунувшегося бледного лица. Ему с трудом верилось, что перед ним находится тот самый светлый ангел с золотыми косами, который уже семь месяцев сопровождал их отряд. Куда делась её солнечная улыбка, где безмятежный согревающий душу взгляд?

- Дочь моя,- отечески заговорил с больной его преосвященство,- вы должны понимать, что супружеская жизнь - это не дорога, усеянная розами! Ведь в брак вступают не ангелы, а люди. А им свойственно гневаться, ошибаться, быть несправедливыми друг к другу. Вы со своим мужем пережили страшное горе, потеряли вашего ребенка, так не терзайте же друг друга и дальше. Простите его, как и подобает истинной христианке.

- Я не держу зла на графа,- тихо проговорила Стефка, и слезы полились из её глаз,- знаю, что виновата сама, потому что слишком сильно его любила. Так сильно, что мне кажется, той ночью он вырвал у меня сердце, оставив вместо него рваную рану.

Епископ вздохнул про себя, прочитав краткую молитву. Эта женщина скорбела не о том, о чем нужно, но что взять с несчастной?

- Время лечит все, - заметил он,- раны заживут, и вы вновь проснетесь для любви и счастья. У вас появятся ещё дети.

- Я не хочу детей! Я больше ничего не хочу и не жду от своего супруга!

- Все уладится, дочь моя,- епископ задумчиво перебрал четки, - вот увидите! Вы еще слишком молоды, и мало что смыслите в жизни. Ваш супруг любит и заботится о вас, и если он даже и бывает суров, то только для вашего блага!

Но, похоже, его слова не достигли своей цели. Подопечная не обратила на них никакого внимания, бессильно откинув голову на подушки. Епископ решил сократить визит.

- Молитесь, дочь моя, и Господь облегчит ваши страдания! Мы же, в свою очередь, со всеми братьями, сопровождающими наш отряд, будем молиться за дарование вам здоровья!

Может, помогли молитвы, а может, верх взяла молодость, но только через пару дней донна Стефания все-таки встала с постели.

- Где Гачек? - спросила она у Хельги.

- Ушел, госпожа,- всхлипнув носом, ответила та,- по дороге на Иль-де-Франс! А ваш муж и его преосвященство уехали на встречу с герцогом Рене в Мец!

-Да? - задумчиво заплела косу Стефания,- что ж, уедем и мы!

- Куда? - изумленно ахнула немка,- что это вы задумали?

Но юная женщина только небрежно пожала плечами.

- Куда обычно стремятся люди? Домой!

ШАМПАНЬ.

Мец. Очередной имперский город на пути папского посольства.

Почему же, не дождавшись герцога Рене в Нанси, наши спутники были вынуждены искать встречи с ним в Меце?

Иногда бывает так, что элементарно не везет. Вот вроде бы все идет гладко, хорошо, и цель близка, а потом раз - и судьба накидывается на человека, отыгрываясь за все, в чем раньше благоволила.

Так получилось и у донна Мигеля. Он не собирался надолго задерживаться в Лотарингии, заехав в Нанси всего лишь затем, чтобы получить от герцога уверения, что тот не вмешается в конфликт между Карлом Смелым и Людовиком XI, и, казалось бы, ему ничто не должно было в этом воспрепятствовать, но...

Двухнедельная задержка в Конствальце дала возможность хитроумному лотарингцу пренебречь ранее достигнутыми договоренностями, и ускользнуть дабы на осеннюю охоту, а когда и этот срок прошел, то неизвестно почему тот из охотничьего замка отправился напрямик в епископство Меца, опять сославшись на какие-то неотложные дела.

Можно было, стиснув зубы, дождаться его в Нанси, но дон Мигель заподозрил верткого, как лисица, человека в тайном сговоре с Людовиком, за спинами, ни о чем не подозревавших союзников по Лиге Общего Блага. После того, как Людовик объявил о разрыве Перронских соглашений, нечто подобное должно было иметь место.

Напрасно епископ отговаривал своего спутника от этого шага, мудро указывая, что вряд ли их присутствие, что-либо существенно изменит в ситуации.

- Нужно выждать,- увещевал он,- нет ничего тайного, чтобы не стало явным! Появившись в Меце, мы только продемонстрируем нашу заинтересованность там, где должны выказывать полную беспристрастность. Да и... ваша супруга больна! Было бы лучше, пользуясь затишьем в наших делах, попытаться наладить вашу семейную жизнь!

Братичелли был умным человеком, и к его советам нужно было прислушиваться. Но испанец закусил удила.

- Нет ничего предосудительного в том, чтобы посетить епископство! В конце концов, мы не можем торчать здесь вечно. А Стефания..., она все равно ещё не здорова. Пусть пройдет время, донна успокоится, страсти улягутся, и тогда..., в общем, нам пора в дорогу!

Наверное, дон Мигель сам находился в растерянности, не зная как уладить семейный конфликт и, наивно уповая на время, рвался прочь от скорбного ложа супруги к каким-то конкретным делам, далеким от внутрисемейных дразг.

Сказать, что их миссия закончилась полным провалом, было бы не совсем точно. Если даже герцог и собирался провести в Меце тайные переговоры с целью заключения союза против Карла Смелого, то присутствие папских легатов сделало эту идею невозможной, но и заручиться, что Рене публично осудит разрыв Перронских соглашений, тоже не удавалось.

- Герцог Бургундский - вассал французской короны,- отвечал он на все уверения,- и различные соглашения, лиги, союзы и прочее, это их внутреннее дело. Зачем вмешиваться в распри других государств, когда своих забот хватает?

И так далее и тому подобное.

- Мир и только мир, вот чего хочет в доброте и святости души его святейшество,- волновался дон Мигель,- но если мы все будем твердить, что свара соседей не наше дело, то война постучится и в наш дом!

- Вы предлагаете уберечь дом от поджога, собственноручно разложив под ним костер?

И пока посланцы без пользы ломали головы и языки, бесцельно переливая из пустого в порожнее, дни летели, как мгновения.

- Мы теряем время,- грустно подвел итог дон Мигель,- нужно признаться в поражении, и двигаться дальше, иначе мы опоздаем к началу военных действий, и вся проделанная работа пойдет насмарку! Надо послать в Нанси за Стефанией, и ехать во Фландрию.

Но когда отряд уже снаряжался в путь, в Мец прискакал испуганный гонец.

- О, ваша светлость,- в отчаянии упал он на колени,- можете казнить вашего плохого слугу, но произошло страшное!

- Стефания мертва? - все краски сбежали с лица мгновенно окаменевшего дона.

- Нет, мой господин, но её светлость пропала!

- Как пропала?

Посланец виновато склонил голову под возмущенным взглядом господина.

- Никто ничего толком не знает, но однажды графиня ушла в свои комнаты сразу после обеда, сославшись на плохое самочувствие, а когда госпожи хватились, то уже прошли практически сутки!

Дон Мигель от растерянности едва устоял на ногах. Произошедшее едва ли укладывалось в его голове.

- А где была эта бестолочь Хельга?

- Немка то же исчезла!

Де ла Верда хмуро хмыкнул. Всё мгновенно прояснилось. Его глупышка жена, прихватив в союзницы дуру немку, подалась в бега, и если они ещё...

- А шут?

- Исчез вместе с ними!

Если бы речь шла не о его собственной жене, то графа бы немало позабавила мысль, как столь забавное трио движется по дорогам Европы, но, увы, сейчас ему было не до смеха.

- Неужели графиня пустилась вслед за вагантом?

Дон Мигель, не медля, собрал военный совет. Семейные дела вновь неприятно вторглись в его планы, угрожая оставить от них мокрое место.

Что делать? Искать графиню или двинуться во Фландрию на встречу с Карлом Смелым? Дилемма достойная Цезаря - долг против долга!

- Сын мой,- сжалился над графом епископ,- нужно разделить наш отряд. Вы поедите на поиски супруги, я же проследую на встречу с герцогом Бургундским.

Это было благородное, щедрое предложение, но дон Мигель понимал, что толку от этого будет мало, и он не оправдает оказанное ему доверие его святейшества.

- Нет! Я не могу подвести папский престол, отказавшись лично участвовать в переговорах с герцогом, даже из-за побега графини. Мы пошлем вслед беглецам людей Эстебана! Они найдут графиню и воссоединятся с отрядом!

Епископ тяжело вздохнул. Ему мало понравилось это предложение - негоже внутрисемейные дела перегружать на чужие плечи, но с другой стороны, похоже, другого выхода не было.

- А куда направилась донна?

- Куда же, как не вслед своему другу,- зло огрызнулся де ла Верда,- похоже, они сговорились о побеге во время последней встречи!

Братичелли поежился. Только этого им и не хватало в довершение всех проблем!

- Надеюсь, что вы не будете столь уж суровы по отношению к провинившейся жене?

- Разберемся,- небрежно отмахнулся дон Мигель,- только бы удалось их всех обнаружить, пока они не влипли, в какую-нибудь неприятную историю!

Хмурый Эстебан получил краткие, но недвусмысленные инструкции, и немедля пустился в путь.

Солидно поредевшее посольство вновь пустилось в путь на запад, проезжая по благословенной Шампани по дороге на Иль-де -Франс, с тем, чтобы потом забрать резко на север.

Вокруг были прекрасные пейзажи - просторные холмы, засаженные виноградниками,

перемещались с чудесными солнечными рощами Арденнских лесов. Погода то же благоприятствовала спутникам - так тепло и сухо редко бывает в начале ноября. Запахи осени и молодого вина причудливо вплетались в общее ощущение окружающей благодати.

К сожалению, вряд ли кто из ехавших под папским знаменем путников мог оценить это великолепие, настолько подавленной была обстановка в отряде. Даже бесконечные разговоры между епископом и графом и то лишились прежней конструктивности, потому что о какой бы особой важности проблеме они не заговаривали, мысли и первого и второго все равно занимала тревога о судьбе юной женщины, бредущей по беспокойным дорогам Европы.

- А вдруг она задумала в одиночку пробираться домой, в Моравию? - однажды, не выдержав напряжения, прервал обсуждение очередной папской буллы его преосвященство, - и сейчас находится где ни будь возле Конствальца?

Дон Мигель принял это замечание, как должное, только недоуменно пожав плечами.

- Стефания, конечно, не отличается особым умом, но все-таки на плечах у неё голова, а не горшок! Ведь её сразу же узнают в первой же придорожной корчме! Нет, она ринулась в след ваганту, чтобы с его помощью, через чешское землячество в Париже, вернуться в Моравию.

- Не слишком ли мудрено для графини?

- Так ведь не она автор плана побега! А Гачеку вполне по силам выдумать столь простую схему, и с ближайшей же оказией, отправить её в родной Черный лес.

Единственное, что порадовало его преосвященство в этой речи, так это то, что подопечный не выказывал признаков ревности и не спешил свою жену обвинить в адюльтере, остальные же умозаключения вызвали большие сомнения!

Они уже пересекли Рейн, поворачивая на северо-запад, когда после переправы на левый берег их настиг отряд Эстебана, и взору изумленных путников предстал порядком измученный и помятый, с заметными кровоподтеками на лице Гачек.

- Какого черта, - выругался дон Мигель по-испански, обращаясь к верному слуге, - я ведь приказал его навсегда обезвредить! А ты вместо этого притащил бродягу сюда! И где донна?

Но тот только ткнул пленника кончиком копья в спину.

- Я не знаю, где донна Стефания, - правильно истолковал этот угрожающий жест испуганный Гачек, - клянусь девой Марией и непорочным зачатием, что я ничего не знал о её планах побега, да и если бы знал, то непременно бы отговорил графиню от этого безумного шага!

- Я расспрашивал всех, кто только попадался мне на пути, - подтвердил его слова и Эстебан, - он все время шел один, и никому не попадались на глаза две женщины и карлик!

- Неужели повернули назад? - помертвел от страха дон Мигель, - только не это!

Действительно, вновь показаться на территориях, где столь отличился в борьбе с ведьмами её супруг, было бы со стороны графини сущим безумием. Та же мысль пришла в голову и побледневшему Гачеку.

- Господи, - перекрестился он, - да её ведь там сразу же опознают, и я даже не берусь

предположить, что будет дальше!

Граф даже взвыл, схватившись за голову. Фландрия была уже близко, так же как и дожидавшийся посольства герцог, а вот даже приблизительно определить, где жена, не мог никто. Нужно было возвращаться в Нанси и начинать все сначала - шаг за шагом отслеживая путь весьма заметной тройцы. У него не было на это ни времени, ни возможностей! Решение пришло внезапно, стоило лишь только кинуть взгляд на взволнованное, заплывшее от кровоподтеков лицо ваганта.

- Ты во всем виноват! Это оттого, что ты настраивал графиню против меня, она отважилась на столь безумный шаг! - жестко высказался дон Мигель, - у неё ведь представление об окружающем мире не менее туманное, чем у потаскухи о непорочном зачатии. Я не могу сейчас искать жену, мой долг призывает меня во Фландрию. Но ваш долг, Гачек, отправиться на поиски донны! Наивная глупая девчонка, беременная кретинка немка и злоязычный, без царя в голове уродец - это гремучая и опасная смесь! Они могут быть и убиты, и изнасилованы, и вообще... Короче, найдите беглецов и уберегите от этого ужаса! Возьмите людей, будет очень мало толку, если вас самого убьют! А я попытаюсь быстро сделать в Брюгге то, что без меня никто не сделает и догнать вас,- тут он задумался, что-то посчитав в голове,- недели через три!

Если ваганту что-то и пришлось не по вкусу в этом предложении, он благоразумно промолчал, согласно кивнув головой, да и справедливости ради стоит заметить, что Гачек сам находился в состоянии тревоги, и в особом принуждении не нуждался.

На этом они и расстались. Папское посольство заспешило на северо-запад, а Гачек с эскортом из пяти вооруженных до зубов человек на юго-восток. Перечитывая рекомендательные письма, которыми его снабдили папские легаты, Гачек поневоле изумился, как странно складывается для него путь в Сорбонну. Никогда, за всю свою жизнь он не передвигался так быстро, да ещё с таким мощным сопровождением, как правило, обходясь посохом странника и лютней, но в обратном направлении от цели странствия.

Вернувшись в Нанси, вагант начал всех подряд расспрашивать о беременной женщине, в сопровождении юной девушки и карлика. И хотя Гачек плохо изъяснялся на лотарингском диалекте, он вскоре с огромным облегчением понял, что следует по правильному пути.

Правда, путь этот был не менее странен, чем сами разыскиваемые - неизвестно по каким причинам графиня, сначала вышедшая из Нанси по направлению к Страсбургу, потом вдруг изменила свое решение, и, сделав солидный круг по Лотарингии, устремилась на юг, в сторону Дижона, оттуда почему-то повернув на северо-запад, на Бар. Было такое ощущение, что перед ним отряд слепцов, ведомый сумасшедшим поводырем без цели и толка!

Забавную тройцу не только видели, но и обратили внимание на странные выходки карлика, который вел себя непонятно, для человека пытающегося замести следы.

- Этот уродец,- жаловался хозяин одной из харчевен,- настоящий дьяволенок! Перевернул на себя и спутниц мясной соус, да так его размазал, что женщины потом два дня не могли пуститься в дорогу, дожидаясь пока просохнет их платье!

Возмущенная хозяйка другого трактира, держа на руках солидных размеров бело-рыжего кота, высказывалась ещё определеннее:

- Этого недомерка в клетке держать нужно на показ, а не к людям выпускать! Так разозлил моего Рыжего, что он двух постояльцев поцарапал, и мне потом пришлось платить за испорченное платье! Выгнала я их взашей, хоть и жалко было юную демуазель - уж такая она

была тощенькая, ну такая бледненькая, просто светилась, как прозрачная!

Гачек только улыбался, слушая эти истории. Умница Тибо специально оставлял знаки, чтобы помочь преследователям как можно быстрее разыскать беглецов. Очевидно, шуту самому мало нравилось шастать по опасным дорогам в столь ненадежной компании, но и не присоединиться к женщинам он не мог, опасаясь за юную госпожу.

Вагант довольно легко проследил за похождениями графини, преследуя милую троицу вплоть до Шампани, и когда уже уверовал, что вот-вот догонит маленький отряд, их следы внезапно оборвались

## БЕГЛЕЦЫ.

Страшно оказаться осенней ночью в одиночку на дороге.

Тьма такая, что звезды в вышине являются единственным источником света. Крупные, мерцающие в прозрачном небе они сияют так, что на земле от этого становится ещё темнее, и припозднившийся путник не видит даже собственных ног. В слепой надежде веря, что не собьется с дороги, он ступает осторожно и пугливо, и все равно спотыкается обо все кочки и ухабы.

Все звуки в пустынной осенней тишине кажутся преумноженными многократно. В страхе замирает усталый странник, пугаясь даже шороха собственных шагов. И даже стук копыт двух смиренных осликов и то производит шум, подобный рокоту барабана.

По окутанной ранними сумерками проселочной дороге уныло плелись два полусонных ослика. На одном дремала, поклевывая носом, усталая Хельга, на другом в безотчетном ужасе перед зловещей тишиной, прижались друг к другу Тибо и Стефания. Вечно мерзнувший карлик трясся мелкой дрожью и норовил закутаться по самый нос в накидку своей хозяйки.

- В мире дьявольской тьмы блуждаем несчастные мы,- тоненько скулил он,- неизвестно куда попадем, прежде чем с ума от страха сойдем!

Стефка тяжело вздохнула - совсем ещё недавно она даже приблизительно не знала, где они находятся, но отчаянно надеялась, что до Моравии осталось не так уж далеко. Конечно, до Нанси папское посольство добиралось полгода, но ведь легаты устраивались на долгие стоянки в имперских городах, а наши беглецы, наоборот, старались все селения объехать стороной.

Обстановка осложнялась ещё тем, что все вокруг изъяснялись на непонятном Хельге и Стефании языке, а Тибо, если что и понимал, то от его своеобразных ответов мало, что становилось ясно. Да тут ещё озорной характер карлика, из-за которого они не могли даже толком перевести дух в каком-нибудь месте, расспросить о дороге, собрать сведения. Стоило только где-то расположиться на постой, как он непременно выкидывал очередное коленце, как будто нарочно выводя из себя всех содержателей харчевен и постоялых дворов.

Потом Тибо, конечно, плакал и жаловался, показывая багровое, пострадавшее от свирепой немилосердной руки ухо или руку, а уж зуботычин и подзатыльников было вообще не сосчитать, но факт оставался фактом - каждый раз измученные женщины вынуждены были побыстрее убираться прочь, не успев, ни толком поесть, ни отдохнуть.

- Уже давно надо показаться Штутгарту,- изумлялась Хельга, с кряхтением держащаяся за круто вздымающийся живот, - но почему в харчевнях, по-прежнему, одна жиденькая капуста,

вонючий сыр, да кислое вино? Когда же я поем свиных колбасок и гороха со шкварками, запивая добрым пивом? Как же я по ним истосковалась!

Про колбасу и пиво она говорила с таким тоскливым и блаженным придыханием, как монахиня о святых дарах.

- У меня урчит в брюхе и от капусты глаза выпучивает,- ворчливо вторил ей Тибо,- или умру я с голоду, или тоска по мясу замучает!

Конечно, можно было заказывать в трактирах и более сытную пищу, но в этих странных местах царил отнюдь не немецкая дороговизна, а они итак потратились на покупку двух осликов, и деньги нужно было беречь, чтобы хватило до Моравии.

Стефания переносила испытания со стоическим смирением. Её мало волновала безвкусная грубая еда и отсутствие полноценного отдыха, настолько мысли были заняты более безрадостными вещами. Она едва замечала, что ела, механически все туже затягивая корсаж на похудевшей талии. Беглянка день и ночь думала о том, как ей жить дальше.

Конечно, она возвращалась домой, потому что больше не могла находиться с человеком, так унижительно пренебрегающим ею. Но крестный! Даже при мысли о Збирайде Стефка начинала тяжело вздыхать - своевольный пан Ирджих имел весьма твердые представления об обязанностях жены, и даже при таких обстоятельствах никогда бы не одобрил побега крестницы. Оставалось только одно - припасть к ногам принца Генриха, старинного друга Ярослава, чтобы его высочество похлопотал перед отцом о разрешении вступить в монашеский орден.

Да, Стефка всегда считала, что не создана для монашеской жизни, но если и в супружестве она потерпела фиаско, то, пожалуй, покрывало монахини будет для неё наиболее подходящим головным убором. Не найдется, что возразить и де ла Верде - против небесного жениха отступают земные мужья! И бывшая графиня до конца своих дней будет молиться за своего погибшего младенца и за разбитую любовь. Со временем сердце успокоится, боль уйдет и она смирится с этим уделом.

Доходя до мыслей об утраченном малыше, Стефка неизменно начинала плакать, представляя решетки монастыря - уныло хандрить, и где уж ей было обращать внимания на дорогу и на недовольные жалобы окружения. Хельгу она взяла с собой из жалости, а Тибо увязался сам, клянясь, что не может оставаться дальше с жестоким графом, желающим определить его в шуты к самому богатому и могущественному человеку Европы.

- Страшно бедному шуту подниматься, чтоб кривляться, на такую высоту, можно ведь не только упасть, а кабы совсем голове не пропасть!

А теперь этот маленький изменник выл по каждому удобному и неудобному случаю.

- Нам надо вернуться скорее назад, заблудшей овечке наш граф будет рад!

Хельга, которая от дона Мигеля ничего хорошего не ждала, только злобно цыкала на уродца.

- Ты думаешь, о чем говоришь? Только Пресвятая Дева знает, как мы далеко сейчас от Лотарингии! Судя по всему, уже скоро Бавария, вот только местность не знакомая, и люди как-то странно изъясняются - ничего не поймешь! И деньги не те, меняют по грабительскому курсу. А, мне все равно, лишь бы свиной колбасы дали!

- В голове у нашей Хельги только множество колбас, скоро с жиру лопнет немка, в брюхе вон какой припас!

- Ах ты сморчок поганый, ты же знаешь, что я на сносях!

- У зайчихи плод зайчонок, а хрюшки - поросенок!

И так далее и тому подобное. Эти двое устраивали такую свару, что испуганно прыдали ушами ослики, норовя разбежаться в разные стороны, и невольно своей пустой болтовней отвлекали госпожу от благочестивых размышлений о тлене всего мирского.

- Что б вас, - сердилась она, - вы отправите прямиком в ад даже святого! Прекращайте шуметь, не мешайте мне думать!

- Дамам вредно много размышлять, можно сразу в старость убежать! Испещрят весь лоб морщины, убегут стремглав мужчины!

Ещё пани Анелька, готовя старшую внучку к взрослой жизни, не раз её поучала:

- Холопы, как правило, все глупы и ленивы! Если это было бы не так, они в рабы никогда не попали, поэтому, девочка моя, имей в виду - толку от них мало, головной боли много! Только бесконечное, железное терпение и воля хозяев могут заставить этих людей делать хоть что-то полезное. Но что поделаешь, других слуг нам не дал Господь, и приходится нести этот терновый венец, чтобы они сами же не подошли от голода!

Тогда бабкины наставления ей казались несколько преувеличенными, но теперь Стефка пришла к выводу, что пани Анелька была не так уж и не права. У неё истекало кровью разбитое благодарным, вероломным супругом сердце, она оплакивала своего малыша, готовясь вообще расстаться с миром, заточив себя в стены монастыря, а эти двое вели себя так, как будто им и дела не было до её боли и отчаяния.

- Я хочу попросить принца Генриха о покрывале монахини! - наконец, решила она признаться, чтобы дать понять, насколько серьезна ситуация.

Но вместо благоговейной тишины и уважения к её столь выстраданному решению, за спиной раздалось подозрительное хрюканье.

- Я не сказала ничего смешного!

Даже ангел иногда может потерять терпение!

- Ах, что вы, донна, какой там смех..., просите монашеский чин уж для всех!

Это, конечно же, высказался Тибо, но Хельга так же показала себя во всей красе.

- Я не хочу в монашки, - испуганно открестилась она, - у них там посты, да и с другим - ни-ни, а я хочу выйти замуж и иметь в своей постели постоянного мужчину, и варить домашнюю колбасу с чесноком, а ещё кровяную колбасу, и рубец с луком, и пиво! Да и вы, донна, по-моему, поторопились с таким решением, ведь то же до постельных утех большая охотница, поэтому и на господина обиделись!

У Стефки даже слезы на глазах выступили. По словам немки выходило, что она бежала от мужа, потому что не смогла справиться с собственной похотью!

- Мне никто не нужен,- сердито отрезала она,- кроме Господа нашего..., и замолчите вы все!

Легко сказать! Молчание продолжалось несколько мгновений, а потом злобный шут опять задел Хельгу, и понеслось!

Наша героиня только обреченно махнула рукой, мудро решив, что первые христиане ещё не то терпели в гонениях за веру, потерпит и она.

Но к вечеру того же дня Стефке пришлось убедиться, что она окружена людьми не просто глупыми, а могущими стать бесспорными победителями на любом турнире дураков. Это случилось в тот момент, когда они въехали на земли некоего барона де Ла Роша.

В небольшой придорожной харчевне почему-то собралось настолько много народа, что нашим путешественникам едва-едва нашлось местечко на краешке лавки одного из отлакированных локтями посетителей столов, с вьёвшимся застарелым запахом плохого вина и немудрящей пищи.

Стефка вяло пережевывала лепешку с сыром, когда заметила за соседним столом двух рыцарей. Они, освободившись от шлемов, быстро поглощали пищу, как торопящиеся по неотложным делам люди и вели разговор... по-французски! И если бургундский и лотарингский диалекты ей были плохо знакомы, и она с той же госпожой Луазье говорила по-немецки, то викарии свое дело знали, и на языке Иль-де-Франс графиня изъяснялась довольно-таки сносно.

- Герцог Карл призывает...

- Завтра нужно быть в Труа!

- Разрыв Перронских соглашений...

- Шампань готовится к войне, но на чьей стороне?

Завтра? Труа? Стефания моментально очнулась от безрадостных грез о сумрачной келье, и недоуменно встряхнулась. Она не знала Франции, но все же сообразила, что Труа находится в противоположной стороне от цели её путешествия.

Графиня медленно подняла полный пока ещё смутных подозрений взгляд на своих спутников. Хельга, с брезгливой гримасой, хлебала мучнистую похлебку, сдобренную сыром, и шумно сглатывала слюну при виде зажаренного каплуна на столе у соседей. Тибо же со вкусом грыз большую луковицу, заедая её лепешкой и стреляя по сторонам лукавыми внимательными глазами. Никак опять замышлял, какую-нибудь очередную пакость!

- Тибо,- вкрадчиво спросила она,- Труа - это место, в котором французский король Карл отрекся от престола в пользу англичан?

- Да, ваша светлость, именно так! Карл, больной король, был безумный дурак!

- А как далеко находится Труа от Парижа?

- Думаю, в трех-четырёх сутках пути..., это смотря как идти!

Стефания долго смотрела на бессовестного карлика, даже не зная, что ей с ним сделать - прогнать сразу или отделаться несколькими затрещинами? Разъяренное сердце упрямо

советовало первое, как радикальное средство избавления от всех настоящих и грядущих неприятностей разом.

До этого беспечно рассматривающий закопченный зал трактира Тибо внезапно насторожился, и осторожно оглянулся на выпрямившую в негодовании спину юную госпожу.

- Ой, ой,- тот час заскулил он, ещё больше сморщив и без того морщинистую рожицу,- в глазах у донны хладный лед, Тибо несчастного убьет! Несчастный шут...

- ... прескверный плут! - оборвала его стенания злая Стефка,- неужели у тебя совсем нет совести? Где мы, и зачем ты нас завел в это место?

Но как будто можно было воззвать к порядочности того, кто от рождения был лишен совести!

- Совсем не знает бедный шут, куда дороги тут ведут! Измучился Тибо, совсем устал, и как бы вовсе не пропал!

И встревоженная, разгневанная женщина сделала то, что должна была давно сделать, а не доверяться бесстыжим, глупым слугам. Поправив вуаль на голове, и разгладив помятые складки юбки дорожного платья, она решительно подошла к тем самым рыцарям, разговор которых заставил её вернуться в мир неприятной реальности.

- Мессеры, - потупила глаза под их пристальным взглядом наша путешественница,- я со своими спутниками немного заблудилась, выехав из Нанси! Не объясните ли мне, где я нахожусь и что это за место?

Увидев перед собой худенькую, в невзрачном наряде фигурку бледной девицы, несомненно, благородного происхождения, рыцари все-таки соизволили склонить головы в ответ.

- А куда вы держите путь, демуазель?

Хороший вопрос! Как раз, кстати, чтобы они решили, что перед ними сумасшедшая, сказать, что она поспешает в Моравию!

- Я еду в Париж, мессеры!

- Тогда вы на правильном пути. Через несколько часов Бар, там вы отдохнете, и через дневной переход придёте в Труа,- любезно пояснил ей рыцарь, все-таки разглядев сквозь марево далеко не первой свежести вуали, что перед ними прехорошенькая девица,- только, демуазель, говорят, что скоро эти места станут ареной военных действий, хотя перемирие пока продолжает действовать. И все же, благородным девицам незачем подвергать себя таким опасностям!

- Благодарю вас, шевалье! Я воспользуюсь вашим советом и поверну назад!

Те немного помялись, переглянувшись. А потом один из них, помоложе, смущенно произнес:

- Дороги уже забиты рыцарскими отрядами - герцог Карл созвал ополчение. Вы такая милая девушка, как бы вам... в общем, лучше переждать это беспокойное время в тихом месте. Мы сейчас находимся во владениях барона Армана де Ла Рош, попросите его о покровительстве. Он не откажет в защите столь юной девице.

Понятно, что эти любезные шевалье хотели добра странствующей девушке, но только для

Стефании был неприемлем подобный выход из положения. Что она скажет этому самому барону Ла Рош, когда он вполне законно поинтересуется, кто перед ним? Сбежавшая жена испанского гранда? И Стефания решила все-таки добраться до Бара, а там видно будет, что делать дальше - практически без денег, в чужой стране, с двумя безголовыми слугами на руках.

Задумчивая и похолодевшая от тоски Стефания вернулась к своим притихшим спутникам, и бессильно опустила на скамью рядом с по-прежнему жующей Хельгой - та с каждым днем становилась все прожорливей, ссылаясь на беременность.

- Ну,- строго глянула она на тот час шкодливо скрывшегося под столом Тибо,- и чего ты добился, вода меня за нос? Того, что мы вскоре окажемся посереде воюющих армий, без денег, и даже не зная, в какую сторону нам податься!

- Я несчастный дурак, чтобы не сделал, всё время не так! - печально всхлипнул, размазывая слезы по рожице карлик, высунув нос из-за столешницы,- и ростом я всего вершок, и на плечах не голова, худой горшок! Меня обидеть просто, из-за малого роста! А Хельга все ест, да ест, ей как жирной курице будет мал насест! Скоро лопнет от жира, последних наших денье транжира!

- Денье! - тот час взревела Хельга,- да если бы я не торговалась с этими разбойниками моравами, то вы давно бы траву кушали! Я ли не берегу каждый грош, я ли...

Стефка в изнеможении закрыла руками уши. Что же, по крайней мере, хоть один из них пребывал в святой уверенности, что они уже в Моравии - жаль, что не она сама!

- Мы отправляемся в Бар,- приказала она, когда эти двое прокричавшись, наконец-то, угомонились,- а там будем решать, что делать дальше!

И оба ослика продолжили свой путь, груженные седоками и немудрящей поклажей. Но не успели они проехать и полчаса, как дорогу путникам преградила широкая в этом месте, по-осеннему мутная и беспокойная Сена.

На переправе работал паром. Он как раз в это время причалил к их берегу, и толпящийся в ожидании разномастный люд, телеги с товаром и какие-то паломники загружались на его настил. Стефания со свитой шли в последнюю очередь, с трудом втиснув своих осликов рядом с телегой местного крестьянина.

Недовольно кричащий о перегрузе паромщик уже отчалил, когда на берегу неожиданно появились несколько богато, даже с роскошью одетых всадников. Они дерзко направили лошадей прямо в воду и настигли отходящий паром.

Паромщик испуганно замолк, перекрестившись при виде такой напасти, сам же паром угрожающе накренился, когда лошади прибывших впрыгнули на него, но покачнувшись, все-таки остался на плаву, с трудом продолжая свой путь. В воду с телег посыпались какие-то вещи, кто-то упал, взывая о помощи, но все остальные путники сохраняли подавленное и опасливое молчание, казалось, съжившись на своих местах чуть ли не втрое.

- Пресвятая Дева, спаси и сохрани,- перекрестилась испуганная Стефка, ослик которой оказался впритык прижатым к боку горячего скакуна, а прямо перед её носом угрожающе красовалась нога в сапоге с серебряной шпорой.

- Осёл с конягой подружился,- буркнул откуда-то из-под мышки Тибо,- в корову голубок

влюбился, весь мир перевернулся и исчез, когда болван сей на паром наш влез!

- Тибо,- отчаянно взывала женщина, торопливо затыкая рот безумцу, - сделай милость, заткнись!

Увы, её предупреждение запоздало. Шпора опасно промелькнула в дюйме от лица, и её владелец спрыгнул с лошади. Миг, и он оказался напротив графини. Из-под забрала изукрашенного позолотой шлема на неё глянули ледяные серые глаза мужчины средних лет.

- Кто это тут пищит?- грозно приподнял брови незнакомец.

Тибо с тонким визгом так вжался в спину своей госпожи, что моментально превратился в её вновь обретенный горб, Хельга, подавившись виноградом, сначала задохнулась, а потом закашлялась, но глаза неизвестного остановились на прикрытом вуалью лице графини:

- Демуазель? Я хозяин этих мест, барон Арман де Ла Рош, и мне приятно приветствовать вас в своих владениях! Кто вы и куда держите путь?

В этот раз Нанси показался Стефке слишком близким. Мало ли, может у барона была там какая-нибудь родня!

- Мы едем из Страсбурга к моей тетке в Париж!

Лгать было так неприятно и стыдно, что хотелось провалиться сквозь этот утлый паром. Барон же невозмутимо дожидался имени заинтересовавшей его девицы, а у неё в голове царил полная растерянность. Как эльзасцы называют своих дочерей?

- Мою госпожу зовут, болван, Иолантою Роан!- пришел на помощь, высунувшийся из-за спины карлик,- её отец недавно умер и она едет к родственникам матери, Азенкурам.

- Славная фамилия,- покладисто согласился барон,- только вы, демуазель, укоротили бы язык вашему шуту, а то я это сделаю сам!

- Что возьмешь с гаера,- кинулась на защиту Тибо испуганная Стефания,- он не ведает, что говорит! Совсем слаб умом!

- Зато через чур остер языком,- хмыкнул барон, - так вы из Эльзаса? Страшные дела у вас там творились недавно! Говорят, на костре сожгли сразу же девять ведьм?

Хельга и Стефка в растерянности переглянулись с шутком - они об этом ничего не знали. Очевидно, это случилось, когда посольство отдыхало в Конствальце.

- Мы давно выехали из дома! - наконец, тихо пробормотала Стефка.

- Вот как! - насмешливо протянул собеседник.

Она бросила на него всполошенный взгляд, и, сделав вид, что ничего особенного не произошло, сосредоточила внимание на приближающейся пристани. Сердце тревожно стучало, хотя наша героиня и убеждала себя, что всё в порядке. Подумаешь, разговор на переправе со случайным попутчиком!

Вскоре паром причалил к берегу. Наши путешественники торопливо сошли по сходням, заплатили перевозчику, отдали бальи налог за право проезда по баронским землям, и только двинулись вверх по круто вздымающемуся откосу, как их остановили.

- Демуазель Иоланта,- подъехал к ним молодой мужчина в легких латах,- мой сеньор приглашает вас погостить в его замке.

- Ваш сеньор?- испуганно вскинула голову Стефка.

- Да, барон де Ла Рош. Здесь совсем недалеко его замок Шамбуаз.

Рано или поздно неприятности все равно должны были начаться, но при мысли об этом не становилось легче.

- Передайте вашему сеньору нашу благодарность, но мы очень спешим,- твердо отказалась графиня, пытаясь объехать на своем ослике это внезапное препятствие.

Незнакомец проявил упорство. Выглядел он тонким и хрупким, но, видимо, это было обманчивое впечатление.

- Дороги не спокойны, - юноша вновь преградил путь,- переждите некоторое время в замке Шамбуаз. Барон вскоре собирается посетить Париж, и чтобы вы без неприятностей достигли своих родственников, предлагает вам покровительство и место в своем отряде.

Стефка не нашлась, что возразить - предложение сверх щедрое, и ничего кроме благодарности вызвать не могло, если бы... если бы ей вовсе не нужно было ехать в Париж, а тем более к неведомым Азенкурам, в реальном существовании которых она очень сомневалась.

Вот так ложь вызывает к жизни следующую ложь, а та в свою очередь влечет за собой лукавство. Юная графиня с ужасом осознавала, что становится изощренной лгуньей и обманщицей, но другого выхода, пожалуй, не было.

- Передайте барону мою признательность,- растянула она губы в улыбке,- и если вы укажете мне направление, то я с удовольствием приму это приглашение, и коль скоро мои ослики преодолеют расстояние до Шамбуаза, воспользуюсь его гостеприимством.

Возможно, юноша и не повелся на такую наивную хитрость, если бы не откровенная радость на лице у Хельги.

- Слава Святой Гертруде,- ликующе перекрестилась та,- наконец-то выспимся и нормально наедемся. Судя по виду этого барона, он у себя дома не хлебает пустой суп! Ла Рош ведь не кролик, чтобы постоянно хрустеть капустой!

Юноша скупно улыбнулся, судя по всему, хорошо понимая немецкий язык.

- В замке моего отца ещё никто и никогда не ложился спать голодным! - уверил он путников,- поторопитесь, демуазель, чтобы подоспеть к обеду!

Проследив, как вслед за всадником вьется потревоженная дорожная пыль, графиня зябко закуталась в дорожную накидку. Осенние денечки, хоть и радовали солнышком, но становились все холоднее и холоднее, и от реки тянуло промозглой сыростью.

- Что будем делать? - тоскливо спросила она спутников.

Странно, но Тибо промолчал - редкостный случай в его жизни.

- А как же еда? - разочарованно протянула Хельга,- у нас ведь очень мало денег! А этот барон,

по крайней мере, не даст нам умереть с голоду!

- Кто о чем, - раздраженно посмотрела на неё Стефка, - а ты о еде. Сомневаюсь, что мне сейчас хотя бы что-нибудь полезет в рот. Кто знает, что у этого человека на уме?

- А чего нам бояться? - беспечно улыбнулась немка, погладив свой живот, - Что мужчина может с вами сделать такого, чего не делал мессир? Вы, конечно, не знаете, но у меня-то есть кое-какой опыт в этом деле, и я заявляю, что у них в штанах всё одинаковое!

Стефка даже взвыла, схватившись за голову, и чуть ли не со священным ужасом глядя на эту самодовольную бестолочь. В голове у Хельги была даже не мякина, там царила полнейшая пустота, в которой заблудились последние остатки здравого смысла.

- Всё,- твердо сказала она,- никаких баронов, никакой еды и никаких замков!

И решительной рукой повернула ослика в сторону противоположную указанной молодым шевалье. Дорога здесь была малонаезженной, и вдалеке виднелось нечто похожее на рошу.

- И куда мы попадем, если в темный лес зайдем? - робко пискнул за спиной Тибо,- ночь наступит очень скоро, волки вылезут из норок!

- Если есть дорога,- устало оборвала эти причитания Стефка,- то есть и место, куда она ведет!

Это было самое безрассудное решение из всех принятых ею, но измученная беглянка уже действовала в порыве бессильного отчаяния, положившись на волю Господа. Она ощущала себя загнанной нелепо складывающимися обстоятельствами в какую-то неведомую опасную ловушку, но как выйти из этого положения, не знала тоже.

И вот - наступила ранняя осенняя ночь. Ослики уныло и сонно плелись по едва угадываемой дороге, извивающейся вдоль кромки леса, а на человеческое жильё не было даже намека.

- Нам надо где-то остановиться, - пробормотала Стефка, обращаясь к карлику,- все выдохлись, устали... нет больше сил!

- Мы костер разведем, песнь пустого желудка споем, а потом дружно вместе уснем,- уныло согласился Тибо, - только, где же нам встать, так чтоб лечь и поспать?

Место обнаружилось довольно быстро. Внезапно выкатившаяся из-за горизонта полная красноватая луна, высветила пригорок с возвышающимся на нем одиноким мощным дубом с развесистой кроной. Вокруг валялось много сухих веток и опавших листьев, из которых можно было разжечь костер.

- Здесь, - выдохнула Стефка, устало сползая с ослика, и помогая слезть коротконогому карлику,- собирайте хворост!

И пока недовольно ворчащая Хельга занималась костром, сама графиня усиленно сгребала упавшую листву в одну большую кучу, устраивая какое-то защищающее от сырости ложе.

- Что это за мода ложиться спать на голодный желудок,- между тем, не прекращая, бурчала немка,- ведь звали нас в сытное, хорошее место, так мы боимся, пугаемся всякой тени! От графа то же убежали..., и далась нам эта Моравия, если здесь кормят только травой, как будто мы коровы какие-нибудь!

Стефка даже отвечать на эти глупости не стала. Завернувшись поплотнее в плащ, она пустила под полу постоянно трясущегося от холода карлика, и, протянув руки к огню, застыла от блаженства.

Листья грели плохо, но все-таки это было лучше, чем сидеть на ледяной земле. Бессовестный Тибо со временем вообще, уселся чуть ли не к ней на колени - он все копался, вертелся, устраиваясь поудобнее, и, в конце концов, угнездился между двумя женщинами, выбрав лучшее место из всех.

- У, пакостник,- щелкнула его по затылку возмущенная Хельга,- постыдись! Нам нужно оберегать госпожу, а ты пролез между нами, как хорь в курятник, и дела тебе мало до всех остальных, хоть вмерзни в землю!

И, конечно же, Тибо тут же захныкал.

- Обидеть несчастного шута легко, от тебя ж, толстуха, прокисло б сразу молоко! Да что там молоко, прокисло бы вода, если б вода заглянула сюда!

Кругом царила ночь, и та особая осенняя тишина, в которой так мало звуков. Низко висел на небе багрово- синий диск луны - всё располагало к сну и покою, а эти двое опять затеяли свару, как будто им мало было дня. Они так надоели Стефке, что у неё истощились все запасы терпения.

- Спать! Немедля! - неожиданно даже для себя отчаянно рявкнула она,- иначе...

Что иначе она и сама не знала, но угроза, как это не странно подействовала. Невыносимая парочка мгновенно улеглась на опавшую листву, и тот час уснула, оставив графиню в полнейшей растерянности. Она, вообще-то, собиралась договориться с ними об отдыхе по переменке, а теперь выяснилось, что караулить сон этих двоих придется именно ей.

Страшно оставаться наедине с чужим непонятным миром, да ещё в такую осеннюю ночь, когда даже луна и то выглядит угрожающе. Впрочем, поднимаясь все выше и выше, та меняла свой красноватый оттенок на стальной. Пронесся легкий ветерок, зашевелив ветки дуба и зашуршав засохшими листьями, рядом успокаивающе фыркали, прядая ушами, что-то выискивающие в пожухлой траве невозмутимые ослики, похрапывала Хельга и чмокал губами во сне Тибо. Эти привычные звуки понемногу успокоили расстроенную и голодную Стефку. Она начала потихоньку клевать носом, не забывая подбрасывать прутья, чтобы поддержать огонь - все-таки от его веселых язычков становилось как-то легче на душе, и отступал давящий неприятный страх, и даже есть не так хотелось. Горьковатый дымок навевал воспоминания о замковой кухне Лукаши, об окороке, коптящемся над очагом и вкусном свежеиспеченном хлебе, белом опрятном чепце Гуты, растирающей в ступке ягоды можжевельника.

Стефка изумленно вздрогнула, сообразив, что все-таки задремала, и с огорчением увидела, что костер почти погас. Натасканные Хельгой ветки закончились, и тяжело вздохнувшая графиня осторожно, чтобы не потревожить спящих слуг, встала со своего места, рассеянно оглядев расстилающийся окрест мир.

Разбушевавшаяся луна заливала ровным синеватым светом, затаившийся у подножья холма лес, изгибы дороги, по которой они сюда приехали, поблескивала даже где-то вдалеке серебристая лента Сены. В общем-то, все выглядело мирно и даже величественно красиво, пока её взгляд не наткнулся на странный предмет на холме в отдалении. Расстояние было довольно большим, поэтому Стефания не сразу догадалась, что перед ней находится кого-то

высматривающий всадник, а когда сообразила, то в ужасе затоптала ногами и без того гаснущий огонь и принялась настороженно наблюдать за незванным гостем.

Всадник ещё немного постоял, а потом пустился вскачь по направлению к нашим путешественникам. Стефка похолодела от ужаса, поняв, что зря жгла подошвы башмаков, гася костер, их все равно заметили. Вот только кто?

В ночной тиши грозный цокот копыт скакуна приближающегося незнакомца приводил на память всадников Апокалипсиса. Сердце у замершей юной женщины укатилось куда-то в пятки, мысли же метались в голове, как перепуганные мыши в закроме. Будить Хельгу и Тибо, да поспешно бежать? Но вряд ли их ослики разовьют такую прыть, что их не догонит скакун. Да и пока её бестолковые слуги проснутся, пока зададут все свои обычные дурацкие вопросы, их сможет взять в плен даже немощный паралитик, а приближающийся рыцарь такого впечатления отнюдь не производил.

На удивление, тот был без привычных лат, его плащ легко стелился по воздуху вслед за хозяином, на голове вместо блестящего шлема красовался огромных размеров берет. Блеснул в свете луны драгоценный аграф в виде сплетенных серебряных змей, и, облегченно выдохнув Стефка обессилена опустилась на прежнее место - от волнения ей отказались служить ноги. Во всаднике она узнала того самого молодого человека, представившегося ей на переправе сыном барона де Ла Роша. Особой радости ей этот визит не доставил, но было хотя бы ясно, что он здесь делает.

Всадник уже вплотную подъехал к месту их стоянки, а Хельга и Тибо даже не пошевелились, мирно посапывая во сне, поэтому принимать незваного гостя пришлось одной графине.

Монсеньор? - поднялась она навстречу спешивающемуся молодому человеку.

Но тот молчал, рассматривая юную женщину - скользил пристальным и изучающим взглядом по лицу и фигуре. Совсем не обрадовавшись такому повышенному вниманию, Стефка почувствовала безотчетный страх, инстинктивно попятившись от мужчины. Сейчас в свете луны его лицо выглядело особо бледным и безжизненным - такими бесстрастно застывшими и безукоризненно совершенными обычно бывают мраморные изваяния в соборах, а не человеческие лица.

- Я искал вас, демуазель! - наконец, разжал он губы.

Графиня смущенно отвела глаза, чувствуя, как предательский румянец нечистой совести вновь наползает на её щеки.

- Я..., мы..., в общем, заблудились..., повернули не туда,- залепетала, запинаясь она,- и, вот...

- Вы поехали в сторону противоположную той, на которую я вам указал, - заметил мужчина,- и, конечно же, заблудились! Счастье ещё, что вам хватило ума не соваться в лес. Эта дорога ведет на старую заброшенную мельницу, и по ней давно уже никто не ездит, разве охотники в сезон отстрела оленей!

- Мне очень жаль, но нам надо в Бар!

Молодой человек небрежно пожал плечами.

- Чтобы попасть в Бар, нужно проехать мимо замка Шамбуаз,- пояснил он,- мой отец очень обеспокоился, не увидев вас у себя в гостях, и послал меня на поиски.

Стефка потихоньку приходила в себя, оправившись от первоначального испуга.

- Да,- торопливо согласилась она,- получилось неловко, из-за меня вы лишились отдыха. Но теперь вы убедились, что с нами все в порядке, и можете вернуться домой, а поутру, когда мои люди и ослики отдохнут, мы пустимся в дорогу уже в правильном направлении.

Возможно, что собеседник хотел возразить, но тут Стефка, бросив случайный взгляд на пепелище, заметила, что там ещё теплится какая-то искра. Страх перед холодом ночи заставил её отвлечься от незваного гостя на более насущные дела.

- О, простите, но...,- пробормотала она и спешно присев, начала совать в костер сухие листья и мелкие прутья,- пока совсем не потухло!

- Без вуали вы выглядите лучше,- сменил тему разговора и баронский сын, подыскав неподалеку подходящую корягу и с треском ломая её на сучья,- а вы уверены, что ваша родина - Эльзас, демуазель Иоланта?

Стефка сделала вид, что ужасно занята костром, но потом все-таки робко спросила.

- Почему вы задали мне такой вопрос?

Молодой человек хмыкнул, привязывая своего коня к дубу.

- Моя крестная мать из Эльзаса! У вас другой акцент..., необычный!

Стефка раскрыла было рот, чтобы сказать очередную ложь, и тут же растерянно его закрыла, потому что ничего не смогла придумать.

- Вы задаете столько вопросов,- спустя некоторое время раздраженно заметила она,- но так и не удосужились сами представиться!

Но мужчина сначала неторопливо нагреб кучу листвы, застелил их попоной, и только потом, держа в руках седельные сумки, обратился к настороженной собеседнице.

- Вы правы, демуазель, это недопустимое упущение с моей стороны! Меня зовут Рауль, Рауль де Сантрэ, с моим же отцом вы уже имели честь познакомиться! Хотите есть?

И он вытащил из седельной сумки солидный сверток.

Стефка хотела гордо отказаться, но её несчастный желудок так возмутился подобному решению, что даже не заурчал, а грозно зарычал.

- Я подумал,- Рауль между тем разложил на салфетке два куса отварного мяса, сыр и хлеб, мех с вином,- вы остались без обеда, и прихватил на всякий случай это с собой.

И не успела Стефания хотя бы раскрыть рот, чтобы поблагодарить его за такую заботу, как мигом подскочившие со своих мест Хельга и Тибо окружили плотным кольцом импровизированный стол. До этого они вполне удачно притворялись не просто спящими, мертвыми!

- Мясо,- с умилением пробормотала немка, жадно вдыхая аромат разложенной снеди,- мясо!

- Это дар небес, - деловито потер руки облизывающийся Тибо,- ниспосланный нам за жизнь безгрешную, вот оно мясо, ешь его!

И они с таким нетерпеливым ожиданием посмотрели на хозяйку, что та обреченно сложила руки для молитвы, но не успела она произнести и двух строк по-латыни, как шут скороговоркой выпалил остальные слова и вцепился в самый большой кусок мяса. Возмущенно вскрикнувшая Хельга схватила его за ухо, но тот настолько быстро затолкал мясо в рот, что чуть не подавился, стремясь как можно быстрее прожевать и проглотить отвоеванное.

- Бессовестный,- чуть не заплакала разочарованная немка,- да что б ты подавился!

Стефка глянула на наполнившиеся слезами глаза беременной женщины, и от жалости у неё сдавило сердце. Бедная Хельга, пределом её мечтаний всегда была колбаса, ну пусть хоть мясу порадуется!

- Ешь,- отдала она ей последний кусок,- я не хочу!

И преодолевая протест сведенного голодной судорогой желудка, протянула руку за сыром и хлебом.

Карлик, покончив с мясом, естественно принялся причитать и жаловаться.

- Никто Тибо вином не напоит, и сыру не отломит, все сами съедят, голодным спать ляжет дурак!

- Прорва, а не человек,- гневно щелкнула его по затылку Хельга,- куда в тебя вмещается? Сам ростом с вершок, а желудок что твой горшок! Дай графине хоть кусок в рот положить!

Стефка чуть не подавилась сыром, с опаской покосившись на сидящего напротив рыцаря, но тот наблюдал за разыгравшимся перед ним действием с невозмутимым выражением лица. Ничего в нем не дрогнуло и после слов Хельги. Может, он все-таки не понимал их?

И пока Тибо ловко тянул из-под носа все более выходящей из себя Хельги кусочки сыра и хлеба, Стефания рылась в вещах в поисках чашки под вино, и так не найдя ничего, растерянно развела руками.

- А, - махнул рукой шут, - можно и так! Подставит рот, мучимый жаждою дурак!

- Обойдешься, вино-то лакать, - оборвала его Хельга, - сначала донна Стефания!

Но она только отрицательно качнула головой.

- Мое платье итак грязное и пропыленное, если я ещё оболью его вином...

И тут же увидела вытянутую руку, в пальцах которой красовался позолоченный, резной кубок. Стефку даже в жар бросило, когда она поняла, что этот самый Рауль прекрасно понимает все их слова, и теперь знает, что они ему все время лгали.

Её безголовая прислуга, ясное дело, никаких выводов не сделала, лишь радостно взвизгнув при виде кубка.

Страшась даже поднять глаза на де Сантрэ, Стефка дождалась, когда Хельга наполнит кубок вином, и осторожно приложила его к губам. Такого вина графиня никогда ещё не пила! Оно было не просто сладким, а ещё настолько опьяняющим, что не успела она сделать и глотка, как веселая искрящаяся волна достигла пустого желудка, согрела все тело, и зажгла легким румянцем щеки.

- Вкусно! - удивленно прошептала юная женщина, и в несколько глотков допила содержимое.

И пока Хельга с Тибо яростно спорили, кому пить следующему, она изумленно прислушивалась к тому, что происходит внутри, наслаждаясь теплом и приятным головокружением.

Ей захотелось спать! И опьяневшая Стефка, под неумолчный гвалт своей свиты, улеглась на прямое ими ложе и немедля погрузилась в глубокий, как яма, сон.

Снилось ей нечто настолько необычное, что даже там, за пределами реальности, Стефка и то понимала, что подобное можно увидеть только во сне.

По-прежнему над её головой сияла полная луна, освещая ярким светом и дуб, под которым приютилась их маленькая компания, и лес у подножья холма, но она сама почему-то уже не спала под его уютной защитой, а стояла неподалеку, на самой вершине холма. Стояла, расправив руки и подставив разгоряченное вином лицо навстречу разгулявшемуся ветерку.

Стефка чувствовала себя странно - шальные веселые искры бежали по всему телу, делая его приятно легким, невесомым как перышко, и, казалось, только оттолкнись от земли и взлетишь высоко-высоко!

И тут она увидела, что к ней, грациозно прыгая из стороны в сторону по невидимым кочкам воздушной дороги, опускается, растопырив лапы, огромная белая кошка. Наша героиня никогда не видела барсов, но почему-то сразу же поняла, что перед ней представитель именно этого вида кошачьих.

Мягко спрыгнув с невидимого небесного пьедестала на землю, барс небрежно уселся напротив, подчеркнуто высокомерно обогнув хвостом лапы.

- Ну? - спросил он, тщательно облиставшись, - не скучно тебе брести сама не зная куда?

Стефка удивилась даже не тому, что с ней разговаривает кошка, а её осведомленности в своих делах.

- Я иду домой! - нахмурилась она.

- Дом, - мурлыкнул, лениво потягиваясь всем телом барс, - когда-то и у меня был дом... Это было так давно! А где твой дом, бедная овечка, где твой пастырь?

- Мой дом - замок Лукаши в Черном лесу!

- Да? - хмыкнула кошка, ярко блеснув изумрудом глаз. - Вещи, овечка, не всегда таковы, какими кажутся!

- Почему ты называешь меня овечкой?

- А как ты хочешь, чтобы я тебя называл? Сироткой, странницей, сестрой или, может быть, подругой?

- Меня зовут Стефания!

- Это просто кличка, разве она что-нибудь говорит о твоих чувствах, мыслях и душе?

- А как зовут тебя? - возмутилась она.

- Я? - барс внезапно вновь подпрыгнул на всех четырех лапах и оказался у самых её ног, - я тот, кто все знает и о пастырях, и об овечках, я тот, кому принадлежит весь этот мир! Хочешь, покажу тебе его?

Он был совсем рядом, и его белая шерсть в лунном свете казалось настолько мягкой, настолько пушистой, что Стефания поневоле протянула руку и очарованно коснулась пальцами меха. Он был шелковистым и приятным на ощупь!

Кошка довольно заурчала, нежась под её рукой, а потом и вовсе легла на землю, прогнув спину.

- Садись, не бойся, я покатаю тебя по небу!

Стефка невольно улыбнулась - ну надо же, чего только не приснится во сне?

- А на луну,- рассмеялась она,- ты можешь отвезти меня на луну?

- Могу,- небрежно ударила хвостом кошка,- только что там хорошего? Пусто, холодно! Садись!

Это сон, всего лишь чудесный сказочный сон! - преодолела она в себе неизвестно откуда взявшийся страх, решительно перекинув ногу через бархатистую мощную спину, и... началось!

Кошка, распушив по ветру хвост, дикими скачками понеслась прямо в высоту, туда к разбушевавшейся луне, к тускло сияющим звездам. Ветер все сильнее и сильнее дул Стефании в лицо, дуб внизу казался не больше наперстка! Буйным весельем и опьянением скачкой закружилась голова, и куда-то с тела исчезла вся одежда, но та была явно лишней в этой сумасшедшей вакханалии движения среди звезд и воздушных потоков.

- О-о-хо-хо! - в кураже закричала наша героиня, обхватив шею барса, и прилегая к нему всей грудью,- быстрее, быстрее!

- А ты смелая, малышка! - проурчал тот.

И вдруг помчался настолько быстро, что растерянная Стефка, не совладав со скоростью, почувствовала, что её руки беспомощно скользят по шелковистому меху в отчаянной попытке зацепиться, и она падает..., падает..., падает в бездну со столь головокружительной высоты...

- Ну, вот, а во всем виноват ты и твоя уникальная прожорливость,- услышала сквозь сон Стефания привычную перебранку своих слуг и обрадовалась ей, как райской музыке.

Она все ещё находилась под впечатлением от своего необычного сновидения, когда торопливо распахнула ресницы и с облегчением увидела Тибо и Хельгу.

- Ох, донна,- обрадовалась немка, завидев проснувшуюся госпожу,- вы так крепко спали, что мы испугались, как бы этот шевалье не опоил вас!

Значит это, все-таки, был сон! - почему-то сердце резануло сожаление.

Стефка села на своем импровизированном ложе с легкой головной болью и ломотой во всем теле.

- А где мессир Рауль? - спросила она без особого интереса.

Но Хельга только переглянулась с Тибо со странным выражением лица.

- Исчез,- развела та руками,- был, и нет! Зато..., вот!

И она растерянным жестом показала на расстилающийся у подножья холма лес.

Стефка недоуменно посмотрела в указанном направлении и невольно раскрыла рот от удивления.

Это не было тем лесом, мимо которого они ехали вчерашней ночью. Да что там, вообще не могло существовать в реальности!

Чистенький, как будто выметенный прилежной хозяйкой лесной массив поражал отсутствием валежника, сухих листьев или разросшегося кустарника. Могучие исполины дубы шелестели по-летнему зеленой листвой, алели живописные листья клена, а земля между деревьями была выслана настолько яркой изумрудной травой, с островками бархатистого мха, что если бы все это вышло из-под кисти художника, того обвинили в отсутствии вкуса. Лес был не столь прекрасен, сколько неправдоподобен!

И прямо перед путешественниками расстилалась вымощенная блестящими белыми камнями дорога, ведущая вглубь чащи через старинный, увитый диким виноградом акведук.

- Морок, - довольно точно определил происходящее хмурый Тибо,- такой лес без изъяна может померещиться только спяна! Нужно побыстрее убираться отсюда, пока совсем не стало худо!

Но тут легкий ветерок донес откуда-то восхитительный запах свежее испеченных пирогов. И наши по-прежнему голодные путники захлебнулись слюной.

- Мы только спросим, нельзя ли нам купить свежего хлеба в дорогу?- живо подскочила с места Хельга.- Одному Богу известно, как далеко отсюда находится ближайшая харчевня, что же теперь, умирать с голоду? А вы, ваша светлость, подождите нас здесь!

- Я не пойду туда,- уперся шут,- там всех нас ждет какая-то беда!

- Тогда я пойду одна!

Стефка глянула на оживившееся при запахах пищи лицо служанки, и тяжело вздохнула. Хельга носила ребенка и, конечно же, не могла долго выдержать без пищи, но и отправлять её одну в такое странное место хозяйке не позволяла совесть. Она помолилась и решительно оседлала своего ослика.

- Ждите меня здесь!

Но не успела графиня проехать и двух шагов, как сзади в седло плюхнулся Тибо.

- Если у кого-то вместо головы репа,- буркнул он,- то на ум не надо сетовать! Соваться в место колдовское сможем мы и трое!

И вслед им зацокали копытца ослика Хельги. Немка рвалась к еде!

Дорога довольно быстро привела путников к стоящему посреди дубравы очаровательному каменному домику под высокой красной черепичной крышей, окруженному низкой каменной оградой. Из высоких труб вился дымок, разносились по округе запахи вкусной снеди.

Наша тройца остановилась у увитой розами и плющом калитки, и, спешившись, осторожно

заглянула во двор. Дом, гордясь большими в частом переплете слюдяными окнами, красовался посреди засаженного цветами двора. К затянутому полыхающими красными розами крыльцу шла все та же мощенная блестящими, как будто полированными камнями дорожка.

Всё вокруг заливало яркое, отнюдь не осеннее солнце и было таким радостным, светлым!

- Пресвятая дева! - невольно восхитилась Стефка, - какая красота! Интересно, кто же здесь живет?

В этот момент скрипнула резная дубовая дверь и на пороге показалась полная черноволосая и кареглазая пожилая дама с приветливым и располагающим лицом. На её голове вздымался белой башней эльзасский чепец с кружевными разлетающимися отворотами и огромным черным бантом, а передник, о который она торопливо вытирала руки, мог сравниться чистотой с только что выпавшим снегом.

- О,- закричала хозяйка дома с такой неподдельной радостью, что прибывшие несколько опешили,- у меня гости! Вот хорошо-то! Ведь и пирог уже готов, угощу на славу! Какая милая девушка!

Веселые, с вишневым отливом глаза приветливо остановились на Стефке, и ей сразу стало легче на сердце - все-таки было страшновато застать в этом странном месте, какую-нибудь жуткую ведьму! Сия же добрая дама такого впечатления не производила.

Она быстро подбежала к стоящей у калитки гостье, и, ласково обняв её за плечи, провела на чистенькую уютную кухоньку, украшенную до блеска начищенными медными кастрюлями и котлами на крючьях над плитой. На большом деревянном столе дымился огромный пирог на противне. Стены украшали глиняные расписные миски, низки лука и чеснока, пучки пахучих трав.

- Располагайтесь, дорогие!- хлопотала хозяйка, рассаживая своих гостей и берясь за нож,- вы, наверное, проголодались? Меня зовут Марго!

Пирог выглядел не просто аппетитно, это был шедевр поварского искусства. Даже хмурый и подозрительно наблюдающий за женщиной Тибо и тот восхищенно прищипнул, судорожно же сглотнувшая Хельга, в священном трепете закрыла глаза, жадно вдыхая аромат выпечки.

- Наконец-то,- в экстазе простонала она,- настоящая еда!

- Мальчики любят мясо,- понимающе улыбнулась Марго,- положи два куска - на себя и на маленького испанца.

- Значит, все-таки испанцы,- помрачнела Хельга,- а я так надеялась, что этот ребенок от Курта.

И тут же всполошено вскинула глаза на хозяйку.

- А вы откуда знаете про испанцев?

- По животу вижу,- невозмутимо заявила та,- у тебя такой живот, который бывает только у тех, кто носит маленьких испанцев!

И тут же рассмеялась, вроде бы превращая все в шутку, но никто из гостей не подхватил её смеха. Впрочем, виной этой сдержанности был все-таки пирог, который с жадностью принялись уничтожать гости.

Взяла свой кусок и растерянно улыбающаяся Стефка, которая давно уже ничего толком не ела и поэтому, наверное, плохо соображала своей вновь разболевшейся головой.

- Ешь, милая,- ласково улыбнулась ей Марго,- он вкусный, а твои силы итак уже на исходе.

Она терпеливо дождалась, пока гости насытятся, налив им всем по кружке молока и поставив на стол миску с медом, и только потом спросила, спрятав руки под фартук.

- Что привело вас в мой лес? Как вы здесь оказались?

И что ответить на этот вопрос? Стефка покосилась на Тибо, но обычно трещащий без умолку карлик, сейчас как воды в рот набрал, старательно вылизывая миску с медом. Хельга то же подбирала крошки от пирога, сделав вид, что оглохла. Пришлось напрягаться ей.

- Мы вынуждены были переночевать под дубом, а когда проснулись...

- Ох, уж этот старый дуб,- неопределенно проворчала задумавшаяся Марго,- но вы все равно не смогли бы найти ко мне дорогу! Что с вами произошло?

Стефка сразу же вспомнила про дикий сон, хотя, понятно, озвучивать, что нагая летала на спине у барса не стала, зато вспомнила другое.

- Нас пригласил к себе барон де Ла Рош, а мы сбились с дороги!

- Какое дело до вас Арману?- удивилась дама, и сразу стало ясно, что с бароном она хорошо знакома.

Наша героиня недоуменно пожала плечами.

- Он предложил мне покровительство и защиту в пути до Парижа! Но по дороге в его замок..., мы заблудились!

Марго коротко хохотнула, усаживаясь за стол напротив гостей.

- Понятно, что вы заблудились, непонятно, почему вы оказались у меня!

- Это произошло случайно! - тяжело вздохнула Стефка.

Но хозяйка лишь высоко подняла брови, насмешливо оглядев своих гостей.

- Случайно ко мне не попасть!

И тут соизволил подать свой голос Тибо, да ещё заговорил без обычных своих дурацких стишков и ужимок.

- А почему, собственно говоря, мы не могли набрести на ваш дом случайно,- резко и неприязненно спросил он,- что особенного в этом месте?

Марго пренебрежительно глянула на карлика.

- Разве уродство дает тебе право требовать у меня ответа на все вопросы?

- Мое уродство,- жестко выговаривая слова, заявил оскорбленный Тибо,- дает мне кусок хлеба и неплохой - красавцам, зачастую, такой и не снился! И я задал только один вопрос!

- Всего-то,- хмыкнула дама,- один вопрос! Это мой лес, и сюда может зайти далеко не всякий, а вы каким-то образом отыскиали дорогу, вот я и спрашиваю - как?

- Да не искали мы ничего,- со смаком облизывая жирные пальцы, заговорила довольная и умиротворенная Хельга, с обожанием глядя на столь искусную повариху,- проснулись, а перед носом дорога, и так пахнет... вот мы и здесь!

- Вот даже как,- посерьезнела дама,- это меняет дело! Ладно, я всегда рада гостям, да ещё накануне праздника - располагайтесь, отдыхайте!

- Мы бы хотели продолжить наш путь,- робко возразила Стефка,- не хотим вас стеснять!

Марго так стремительно подскочила с места, что её гости вздрогнули от неожиданности.

- Нет-нет,- молнией заметалась она по кухне, что-то неуловимо делая руками,- вы уже пришли к цели своего пути, коли нашли мой дом! Сейчас я согрею воды, вы отмоетесь, постираете свои вещи, отоспитесь, а дальше..., дальше будет видно!

И опешившие путники вдруг увидели неизвестно откуда взявшуюся лохань с парящейся водой, вокруг которой собрались разнокалиберные сосуды с маслом, мылом и ушаты с запасами кипятка и ключевой воды. Резко запахло распаренными травами, которые засучившая рукава хозяйка щедро высыпала в лохань.

- Раздевайся, милая девушка,- предложила она сбитой с толку разворачивающимися событиями Стефке,- да полезай в лохань! Ты уже месяц не мылась!

Это было чистой правдой, и моментально зачесавшаяся кожа нетерпеливо напомнила об этом прискорбном факте, наша героиня уже было взялась за шнурки блио, когда вспомнила о карлике.

- Но здесь Тибо!

- Он уже спит и ничего не видит!- энергично возразила хозяйка.

И под её нетерпеливым взглядом все шнурки и завязки моментально развязались сами, пока изумленная Стефка оглядывалась на обычно неугомонного карлика. Но тот действительно мирно спал прямо за столом, подложив руки под голову.

- Давай, давай, милая!- поманила её Марго,- полезай-ка сюда!

Юная женщина, оставшись в одной рубаше, уже наступила на скамеечку, чтобы перекинуть ногу через высокий бортик, когда изумленно увидела, что рубахи на ней тоже нет. Это ей смутно что-то напомнило, и пока она, напрягая лоб, вспоминала, что именно, уже оказалась по самый подбородок в резко пахнущих травах.

Даже горячая вода в этом странном месте была необычная - вязкая, не согревающая, а охлаждающая и пощипывающая. От насыщенного специфического запаха, у Стефки резко заболели виски.

- Мы помоем нашу красавицу,- между тем напевно вещала дама, крутясь волчком вокруг лохани,- мы её успокоим!

И как будто сама по себе взбилась на голове пышная мыльная пена, и вода полилась со всех

сторон, смывая ошметки мыла, и все крутилось, вращалось, дрожало и расплывалось перед растерянным взором в мерцающем разноцветными искрами мареве.

- Будет, будет всем на диво, наша девушка красива! Мы натрем её маслами, кудри уберем цветами, звезды в косы ей вплетем, колокольчик серебристый для красавицы скуем!

Ошеломленной Стефке показалось, что она сходит с ума. Ей чудилось, что эту песенку поют звонкими голосамидвигающиеся как будто сами по себе мочалки, мыло и кувшины с водой!

Но вот, все это время вращающаяся вокруг неё быстрыми кругами Марго замедлила ход и взяла в руки костяной, почерневший от времени гребень.

- Я сама причешу нашу гостью,- властно пояснила она неизвестно кому, и резко опустила его в спутанную гриву мокрых волос.

Стефка протестующее вскрикнула не от боли в корнях, а от чего-то тяжелого, надавившего на её виски до такой степени, что перед глазами заметались красные круги боли.

- Ты конечно же любила, - раздался шелестящий шепот над ухом, в котором с трудом можно было признать голос Марго, - да и разве женщину можно назвать женщиной, если она не испытывала страсти к мужчине? Сильно любила!

Извилистыми, идеально расчесанными прядями струились из-под зубцов неугомонного гребня волосы, и, казалось, так же струятся извлекаемые Марго мысли из головы гостьи.

- Твой малыш погиб, в душе невыносимая обида! Так бывает всегда, когда имеешь дело с таким человеком, как дон Мигель... гордый, надменный, самодовольный испанец, кровавый жестокий инквизитор - союз леопарда и голубки! Разве он способен понять, что это значит - летать!

- Летать, летать, летать! - вдруг ликующе зазвенело и запело все вокруг.

- Марго,- робко высунулась Стефка из лохани,- ты ведьма?

Где-то сбоку раздался испуганный писк и кашель, что-то по-прежнему жующей Хельги, но сама Марго даже бровью не шевельнула.

- Ведьма,- спокойно согласилась она,- и что? Растет дерево, плывет облако по небу, журчит вода в роднике - это же тебя не поражает! Почему же не могут существовать на земле ведьмы?

Пока Стефка соображала, что ответить на такое обескураживающее заявление, запричитала ужаснувшаяся немка.

- Ой, госпожа, отпустите нас! Мы бедные странники, с нас и взять-то нечего! И не ели уже несколько дней и не пили толком! Есть ведь другие, более толстые и вкусные!

- Замолчи, дурочка,- презрительно бросила Марго,- не мешай нам разговаривать с графиней, а то превращу твоего ребенка в лягушку. И хватит есть, толстуха, не разродишься!

Она звонко щелкнула пальцами, и стол перед горестно вздохнувшей Хельгой тот час опустел.

- Так что же, милая? - вновь обратилась хозяйка к гостье,- что тебе сделали ведьмы, что ты так нас не любишь?

Стефка передернулась от озноба, все более и более охватывающего её в остывающей воде, но все-таки возразила:

- Я ничего в этом не понимаю!

- Так надо понимать!- отрезала Марго, и вдруг с невероятной силой толкнула лохань.

Что было потом едва ли поддается описанию - лохань закрутилась по всей комнате, потоки грязной воды взмыли вверх и... исчезли! Несчастливая Стефания крутилась в ней как листок, попавший в водоворот, больно стучаясь о края угрожающе раскачивающейся посуды, пока не выскочила из неё. А потом водопад из чистой воды обрушился на завизжавшую от испуга купальщицу и, обмахнув её мокрым ледяным хвостом, унесся как нашкодивший кот в приоткрытую дверь, а она так и осталась стоять посередине комнаты, обнаженной и трясущейся от всего пережитого.

- За что наказал твой муж женщин в Страсбурге?

Марго накинула ей на плечи кусок льняного полотна, и сразу же стало легче. Как-то неприятно чувствуешь себя без одежды перед лицом такого испытания!

- Не знаю, - замялась Стефка, осторожно промокая влажную кожу,- они вроде бы плясали голыми вокруг костра и призывали дьявола!

Ведьма презрительно фыркнула, с горечью покачав головой.

- Можно подумать, что для этого нужно плясать голыми! Какое невежество для столь ревностного католика, да ещё несостоявшегося доминиканца! Кучка глупых неопиток..., они даже сами не поняли, из-за чего попали в лапы инквизиции!

- А разве эти женщины не были ведьмами? - все более и более запутывалась во всех этих сложностях Стефка.

У юной женщины было неприятное чувство, что её насильно вовлекают во что-то такое, с чем она ни за что на свете не хотела бы иметь дела, но с другой стороны, всё, о чем говорила Марго вызывало в ней опасливое любопытство. Так человек, страшась и рискуя, но все-таки заглядывает в бездну.

- Разве ныряющий в воду, сразу же становится рыбой? И что с того, что они призывали дьявола? Это всего лишь слова, не более! Князь тьмы не слуга, чтобы являться по первому же зову каких-то дурочек!

- Почему вы мне это говорите? - запротестовала Стефка. - Зачем? Я не желаю ничего об этом знать!

Ведьма многозначительно покосилась на свою гостью.

- Дорога открывается далеко не всем! Ты сюда попала накануне большого праздника, значит... значит, наши дела касаются и тебя!

Так, наверное, чувствует себя муха, запутавшаяся в паутине. Чем дольше бьется, сопротивляясь, тем больше запутывается в липких нитях.

- Какой праздник? - поинтересовалась все это время напряженно прислушивающаяся Хельга.

- День всех святых! - любезно пояснила хозяйка.

И пока Стефка и её служанка недоуменно переглядывались, она опять совершила какие-то трудноуловимые манипуляции руками - и у неё в руках оказался небольшой глиняный горшочек, с дымящимся остро пахнущим содержимым.

- В этот праздник,- продолжила говорить Марго, тщательно вымешивая его содержимое,- принято дарить подарки гостям. Чего бы вам хотелось больше всего?

- Спасибо,- сдержанно поблагодарила Стефка,- но нам не хотелось бы вас утруждать!

- Мне это не составит труда,- заверила их Марго, ставя горшок на стол,- так чего же вы желаете?

- Еды на дорогу! - радостно оживилась Хельга.

- Не шути такими вещами,- строго одернула её ведьма,- второго шанса возможно никогда не представится. Загадывай!

Немка даже зарумянилась от радостного возбуждения, и прежде чем хозяйка успела её дернуть за рукав, быстро выпалила совсем уж несуразное:

- Замуж! Только чтобы муж был дворянином и не шпынял меня брюхом и всем остальным!

Марго что-то быстро прошептала и, хлопнув руками, вытянула ладони в сторону окна.

- Сделано!

Стефка недоверчиво глянула на ведьму.

- Дворянин? Женится на моей Хельге? Разве только уж совсем с ума сойдет или под страхом смертной казни!

- Пожалуй,- безразлично хмыкнула та,- но желание вашей служанки сбудется!

- Покойник мне не нужен! - возмущенно фыркнула немка.

- Не привередничай! - одернула её Марго, и тут же обернулась к другой гостье,- а чего хотите вы, графиня?

Стефка хотела было отказаться от помощи темных сил, но потом все-таки с робостью попросила:

- Я хочу назад, в Моравию! Домой, в Черный лес!

- В Черный лес! - почему-то ликующе воскликнула Марго, и её темные глаза полыхнули огнем,- именно - в Черный лес!

И юная женщина с противно замершим сердцем, поняла, что поспешила открыть рот.

- Раз я выполнила все ваши желания,- между тем победно улынулась ведьма,- то и вы должны выполнить одно из моих..., или желаете остаться в долгу?

Сколько сказок в детстве выслушала Стефка, сидя у очага в людской около ласковой Гутки? Не

счесть! И львиная доля из них была посвящена опасности договоров с нечистой силой! И надо же было так глупо попасться! Но в любом случае, в долгу оставаться она не хотела - а вдруг потом ведьма попросит её новорожденного ребенка, как в сказке про злого гнома и умелую пряжу?

- Чего вы хотите?

- Мелочь, чистую мелочь! Я хочу, чтобы вы побывали вместе со мной у праздничного костра!

Стефания облегченно перевела дыхание - она боялась, что ведьма потребует у неё бессмертную душу, но, похоже, сей предмет ту не особо интересовал.

- Праздничный костер?

- Да, - торопливо пояснила Марго, - в праздничную ночь мы с подругами разжигаем костер и греемся у его огня!

- Танцуете голыми и призываете дьявола?

Ведьма громко и снисходительно рассмеялась.

- Вот уж нет, там есть чем заняться и помимо этого бесполезного занятия! Впрочем, увидишь сама, если, конечно, не захочешь остаться должницей!

Стефка растерянно оглянулась, пытаясь сообразить, что же ей делать? Встретилась взглядом с круглыми словно плоски глазами Хельги, подумала, а потом, перекрестившись, обреченно кивнула головой.

- Пусть будет так!

Неизвестно, что произошло при звуках этих слов, но только уютная светлая кухонька вдруг погрузилась в такую темень, что все разом исчезло, а потом внезапно вспыхнул ярким длинным пламенем огонь в очаге, осветив стоящую в непонятном отдалении со своим горшком Марго.

- Подойди ко мне, - громко крикнула та, но её голос прозвучал как будто издалека, - иди..., иди!

И Стефка пошла, ступая неизвестно на что, потому что пола под ногами не ощущалось, и куда непонятно, потому что дорога была неблизкой. Но сколько бы она не шагала, Марго почему-то не приближалась, находясь на одном и том же расстоянии.

Но вот что-то забрезжило вдали, похожее на отблески огня и в этот момент ведьма оказалась за её спиной.

- Дальше без меня, - приказала она, толкнув в спину и одновременно опрокинув ей на плечи горшок с резко пахнущим содержимым.

И брезгливо пытающаяся стереть с себя растекшуюся липкую жижу, совсем ошалевшая от происходящего Стефка ощутила, как странным огнем загорается тело и как будто наполняется воздушными пузырьками. Такое ощущение обычно возникает, когда ныряешь в очень холодную воду, только теперь вокруг неё шипела не вода, а воздух.

И в этот миг юная женщина почувствовала, что незримый коридор закончился, и она вылетела

прямо вширь огромного, бескрайнего и забрызганного звездами бархатного неба, залитого золотым лунным светом.

- Лети, девочка,- слышался в голове голос Марго,- лети! Сегодня твоя ночь!

И ошеломленная происходящим Стефка действительно полетела над спящей землей.

Мелькали внизу похожие на щетку для волос леса, громады замков казались игрушечными, а реки - серебряными ниточками. Сильный и теплый ветер пьянил, свистел в ушах и развеивал локоны волос. Страх и неприятие происходящего исчезло бесследно, наоборот, было необычайно приятно ощущать воздушные потоки на горящем невыносимым огнем теле.

А вот и океан - темные бескрайние воды, с белыми барашками волн, и крохотный хрупкий силуэт корабля - утлая скорлупка человеческого бытия на груди вечности.

Как же был велик и прекрасен мир! Очарованная этой красотой Стефка ликующе расправила руки и засмеялась от счастья и радости, ей хотелось, чтобы вечно длился этот невообразимо прекрасный и свободный полет! Она летит, летит, летит! Легкая как пушинка, свободная как птица!

Но тут что-то повлекло её вниз. Летунья недовольно опустила глаза и увидела яркий полощущийся на ветру костер.

Огонь манил её, казалось, его языки приветливо машут, приглашая поиграть с ним. Стефка улыбулась призыву и опустилась к гостеприимному пламени. Радостно смеясь, то подлетая ближе, то отлетая подальше, она стала играть с его ласковыми языками. Огонь приятно жег, чудесно грел и был живым! Восхищенная Стефка летала вокруг него по кругу и весело ускользала из его игривых жарких объятий, которые как будто пытались, то поймать её за руку или за ногу, а то и вовсе обхватить за талию! Захмелевшая от скорости, она расхохоталась во весь голос, впадая в состояние восторженной эйфории.

Как не была увлечена этой захватывающей игрой наша героиня, вскоре она поняла, что у костра не одна. Слышался точно такой же хохот, веселый визг, то и дело рядом мелькали какие-то тени. Все как будто сплетались в радостный хоровод веселья, в котором в водовороте опьянения крутилась все ближе и ближе подлетающая к пламени Стефания.

- Какая смелая малышка, абсолютно не боится огня,- вдруг раздался прямо в голове чей-то спокойный, но заинтересованный голос,- я никогда не видел её раньше, это неофитка?

- Хозяин, хозяин,- испуганно зашептали шелестящие голоса вокруг, и даже пламя вдруг вытянулось ровным столбом, престав тянущее игривые языки во все стороны.

И Стефку неведомая сила резко потянула к земле. Она опустилась на поросший изумрудной травой холм, ярко освещенный и луной и огнем. Немного в отдалении стоял силуэт высокого, худого мужчины в черном длинном плаще и бархатном берете на черных как смоль волосах. Рядом с ним притулилась Марго, в том же самом домашнем платье с передником. Они с интересом наблюдали за осторожно ощупывающей босыми ногами траву гостей.

- Зачем ты позвала к праздничному костру непосвященную, Марго?- ласково спросил тот же голос.

- Мне хотелось угодить вам, мессир!- рассмеялась та.

- Угодить? Пожалуй..., но почему ты решила, что я хочу её здесь видеть?

И он обратил лицо к Стефке. Это был мужчина с гордым тонким профилем и изломанными густыми бровями над абсолютно черными непроницаемыми глазами.

- Подойди сюда, милая!

Стефке вдруг стало так страшно, что сердце забилося как сумасшедшее. Но сила, исходящая от незнакомца была непреодолимой, и она нехотя сделала шаг. И тут же перед её взором предстала яркая красочная картина - она в родном лесу собирает цветы маленькой златокудрой девочкой в окружении подружек. Картина появилась, сверкнула, и с тонким хрустальным звоном разбилась. Второй шаг - Ярослав приглашает её на танец. Его серые глаза, музыка, улыбка - опять звон и все исчезло. Третий шаг - они целуются с доном Мигелем в лесу, - разбилась. Её второе венчание пришлось на четвертый шаг - и то же с жалобным звоном разлетелось. Пятый - её брачная ночь, треснуло и пропало. Шестой шаг..., человек оказался совсем близко, она даже видела морщины на его высоком лбу.

- Разве не вы, мессир, открыли ей дорогу? - удивилась Марго, наблюдая за медленно и неуверенно ступающей подопечной.

Неизвестно, чтобы ответил этот страшный господин, но внезапно на поляне появилось ещё одно действующее лицо.

- Это я,- громко заявил мужчина,- открыл ей проход!

Над поляной внезапно наступила тишина, и все присутствующие немедленно обернулись на голос. Изумленно обернулась и Стефка, и тут же узнала ... сына барона де Ла Роша! Он стоял посреди этого волшебного места все в том же кожаном камзоле с полотняными рукавами, а на его бесцветных кудрях красовался огромный, бархатный берет с серебряным аграфом в виде сплетенных змей. Маловыразительное лицо молодого человека оглядывало окружающий диковинный мир со скучливым и даже брезгливым выражением.

- Рауль?! - недовольно вскрикнули и Марго и незнакомец.- Зачем ты это сделал?

Но тот уже подошел вплотную к дрожащей от напряжения Стефке, и накинул на её обнаженные плечи собственный плащ.

- Я хотел посмотреть примет ли её огонь! А к вашим делам эта женщина не имеет никакого отношения! Я привел её сюда, и она уйдет вместе со мной!

Его рука вцепилась в её ладонь, и от этого крепкого пожатия у женщины начало меркнуть сознание. Стефка уже беспомощно повисла на руках этого непонятого Рауля, когда перед ней в последнем осмысленном проблеске сознания мелькнули сожалеющие глаза Марго и в голове прозвучал огорченный голос:

- Мне жаль, девочка! Поверь, если бы я знала, что это он, то никогда бы не втянула тебя в эту историю! Но в твоих мыслях не было ни одного воспоминания о Рауле!

ДЕ ЛА ВЕРДА.

Дон Мигель устал до предела.

Казалось бы, отправив за беглянкой Гачека, он мог более-менее облегченно перевести дыхание, но вопреки здравому смыслу, граф всеми ночами напролет метался без сна и отдыха по отведенным папскому посольству комнатам подворья, никому не давая покоя и сам себя доводя до изнеможения.

Вот и в тот день они долго с епископом не укладывались спать, так и сяк рассуждая о своей нелегкой миссии.

- Великий Герцог Запада, - брюзжал дон Мигель, вышагивая перед сидящим на кровати и смиренно перебирающим четки епископом, - в скромности ему не откажешь! Ведь должен абсолютно всем и вся его роскошь только внешняя позолота! И вместо того, чтобы заняться своей казной и укреплением своего герцогства, Карл с упрямством осла, опять замыслил военную авантюру!

- Наверное, надеется на помощь извне, - проскрипел простуженным голосом епископ, - строя планы выдачи своей дочери Марии за Максимилиана Габсбургского он замахнулся ни мало, ни много, как на создание новой империи, конкурентки Священной Римской. Может, мы зря хлопочем об этом браке? Не получить ли после большой дозуки!

- Ерунда, - небрежно отмахнулся де ла Верда, - ничего у него не получится! Гонору много, а политического чутья нет! Мне кажется, что гораздо больше стоит опасаться хитроумного лиса Людовика! Усиливая выгодным браком позиции Карла Смелого, мы лишь пытаемся создать противовес этому опытному интригану. Подумайте сами, король давно уже подкупил всех вчерашних друзей нашего герцога Бургундского. Мало того, сам не воюет, натравливая на Карла швейцарцев, которых щедро подмазывает деньгами. Нет, папскому престолу выгоднее сейчас сохранять хотя бы шаткое, но равновесие, не давая усилиться ни одному из них.

- У будущей герцогини очень хорошее приданное, - заметил, тайком зевающий епископ, - а вот зачем мы усиливаем Габсбургов, не совсем понятно - вряд ли на следующих выборах в императоры они выиграют!

Дон Мигель осуществил очередной виток бега по тесной комнатке. Из него буквально перла беспокойная нервная, не находящая выхода энергия

- После такого удачного брака эта династия усилится и тогда место императора у них в кармане. Зато Габсбурги верные католики и никогда не доставляли папе никаких хлопот, в отличии ото всех остальных, - рассеянно заметил де ла Верда, и подошел к окну, - как же сегодня разбушевдалась луна! Для этого времени года погода стоит просто на редкость ясная... Завтра День всех святых, нужно отстоять мессу, да помолиться за мою несчастную жену. Надеюсь, она сейчас находится в безопасном месте! Нет ничего опаснее, чем в такую ночь выехать в дорогу - самый разгул нечистой силы!

- Господь не оставит графиню! - епископ поспешил успокоить выведенного из себя подопечного.

- Мне здорово не по себе, - внезапно признался дон Мигель, - просто места не нахожу! Все мерещится всякая ерунда. Луна, что ли так действует!

Епископ, как и многие в ту далекую эпоху, увлекался астрологией, и в те свободные часы, что оставались у него от дипломатических трудов, составлял гороскопы интересующих его людей.

- Звезды благосклонны к донне Стефании, они предвещают ей долгую жизнь и многочисленное

потомство!

Граф же, не в пример современникам, к звездам относился подозрительно, и особенно им не доверял.

- Но ведь на небе не написано, что именно я буду отцом этого потомства! - буркнул он.- Пока она умудрилась потерять даже нашего первенца!

Епископ недовольно поморщился, он не одобрял подобного скепсиса, но и искренне сочувствовал своему собеседнику.

- Ах, сын мой, вы попали в очень нелегкую жизненную ситуацию. Мне даже нечем вас утешить, кроме как словами - крепитесь и мужайтесь! А тут ещё, как на грех, все так застопорилось, и мы никак не увидимся с герцогом. Если бы не задержка в Конствальце! А теперь Карл занят сколачиванием новой армии и слушанием своей капеллы, как будто нет ничего на свете главнее. Определенно, с его отцом было проще договариваться!

- Вы хорошо знали герцога Филиппа?

- Знал,- вздохнул его преосвященство,- это был умнейший политик, но у него была слабость к женскому полу, которой вы мгновенно бы воспользовались. А потом ведь нужно посетить в Иль-де-Франс! Людовику будет нелегко растолковать, что святой престол, вмешавшись в брачные планы герцога, ничего не имеет против самого короля.

Дон Мигель досадливо дернул плечами, брезгливо сморщив нос.

- Я уже встречался с королем в связи с другими поручениями его святейшества, и могу вам сказать, что с ним иметь дело очень сложно! Может, и неразумно так говорить, но могу признаться, что он у меня оставил неоднозначное впечатление. У Людовика мораль простолюдина и ведет он себя соответственно! При чем это подчеркивает, что согласитесь, не вызывает у его баронов теплых чувств, поэтому вокруг короля и зреют бесконечные комплоты! Достаточно вспомнить, что происходило два года назад в Перроне!

Граф пренебрежительно взмахнул руками.

- Ведь Людовик сам инспирировал восстание против епископа Бурбонского, а когда его разоблачили, повел себя не лучшим образом и при аресте, и при подписании соглашения..., теперь же король жаждет реванша, объявив сей документ недействительным!

Епископ во время речи собеседника согласно покачивал головой.

- Папа очень недоволен тем, как его величество поступил с кардиналом де Балю, - тяжело вздохнул он,- несчастный до сих пор томится в клетке, где нельзя не лечь, не встать. Вам предстоит, сын мой, похлопотать перед королем за несчастного!

Но дона Мигеля мало трогала судьба какого-то там кардинала. Хотел быть всех умнее? Ну, и получил свое! Знать судьба у него такая - сидеть, как дикий зверь в клетке!

- А чего он ожидал? Из-за его предательства король вынужден был отдать своему братцу Карлу Шампань, а такие вещи не прощаются! И вообще, для этой семьи характерны заговоры внутри её членов.

- Да уж, - нехотя согласился Братичелли,- что вытворял сам Людовик со своим отцом,

объединяясь с теми же герцогами бургундскими - и Филиппом, и Карлом! Женился без разрешения отца! Покойник Карл VII даже был вынужден выслать его в Дофине, без права появления при дворе. А тот, говорят, его в отместку отравил! - старик истово перекрестился, огорченно причмокнув. - Хорошая каша заваривается сейчас во Франции! Людовик, очевидно, решил окончательно добить Карла.

Дон Мигель задумчиво потрепал рукой подбородок.

- Не думаю, что это будет просто! У меня есть сведения, что на стороне Бургундии опять выступит английский король.

- А это значит, что столетняя война имеет все шансы стать двухсотлетней!

- Все может быть,- с досадой вздохнул де ла Верда, вновь подходя к окну, - не знаю, что со мной происходит, ваше преосвященство, но надо бы мне завтра приложиться к святым дарам. Эта луна вызывает у меня чувство настолько острой тревоги, что я не нахожу себе места! Дай мне волю, я прямо сейчас бы оседлал коня и один, без охраны и оружия помчался, как на крыльях в Лотарингию в след моей несчастной жене.

- Женщина в крови у мужчины,- философски заметил епископ,- поэтому наша святая церковь и требует целомудрия от своих служителей, потому что не может с полной отдачей служить мужчине вере, если он будет думать о жене и детях. Папа Григорий VII в свое время принял указ о celibate, потому что хорошо понимал это. Но вы - человек светский! Глава славного рода. Вам, разумеется, надо было жениться, только, по моему мнению, вы сделали неправильный выбор супруги. Доверили бы это дело вашей матушке - высокочтимой донне Инесс. Она бы подобрала вам подходящую невесту из хорошей кастильской или арагонской семьи, скромную и сдержанную. Графиня жила бы со свекровью в тиши вашего родового замка, не обременяя ни вашу голову, ни вашу душу.

- Наверное, вы правы,- с горечью согласился де ла Верда,- я пошел на поводу у своего сердца и теперь уже поздно раскаиваться в содеянном. Бог соединил нас для доли лучшей или худшей, и я не буду роптать на его волю.

- Уже слишком поздно, сын мой,- потянулся и уже открыто зевнул его преосвященство,- пороку мы с вами сегодня уже не изобретем, давайте спать!

Де ла Верда нехотя согласился. Таким образом, заканчивались практически все беседы между ним и Братичелли - от Стефании к политике, от политики к Стефании, причем сами собеседники порой не замечали, как плавно их речь перетекала от одного к другому.

Ночь прошла спокойно, но когда утром епископ еще лежал в постели, только собираясь встать на утреннюю молитву, его преосвященство побеспокоили. Ему и так что-то в последнее время нездоровилось - болело горло, мучил кашель, и он с тоской думал, что такие нагрузки в его возрасте становятся уже не по силам. То ли дело де ла Верда, который мог по трое суток не спать, присутствуя на допросах инквизиции, составляя письма, договора и отчеты, устраивая заговоры, и придумывая хитроумные комбинации. Но сегодня, когда граф ворвался в его спальню, епископ понял, что слишком уповал на его выносливость. Дон Мигель был в предельно взвинченном состоянии.

- Всё,- заявил он прямо с порога,- я не могу больше ждать, мне нужно срочно встретиться с герцогом, как бы он не увивал от приема папских легатов! Со Стефанией случилось что-то неладное!

- О, Бог мой,- перекрестился епископ, подскакивая с постели, он хорошо знал графа и понимал, что тот не будет тревожить его без нужды,- что произошло за те несколько часов, что мы не виделись? От вашего чеха прибыл гонец?

Но де ла Верда только отрицательно качнул головой.

- От него ничего нет, но мне приснился странный сон, ваше преосвященство, очень странный сон!

- Сон? - удивленно протянул его преосвященство,- но разве можно безоговорочно верить снам?

- Таким можно,- мрачно уверил его дон Мигель,- я видел очень странное место, но почему-то узнал его...

- Место? Какое место?

Собеседник измученно потер виски, и епископ с жалостью заметил, как осунулся и даже постарел за прошедшую ночь всегда бравый и подтянутый граф.

- Когда я учился на теологическом факультете Барселонского университета, мне попались в руки древнейшие манускрипты св. Сципциона Антиохийского - пустынноика, жившего где-то в 3 веке. На мое счастье он изъяснялся на латыни. Так вот, святой описывал те искушения, которым подвергал его нечистый, пытаясь отвратить от молитвы и покаяния. И самое сильное впечатление на св. Сципциона Антиохийского произвел некий костер человеческих страстей, который горит где-то далеко на краю земли, и не погаснет до тех пор, пока люди способны грешить!

- Обычные уловки сатаны,- нахмурился, перекрестившись, епископ,- но почему вы рассказываете мне об этом, сын мой? Это каким-то образом касается вашей жены?

- Я видел Стефанию, кружащейся вокруг удивительного пламени, и сразу же узнал его! Именно так описывал этот огонь святой - искушающий, буйный, живой!

Его преосвященство с уважением относился к пустынноичеству, но к своему стыду он никогда и ничего не слышал о Сципционе Антиохийском, и в глубине души усомнился в его видениях. Не то чтобы он заподозрил св. отшельника во лжи! Нет, конечно, нет! Но мало ли что привидится человеку, питающемуся только сухой травой и каплями воды, да ещё в ночной пустыне среди опасностей и одиночества? Но делиться сомнениями с доном Мигелем мудрый Братичелли не стал, и, живо прочитав очистительную молитву, благословил пасторским перстнем почтительно согнувшего голову несчастного графа.

- Спешите, сын мой, спешите! Спасение даже одной христианской души стоит всего мира беспутных принцев и интриганов-королей!

Но, не смотря на благословение, де ла Верда не поспешил немедля на помощь супруге. Прежде всего, дело, а только потом уже - семья!

Карл Бургундский в этот пасмурный день выехал на охоту - первый морозец сковал землю, и в воздухе вкусно пахло инеем, свежестью и чистотой. Обрадованная возможностью всласть побегать и полаять свора собак очертя голову носилась среди деревьев бело-рыжей гавкающей лавиной, путаясь под ногами коней и беззлобно ругающихся всадников. Трубили рога, кричали испуганные вороны, развевались разноцветные вуали дам...

Короче, охота Великого герцога Запада была в самом разгаре.

Где-то вдали в гуще терновника мелькнула рыжей искрой лисица и вся герцогская свита стремглав кинулась за ней, радуясь простору и движению и не обращая внимания на призывы егерей подождать более крупного зверя.

Но осторожно пробирающийся по опавшей листве на своем скакуне граф охотился совершенно на другую добычу. Ему нужен был, скачущий во главе этого оголтелого воинства крупный краснолицый мужчина, прозванный Смелым.

Будучи сам потомком королей дон Мигель относился к высшей сеньоральной власти, как к Божьему предопределению, и был далек от критики монархии в целом. Но ведь иногда Господь посылает и испытание подданным, взваливая на их плечи совершенно непригодных правителей. Достаточно, только вспомнить такие прозвища королей, как Злой, Простоватый, Сварливый, Безумный - все они говорят сами за себя. Иногда придворные льстецы, правда, оказываются проворнее язвительных языков подданных и тогда рождаются всякие Бесстрашные, Мудрые, Красивые!

Так случилось и с Карлом Смелым! Де ла Верда прозвал бы его, скорее, Упрямым, Свирепым, Несговорчивым, Оголтелым... достаточно вспомнить несчастный Льеж! Впрочем, носил же его отнюдь не самый гуманный отец прозвище - Доброго только за то, что пускал по поводу и без, слезы умиления!

Дон Мигель охотно признавал за Карлом и несомненные достоинства - ум, щедрость, благородство, неистовую любовь к войне, но, увы, времена короля Артура уже давно канули в лету! Сегодня от политика требовались другие умения, те самые, которых было в достатке у его противника Людовика XI - хитрость, изворотливость, умение просчитывать свои действия на три хода вперед. А в Карле было слишком много показного, претенциозного - вот и сейчас тот был в шитом золотом и жемчугом сюркоте, в бархатном с златотканой подкладкой упленде, на шляпероне красовался аграф с крупными рубинами. Зачем так наряжаться, собираясь на кабана, дон Мигель решительно отказывался понимать. Ладно бы, Карл Смелый был таким же известным женолюбом как его отец, тогда так сяк, но можно было объяснить этот неуместный блеск, увы! Дон Мигель в отличие от епископа добродушием никогда не славился, к людям относился с подозрительной настороженностью, и, как правило, очень редко ошибался, предполагая самое худшее.

Так вот! Тенденцию бесконечно торчать в своей капелле, слушая пение юных мальчиков и предпочитать общество рыцарей дамскому, а так же подозрительную верность женам, при наличии всего одной дочери, де ла Верда пояснял себе весьма просто. На его взгляд, герцог был тайно снедаем порочными влечениями к представителям своего пола, хотя тщательно ото всех это скрывал. Честь ему, конечно, и хвала, что он так искусно боролся со своими пороками, но сочувствия у дона Мигеля бургундец не вызывал.

Граф относился к мужеложцам со спокойным и ледяным презрением, ставя их на одну доску с евреями и маврами. Но что поделаешь, если для пользы дела нужно было общаться даже с вызывающими столь неприятные эмоции людьми! И дона Мигеля мало волновало, что он, возможно, ошибается. Лучше думать о человеке хуже, а потом с радостью понять, что был неправ, чем горько разочароваться в последствие.

- Ваше высочество! Разрешите обратиться?

Граф с огромным трудом дождался момента, когда свита герцога дала ему возможность

приблизиться к последнему на расстояние слышимости голоса.

Карл Смелый с заметным раздражением оглянулся на испанца, появившегося без приглашения на охоте, в неизменно черном, как перья ворона, наряде. Случайностью это объяснить было невозможно, значит, тот намеренно искал с ним встречи в неформальной обстановке.

Герцог не знал даже, как отнестись к этому возмутительному своеволию одного из папских послов, так как пока ему нечего было сказать его святейшеству о готовящейся войне.

Да, он желал выдать единственную дочь замуж за Максимилиана Габсбурга, но только в расчете на имперскую корону для себя, а не за те малые уступки Фридриха, которые везли в своих бумагах папские легаты. Карл считал их появление при дворе не более чем предлогом для вмешательства святейшего престола в его дела. И это здорово раздражало герцога - не успел он ещё выступить в поход, как ему начали совать палки в колеса все, кому не лень!

В том бурлящем котле столкновений различных интересов, интриг и борьбы практически всех властительных персон Европы появление римских легатов только ещё больше осложняло и запутывало то, что итак напоминало перевозданный хаос. Каждый тянул одеяло на себя, пытался урвать свой клочок, похоже, и папа!

И тут ещё этот испанец с умными черными глазами, непонятно зачем попавший в свиту епископа.

- Да? - надменно обернулся к нему герцог, все-таки решив не портить отношения с легатами.

Дон Мигель, как мог только он, чуть ли не застенчиво улыбнулся.

- Извините, что я отвлекаю вас от преследования зверя, увы, обстоятельства складываются так, что я лишен счастья и дальше пребывать при вашем блестящем дворе! Но у меня к вам неотложное дело от одного весьма высокопоставленного лица..., дело тонкое и деликатное!

Два последних, сказанных почти шепотом слова, заставили Карла придержать рвущийся с губ отказ от беседы.

- Чего же вы хотите?

- Дело касается алмаза, украшающего ваш боевой шлем!

Испанец подобрался к герцогу поближе, ловко обойдя неохотно расступающуюся охрану:

- Дело в том, что я выполняю просьбу одной, не желающей себя называть особы королевской крови. Она поручила мне выяснить, правда ли, что это знаменитый алмаз Надир-шаха, которому приписывают магические свойства по защите его владельца от вражеского меча?

Карл, не ожидающий такого поворота разговора, порядком удивился.

- Правда! Но почему вас это заинтересовало?

- Моему доверителю так же предлагают камень в 108 карат, уверяя, что он и есть тот самый алмаз!

- Это абсолютно исключено! Я отдал его ювелирам и после обработки алмаз стал, конечно,

меньше, но зато приобрел 48 граней, и представляет собой уникальное зрелище!

Лицо де ла Верды выразило почтительное не то чтобы недоверие, а так, легкую тень сомнения.

- Камень, предложенный моему доверителю, необыкновенно прекрасен!

- Вы просто не видели мой! Тогда бы не возникло никаких сомнений!

Черные глаза собеседника посмотрели на герцога с таким выжидающим выражением, что тот вынужден был закончить свою речь приглашением:

- Предлагаю вам после охоты посетить оружейную комнату, где хранятся мои доспехи, и вы увидите алмаз Надир-шаха.

Дон Мигель тот час растворился среди окружающих деревьев. Он все-таки добился своего.

Все знали, насколько огромное значение придает герцог алмазам. Его доспехи были почти сплошь усеяны бриллиантами различной величины, так как Карл был уверен, что их блеск заставляет врага испытывать страх и способствует его победе. Дон Мигель кое-что знал о драгоценных камнях, да и в заветной шкатулке ещё не закончился янтарь и жемчуг, ну а остальное уже не представляло особых затруднений. Перейти в беседе о драгоценностях от бриллиантов к поручениям папы было задачей для новичка, а де ла Верда уже давно таковым не был.

Он ушел из оружейной комнаты с подробным списком претензий Карла Бургундского к его сюзерену, и теперь можно было торговаться и спорить по каждому пункту, как с Людовиком, так и с Карлом до скончания веков, мечась из Фландрии в Иль-де-Франс, и обратно, но зато появилась, хоть какая-то надежда предотвратить кровопролитие.

Папа получит возможность посредничества, а значит, солидно укрепит свои позиции в этом регионе, подорванные в свое время Прагматической санкцией Карла VII, запрещавшей действие папских декретов на территории Франции без одобрения короля.

Дон Мигель проделал порученную работу со свойственной ему виртуозностью, и теперь можно было заняться и своими домашними делами.

- ШАМΠΑНЬ.

Стефка спала и вновь видела фантастический сон.

В голубых искрах рассыпающихся звезд перед её взором опять появилась невероятно огромная кошка с ослепительно белой шерстью. Она, лапаясь, прижалась к её ноге, и женщина уже привычно оседлала зверя, чувствуя кожей между ног его нежную теплую шерсть. И они поскакали сначала по пушистым молочным облакам, а потом по лугам с необыкновенно красивыми огненными цветами, тянущимися к ней похожими на языки пламени лепестками. А потом они взмыли в черное бархатное небо и звезды закрутились вокруг них в сумасшедшем хороводе!

Сон прервался ужасно. Женщина лежала, на какой-то покачивающейся и подрагивающей лежанке абсолютно без сил, с пересохшим ртом от страшной жажды. Все её тело невыносимо ломило и жгло, а главное, она почему-то не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, и даже открыть глаза.

Но зато уж голоса, яростно спорящие над ней, не оставляли сомнений, что со снами покончено. Ругались Тибо и Хельга, да так, что служанка срывалась на крик.

- Я тут не причем! - вопила она, - сам задрых как сурок, а я виновата!

- Только из-за твоей прожорливости мы попали в эту переделку! Меня-то усыпили, но ты ведь не спала - что там происходило? Почему донна так страшно сожгла себе кожу?

- Это вышло случайно, госпожа укатилась прямо в очаг!

- Но ведь графиня не саламандра, чтобы окунувшись в огонь выйти оттуда невредимой! Она бы умерла, если бы получила такие ожоги, свалившись в очаг. А донна обгорела ровно, без пузырей, как будто долго жарилась на солнце!

- Может, так оно и было!

- Да ты что, последний разум проела? Ноябрь на дворе, откуда быть такому солнцу? А волосы, почему порыжели?

- Что ты меня допрашиваешь, как судья! Откуда я знаю, почему она рыжая? Одна моя знакомая рассказывала, что если мыть волосы в настоявшейся бычьей моче, то они приобретут рыжий отлив! Наверное, и донна...

- Я тебя убью, толстуха! Только не надо мне рассказывать, что на обгоревшую донну мочился три дня не облегчавшийся бык! Только такая тупая корова, как ты способна придумать такую дику историю!

- Сам тупой..., проморгал её светлость, а теперь злишься!

- Я всю дорогу делал всё, чтобы она как можно быстрее вернулась к мужу! Можно сказать, из шкуры лез, чтобы нас догнала и обнаружила погоня, а что теперь делать - право слово, не знаю! Ну не показывать же её в таком виде графу? Как бы всем не пострадать! Надеюсь, что ты, идиотка, понимаешь, какая кара нам с тобой грозит, если граф хоть о чем-нибудь догадается? Для инквизиции слова невиновен не существует!

- Ах, я бедная, бедная, вечно на мою голову сыплются неприятности, - запричитала дурным голосом Хельга, - граф прикажет меня высечь! А у меня итак после кнута едва кожа затянулась!

- Хватит выть! Что у вас тут происходит?

Стефка умудрилась растеряться даже в том беспомощном и жутком состоянии, в котором находилась. Этот внезапно прогремевший голос принадлежал какому-то незнакомцу, и одновременно был ей смутно знаком.

- О, справедливый, добрый господин, - тот час дурашливо запел шут, - куда мы едем, знает только он один! И навевает скрип колес, интересующий нас всех вопрос - куда мы едем и зачем? И не нажить бы нам проблем!

- Демуазель едет в Париж! А куда надо тебе, не знаю, так что можешь идти на все четыре стороны!

Но разве от Тибо можно было отделаться таким предложением, он его мудро пропустил мимо

ушей.

- В Париж? Так есть одна беда, нам незачем скакать туда!

- Демуазель Иоланта ясно сказала моему отцу, что едет к Азенкурам.

Стефка от ужаса затаила дыхание - это был голос Рауля, того самого Рауля, который открыл какой-то проход, если только... если только ей это не приснилось! И тот волшебный огонь, и белая кошка, и Марго!

- Как бы нам не ошибиться,- с тяжелым вздохом заметил карлик,- и опять не заблудиться! Скоро месяц, по пустому ищем мы дорогу к дому!

- Если это все, что ты можешь мне сказать, так лучше бы молчал, шут!

Да, когда приближенные донны жаловались на надменность графа, они ещё не сталкивались с завораживаемым холодом французского дворянина. Ледяной голос Рауля де Сантрэ заставил вздрогнуть в ознобе даже горящую, как в аду несчастную Стефку.

- Лучше расскажите, что произошло с вашей госпожой за ту пару часов, на которые я вас оставил прошлой ночью?

- Она упала в очаг!

- Она обгорела на солнце!

Завопили наперебой два голоса и понятно, что ни один из этих ответов не устроил сына барона.

- Действительно, чем допрашивать дураков, лучше выслушать карканье ворон! Чтобы упасть в очаг нужно было откуда-то его взять посередине того холма, ну, а о солнце даже и говорить не хочется! Может, вы придумаете ещё какое-нибудь объяснение?

- Мы ничего не знаем,- противным голосом затянула Хельга,- мы крепко спали, а проснулись и вот - госпожа вся, как огнем опаленная!

- Почему наша донна так загорела, не ваше и не наше дело! - огрызнулся карлик,- спали очень крепко мы и даже не видели сны!

- Тогда перестаньте орать,- со злостью посоветовал де Сантрэ,- ваши вопли слышатся вдоль всей дороги, и на нашу повозку косятся люди! Не хватало только, чтобы кто-нибудь захотел сюда заглянуть и увидел демуазель в таком виде!

Только теперь Стефка поняла, почему её ложе подрагивает и раскачивается. Оказывается, её везли в повозке, но почему она так плохо себя чувствовала? Неужели, действительно упала в огонь? И вся та бесовщина, что привиделась ей позже, не больше и не меньше, чем большой бред?

Ей невыносимо хотелось пить, но, увы, как она не силилась, из пересохшей глотки не вырывалось даже стоны. Немилосердная тряска на ухабах и кочках дороги вызывала у Стефки болезненные ощущения во всем теле, и только общая слабость помогала ей вновь и вновь впадать в полубоморочное состояние, где вновь свистел в ушах ветер, и она неслась и неслась на спине белоснежного зверя, куда-то в звездную бездну.

Измученная до предела больная не знала, сколько времени прошло, прежде чем она смогла хотя бы пошевелить рукой, и лишь потом ей стали подчиняться ноги. Речь же появилась непосредственно перед тем, как вернулось зрение.

- Хельга! - простонала графиня, с невероятным трудом садясь на своем скорбном ложе и пытаясь разомкнуть склеивавшиеся ресницы.

- О, ваша светлость! - обрадовано кинулась та к госпоже.

И в этот момент Стефке, наконец-то, удалось раскрыть веки, как раз, чтобы увидеть, каким ужасом искажается лицо Хельги. Глаза болели, их немилосердно резало, и слезы бежали по щекам, но все же она, преодолев недомогание, приказала:

- Подай мне зеркало!

Та, давась слезами, вытащила из вещевого мешка маленькое зеркальце. Насторожившаяся в предчувствии неприятностей Стефка заглянула в серебряный овал и чуть не закричала. Это была не она! У женщины в зеркале была не белая кожа, а смугло-золотистая, с бронзовым оттенком. Синие глаза стали отливать зеленью и изменили цвет. А её главное богатство - золотистые волосы стали рыжими, больше напоминая языки растрепанного пламени.

Графиня расстроено оглянулась на свое окружение. Хельга выла, вытирая слезы передником, а угрюмо нахохлившийся Тибо стыдливо отвел глаза от обнаженного тела госпожи.

- Что же теперь делать?

Вопрос был чисто риторическим. Что можно в таком случае сделать? Не смотреться в зеркало?

- Давайте на время уповать,- тем не менее, вполне здраво предложил Тибо,- и не надо страдать и вздыхать! Само по себе пройдет, как бы ни было худо, и прежним все станет, ослом я пусть буду!

Стефка задумалась, опустив зеркало. Вряд ли когда-нибудь все станет прежним! Надежды на такой исход дела практически не осталось, но зато неподалеку находился человек, который мог ей многое объяснить.

- Хельга, мне нужно одеться!

Немка, недовольно бурча себе что-то под нос, покопалась в вещах и вытащила какое-то непонятное тряпье. Стефка увидела юбку из дешевого темного сукна, шерстяной корсаж и рубаху грубого полотна, более подходящую горожанке ниже среднего достатка, чем высокородной графине.

- Откуда у нас это? - брезгливо поморщилась она,- и где де Сантрэ?

Тибо и Хельга недоуменно переглянулись. Эту юбку и корсаж графиня сама себе выбрала, ещё будучи в Нанси, пояснив, что в пути нужно быть, как можно менее заметной.

- Едет рядом,- тихо ответила служанка, нервно сворачивая платье,- но ведь не голой же вы будите с ним разговаривать. Ваше старое платье, - она запнулась и, с трудом сглотнув, предложила,- наденьте хотя бы рубашку!

- По мне так лучше остаться голой,- усмехнулась Стефка и прямо в том виде, что и была,

выглянула из повозки.

Возницей был один из людей де Сантрэ, это она поняла сразу, но вот где он был сам? Графиня покрутила головой и тут же нашла скачущего неподалеку сына барона.

- Мессир Рауль!- дерзко окрикнула она его.

Молодой человек оглянулся и пораженно замер при виде обнаженной женщины. Стефка только усмехнулась, заметив, как потемнели и сверкнули его обычно маловыразительные глаза. Вот так-то! Даже мраморного мужчину может оживить обнаженная женщина! Но сама надобность в разговоре автоматически отпала - мужской взгляд ответил сразу же на все вопросы.. И этот добивался её тела, с тем, чтобы позабавившись, бросить вновь!

- Нам нужно поговорить, - скрылась она за пологом повозки, решив, что показала уже достаточно.

- О чем угодно и сколько угодно, демуазель,- Рауль моментально прижал круп своего коня к повозке,- я только привяжу своего скакуна!

- Вы слишком торопитесь, рыцарь! Чтобы нам раскрыть друг перед другом душу, нужно сначала подобрать мне подходящее платье, иначе я не найду себе покоя, и из нашей беседы не выйдет ничего путного!

- Желание дамы - закон для рыцаря! Чтобы вы хотели надеть?

- На ваше усмотрение, шевалье!

И этот поразительный Рауль, больше не говоря ни слова, вдруг направил своего коня в направлении обратном тому, по которому они ехали, и моментально исчез.

Стефания вернулась в повозку к угнетенно молчавшим слугам, и быстро приказала немке.

- Останови возницу! Нам нужно бежать!

Тибо страдальчески сдвинул брови.

- Донна, за красавицей нагой мужчина побежит любой! Чем неизвестно куда переться, лучше было бы сначала одеться!

Стефка мрачно фыркнула - хоть карлик, а всё равно мужчина! Но он был абсолютно прав.

- Давай тряпье! - приказала она Хельге,- только побыстрее, шевелись!

- Донна! - заикнулась было та, но глянув на лицо госпожи, прикусила язык.

- Узнать бы не грех, как мы совершим сей побег! На козлах сидит далеко не слабак, шута он прикончит запросто так!

Стефания не могла не согласиться с этими не лишеными здравого смысла доводами, хотя и одарила Тибо нелюбезным взглядом.

- Скажи ему, что надо по нужде! Где ослики?

- Привязаны к телеге!

Стефания наморщила лоб, прикидывая так и этак, что можно сделать в данном случае - ситуация не представлялась ей безнадежной.

- Всё очень просто, - пояснила она этим вечно недовольным нытикам, - во время остановки мы незаметно отвязываем осликов и сбрасываем вещи. А когда телега тронется, один за другим незаметно спрыгнем...

По мере её, казалось, столь ясного пояснения лица слушателей вытягивались все больше и больше. Особенно растерянной выглядела Хельга, но первым высказался все-таки по-дурацки хихикнувший Тибо:

- Хельга наша ловка как корова, и прыгать с повозки готова снова и снова. Не голову сломит, так брюхом зацепится, она грациозна словно старая лестница!

Можно только представить, в каком шоке находилась от перспективы прыжков сдвигающейся повозки бедная немка, если она даже не нашла слов, чтобы достойно огрызнуться, а лишь жалобно глянула на свою столь сильно изменившуюся госпожу.

Сквозь овладевший Стефкой злой кураж пробились угрызения совести. Действительно, беременной полной немке подобные курбеты были явно не по силам!

- Что же вы сами можете предложить? - раздраженно спросила она, - только не надо смущенно пожимать плечами!

Предупреждение было своевременным, потому что, судя по всему, эти двое собирались поступить именно так - раскритиковать её планы, а остальное их касалось мало.

- Хельга могла бы не залазить в повозку сама, - наконец, нехотя процедил сквозь зубы Тибо, - а ловить по дороге отвязанного осла. Все равно, громилу интересуете только вы, и ему глубоко наплевать, что делаем мы!

Попытка не пытка!

Всё прошло не так уж и плохо. Возница - хмурый мужчина внимательно проследил только за тем, как в повозке после остановки устраивается женщина. На галдящего свои очередные прибаутки шута он не бросил даже взгляда, а про Хельгу, казалось, и вообще не вспомнил.

Даже Стефка не выдержала и рассмеялась, когда увидела, как потешно мечется по дороге толстая немка, пытаясь поймать тот час заартачившихся животных, а ведь ей ещё предстояло собирать потихоньку выкидываемые на дорогу вещи!

Карлик выпрыгнул из повозки довольно ловко, воспользовавшись тем, что та затормозила на повороте. Впрочем, донна всегда подозревала, что за его шельмовской дурашливой маской скрывается изощренный ум великого интригана и хитреца.

Теперь оставалась она одна.

Стефка выглянула из-за полога повозки, внимательно осматривая дорогу. Хельга и Тибо уже превратились в крохотные фигурки на горизонте, пытающиеся справиться с упрямыми осликами. Но даже отсюда и то было заметно, что они грызутся и ссорятся по своему обыкновению.

Прошло довольно много времени, прежде чем на обочине показался подходящий куст. Перекрестившись и прочитав молитву пр. Деве графиня, подобрав юбки, спрыгнула с телеги. Прыжок не сказать, чтобы удался, болезненно заныла щиколотка. Тем не менее, ахнув от боли и прихрамывая, она поспешила спрятаться в густой куще.

- И как нам дальше быть, - угрюмо запричитал шут, когда они вновь собрались все вместе, - и как уйти нам от погони, ведь де Сантрэ нас все равно догонит!

Действительно, обыскать дорогу и найти их маленький отряд для шевалье не составило бы особого труда. Но Стефка, закусив удила, решила во чтобы то ни стало уйти от преследования. Ей было настолько не по себе от всех метаморфоз, которые с ней случились в последнее время, что убежать от этого странного Рауля стало для неё делом первостепенной важности. А там хоть трава не расти, все равно лучше, чем продать душу дьяволу!

И вся троица углубилась в холмы прилегающей к дороге территории.

- Я мал, я устал здесь плестись и стонать, мне трудно по склону быстро шагать, - причитал шут, - любая дорога, куда-то ведет, а нас лишь в ухабы, да в ямы несет!

Но выбравшаяся из осточертевшей повозки на белый свет юная женщина всей грудью дышала горьковатым запахом перепревшей листвы, простора и холодного осеннего ветра. Забравшись на самый высокий холм, она внимательно оглядела окрестный чужой и незнакомый мир.

Куда только не кинешь взгляд, расстилались сжатые порыжевшие поля, вдали виднелись крытые соломой домики вилланов и причудливо изогнутая корявая вязь, потерявших листву виноградников. Невдалеке проступала в дымке туманная громада очередного замка!

Стефка очарованно улыбнулась - пусть она здесь потерявшаяся странница, бредущая сама не зная куда, но мир вокруг был так прекрасен, так светел и ярок!

- Я молода, красива, здорова, и от чего я совсем недавно была полуживой, обрекая себя на монастырскую жизнь? Оттого, что один сеньор назвал меня ненасытной? А что плохого в ненасытности, если есть желание жить и любить?

Неизвестно откуда вдруг налетевший ветерок обвил её стремительным объятием, раздув подол юбки и сдернув с головы капюшон накидки... и улетел, оставив после себя только взъерошенные бурые листья под ногами.

ДЕ ЛА ВЕРДА.

Де ла Верда мчался без сна и отдыха в Труа. Он не чувствовал потребности ни в том, ни в другом, ему только казалось, что дорога тянется бесконечно, а время, наоборот, летит слишком быстро.

Труа встретил графский отряд ежегодной осенней ярмаркой, и город напоминал улей с растревоженными пчелами. Толпы радостно возбужденного народа заполняли его узкие улочки - везде теснились тележки, повозки, а то и просто груженные тюками люди, гул, гомон, атмосфера всеобщего азарта наживы, и только угрюмые испанцы не вписывался в это жизнерадостное деловое ликование. Осторожно пробираясь к таверне, в которой остановился Гачек, дон Мигель напряженно соображал, что ему известно о де Ла Роше, и какова, вообще, обстановка в Шампани на тот случай, если придется надавить на барона.

Мысли не утешали.

Оба сына покойного короля Карла отличались склонностями к различным вывертам и интригам. Достаточно вспомнить юность Людовика, когда он потрепал немало нервов своему отцу, беспрестанно устраивая комплоты, и объединяясь для этого даже с его злейшими врагами. Но и младший член этого беспокойного семейства, ничем не уступал старшему брату, постоянно интригуя теперь уже против него самого. Карл Французский - молодой человек чуть больше двадцати лет, преследуя свои цели, выступал против Людовика на стороне Карла Бургундского. Во время подписания печально знаменитых Перронских соглашений, он открыто предал свою династию, но зато получил в ленное владение Шампань.

Дона Мигеля с души воротило при одной мысли о том, что придется обращаться за помощью к столь печально ослабившемуся субъекту, но с другой стороны, стоило ещё выяснить, имеет ли хоть какое-то отношение барон де Ла Рош к пропаже его супруги.

Гачек облегченно вздохнул при виде сухощавой фигуры испанца на пороге таверны. Все эти дни он изо всех сил пытался сообразить, что же могло произойти с графиней и её людьми на переправе, ведь после того, как они покинули паром, их больше никто не видел. Да, вагант был влюблен в графиню, и ему очень хотелось уберечь её от опасности, но Славек должен был признать, что ему в одиночку не решить этой загадки. Только дон Мигель с его связями и принадлежностью к самым сливкам элиты европейской аристократии, мог постучаться в двери любой цитадели, даже такой, как замок барона де Ла Рош, чьи грозные башни пугающе отражались в водах Сены.

- Де Ла Роши, - задумчиво протянул дон Мигель, после того, как получил его отчет, - старейшая фамилия Шампани. Выдвинулись при Людовике Святом! Собственно, это и всё, что мне о них известно. Вроде бы считаются приверженцами французской короны, но сына барона часто видят в отеле Карла Французского. Это опять-таки ни о чем не говорит, кроме обыкновенной осторожности..., многие дворяне Франции сейчас в сходном положении. Когда король и могущественный герцог сцепляются в смертельной схватке, то даже самые далекие от политики люди поневоле становятся заговорщиками. Что ж, начнем с самого начала!

Оказывается, де ла Верда обладал талантами не только в области сыска ведьм.

При взгляде на надменное и грозное лицо вельможи, почему-то сами собой развязывались все языки, и изумленный Гачек услышал робкое признание паромщика, что Стефания, оказывается, все-таки встречалась с бароном. Правда, де Ла Рош, обменявшись с женщиной несколькими фразами, умчался восвояси, не дожидаясь графини. Гачеку он об этом даже не обмолвился!

- Что это были за слова? - продолжал допрос дон Мигель.

Паромщик, уже пожилой мужчина, неловко съежился под взглядом пронзительных черных глаз.

- Его милость господин Арман был недоволен дерзостью шута демуазель, - боязливо пояснил он, - всех слов я не расслышал, но дама сказала барону, что направляется в Париж, к своим родственникам.

Гачек едва успел опустить глаза под полным сарказма взглядом графа.

- Клянусь всеми святыми великомучениками, - испуганно открестился он, - что кто бы ни были эти родственники, я к ним не имею никакого отношения!

Удивительно, но дон Мигель вполне удовольствовался этим объяснением. И вообще, чем ближе узнавал чех графа, тем более менялось его мнение об испанце в лучшую сторону. Де ла Верда, по его мнению, был вполне разумным человеком, если только дело не касалось еретиков и ведьм. Тут на его острый и блестящий ум, как будто набегало черное облако, и бесполезно с ним было вести, сколько-нибудь результативные переговоры.

Барона де Ла Роша к темным силам дон Мигель не причислял, поэтому разговор с ним проходил во вполне лояльной обстановке.

Хозяин принял почетного гостя в парадной зале замка, сплошь увешанной древними стягами и гербами практически всех дворянских родов графства, находящихся, по всей видимости, в родстве с этим семейством. Дон Мигель внимательно изучил содержимое стен, прежде чем к ним с Гачеком вышел сам владелец замка.

Предложив посетителям по стакану подогретого вина, барон усадил их перед жарко растопленным камином. Вечно мерзнувший южанин дон Мигель с удовольствием устроился как можно ближе к огню.

- Да, - не стал отказываться де Ла Рош, - я действительно встречался с юной девушкой, которую сопровождал злоязычный сверх меры шут и толстуха служанка. Она представилась девицей Иолантой Роан из Страсбурга, сиротой, ищущей покровительства у семейства Азенкуров в Париже.

У дона Мигеля на мгновение округлились глаза. Однако, для юного ангела, которого он в свое время вырвал из лап Генриха Моравского, это уже было через чур!

- Интересно, - буркнул он себе под нос, - женщины появляются на свет уже с виртуозным умением лгать, или этому их учат старшие наставницы наряду с рукоделием?

Барон чуть хмыкнул, с любопытством посмотрев на мрачное лицо гостя. Де Ла Рош многое о нем слышал и теперь ломал голову, кем приходится испанцу потерявшаяся девица.

- Вообще-то, - заметил он, - лгала не столько демуазель, сколько её злоязычный выскочка шут.

- Тибо, - задумчиво протянул дон Мигель, - с него станется!

- Да, она его называла именно так, - охотно подтвердил барон, - девушка выглядела усталой и измученной, я пожалел её и пригласил погостить в свой дом. Дело в том, что я в ту пору сам собирался в Париж, и мне показалось естественным предложить демуазель место в своем отряде!

Граф согласно кивнул головой - пока все соответствовало логике. Одинокая благородная девица в затруднительном положении на дороге..., конечно, Ла Рош не мог поступить иначе!

- Но, - с сожалением развел тот руками, - они едва плелись на двух ослах! Дождаться мне их было незачем, да и некогда, поэтому я пояснил дорогу и отправился восвояси.

- Здесь невозможно заблудиться, - тяжело вздохнул дон Мигель, - и больше вы ничего о ней не слышали?

- Нет, - пожал плечами хозяин дома, - хотя и посылал людей на поиски! Но девушка, как сквозь землю провалилась!

- Там нет других дорог?

Собеседник слегка замялся.

- Есть заброшенная дорога, ведущая на старую мельницу, но ей давно уже никто не пользуется, да и, упершись в тупик, путники бы все равно повернули назад!

Дон Мигель насторожился, неясное предчувствие беды стеснило грудь.

- Там никто не живет?

- Нет, с тех пор как умер старый мельник! В этом месте редко кто бывает, разве пастухи с овцами забредают, да и то нечасто! Уверяю вас, девушки там нет. Мой сын лично обследовал эту часть моих владений, и вернулся ни с чем.

- Ваш сын? - востропнулся задумавшийся граф, - а мог бы я с ним поговорить?

- Увы, - с сожалением развел руками барон, - Рауль уехал в Париж!

Мысли графа приняли новый оборот.

- Но в начале разговора, вы упоминали, что собираетесь в Париж?

Ла Рош недовольно глянул на через чур любопытного испанца.

- Я передумал! - кратко пояснил он.

В общем-то, де ла Верде было вполне понятно, что заставило далеко не глупого барона остаться дома. Ему не хотелось выступать на стороне нового сюзерена против короля, но с другой стороны, неизвестно, как дальше пойдет дело, и Карл Французский, герцог Валуа, мог солидно испортить жизнь непокорному вассалу. Вот де Ла Рош и решил, что пусть на призыв герцога явится наследник, а он сам пока благоразумно отсидится в тиши родового замка.

- А кем приходится вам эта девица Иоланта Роан? - наконец, поинтересовался барон, - почему вы принимаете участие в её судьбе?

- Родственница, - лаконично ответил дон Мигель, благоразумно не вторгаясь в подробности.

- Она сказала, что родом из Страсбурга?

- Нет, - мягко качнул головой граф, - это измышления, но я не буду больше злоупотреблять вашим гостеприимством! Нам пора!

Учтиво отказавшись от предложения погостить, дон Мигель и его спутник выехали за ворота замка.

- Вы считаете, что барону можно верить? - полюбопытствовал Гачек, искоса взглянув на угрюмый профиль графа.

- Почему бы и нет, - пожал тот плечами, - был момент, когда мне показалось, что он что-то скрывает, но мало ли какие тайны хранят в себе владения де Ла Рошей! Совсем не обязательно, что они связаны с моей женой.

- И что же теперь делать? - растерялся Гачек.

Дон Мигель тоскливо поморщился.

- Все следы ведут в Париж! Туда она направлялась, когда встретила с де Ла Рошем, туда подался единственный, кто может о ней что-то знать - Рауль де Сантрэ и, - он глубоко вздохнул, - мне нужно встретиться с королем для обсуждения ряда очень важных вопросов. Вы же, мой друг, стремитесь в Сорбонну! Забавно, не правда ли, что все сходится именно на этом городе? Так поспешим же туда!

РАУЛЬ

- Донна, человек не заблудившийся листок, чтобы нести покорно ветру вперед и вперед, - был не прекращая Тибо, трясаясь на спине ослика.

Дорога под ногами у путников была настолько плохая, что думать было нечего ехать верхом, мало того, приходилось то и дело, подталкивать упрямую скотину, упирающуюся на каждом подъеме. Но ленивый шут так завывал и действовал графине на нервы, что та, устав от его причитаний, усадила карлика в седло.

Несмотря на все неприятности, Стефка чувствовала себя на редкость хорошо. Нельзя сказать, чтобы она была счастлива, скорее, её настроение можно было охарактеризовать, как состояние душевного подъема и радости бытия. И её мало смущало, что они находятся в центре чужой страны, где вот-вот начнется война, и она даже приблизительно не знает, что делать - нет денег, нет еды, крова над головой, стоит глубокая осень и вот-вот выпадет снег, а у неё на руках ещё вдвоём беспомощных слуг. И что?! Зато Стефании так легко дышалось среди безлюдных осенних холмов, и на душе царил уже давно забытый покой. Она, каким-то непонятным ей самой способом, выкинула из головы и мужа, и все обиды и неприятности последних дней, и теперь шагала по прихваченной инеем земле широко и свободно, особо не чувствуя ни голода, ни холода.

Зато его хорошо ощущали её спутники.

- Донна, опомнитесь, ведь голод не пирог на блюде, а мы не ангелы, мы лишь простые люди! Нам кушать хочется и спать, мы не хотим подобно пару над горшком взмывать.

Это как всегда завывал Тибо. Хельга то же не скупилась на горестное ворчание.

- Мое брюхо не пруд, а там какой день уже лягушки квакают. И от спанья на холодной земле поясница разламывается, и чирьи на задку вылезли!

Стефания скупно улыбнулась - летать не так уж и плохо, хотя на ногах она чувствовала себя более уверенно. Но главное было даже не в этом, а в чувстве удивительной свободы, которое её несло как будто само по себе вперед и вперед!

- Потерпите, рано или поздно набредем, на какую-нибудь деревню. Главное, что ушли от этого странного Рауля!

Поначалу, с этим были согласны все, но когда на третий день, тесно прижавшиеся друг к другу путники проснулись оттого, что где-то рядом завывали волки, мнение слуг резко изменилось.

- Рауль, конечно, парень странноватый, но видно по всему, он шевалье богатый! И может нас он досыта кормить, не нужно только удирая, на бездорожье ноги бить!

- Мессир Рауль нас хорошо кормил - мясо, вино, - жалобно вторила ему Хельга, - пусть бы уж приехали в какой-нибудь город, а потом сбежали... к ближайшему постоялому двору!

- У нас слишком мало денег, чтобы оставаться где-то надолго, - мирно пояснила графиня этим двум бестолочам истинное положение дел, - а за ночевку под деревом денег не берут!

- Да уж, - буркнул Тибо, - деревья денег не берут, зато бесплатно волки нас сожрут!

Стефка только снисходительно фыркнула на их попреки. Все равно, рано или поздно они должны были набрести на какое-нибудь жильё, и хотя бы выяснить, где находятся.

Но прежде, чем появилась на горизонте долгожданная деревня, путь преградила очередная река.

- Уж через чур холодная водица, - угрюмо взгляделся в свинцовые волны шут, - на переправе можно утонуть. Иль заболеть, потом увешавшись соплями всем чихать, гореть в жару и лихорадке уступать. Умрет Тибо во цвете лет, всем мученикам рая передаст привет!

Но юная женщина весьма прохладно отнеслась к этим крикам отчаяния, а вот сам факт наличия большого количества воды весьма её заинтересовал. Дело в том, что воду они добывали все это время из очень ненадежных источников - скудные, прихваченные льдом роднички, сомнительного происхождения ручьи, даже просто иней... понятно, что в таких условиях было очень тяжело делать то, без чего нормальная женщина существовать не может. Холода она не боялась, обожженная кожа по-прежнему приятно горела. И когда унылая прислуга разбрелась по берегу в поисках коряг для растопки костра, Стефка живо разыскала небольшую укромную заводь, отгороженную ветвями раскидистого куста и, не смотря на довольно пронзительный ветерок, задрала повыше юбку, нагнулась к воде, зачерпнула полные пригоршни...

Мужчины по сути своей обладают немалым количеством неприятных особенностей. Не будем тут говорить об их дурацких привычках чесать живот после обеда, опиваться пивом и нести по делу и без дела никого не интересующую чушь..., ладно с этим ещё можно примириться! Но вот с феноменальной способностью появляться каждый раз в неурочный час и ни к месту, ничего поделат невозможно! Наверное, стоило Еве где-нибудь присесть за кустом, как тут же появлялся Адам с дурацким вопросом А что ты тут делаешь?.

Отражение в реке, кого-то стоящего за спиной, Стефка увидела в тот самый миг, когда заголила ноги. От испуга и неожиданности она дернулась, ноги беспомощно заскользили по мокрому песку, и женщина непременно бы упала, если бы не подхватившие её сзади мужские руки.

Испуганно и возмущенно взвизгнув, графиня резко обернулась и тут же обреченно расслабилась, столкнувшись взглядом с Раулем де Сантре. Его серые, обычно почти бесцветные глаза сейчас сияли голубыми насмешливыми искрами. Покрасневшая от смущения Стефания пронзила бесстыдника негодующим взглядом.

- Шевалье?!

- Я привез вам платье..., по своему вкусу, как вы и просили!

И она растерянно замерла, не зная, что дальше делать с этой напастью. Если Рауль ставил своей целью понравиться ей, то явно выбрал не тот момент - женщины менее всего склонны

затевать амурные игры, когда их застают с задранном подолом, при совершении интимного туалета. На смену растерянности очень быстро пришел гнев.

- Я вас не понимаю, де Сантрэ! Почему вы с упорством достойным лучшего применения, постоянно преследуете меня! - зашипела Стефка, нервно поправляя подолы всех своих юбок, - неужели неясно, что вам тут не рады!

Но смутить этого человека было делом невозможным.

- Не рады? - с подчеркнутым сомнением приподнял он брови, - но тогда как выглядит радость?

И он небрежным движением подбородка кивнул на что-то за её спиной. Стефка раздраженно оглянулась и... покорилась судьбе.

Тибо и Хельга смотрели на француза с таким выражением лица, как будто перед ними, по меньшей мере, распахнулись двери рая. Мало того, этот чертов шут даже облизывался, словно вместо де Сантрэ видел жаркое, да и Хельга заглядывала в глаза с таким умилением, которое можно увидеть только на мордочке приبلудной собаки.

Стефка тяжело вздохнула. Радостное возбуждение последних дней исчезло без следа.

- У вас не найдется, какой-нибудь еды для моих людей?

- Конечно!

Одно наличие рядом этого человека уже делало её несчастной. Всё в нем было тягостным и неприятным!

- Простите, что так долго не мог вас разыскать, - между тем учтиво раскланялся де Сантрэ, - но трудно найти человека, когда даже приблизительно не знаешь, в какую сторону он подался. Но, может, хотя бы сегодня вы сможете мне поведать, какова цель вашего путешествия?

- Париж!

Уж если и лгать, то нужно придерживаться одной версии.

Де Сантрэ пожал плечами и дал знак слугам следовать за ними.

- Странную вы выбрали дорогу в Париж, - заметил он, приторачивая к седлу тук с её пожитками, - ещё немного, и вы бы увидели перед собой стены Орлеана!

Название Орлеан ни о чем не говорило нашей путешественнице, но по тону шевалье она поняла, что очевидно забрела куда-то не туда.

Рауль посадил её в седло и они двинулись в путь. Впрочем, оказалось, что ехать недалеко. Прямо за ближайшей излучиной реки находилась переправа, и на другой стороне беглецов ждала знакомая повозка.

- А как вы нас нашли? - наконец, вяло поинтересовалась Стефка, с тоской наблюдая за приближением её крытого парусиной верха.

- Вы позвали, я услышал! - голос Рауля прозвучал глухо.

Кто его звал, кого он услышал? Как у этого человека можно вообще хоть что-то понять? Много

бы дала наша героиня, чтобы избавиться от него раз и навсегда. Но де Сантрэ прилип к ней, как зараза, как особо цепляющийся репей!

Стефка уселась в повозку с таким же энтузиазмом, с каким заходят в камеру осужденные. Зато надо было видеть, с каким возбужденным видом, клацая зубами и трясясь от нетерпения, накинудись Хельга и Тибо на корзину с едой, торопливо разрывая руками жареных кур и лепешки с сыром. Несколько минут в повозке только и слышалось, что удовлетворенное чавканье, да хруст костей.

Повозка закачалась на ухабах, а несчастная юная женщина отвернулась от своих оголодавших слуг, с тоской наблюдая, как вьется, остающаяся позади дорога. Есть не хотелось, ей вообще ничего не хотелось!

У Хельги первой проснулась совесть, и она изо всех сил толкнула шута в бок. Тибо поперхнулся куриным крылышком и возмущенно воззрился на немку.

- Что, толстуха, бодаешься как корова, хочешь шута обидеть снова?

- Донна ничего не ест!

Тибо поначалу лишь пожал плечами, но потом видимо чувство долга взяло верх над голодом, а может, он просто уже насытился, но только карлик после недолгого раздумья неохотно протянул графине куриную ножку.

- Ваша светлость!

Но не успела Стефания хоть как-то среагировать на предложение, как полы полога распахнулись, и вовнутрь повозки заглянула голова Рауля.

- Оставьте в покое демуазель Иоланту,- довольно жестко приказал он,- она не будет есть мясо!

Изумленное молчание было ответом на это странное заявление, но зато оно заставило встрепенуться графиню.

- Почему я не буду есть мясо? - презрительно бросила она и решительно протянула руку за куском.

Насторожившийся Тибо неохотно передал хозяйке курицу. Стефка хотела было сразу же упрямо засунуть её в рот, но неожиданно в ноздри ударил неприятный запах. Она удивленно принялась - вроде бы курица пахла обычной курицей, румяная корочка аппетитно золотилась, и все же... откуда-то изнутри поднялась волна ничем необъяснимой тошноты, заставившая женщину брезгливо откинуть от себя ни в чем неповинную птицу.

Ей не хотелось разбираться с этим непонятным явлением. Она просто ожесточенно вытерла руки об юбку и, свернувшись клубком, устало сомкнула ресницы. Странное безразличие вдруг охватило душу юной пленницы. Беда настигла её, и страшна она была именно тем, что непонятно в чем состояла.

МОРОК.

На ночь спутники остановились на привал среди скрывшихся в ранней тьме уже привычных Стефании холмов. Ярко горел костер, дымилась паром кипящая похлебка, и где-то далеко в

небе загадочно мерцали по-осеннему крупные звезды.

Тибо и Хельга оживленно хлопотали над ужином. Казалось, эту пару вообще невозможно было насытить, и малейший повод взять в руки ложки приводил их в ликующее состояние. А тут ещё де Сантрэ откуда-то приволок кролика, и теперь этот зверек благоухал на всю округу.

К сожалению, Стефания не могла разделить всеобщей радости по поводу предстоящего сытного ужина, стоило только кролику закипеть, как её вновь замутило. Пришлось несчастной женщине отойти от огня подальше, и, присев на торчащий из земли валун, обхватить ноющий от голода и тошноты живот.

Вот именно этот момент и выбрал Рауль для начала ухаживаний.

Деликатно остановившись рядом, он протянул ей морковку. Наученная горьким опытом Стефка сначала подозрительно её обнюхала, и лишь потом обреченно вонзила зубы в хрустящую мякоть. Неожиданно та пришлась ей по вкусу, и она быстро расправилась с корнеплодом, только теперь осознав, насколько оголодала за эти дни.

- Ещё есть?

Мужчина дал ей пару яблок. Обглодав их до огрызков, Стефка воспрянула духом.

- Я теперь буду питаться только травой, как кролик? - сухо осведомилась она.

- Нет, демуазель! - улыбнулся Рауль, - но, право слово, есть убитых животных вряд ли полезно для здоровья! Голод можно легко удовлетворить и более полезной пищей. Хлеб, молоко, овощи, фрукты!

- Рыба?- недоверчиво хмыкнула женщина.

Его преосвященство как-то рассказывал ей, что первые христиане не ели мяса, обходясь только рыбой. Де Сантрэ вовсе не казался ей святошей, но кто разберет, какие иногда причуды бывают у людей. Только вот почему противником мяса является он, а тошнит при его запахе её?

Но Рауль отринул и рыбу.

- Нет, демуазель, лучше не есть и рыбы! Растения содержат в себе всё, что необходимо человеку, в крайнем случае, можно пить молоко!

Стефка порядком устала от этих странностей.

- Можете даже щипать травку, как какая-нибудь лошадь, - встала она со своего места и смерила нелюбезным взглядом нежеланного собеседника, - мне всё равно! Но причем здесь я?

Рауль даже не шевельнулся в ответ.

- Вы теперь будете делать всё, как считаю нужным я!

Графиня нервно рассмеялась. Что ж, пора перестать себя обманывать!

Вот дон Мигель всю жизнь охотился за нечистой силой, отлавливал каких-то ведьм, рассуждал о демонизме, богопопустительстве, но ни разу не пояснил юной жене, а что делать в том

случае, когда подобная личность встает у тебя на дороге?

Правда, была в её жизни ещё одна непримиримая противница колдовства. Бабка Анелька строго наказывала внучке:

- При виде нечистого, три раза перекрестись, а потом изо всех сил плюнь в его поганую рожу, прямо в бесовские глаза! И вновь перекрестись! Черт сразу сгинет!

С сомнением оглядев бледное с точеными чертами лицо шевалье, его серого бархата с голубым шарфом шляперон, Стефка неловко поежилась. Рауль выглядел неправдоподобным чистюлей, и плюнуть ему в глаза? У неё моментально пересохло во рту при одной мысли о подобной выходке, но графиня строго одернула себя и упрекнула за малодушие.

Решительно вздернув руку, она троекратно осенила себя крестным знаменем в тайной надежде, что этого будет достаточно, и нечистый исчезнет, но, увы, Рауль стоял, как вкопанный. С замершим сердцем Стефания три раза перекрестила теперь уже его - толку было чуть! Даже ветерок не шевельнулся. Сам же де Сантрэ с видимым интересом наблюдал за её манипуляциями. Что ж..., с трудом поднакопив во рту побольше слюны, женщина ожесточенно плюнула, целясь в глаза.

Судя по тому, с какой холодной деловитостью Рауль вытер платком лицо, она все-таки куда-то попала, но, увы, треклятый оборотень не пропал.

- Если вы, демуазель, хотите сделать ещё что-то более радикальное, то я не буду вас лишать этого удовольствия! - вежливо предложил он, - может вас интересуют - нет ли у меня хвоста, рогов или копыт? Хотите, сниму штаны или шляпу?

Этот чертов Рауль ещё и издевался над ней!

- Я хочу, чтобы вы исчезли, рыцарь,- хмуро буркнула Стефка,- и готова ради этого пойти на всё, не только плюнуть вам в лицо!

- Я не исчезну! - отрицательно качнул головой Рауль,- у меня есть другое, более устраивающее нас обоих предложение.

- И?

Де Сантрэ жестом предложил ей вновь вернуться на камень, галантно подстелив для дамы полу своего плаща и соответственно пристроившись рядом.

- Посмотрите, демуазель Иоланта, какая прекрасная ночь сегодня! - его рука недвусмысленно обвилась вокруг её талии, - просто на редкость крупные звезды!

Все мужчины одинаковы - у них просто не хватает мозгов придумать, что-то новое. Вот и де ла Верда когда-то говорил с юной женой о любви, призывая в свидетели звезды, а она была такая дуручка, что слушала его, широко раскрыв рот. Нет, второй раз с ней подобное не пройдет!

- Почему вы называете меня демуазель Иолантой? - графиня холодно отстранилась от льнущего к ней мужского тела,- разве вы не знаете моего настоящего имени?

Де Сантрэ только вздохнул, осторожно обвив руками враждебно напрягшиеся плечи собеседницы.

- Имя - это только звук! Важный звук, но не более! Какая разница, как кого из нас зовут, если кругом ночь... и нам так хорошо вдвоем!

Его голос щекотал ей висок теплым дыханием, и Стефка отчетливо осознала, что следующим шагом её нового соблазнителя будет поцелуй. Интересно, - мелькнуло у неё в голове, - если он ведет себя как обыкновенный волокита, то может, здесь помогут обычные средства, а вовсе не плевки и крестные знамена?

Графиня резко отстранилась.

- Я сейчас, - смущенно пояснила она, - мне тут надо!

Рауль намек понял правильно.

- Не задерживайтесь! - мягко попросил он.

- Вы не успеете соскучиться!

Дубину подходящих размеров найти оказалось непросто, все что валялось поблизости было собрано для разжигания костра Тибо и Хельгой, но в результате более тщательных поисков, все-таки удалось найти более менее подходящую корягу. Убедившись в её крепости, Стефка вернулась.

- Вот, - пригрозила она своим оружием, - попробуйте ещё раз пристать ко мне, и, право слово, я смогу защитить свою честь!

Похоже, подобного де Сантрэ не ожидал. По крайней мере, он озадаченно смотрел на потрясающую палкой разъяренную женщину.

- Но...

- Мне плевать на то, какие силы ада за вашей спиной, и травой вы меня заставите питаться или мясом, - свирепо сверкнула глазами Стефка, - но если ещё раз осмелитесь ко мне прикоснуться...

Рауль встал с места и покорно удалился вглубь темных холмов. Графиня с неожиданным разочарованием проводила глазами удаляющуюся спину, она почему-то была уверена в его сопротивлении. Надо же, как он быстро уступил!

Лежа без сна в повозке между Хельгой и Тибо Стефка напряженно прислушивалась к происходящему снаружи. Её волновало долгое отсутствие де Сантрэ, но фыркали лошади, потрескивали угли догорающей жаровни, сопели спящие спутники и больше ничего не тревожило ночной тишины. Рауль же как будто растворился среди окружающей тьмы.

Утро принесло первый за долгое время солнечный денек, морозец и радостные взвизги шута и служанки при виде открытой холстинкой корзинки.

Но прежде чем Стефка успела окончательно проснуться, радость слуг сменилась огорченным разочарованным вздохом.

- Это, наверное, для вас, донна!

Неуверенный голос Хельги заставил графиню взглянуть на содержимое корзинки, и она замерла от удивления, сменившегося невольной восхищенной улыбкой.

Да и было отчего оживиться её, казалось бы, ожесточившемуся сердцу.

Плоская корзина была заполнена цветами - нежные стебельки ландышей с хрупкими белоснежными колокольчиками соцветий! В холодном солнечном воздухе осеннего утра тонкий аромат весенних цветов казался чарующе сильным.

Даже Хельга и Тибо и то благоговейно замерли, вдыхая в себя непривычный запах.

- О, Пресвятая дева,- растрогано ахнула Стефка, прижимая к лицу душистые соцветия,- как в Черном лесу, как дома!

И невольные слезы потекли по её щекам, когда перед внутренним взором предстали милые сердцу картины полян родного леса, черного силуэта старого замка, его поросшие мхом и лишайником стены.

- Ландыши, весна!

- Но сейчас осень, ваша светлость!

Тихий голос Тибо привел её в чувство, заставив изумленно отпрянуть от цветов. Действительно, откуда Рауль взял ландыши накануне зимы? Опять колдовство?!

Стефания побледнела, в ужасе глядя на зеленые стебельки, но они выглядели настолько реальными, с комочками земли, с травинками и чуть помятыми листьями!

- Здесь что-то есть ещё!

И Хельга вытащила из корзины маленькую резную шкатулку. Графиня подозрительно оглядела изукрашенную непонятными символами крышку, и лишь потом осторожно открыла, на мгновение отпрянув от через чур пронзительного света.

На белом бархате подкладки красовалась золотая брошь удивительно тонкой работы, в виде ландыша, цветки которого представляли собой искусно ограненные алмазы.

- Красота-то какая! - ахнули Тибо и Хельга в один голос.

- Такую вещь если продать, то много полновесных денег можно взять!- заинтересованно добавил первый, прикидывая стоимость украшения.

Это было действительно очень красиво, но Стефания полюбовавшись на тонкую работу, все-таки перевела взгляд на настоящие ландыши. Как не странно было их появление в эту пору, но она так соскучилась по цветам, что вновь погрузила руки в их живую нежность.

- Красиво, ничего не скажу, - пробормотал шут, безрезультатно обшаривая повозку, в поисках следов пищи, - но на хлеб я это не положу!

Уныло пожевав остатки вчерашних черствых лепешек, путники забились в повозку, и невозмутимый возница ударил лошадей. Рауль так и не появился.

Весь день, трясясь на ухабах плохой дороги, Стефания с ностальгией рассматривала подарок, то и дело опуская нос в ландыши и жадно вдыхая аромат. К вечеру, как и следовало ожидать, нежные соцветия завяли, скукожились и перестали источать свой чарующий запах.

Похоже, они все-таки настоящие! - удивилась наша героиня, - может, во Франции ландыши цветут и осенью?!

Цветы немного изменили отношение Стефании к Раулю. Не то чтобы он ей вдруг понравился, но хотя бы перестал невыносимо раздражать.

Когда на закате его лошадь вновь появилась возле повозки, обрадовались не только голодные слуги, но оживилась и графиня. К ленчику седла шевалье были приторочены несколько птиц, которые он небрежным жестом бросил Хельге.

С радостным кудахтаньем немка и шут кинулись ощипывать перья, предвкушая, как на стоянке будут варить вкусную похлебку.

Стефка недоуменно проследила за движениями ловких рук. На кухне родного замка она часто наблюдала за этой процедурой, и никаких чувств у неё это не вызывало. Но сегодня, запекшаяся кровь на тушках, свалявшиеся перья - тошнота и горечь во рту вылились в сильнейшее неприятие происходящего.

- Шевалье, меня укачивает, не могли бы вы...

Не говоря ни слова, де Сантрэ помог ей вылезти из повозки, а потом, ловко ухватив за талию, посадил себе в седло.

К вечеру вновь подморозило, и за горизонт опускалось кроваво-пурпурное солнце, окрашивающее и без того по-осеннему унылый мир мрачными, багровыми красками. Стефка зябко куталась в свой выдавший виды плащ, и невольно в поисках тепла прижималась от пронзительного ветра к груди всадника.

Рауль источал тепло, уверенность и... от него на редкость приятно пахло! И еще, он почему-то не носил лат!

- Во Франции ландыши цветут даже поздней осенью? - наконец отважилась она спросить.

- Нет, - спокойно ответил Рауль, - это весенние цветы!

- Но, насколько мне не изменяет память, вокруг нас осень!

- Судя по всему, вы правы!

- Откуда же цветы?

- Из весеннего леса!

Стефка хмуро оглянулась. Уж не издевается ли над ней де Сантрэ? Изменить ход времен не под силу даже колдунам! Но тот был на редкость серьезен.

- Если у человека на душе весна, то не так уж сложно побывать в весеннем лесу, - пояснил он своей недоумевающей собеседнице, - не важно, что мы конкретно видим, важно, как мы воспринимаем увиденное! Если перед тобой прекрасная девушка, которой ты подарил свое сердце, то чего стоит букет ландышей поздней осенью? Сухая безделица! Я готов ради вас даже гасить и зажигать звезды!

Слушать такие вещи всегда приятно, даже когда осознаешь их полную абсурдность. Да и вообще, если бы мужчины исполняли все свои обещания, то небо давным-давно превратилось в

черную пустую дыру, а все земные красавицы хвастались друг перед другом не украшениями, а количеством подаренных звезд. Тем более что эта, в лучших традициях модной тогда куртуазности речь, так и не поясняла, откуда взялись цветы.

- Ваши слова мне льстят, - хмуро заметила женщина, - но не могли бы вы дать более доступные моему разумению объяснения?!

Рауль не стал придумывать отговорок, но и не разбежался с пояснениями.

- Время, - как будто о чем-то само собой разумеющемся заявил он, - относительная субстанция. Когда я с вами оно летит быстрее стрелы, когда в разлуке - тянется как улитка. Но и в том и другом случае, ничто не может помешать человеку бывать там, где ему хочется.

Стефка озадаченно наморщила лоб, пытаясь хоть что-то понять.

- Где ему хочется?

- Именно, - с готовностью подтвердил собеседник, - достаточно просто закрыть глаза, и представить себе это место в деталях, как оно само по себе оживет перед вашими глазами.

Недоверчивое молчание женщины было красноречивее всяких слов.

- Хотите попробовать? - тогда предложил он, - где бы вы хотели очутиться?

Стефка скептически хмыкнула.

- Есть такое место!

- Тогда закройте глаза и постарайтесь вспомнить его во всех, самых мельчайших деталях, как будто видите воочию!

Что ж, почему бы и нет? Черный лес всегда приятно вспомнить.

Невысокий берег речушки, поросший сочной травой и осокой, песчаная отмель, пронизанная солнечными лучами до самого дна, старая ива, свесившая длинные тонкие ветви до самой отражающей синее небо воды и насыщенные запахи прогретой солнцем земли, горных трав, мяты и полыни..., пение птиц!

Чем дальше углублялась в свои воспоминания Стефка, тем более реальными они становились. Она даже ощутила тепло солнечных лучей на своем лице, упругость травы под ногами, услышала, как звенит насекомыми знойный воздух июня.

- Получилось?

Вопрошающий голос Рауля вырвал её из чудного видения, вернув в темноту и промозглость осенней дороги. Болезненно встряхнув головой, женщина зябко вздрогнула, как будто действительно попала из жаркого лета в осенний холод.

- Морок!

- Даже если это и так, то заморочили вы себя сами. Я же не мог знать, где именно вам захочется побывать!

Стефания раздраженно передернула плечами.

- Набрать в воспоминаниях цветов ещё никому не удавалось!

- Но вы ведь и не пробовали оттуда что-то взять! Как же можете судить?

Уверенный невозмутимый тон заставил женщину усомниться в собственных умозаключениях.

- И что, я смогу это сделать?

- Непременно, но только немного погодя. Сейчас уже пришло время для стоянки.

Пока прислуга суежилась около костра, а человек де Сантрэ распрягал лошадей, Стефка уныло принимала из рук Рауля свой очередной ужин - пучок какой-то безвкусной травы, два яблока и грушу, и, о радость, кусок мягкого сыра в лепешке.

И пока она ела, опять-таки на приличном расстоянии от костра, шевалье заботливо укутывал её в неизвестные меха.

- Становится слишком холодно, - с тяжелым вздохом сказал он, - сегодня ночью будет снег, а до цели путь ещё не близкий! Придется сделать остановку в доме одного нашего престарелого родственника - шевалье Шермонтаза.

Стефания наелась, согрелась в коконе теплого меха, и её неудержимо потянуло в сон. И все же...

- Вы обещали мне показать, каким образом можно раздобыть ландыши осенью!

Рауль коротко улыбнулся.

- Залезайте в повозку, тут слишком холодно, может и не получится!

И она имела глупость поверить! Поверить в то, что для углубления в собственные фантазии необходимо остаться в уединении крытой повозки наедине с мужчиной, который и не скрывал своих намерений. Впрочем, сколько существует человечество, столько надувает противоположный пол доверчивых беззащитных женщин, хотя справедливости ради надо сказать, что под вечер действительно стало холодно - завыл пронзительный ветер, закружились отдельные снежинки.

Укрывшись с подветренной стороны огромного валуна Тибо и Хельга, спешно соорудили над котлом с похлебкой укрытие, спасая свой долгожданный ужин. И не обратили ни малейшего внимания на две фигуры, исчезнувшие в глубине повозки.

Не сказать, конечно, что тут было намного теплее, чем на улице, но после того, как Рауль поплотнее задернул полог, они укрылись хотя бы от ветра.

- Присаживайтесь, - он ловко устроил им нечто наподобие гнезда изо всех имеющихся в наличии тряпок, и, подтянув к себе спутницу, ещё вдобавок укутал её полами собственного плаща.

Оказавшаяся в такой удивительной защите от бушующего вокруг ветра, Стефка неожиданно почувствовала себя весьма уютно, как в далеком детстве на кухне у Гутки, когда совсем ещё малышкой засыпала на коленях у старого эконома Вацлава. Она вдруг отчетливо вспомнила его добрые глаза, ласковые руки, убаюкивающие маленькую панночку, полный любви голос, рассказывающий интересные полные таинственности сказки.

- Когда-то давно,- шептал он на ухо очарованной малышке,- мир был совсем другим. Людей ещё не было, а леса и горы заселяли великие и могучие, прекрасные эльфы! Они умели строить чудесные города, сочиняли божественную музыку, создавали уникальные произведения искусства, умели передвигаться по воздуху и пересекать пространства только лишь одной силой мысли. Но больше всего на свете они любили цветы и деревья, и засадили всю землю густыми лесами, которые тщательно оберегали.

- И что же с ними стало потом?

- Катастрофы, наводнения и землетрясения погубили их города, и они ушли в другие миры!

- Значит, эльфов на земле больше нет?

- Есть, но мало! Некоторые из них не пожелали бросить с таким трудом возвращенный лес, и остались, чтобы защищать и оберегать его. Легенда гласит, что когда на земле исчезнет последнее дерево, исчезнет и последний эльф, потому что они не могут существовать без красоты, а красота нашей земли сокрыта в её живой природе.

- А в Черном лесу есть эльфы?

- Конечно, есть, юная панна! Но очень и очень редко может встретить эльфа простой смертный, да это и ни к чему!

- Эльфы не любят людей?

- А за что им нас любить? Мы вырубаем деревья, топчем цветы, распахиваем под пашни их заповедные луга! Впрочем, им вообще мало дела до людей, чужие они нам, панночка, совсем чужие!

Стефка вдруг сообразила, что она вовсе не на кухне родного замка, а сидит в объятиях малознакомого мужчины, прячась от ветра и холода, и так некстати вспоминает сказки старого эконома. Надо бы отшатнуться от Рауля, создав между ними более приличное расстояние, но чувство благоразумия быстро умолкло, перед доводами разморенного обволакивающим теплом тела, в желудке которого ещё и удовлетворенно переваривался кусок сыра вкупе с пучком травы и яблоками.

- Вам удобно? - между тем чутко заметил перемену в её мыслях де Сантрэ,- не холодно?

- Нет-нет,- слабо запротестовала Стефания,- наоборот, я чувствую себя настолько хорошо, что хочется спать! Хотя мы с вами собирались отправиться в мои воспоминания и что-то из них захватить!

Она скорее почувствовала, чем услышала его смешок.

- Что ж, раз вы хотите именно этого, то я буду счастлив помочь!

Сейчас я вернусь в Черный лес, - сонно решила женщина, - наберу на поляне букетик цветов, и горе де Сантрэ, если в моих руках, в конце концов, ничего не окажется! Я прямо в глаза ему скажу, что он обманщик и колдун!

На этот раз Черный лес возник в её голове без малейшего усилия, как будто сам по себе. Но появился именно в виде того самого речного берега, который она видела несколько часов

назад, правда, было и отличие - теперь юная женщина отчетливо ощущала свое присутствие в этом месте.

Закутанная в меха Стефка растерянно вдохнула в себя знойный, напоенный ароматами разогретой травы воздух, почувствовав, как задыхается от духоты летнего дня, и немедля стащила с себя верхнюю одежду. Но даже этого оказалось мало, платье тот час стало мокрым от пота и облепило её тело влажным коконом.

- Ну и жара, - вытерла она пот со лба и стремительно направилась к реке, - надо хотя бы умыться, да ещё сорвать какой-нибудь цветок!

Это наша героиня помнила прекрасно, так же как и то, что происходящее всего лишь игра воображения. А вообразить ведь можно все что угодно? Например, как здорово было бы поплавать в такой чистой и прозрачной речке! Ведь никто не подсмотрит и не помешает, словно ты единственная на всей земле!

Стефания осторожно спустилась с откоса на песчаный берег, и, присев на корточки, опустила руки в теплую воду. Прохладное ласковое прикосновение влаги доставило ей ни с чем несравнимое удовольствие. А что если и впрямь...

С тех пор как путешественница выехала из Нанси, (помимо визита к ведьме, но это не в счет!) она не имела возможности толком вымыться, и понятно, что от фантазий о воде чище не станешь, но даже помечтать о купании и то было приятно! Вот сейчас она расшнурует корсаж, отвяжет рукава, стащит верхнее платье, юбку, рубашку, чулки...

Босые ноги неуверенно ступили на раскаленный песок - вода манила и притягивала прозрачной свежестью, и Стефка, затаив дыхание от радостного ожидания, осторожно погрузилась в благословенную прохладу. Ощущения казались настолько реальными, что она, взвизгнув от восторга, медленно поплыла, нежась в ласковых волнах.

Надо же, - счастливо подумала купальщица, переворачиваясь на спину, - я даже и не подозревала, что можно так хорошо проводить время, погружаясь с собственными грезы! Ещё немного здесь побуду, сорву вон ту лилию и вернусь назад!

И тут случилось нечто непредвиденное - непрошено вторгнувшись в её грезы, кто-то с громким плеском ворвался в воду. Стефка испуганно обернулась, увидев, что в брызгах воды, отмахивая руками сажени, к ней быстро приближается мужчина.

- Это не честно, я этого не желаю, - закричала она в ужасе, судорожно барахтаясь в воде, - не хочу!

Но идиллия перестала быть тем, что она хотела видеть. Из-под воды вынырнуло лицо Рауля, и его руки, обвившись вокруг её талии, настойчиво повлекли свою жертву назад к берегу.

- Нет, нет, - Стефка изо всех сил пыталась прийти в себя, и вернуться в мир реальности, но, увы, оказалось, что это далеко не просто.

Зато трава, на которую её бросил Рауль, стекающая с его тела прямо на неё вода были во сто крат явственнее, чем любая действительность.

- Шевалье...,- возмущенно попыталась она прикрыть пальцами наготу, испуганно пятась от распаленного желанием мужчины, - вы ведете себя недостойно рыцаря!

Может, и жил когда-нибудь на земле образчик противоположного пола, которого такой укор заставил бы отступить от своего, но де Сантрэ им явно не был. И на все упреки он ответил весьма тривиальным, но многократно проверенным способом - прильнул поцелуем к искаженным гневом губам.

Хельга и Тибо как раз заканчивали ужин, когда обратили внимание на странное раскачивание повозки.

- Что это она качается? - тыкнула пальцем немка, сыто отрыгнув обильный ужин,- залез что ли кто-то? Уж не зверь какой?

Тибо мрачно покосился на собеседницу.

- Имея такую начинку,- ткнул он пальцем в распухшее чрево женщины,- можно было стать и поумнее!

- Ой,- испуганно зажала та рот рукой, моментально сменившись с лица,- что теперь с нами граф сделает?

- Пусть сначала найдет,- буркнул шут, разом растеряв свою дурашливость,- что-то не особенно он напрягается в поисках жены, а мы - воинство архангелов что ли, чтобы защищать её честь ото всех желающих познакомиться с донной поближе?

- А если она того,- Хельга красноречивым жестом провела себе по крутому животу,- тогда как? Он убьет и её, и нас!

- Ну,- Тибо невесело хмыкнул,- не каждый выстрел летит в цель! А найти след мужчины в теле женщины, не сможет даже самый опытный охотник!

Они оба покосились на безмолвно доедающего свою часть похлебки возницу. Тот все время молчал, но был ли он немым? И понимал ли немецкий? Кто мог точно сказать? А поэтому было лучше прекратить беседу.

На улице уже всю мел снег, поэтому закутавшись в свое тряпье, они сгрудились с подветренной стороны вокруг костра, и стали терпеливо дожидаться, когда де Сантрэ соизволит закончить свои забавы. Ждать пришлось долго.

ИЛЬ-ДЕ-ФРАНС.

- Гачек,- обратился к собеседнику на вы дон Мигель, как бы признавая за ним право на равенство,- ведь вы не глупый человек, однако четко отчертить границу между белым и черным не можете. Отсюда и все ваши проблемы.

Де ла Верда и вагант мчались в Париж, но иногда им все-таки приходилось давать отдых и себе, и сопровождающим людям, и лошадям, переходя на медленный аллюр.

- Что вы имеете в виду, мессир?

- Я больше не хочу вам морочить голову и сразу признаюсь, что у меня талант к языкам. Достаточно пробыть в стране несколько дней, как я уже вполне сносно начинаю понимать, что мне говорят. Поэтому я слышал все ваши разговоры с моей женой!

Гачек вспыхнул от смущения, вспоминая их последние беседы с графиней. Неужели дон

Мигель сейчас заговорит о его любви к чужой жене? Но нет! Графа интересовали, оказывается, совсем другие вещи.

- Я сразу понял, что вы еретик, но не по убеждениям, а по недомыслию. Речь пойдет о такой глупости, как ваше сомнение в существовании дьявола.

Встревоженный Гачек покосился на де ла Верду. Тот вызывал его на очень опасный разговор, но вагант почему-то был уверен, что может говорить смело и граф на него не донесет.

- Но разве его существование можно доказать? Остается либо верить, либо нет!

Дон Мигель снисходительно глянул на спутника, как на недалекого ребенка.

- Вы уже пали жертвой нечистого, несчастный! Самая любимая забава этого господина убеждать легковверных, что он не существует. А зачем бороться с тем, кого нет?! Вот люди и попустительствуют лукавому, объясняя свои грехи, чем угодно - и обстоятельствами, и настроением, но только не тем, кто находится в их основе. Зло реально существует, этого вы, надеюсь, не отрицаете?

- Нет, конечно!

- Но раз оно есть, значит есть и его источник,- терпеливо пояснял де ла Верда,- значит, кому-то нужно, чтобы люди грешили. А кому? Вывод напрашивается однозначный!

Так - то оно так..., но только не очень понятно!

- Но зачем ему все это? Просто, чтобы позлить Бога?

- Бога невозможно рассердить, потому что он слишком велик для его мелких козней. Хотя есть один нюанс!- дон Мигель благочестиво перекрестился,- Когда Светлица был изгнан из рая, он попал в ад, а это место, где Бога нет. Но всему живому нужна божественная сила! Благодаря ей, даже кусок глины становится человеком. А как же жить дьяволу, если он её лишен?

Граф вопросительно посмотрел на попутчика, но Гачек только растерянно пожал плечами.

- Дьявол её крадет у тех, кому она дарована Богом! Вот нечистый и смущает людей, доводит до такой степени, что их грехи уже не дают им возможности быть с Создателем, и они попадают в ад, где их поджидает тот, кто живет за счет черных душ. Это конечно, слишком упрощенная схема отношений дьявола с людьми - тут есть масса нюансов, но нам они сейчас не нужны, мы ведь не богословы, хотя я и закончил теологический факультет. В свое время я не принял сан только потому, что несколько лет упорно изучал демонологию, мечтая примкнуть к братьям доминиканцам и посильно им помочь. Но Бог распорядился по-иному, видимо, я не подхожу для монашества.

Славек глубоко задумался. Доводы дон Мигеля были не лишены логики.

- Его можно увидеть?- наконец, с сомнением спросил он.

- Можно,- холодно усмехнулся граф,- только не нужно! Ничего хорошего из этого не выходит. Так говорят все, кто имел несчастье его видеть. Ложь и обман, горе и беда, сломанные судьбы, обманутая попорная душа!

- Но ведь святые...

- На то они и святые,- тяжело вздохнул граф,- вот кто надоумил графиню пуститься в бега? И что ждет её в дороге? Ничего, кроме горя и греха!

- Вы допускаете, что ваша жена подверглась дьявольским искушениям?

- По крайней мере, ангел-хранитель не мог подсказать юной красивой женщине идею в одиночку болтаться по опасным дорогам, имея при себе для защиты полоумного шута и идиотку немку!

У дона Мигеля моментально потемнело лицо.

- Стефания грешна хотя бы потому, что нарушила слова священного обета, сбежав от дарованного Господом супруга. А грех, как лавина, стоит только ступить одной ногой на эту дорожку, и уже не сможешь остановиться!

Гачеку стало не по себе при виде его мрачного лица. Он уже достаточно хорошо знал своего спутника, чтобы понять какая угроза нависла над головой молоденькой наивной женщины.

- Что вы намеренны сделать со своей женой?

Граф раздраженно передернул плечами.

- Не знаю, - откровенно признался он,- может, покаяния будет достаточно, если конечно...

Вагант настороженно ждал окончания фразы, но погруженный в свои мысли де ла Верда почему-то замолчал.

Париж был одним из самых больших городов европейского средневековья. Разделенный на две части Сеной он давно вылез за тесные рамки двух городских стен, и уже тогда претендовал на первые роли в мировой политике.

Въехав в столицу Франции через ворота Тампля, наши путешественники не спеша преодолели пустынные в эту пору огороды предместий, и остановились на одном из постоянных дворов близ Гревской площади.

Весь последующий хмурый осенний денек, Гачек отдал изучению города. Прежде всего, нашего странника заинтересовал район Университета, но он побывал и в Сите. Заглядевшись на каменное чудо Нотр-Дама, восхищенный чех благоговейно прослушал мессу. Затем его можно было увидеть пересекающим мост в Новый город, правда, дальше ратуши он не пошел, вернувшись к ужину на свой постоянный двор. Не сказать, чтобы Париж поразил его воображение особой красотой, Прага ему была более по сердцу, но размеры этого густозаселенного города воистину ошеломили приезжего.

И теперь Гачек сидел за ужином напротив подтянутого и полного несокрушимой энергии графа в полной растерянности, с трудом представляя, как в таком скоплении людей можно найти двух женщин и шута, даже если они достаточно колоритное трио.

Затея ему казалась лишенной надежды на успех.

Зато дона Мигеля мало пугали такие трудности. Он уже не раз бывал в Париже, кое-что о нем знал, и ясно видел перед собой направления поиска, поэтому в первый же день пребывания развил бешеную деятельность.

И вот сейчас, подкрепляя себя хорошо прожаренным окороком с черносливом, де ла Верда делился с ним добытой информацией.

- Похожие на наших беглецов люди не въезжали ни в одни ворота, - говорил он, потягивая вино, - но кое-кто видел похожих странников на дороге, ведущей от Бара! Правда, они утверждают, что женщина была рыжая! И говорят, что их сопровождал молодой шевалье!

- Рауль де Сантрэ?

- Не исключено! Возникает вопрос, куда они делись потом? Почему их не заметили стражники? Ведь не через стену же они перелетели?

К вечеру пошел снег, поэтому кружка с подогретым вином была очень кстати.

- Ладно,- потянувшись, зевнул граф,- попробуем пойти другим путем!

- Каким?

- Придется подключить кое-кого, кто хорошо знает всё происходящее в Париже. Но сначала придется заставить его разговориться.

Де ла Верда отсутствовал несколько дней и ночей, не появляясь на постоялом дворе даже переодеться.

Гачек тем временем занялся, наконец-то, своими делами. Он посетил медицинскую школу университета, узнал, какие магистры читают лекции по медицине в этом семестре, приценился к ценам на квартиру, побродил по рядам лавочников, подбирая себе принадлежности для письма и обучения.

Эти привычные занятия настроили его на умиротворенный лад. Действительно, скоро де ла Верда найдет свою жену, и он расстанется с этой супружеской парой навсегда. И правильно, ведь ему нужно заниматься тем, ради чего он и пустился в это путешествие - начать учиться. Тогда в медицинской школе университета преподавали два знаменитых врача - Жак де Эпар и хирург Ришар Гелен. Они учили вагантов умению составлять мази, лечить лихорадку и раны при помощи довольно экзотических средств (например, жаренных полевых мышей!), да и многое другое, что особо интересовало нашего любознательного студента.

Как-то вечером, не дождавшись дона Мигеля в очередной раз к ужину, Славек спустился в общий зал таверны и там услышал от посетителей, что в Париже арестованы инквизицией несколько гадалок и предсказателей будущего.

- Кому они помешали? - недоумевал какой-то завсегдатай харчевни,- ну читают люди по звездам будущее, что здесь плохого, когда должность астролога есть даже при дворе короля? Например, его врач и астролог Куактье! Все говорят, что он - замечательный звездочет и могущественный человек.

Ответ на этот вопрос вскоре дал, наконец-то, появившийся на постоялом дворе де ла Верда. Подсев к Гачеку, он прислушался к разговорам, а потом небрежно махнул рукой.

- Глупости все это, просто шайка шарлатанов! Астрология - это точная наука, и надо целые годы учиться прежде, чем хотя бы что-нибудь научишься понимать.

И пока они с аппетитом поедали фаршированную утку, к их столу подсел неприметный

остроносый человек в плаще с капюшоном.

- Зачем вам понадобились наши братья, мессир?- проскрипел он,- мы безобидны как осенние листья!

- Вы обманщики и шарлатаны! Выдавая свои бредни за веление небес, вы искажаете волю Господа нашего и являетесь еретиками,- невозмутимо пояснил граф, вытирая жирные пальцы, - только не пойму, почему вы явились именно ко мне? Я обыкновенный чужестранец, приехавший в ваш город по своим делам, и вся эта ересь меня не касается. Не мешайте мне ужинать! Я устал и голоден, вдобавок!

- Нам намекнули,- тяжело вздохнул, не тронувшись с места, посетитель,- что инквизиция действует по вашему наущению. Что вы хотите взамен того, чтобы наши люди спокойно и дальше работали на парижских улицах?

Дон Мигель, высокомерно задрав бровь, пренебрежительно глянул на парламентаря. Этот визит был результатом довольно хитроумной комбинации, которую за некоторые тайные услуги, ему помог повернуть всемогущий кардинал Бурбонский. Теперь можно было пожинать плоды нескольких бессонных ночей.

- Где-то здесь в столице есть поклонницы дьявола, мне они нужны!

Астролог испугался не на шутку, и неизвестно даже, кого больше.

- Мои братья по цеху никогда не интересовались черными мессами, господин! Вы же сами понимаете, что это не каждый выдержит, да и смертельно опасно.

В этом дон Мигель не сомневался. Быть последователями секты николаитов могли только люди отнюдь не трусливые, так как за ними охотилась инквизиция по всей Европе. Бродячие же шарлатаны, предсказатели судеб, были заурядными мошенниками. Вот и сейчас его собеседник затрясся как желе.

- Я не обвиняю ваш цех в связях с ведьмами, мне просто нужно узнать, где они скрываются! Если хотите сделку, то она возможна только на моих условиях - освобождение бродячих астрологов в обмен на информацию.

Условия были нелегкими, но с другой стороны - очень редко кому чужие тайны дороже собственных интересов.

- Ладно,- задумчиво пожевав губами, согласился проситель,- постараюсь, что-нибудь узнать!

- Только поторопись,- небрежно посоветовал граф,- а то получишь назад калек и придется переквалифицироваться в нищих попрошайки!

Гачек страдальчески сморщился. Ему не нравилось происходящее вокруг, но что поделаешь, раз де ла Верда непонятно по каким причинам вдруг решил сделать его доверенным лицом.

Астролог испуганно кивнул головой и спешно направился к выходу. Впрочем, вечером следующего дня его фигура вновь возникла у их стола, когда дон Мигель и вагант приступили к ужину.

- Недалеко от ворот Сен-Жак, около аббатства святой Женевьевы,- быстро проговорил он,- дом

с голубыми ставнями и флюгером в виде птицы. Скоро у них сбор!

И тут же исчез.

Де ла Верда немедля схватился за плащ.

- Я уйду,- пояснил он Гачеку,- меня не будет несколько дней! Занимайтесь, чем хотите, можете даже ходить на занятия в университет, но каждый вечер ждите меня здесь, возможно мне понадобится ваша помощь! Хотя, кажется, эта история подходит к концу.

Гачек с радостью воспользовался этим разрешением и, облачившись в студенческую мантию, стал посещать лекции заинтересовавшего его хирурга Ришара Гелена.

Сидя в аудитории за длинным столом бок о бок с другими студентами, он охотно слушал восседающего за кафедрой знаменитого магистра. Славика очень интересовала его теория о каналах жизни, которые связывают душу с телом, потому что он тоже считал, что все в человеке взаимосвязано.

И вообще, Гачек с радостью окунулся в знакомый ещё по Праге мир студентов, экономов, деканов, с их веселой бурной жизнью и такими отличными ото всех остальных жителей Парижа заботами. Он спокойно перенес все традиционные издевательства, принятые учинять над желторотыми новичками и полноправно влился в толпу веселых беззаботных школяров. Но как-то раз, выйдя вместе с остальными вагантами из университета, Гачек отправился в полюбившийся ему трактир Ворона и собака. Уже сидя за столом за миской похлебки он услышал, о чем гудит весь трактир.

- Инквизиция вчера ночью схватила огромное количество ведьм, прямо во время черной мессы.

- Взяли на месте преступления, с черными петухами и голубями.

- Пылать теперь костру на Гревской площади! Опять капитулу расходы на дрова!

- А уж палачу-то работы, наживется теперь, среди них, говорят, были даже очень состоятельные дамы!

После этих разговоров Славеку все меньше и меньше хотелось возвращаться на постоянный двор, но он обещал графу дождаться результатов его поиска, и слова нарушить не мог. Гачек плохо понимал, какая взаимосвязь между парижскими поклонницами черных месс и исчезнувшей графиней, но с другой стороны, дон Мигель, наверное, знал, что делает!

Увы, его вера в могущество испанца поколебалась в тот же миг, когда спустя неделю де ла Верда появился на постоялом дворе осунувшийся от усталости и поникший.

- Пшик,- горько ответил он на вопросительный взгляд ваганта,- пусто! Никто о них не знает. Правда, есть одна зацепка - одна из этих тварей проболталась о знахарке, торгующий травами около Тампля. Завтра пошарим ещё там!

Гачек с сомнением глянул в его бледное лицо, и ничего не сказал. И был прав, потому что ни знахарка, ни её подружки никогда не слышали об интересующей дон Мигеля троиче.

Переполошили всех - и ворожей, и заклинателей, и гадалок, доставили немало неприятных минут даже Двору Чудес, но никто и ничего не знал. Тоненькая ниточка привела упрямого испанца к одной малоизвестной парфюмерше, составляющей духи для очень знатных дам, но

по понятным причинам, те тщательно скрывали знакомство с подозрительной особой.

- И что,- спустя три дня спросил Гачек графа,- нашлись следы донны?

Он был уверен в отрицательном ответе, но ошибся.

- Представьте себе, что нашлись! - вздохнул, откуда-то появившийся поздней ночью дон Мигель.

У теплолюбивого испанца от бесконечных скитаний по потрясаемому ледяными ветрами городу, разыгралась простуда, и теперь Славек отпаивал его микстурой от кашля. Попутно они обсуждали ещё и свои дела.

-... только не следы, а их отсутствие. После той встряски, которую я здесь устроил, могу поручиться, графини в городе нет. Мне бы её выдали!

Дон Мигель горестно вздохнул, морщась от слишком горького питья, да и мысли его тоже были далеко не радужными.

- Даже и не помню такого момента в своей жизни, когда столько работы пришлось провернуть практически впустую, просто ради морального удовлетворения! - грустно пожаловался он ваганту.

- Моральное удовлетворение оттого, что вы напрасно подвергли пыткам стольких людей?- наладившиеся отношения с де ла Вердой теперь позволяли Славеку задать этот давно мучивший его вопрос.

Но разве дон Мигеля можно было смутить такой казуистикой?

- Но ведь вы врач! И когда вскрываете гнойники или даже ампутируете у человека гангрену, то доставляете ему невыносимую боль, и как же выдерживаете, всю эту грязь, вонь, обезумевшие от боли глаза?

Гачек даже обиделся за столь неудачное сравнение.

- Я это делаю ради того, чтобы человек остался жив!

- А я делаю эту мерзкую кошмарную работу ради того, чтобы осталась жива его душа! Что гораздо более важно, чем здоровье тела! Неужели вы думаете, что мне воину, главе знатного рода нравится ремесло палача? Нет, конечно! Но я хорошо понимаю свой долг перед Всевышним!

Славек покосился на расстроенное лицо графа, и внезапно до него дошла вся тщетность этих разговоров. Дон Мигель был настолько искренен в своих убеждениях, что переубедить его в обратном, было так же нелепо, как читать мораль волку по поводу задранных овец. Он осторожно подлил кипятка в таз с горячей водой, в котором больной грел ноги. Вся обслуга уже давно спала, и только эти двое не могли найти себе покоя, тревожась о юной женщине.

- Что вы собираетесь теперь делать?- осторожно осведомился Гачек.

Граф зябко передернулся, заворачиваясь в одеяло.

- Искать Стефанию дальше нет времени! Завтра приезжает епископ со всей миссией, и опять предстоит работа. Я уже сегодня виделся с кардиналом Бурбонским, и мне не спать остаток

ночи за работой.

Гачек пораженно выпрямился от удивления. Неужели...

- И что же, вы оставите попытки узнать, что случилось с графиней?

Дон Мигель недовольно почесал нос и вытер пот с покрасневшего от прогревания лица.

- Осталась последняя зацепка. Это Рауль де Сантрэ. Я тут навел кое-какие справки о нем. Знаете, его отец, с которым мы недавно общались, вдруг скоропостижно скончался. Так что теперь де Сантрэ - барон де Ла Рош! И представьте себе, что он через три дня женится, и месяца не проносив траур по отцу, на девушке из анжуйского рода Ведемонов демуазель Луизе. Все это время я пытался его увидеть, но барон, то готовился к свадьбе, то хоронил отца, то сопровождал на охоту своего принца. Мне надоело за ним гоняться, и я напрямую попросил его сюзерена Карла Французского устроить эту встречу. Надеюсь, что вы будете присутствовать?

Устройство головы испанца всегда оставалось загадкой для Славека. Но сейчас он вообще почувствовал себя донельзя озадаченным.

- Какое отношение может иметь графиня, к собравшемуся жениться молодому человеку? Логично было бы предположить, что де Сантрэ влюблен в свою избранницу, поэтому и торопится! А его отец..., знаете, Господь часто призывает человека к себе, поразив внезапной болезнью. Тем более, покойный барон был немолод!

- Здесь вы, конечно, правы, - неохотно согласился граф, - но все же, исчезла Стефания именно тогда, когда находилась где-то неподалеку от де Сантрэ. А это наводит на размышления!

На какие размышления? О чем тут можно было размышлять? Нет, де ла Верда иногда ставил своих собеседников в такой тупик, что оставалось только руками развести, не в силах следовать за его оригинальной логикой. И все-таки, во многом с ним не соглашаясь, Гачек подспудно понимал, что у графа отлично развито чутье на такого рода ребусы и загадки. А пропажа его жены была именно из области загадок.

Де Ла Рош появился точно к назначенному часу.

Гачек с любопытством рассматривал так долго разыскиваемого молодого человека - Рауль был, несомненно, похож на отца. Но его черты поражали непривычной тонкостью и своеобразной красотой, мало заметной из-за отсутствия ярких красок на лице. Белокурые длинные локоны, светло-серые глаза, даже губы и то бледные до бесцветности. Был он довольно высок ростом и даже не худ, а тонок. Де ла Верда так же напряженно вглядывался в гостя, и по его лицу явственно разливалось недоумение.

- Да,- безразлично ответил барон на их вопрос о графине,- я видел женщину с беременной служанкой и шутлом-кривлякой. Вся эта компания направлялась в Париж.

- В ваших владениях?

Дон Мигель и Гачек замерли в ожидании ответа. Теперь уже и последний не сомневался, что этот юноша имеет отношение к исчезновению графини, а вот почему? Трудно сказать! Впрочем, тот не стал их долго мучить.

- Нет,- так же ровно ответил он, - я видел их и позже, когда сам направлялся в Париж. Дама была больна и без сознания лежала в повозке, я едва её узнал!

- Почему? - нахмурился дон Мигель.

Рауль чуть пожал плечами:

- Болезнь её изменила!

- Что же было дальше?

- Дальше? А ничего не было!

- Не бросили же вы больную женщину посреди дороги?

Рауль слабо улыбнулся.

- Нет, не бросил! Зато сама графиня бросила меня уже в предместье Парижа и исчезла в неизвестном направлении! Я пробовал искать, но знаете, своих хлопот достаточно!

И трое мужчин одновременно вздохнули, только с разными мыслями о сем предмете.

-А вы не можете точно сказать, какого числа это было?- наконец, поинтересовался дон Мигель.

- Увы, уже не помню, - наморщил лоб в раздумьях Рауль, - все-таки прошел уже месяц! В середине ноября, а может позже... Нет, не припоминаю!

После его ухода они долго молчали.

- Что-то с этим молодым шевалье не так! - задумчиво протянул дон Мигель,- совсем не так!

Но Гачеку уже порядком надоели все эти сложности. Теперь, когда он убедился, что донна Стефания хотя бы месяц назад была жива и направлялась в Париж, он вздохнул свободнее.

- Судя по всему, барон не знает, где графиня!

Но граф думал иначе.

- Почему такая доверчивая и наивная женщина, как Стефания, не захотела ехать в компании молодого дворянина? Этому должно быть какое-то объяснение! - пробормотал он, и вдруг обрушил на голову опешившего ваганта следующее, - но у меня на это нет времени! Завтра у нас с епископом аудиенция у короля, и я уже сегодня съезжаю во дворец Сен-Поль, где остановится папское посольство. Я понимаю, что не имею права вас к чему-либо принуждать, но также знаю, что вы прекрасно относились к моей жене. Не ради меня, а ради неё, пожалуйста, займитесь проверкой слов этого странного молодого шевалье.

Лицо у Гачека вытянулось. Что уж говорить об учебе, ему претила сама мысль работать на человека, вся жизнь которого была связана с преследованиями ведьм, в существовании которых, что уж греха таить, Славек очень и очень сомневался! Но графиня была с ним добра и милосердна, и он не нашел в себе сил отказать.

- Что я должен узнать?- он обреченно поник плечами.

- В предместьях Парижа всегда толчется много народа, там огромное количество постоянных

дворов и прочих заведений. Все равно наши беглецы где-то останавливались, покупали провизию, да и просто разминали ноги. И уж, наверняка, где-нибудь отличился Тибо! Поспрашивай стражников, дай им его описание. И узнай о бароне де Ла Роше - когда в город въехал он? Человек его ранга, наверняка, окруженный рыцарями, не мог проехать незамеченным.

- Прошел месяц!

- Даже если прошел месяц!

И на следующее утро недовольный Гачек поплелся наводить справки.

Папское же посольство торжественно въехало в Париж.

Под развернутыми знаменами и стягами в парадном шитом золотом облачении легаты медленно и чинно продвигались по улицам города ко дворцу Сен-Поль на острове Сите. Фиолетовая, подбитая куньим мехом ряса епископа блестела и переливалась драгоценными камнями распятия, показывая всем скопившимся вдоль дороги зевакам, насколько велико могущество папского престола, сколь незыблема католическая вера, будучи сама по себе самым бесценным алмазом в истории человеческого мироздания. Его свита так же хранила горделивую невозмутимость, свойственную только людям, абсолютно уверенным в своем высоком положении.

Де ла Верда встретился с епископом. После обязательных приветствий, его преосвященство, оглядев сочувственным взглядом осунувшееся лицо подопечного, спросил о графине.

- Горе обрушилось на мою голову,- пожаловался тот,- никак не могу найти Стефанию!

Рассказ дон Мигеля о розыске занял не очень много времени, но епископ долго молчал, размышляя.

- Кто знает о том, что у вас пропала жена?

- Да никто, кроме Гачека, да этого молодого барона де Ла Рош. Мы не говорили, кто именно пропал, когда давали приметы женщины!

Епископ, вытянув губы трубочкой, задумчиво покрутил большими пальцами рук.

- Вы можете, сын мой, попасть в очень сложную, убийственную ситуацию, если станет известно, что ваша жена все это время скитается неизвестно где! Вы не можете себе позволить, чтобы ваше имя попало на язык парижским сплетникам. Поэтому, если даже графиня найдется и назовет свое имя, мы объявим её преступницей и самозванкой, подлежащей немедленному аресту. А там видно будет!

Это было очень опасное для жизни юной женщины предложение, но дон Мигель уже и сам понимал, что другого выхода нет! Стефания могла погубить не только себя, но и весь славный род де ла Верда, испачкав его честное имя несмываемым пятном позора.

- Пусть Гачек занимается потихоньку розыском, а мы будем делать свое дело. Кстати, зачем вам этот еретик? Почему вы приблизили его?

Дон Мигель мрачно хмыкнул.

- Простая логика. Стефания, попав в Париж, сразу же кинется искать ваганта, потому что больше здесь никого не знает! У неё нет другого выхода!

Следующий день ознаменовался обязательной программой торжественного приема папских легатов. Здесь было всё! И театральные представления мистерий, и шумное празднество с акробатами, жонглерами и силачами, после чего посольство было с почетом принято при дворе короля Людовика в Лувре. После официальных обменов приветствиями и грамотами, и праздничного ужина, король приятно удивил своих гостей, приняв их тот час после застолья.

Вынужденные обычно немало времени дожидаться личной аудиенции у других правителей, епископ и де ла Верда воодушевились, предвкушая результативную беседу, но их радость оказалась преждевременной! Когда они остались с королем наедине, произошел разговор, оставивший очень неприятный осадок!

Его величество принял послов в своих личных покоях, в которых привык вести тайные дела. И там, среди заваленных свитками бумаг столов и полок, он смотрелся как обыкновенный стряпчий в средней руки присутственном месте. Немного оживляли каменные стены древние шпалеры с охотничьими сценами, да накрытая платом клетка с певчей птицей.

Легаты в ожидании королевского внимания замерли в почтительном молчании, заметив, что государь, кажется, не в духе. Впрочем, их это не удивило. Людовик итак был не доволен папским престолом, считая, что его святейшество мог бы оказать более действенную поддержку в борьбе против Карла Смелого, а тут ещё возникли дополнительные сложности.

Де ла Верде никогда не нравился этот представитель дома Валуа. Герцог Бургундский, не смотря на все недостатки, хотя бы держал себя как настоящий сеньор, государь! А Людовик? Тьфу! Дона Мигеля - знатного арагонского гранда коробила и эта темная, почти купеческая одежда из дешевого сукна, и маленький рост в сочетании с какой-то, чуть ли не мужичьей повадкой, и острые лисьи глаза. Но, разумеется, он всегда демонстрировал королю восхищение, весьма далекое от истинных чувств.

- Святой престол, ваше величество, - между тем задушевно вещал епископ, - очень беспокоят слухи, что между вами и герцогом Бургундским скоро вновь вспыхнет война. Франция, любимая дочь нашей матери-церкви и её очень волнует судьба вашего прекрасного королевства.

- Ах, ваше преосвященство, - скупно усмехнулся король, - какой из меня воин? Я проиграл почти все битвы, в которых участвовал, не то, что мой неверный вассал - Карл Бургундский! Вот кто настоящий полководец без страха и упрека, а я всего лишь, в меру скромных умений, защищаю свои владения от его свирепого натиска. Вспомните, прошло всего два года как меня, загнав в хитроумную ловушку, подвергли оскорбительному аресту и заставили отдать Шампань брату. Плохо быть королем, даже родной брат становится врагом!

Скорбный голос мог выдавить слезу даже из камня, но не из таких изощившихся в интригах людей, как папские легаты. Впрочем, они без особого труда изобразили сочувствующую гримасу, а его преосвященство даже прочитал молитву, скорбно сжав в руках распятие. Но легаты здесь собрались не для того, чтобы выслушивать жалобы Валуа на неверного вассала.

- Мы, ваше величество, недавно вели переговоры с Карлом Смелым по династическим вопросам, и он наоборот жаловался, что это вы нарушаете свои обязательства. Сначала соглашение между Лигой Общего блага, теперь хотите нарушить Перронское соглашение, - почтительно заметил де ла Верда, - наверное, герцога неверно информировали ваши общие

враги?

Людовик пренебрежительно фыркнул, смерив испанца весьма нелюбезным взглядом.

- На меня все жалуются, всем нехорош их король! Даже виллан имеет в своем доме больше власти, чем я в дарованном мне Богом королевстве. Вот, например, в Париже целых три недели инквизиция ищет каких-то ведьм, арестовываются именитые горожанки, допрашивают всех подряд, хватают людей прямо на улицах, а я - их главный сеньор и защитник лишь только развожу руками! Только сегодня у меня был прево Парижа Робер де Эстувиль с жалобой на превышение полномочий инквизиции. И что я мог ему сказать?

Дон Мигель нервно вздрогнул, настолько много в голосе короля было яда и нескрываемого гнева.

- Говорят, что вы, граф, ищите, какую-то женщину? Что же она сделала?

- Ваше величество,- вкрадчиво заговорил епископ,- вина этой женщины огромна. Её обвиняют в покушении на жизнь одной очень высокопоставленной особы при помощи черной магии. Она бежала из лотарингских земель, и неизвестно что будет делать в Париже! От колдовства не спрячешься за стенами дворца!

Епископ знал, насколько суеверен и подозрителен король, поэтому не удивился, увидев, как тот побледнел от страха. Но Людовик не сдавался.

- А чем вам помешала парфюмерша Катрин Прель? Она составляла для королевы ароматические масла, однако вы её схватили и подвергли допросу. Свояченица покойного барона де Ла Рош мадам Маргарита недавно на аудиенции так же жаловалась на ваш произвол в его владениях.

Дон Мигель заинтересовано глянул на короля. Он и не подозревал, что сумел взбаламутить такую тину. Кто такая мадам Маргарита? Какое отношение имела к его жене свояченица покойного барона?

- Ах, ваше величество,- между тем немедля кинулся на защиту своего протеже епископ,- никто не любит инквизицию, и все оскорбляются, когда им задают неприятные вопросы! Но мы - служители церкви, тоже люди и можем ошибаться. Зато, как только на страну обрушится мор, то сразу же все кричат: Спасите нас от бича Божия! Вспомните, как четыре года назад эпидемия чумы поразила ваш город! Разве это не признак того, что Создатель разгневался на Париж? В городе проводятся черные мессы, а прево вашей столицы реагирует так, как будто это безобидная игра в салочки!

- Покойный барон де Ла Рош был отважным воином, имеющим право распускать собственное знамя, всегда окруженный вассалами, неужели бы подобный человек позволил мне бесчинствовать в своих владениях?- хмуро подхватил граф.

Но короля отнюдь не смутили эти оправдания, он предпочел их вообще проигнорировать.

- Не знаю, граф, - язвительно заявил он,- я ведь не знаком с методами работы инквизиции! Но настоятельно прошу вас оставить в покое семью покойного барона! Его сын, в силу небезызвестных вам обстоятельств, сейчас вассал моего брата, но мне неприятно это беспрецедентное давление на уважаемую семью, из-за какой-то никому неведомой ведьмы!

Слово было сказано. И дон Мигель с замершим сердцем впервые убедился, что находится на

правильном пути. Значит, на него пожаловался сам Рауль, и, следовательно, у того были причины бояться деятельности графа.

Между тем король ещё не закончил.

- Мы не в первый раз с вами встречаемся, граф! Благодаря именно таким людям как вы, папский престол может проводить свою политику с виртуозным блеском, но дела моего королевства не нуждаются в постороннем вмешательстве! Ведьмы ли, или ещё что..., я как-нибудь разберусь сам!

Де ла Верда даже не мог вспомнить, когда его ещё так оскорбительно ставили на место, да вдобавок король, который слыл изошренным дипломатом.

- Разрешение на розыск я получил от епископа Парижского Гильома Шартье,- наконец, счел нужным объяснить он.

- Я не сомневаюсь, что все ваши действия были согласованы с властями, но в данном случае, епископ превысил свои полномочия, потому что розыск велся не только в Сите, но и в других частях города! - отрезал король.

После этого заявления оправдываться было бесполезно - с королями не спорят! Поэтому, покорно проглотив обиду, они с епископом опять заговорили об угрозе войны, умоляя Людовика не разрывать Перронских соглашений. Но тот даже слушать ничего не захотел, твердо заявив, что документ был подписан под страшным давлением, и он не считает нужным его соблюдать, так как его статьи оскорбительны для королевской чести.

- Но против вас в таком случае соберется довольно сильный блок противников - от собственных вассалов до извечного противника короля Англии, хотя видит Бог, у этой страны проблем не меньше, чем у Франции! - взывал к его благоразумию взволнованный епископ.

Но видимо сегодня был не их с графом день.

- Я согласен не прерывать соглашений, если Карл явится на суд парижского парламента, - с апломбом заявил король,- они уже давно его вызывают!

Легаты обреченно переглянулись. Конечно, если бы они имели дело с сумасшедшим, тот, может быть, и появился в Париже, чтобы добровольно сложить голову на плахе по приговору кучки науськанных королем горожан. Но Карл Смелый таковым не являлся, и его знаменитая отвага не имела ничего общего с безумством!

- Мы передадим герцогу ваше предложение! - наконец, устало согласился де ла Верда.

Возвращались они с епископом домой подавленными, не зная, как поступить в этой непростой ситуации. Как привести к миру две стороны, каждая из которых меньше всего на свете желает примирения?

- Как только мы передадим герцогу предложение явиться в суд, состоящий из каких-то жалких лавочников, которых король ради собственных целей так возвеличил, оскорбленный Карл сразу же начнет войну! - граф угрюмо подвел итог разговора.

Он был настолько расстроен, что епископ даже счел нужным его успокоить.

- Не надо впадать в грех уныния, сын мой, из-за дел, на которые вы не в силах повлиять! Война

в этом королевстве, по-видимому, дело решенное, поэтому наше вмешательство имело чисто формальный характер. Святая церковь сделала все возможное, чтобы война не началась, но не получилось! Значит, мы умываем руки и теперь уже в виде посторонних наблюдателей смотрим на то, что из всего этого выйдет!

Но привыкший к победам на дипломатическом поприще, дон Мигель не прекращал сокрушаться, виня себя в таком грандиозном провале.

- Король никогда бы не осмелился вести себя столь дерзко с папскими посланниками, если бы не моя сыскная деятельность! Стефания загубила нашу миссию!

- Ну-ну, сын мой,- по-отечески похлопал графа по плечу его преосвященство,- не надо так убиваться! Вы ещё молоды - будут и падения, и взлеты, не принимайте близко к сердцу укоры королей! Да и, по здравом размышлении, вы сами поймете, что король просто воспользовался поводом вести себя так непримиримо - не будь этой истории, он бы нашел другую!

И мудрый епископ тут же сменил тему разговора.

- Мне кажется, - интимно обратился он к собеседнику,- что именно у этих жалобщиков на ваш произвол и находится графиня. Они её прячут для каких-то своих целей, только я никак не пойму, для каких именно, и это меня сильно тревожит!

Дон Мигель меланхолично пожал плечами. Он итак устал за эти дни, как собака, а тут ещё с таким треском провалившиеся переговоры! Его самолюбию был нанесен болезненный удар.

- Её светлость красивая женщина, может, де Сантрэ не хочет с ней расставаться?

- Но как он думает её скрывать?- удивился Братичелли,- такая красавица не иголка в стоге сена. Подумать только, ради простого увлечения пусть даже очень красивой женщиной вмешать в это дело самого короля! Не понимаю..., глупость какая-то! Что вы теперь намерены делать?

- Не знаю,- раздраженно вздохнул граф,- но без твердых доказательств вины де Сантрэ, к королю не сунешься, а у меня их нет! Буду искать! Ведь не под землю провалилась Стефания, вот как её найду, тогда и потребую у короля справедливого суда над клеветниками!

- О времена, о нравы,- потрясенно перекрестился епископ, - похитить чужую жену и самому же пожаловаться на мужа! Это какая-то сверх наглость!

- Не думаю, что все так просто, да и возможно мы ошибаемся! - задумчиво протянул испанец.

Он немного пришел в себя и уже более спокойно размышлял над тем, что услышал от короля.

- Что-то Рауль должен был пообещать Людовику взамен того, что он свяжет меня по рукам и ногам! Зачем-то де Ла Рош ему нужен! Может, лазутчик в стане врага, коим для короля стал родной брат?

- Вполне возможно! - по некотором размышлении согласился епископ,- отношения между Карлом Французским и Людовиком хуже некуда!

- Вот-вот, но это ещё не всё - французский король, по моим сведениям, не в меру увлечен астрологией и даже магией, которую стыдливо называет белой, как будто магия может быть

таковой! У него дурные советчики, от которого за лье пахнет клещами палача!

- Думаете, готовится преступление?

- Не удивлюсь такому обороту дела! Яды, колдовство, болезни - вот неполный список богопротивных дел, с которыми связываются увлекающиеся всякой мерзостью государи. А потом - прерванные династии, мор, войны, обрушивающиеся на всю страну за грехи неразумных королей!

Дон Мигель огорченно перекрестился и прочитал защитную молитву.

- И что, ваше преосвященство, тревожит меня ещё - кто такая мадам Маргарита, откуда она взялась в этой истории? И что этой даме от нас надо?

- Король назвал её свояченицей покойного барона? А вы разве не встречались? - пришла очередь удивляться епископу,- но тогда...

- Вот именно! Кто мне может пояснить, какова её роль в пропаже моей жены?

- Одни вопросы!

Епископ с кряхтением вылез из носилок, остановившихся напротив дворца, где размещалось папское посольство. Теплолюбивый итальянец сильно страдал от зимнего холода, окутавшего французскую столицу ветренными морозами. Да ещё каменные стены Сен-Поля плохо отапливались и в его огромных залах свирепствовали чудовищные сквозняки. Моментально дали о себе знать многочисленные болезни, одолевавшие его уже много лет.

- Где ваш Гачек? - со стоном спросил он у испанца,- его растирания были бы сейчас весьма кстати!

Нужен был чех и дону Мигелю, хотя граф ничего особого интересного от него и не ожидал услышать. И оказался прав.

- Донна со свитой не появлялась в этом предместье,- согрел Славек озябшие пальцы кубком с горячим вином,- но, судя по показаниям стражников на воротах, не проезжал сквозь них и Рауль де Сантрэ. Может, попытать счастья у других ворот?

- Действуйте,- без особого энтузиазма разрешил граф,- хотя вряд ли это что-то даст. Зато у меня самого есть кое-какие новости...

И де ла Верда подробно рассказал ваганту о том, что произошло на приеме у короля. Гачек сначала слушал его без особого внимания, но по мере рассказа, его лицо приобретало все более и более недоумевающий вид.

- Не понимаю, - откровенно признался он,- и чем дальше, тем больше!

- Всё может иметь и другое объяснение,- устало пожал плечами дон Мигель,- но, с другой стороны, у нас нет выбора..., это единственная ниточка, ведущая к графине, вот, за неё мы и потянем. Даже если на том конце и нет никого!

Гачек уныло покосился на его опечаленное лицо. Ему эта история уже давно стояла поперек горла, но в памяти мгновенно мелькнуло прекрасное видение на дороге - донна Стефания в широкополой шляпе, с ласково сияющими синими глазами и золотыми косами. Мне так плохо

среди чужих людей!,- так, кажется, она тогда ему сказала, и он, не рассуждая, последовал за ней в эту жуткую с мистическим оттенком историю. Не бросит он её и теперь.

- Что мне нужно делать? - обреченно спросил Гачек и увидел, какой откровенной благодарностью вспыхивают черные глаза графа.

- Нужно подобраться к Раулю как можно ближе и собрать о нем всевозможные сведения! Завтра на его венчании постарайтесь найти ту самую мадам Маргариту. Тетка жениха обязательно должна присутствовать на церемонии!

Зимний день был холоден. И даже легкая ночная оттепель не принесла ничего хорошего, кроме пронизывающего сырого ветра, продувающего до костей. Унылый, кутающийся в шерстяной плащ Гачек с неохотой плелся, обходя особо слякотные места, в церковь Сен-Жан.

Народу там собралось довольно много, и разобраться, кем кто и кому приходится, было невероятно сложно. Невеста радовала глаз на редкость хорошеньким личиком, белокурыми длинными косами и прелестными голубыми глазами. Если у девицы, к тому же, было огромное приданое, то иначе чем счастливец де Сантрэ и назвать было невозможно. Впрочем, по лицу молодожена нельзя было судить о его настроении, хотя он и делал титанические попытки казаться довольным. Хотя... тающий от счастья жених под венцом большая редкость в подобном браке, так что Гачек ничего странного в его поведении не нашел. Исходя из туманных соображений графа, что с молодым человеком не все в порядке, чех внимательно наблюдал за тем, как тот подходит к святым дарам, как молится и крестится, как принимает благословение - только человек с большим, злокозненным воображением смог бы усмотреть в действиях молодого барона нечто выходящее за рамки обыденного благочестия.

Тщательно оглядев присутствующих, Гачек ловко придвинулся поближе к какой-то пожилой даме в не первой свежести накидке, усмотрев в ней обычную обнищавшую приживалку. Такие, как правило, все знают и охотно со всеми делятся своими знаниями. Его расчет оказался верным, старуха была дальней родственницей невесты.

- Ах, наша душенька Луиза,- тот час затарахтела та, польщенная вниманием симпатичного молодого человека,- такая красавица, такая умница! Повезло этому де Сантрэ, необыкновенно повезло, хотя мы всегда говорили Морису, что нужно выдать её замуж за анжуйца, а не отправлять замуж так далеко! Эта Шампань чуть ли не на другом конце света!

По сравнению с Моравией, Гачеку так не казалось, но с другой стороны, эта тетка вряд ли высовывала свой нос далее родного графства.

- Далеко,- сочувственно вздохнул он,- и ведь неизвестно, какая свекровь попадетса юной баронессе!

- Барон - сирота, так что наша девочка будет полноправной хозяйкой в доме!

- Но обычно на первых порах юную даму все равно опекают, какие-нибудь близкие родственницы, помогающие ей освоиться с новым хозяйством. Неужели у барона нет теток или сестер?

- Почему,- чуть ли не обиделась собеседница,- у Рауля есть крестная мать - мадам Маргарита!

У Гачека от волнения расширились глаза. Крестная мать!

- Это вон та старушка в старомодном синем чепце, подбитом белкой?

- Нет, то мадам Клотильда, двоюродная бабка Луизы. А мадам Маргарита стоит по левую руку от жениха в первом ряду. Она родом из Эльзаса, поэтому на ней такой необычный чепец с огромным черным бантом. Такие обычно носят простолюдинки, но она всегда была своевольной особой!

Гачек внимательно оглядел окружение жениха, и тот час нашел искомую особу. Мадам Маргарита оказалась весьма приятной женщиной средних лет, с мягкой улыбкой на добром, полном лице.

- Своевольной? Вы что, давно её знаете?

Его информаторша смущенно заюлила.

- Не то чтобы очень, но я много про неё слышала,- смущенно пояснила она,- рассказывают, что она приехала в Шампань вместе с сестрой, и, отказавшись выходить замуж за всех предложенных женихов, посвятила себя воспитанию крестника.

- Что ж здесь странного? - подзадорил сплетницу вагант,- может, не нашла себе по сердцу друга?

- Всякое болтают,- между тем доверительно прошептала собеседница,- я этому ничему, конечно, не верю, да и не люблю слушать сплетни...

- Конечно,- согласно кивнул головой Гачек,- никто не любит! Но ведь уши не заткнешь! Правда?

- Говорят, она была влюблена в какого-то совершенно неподходящего молодого человека, но покойный барон и слушать про него не хотел! Выделив свояченице кусок своих владений, он велел ей туда удалиться, и она долгие годы жила в уединении, пока не улеглись страсти! После смерти сестры эльзаска приняла на себя управление хозяйством и заменила Раулю мать.

Пожилая дама ещё много рассказала всякой всячины любезному молодому человеку, обрадованная тем, что нашла свободные уши. Очевидно, её мало кто слушал в привычном окружении, и теперь она вываливала на него горы совершенно ненужной информации и о семье Ведемонов, и о самой Луизе, и смутные слухи о Ла Рошах.

Но, тем не менее, Гачек потом все скрупулезно изложил озабоченно внимающему графу.

- Может, вы и правы, и донна у барона,- подытожил он свой рассказ,- но на собственной свадьбе Рауль вел себя примерно, да и невеста у него лакомый кусочек. С такой забудешь о чужих женах! Что же касается ваших подозрений, я бы сказал, что у него повадка религиозного человека! Согласитесь, такие вещи трудно сыграть на публику, все равно заметно.

Де ла Верда задумчиво глянул на собеседника.

- Я был там!- неохотно признался он.

Славек даже обиделся, усмотрев в этом поступке недоверие графа к себе, но оказалось, дело было в другом.

- Мне не дает покоя его лицо! Тебе не кажется, что в нем или чего-то не хватает, или что-то

явно лишнее? Я хотел его без помех разглядеть, а где это лучше сделать, как не на брачной церемонии, когда все взгляды и без того должны быть устремлены на жениха и невесту?

- И...

- Мне кажется, я уловил эту странность! У него совершенное лицо, без малейшего изъяна!

- То есть? - не понял Гачек.

- Симметричное, как на рисунке подмастерье художника. Так не бывает! Обычно у людей есть хоть маленький, но изъян на лицах, то бровь чуть выше, то овал лица подкачает, то глаза маленькие или наоборот большие, но чтобы все так соразмерно выверено..., ни разу до этого не видел!

Славеку это утверждение показалось чистой воды придиркой.

- Творцу иногда идеально удаются его творения, - недоуменно пожал он плечами, - мало ли людей с совершенными лицами? Кстати, он не особо красив!

Но дон Мигель почему-то предпочел закончить обсуждение.

- Переселяйтесь к нам, - в конце концов, предложил он собеседнику, - это сэкономит вам деньги, и позволит лучше питаться и одеваться. Все равно придется временно отложить учебу, так почему бы пока не поработать в составе посольства моим личным секретарем. Латынь вы прекрасно знаете, навыками составления официальных документов, я думаю, овладеете без труда. Да и статус секретаря легата вам откроет те двери, которые для простого ваганта обычно плотно закрыты.

Предложение было щедрое, открывающее перед молодым человеком захватывающие перспективы. А учеба..., ну что ж, она пока могла и подождать!

Гачек в тот момент и не подозревал, что навсегда связал свою жизнь с семейством де ла Верда. Ему тогда казалось все легким, временным и напоминающим захватывающее приключение.

Через неделю, когда представился случай, граф отвел Славека в отель Карла Французского, расположенный неподалеку от Лувра.

Молодой человек в бархатном сюркоте алого цвета, расшитом золотом, да еще с тяжелой золотой цепью на шее чувствовал себя неловко. На боку, правда, болталась отцовская шпага, но в остальном его снарядил дон Мигель, особо указав, что чем богаче он будет выглядеть, тем доверительнее к нему отнесутся.

И действительно, принц принял чужеземца, рекомендованного де ла Верда весьма лояльно - долго разговаривал с ним о Чехии и Моравии, германских герцогствах, о его впечатлениях о Франции, спросил и о целях приезда. Гачек умолчал о медицине, но скрывать от принца, что его интересует Латинский квартал, не стал, сказав, что мечтает прослушать несколько лекций по теологии.

Кстати, они с доном Мигелем не заметили среди дворян, окружающих его высочество, Рауля де Ла Роша. Применив несколько нехитрых приемов, графу удалось добиться от его высочества приглашения для Гачека навещать его отель, а главное, тот был приглашен на охоту.

- Я скоро отправляюсь по делам в Англию, ваше высочество, - сердечно поблагодарил принца де

ла Верда,- и для меня будет большим облегчением знать, что вы покровительствуете этому молодому дворянину, оказавшемуся так далеко от дома!

- Все ваши друзья, граф, могут рассчитывать на мое покровительство,- любезно улыбнулся Карл.

Когда они покинули отель принца, встревоженный Гачек поинтересовался:

- Вы действительно собираетесь отплыть в Англию?

Их лошади в сопровождении отряда испанцев, как раз пробирались по узким парижским улочкам, эркеры которых сходились настолько близко, что шлем одного из сопровождавших воинов зацепился за тянущиеся из окна в окно веревки, а те в свою очередь привели в действие стоящие на подоконнике цветочные горшки.

Что произошло потом с трудом поняли даже очевидцы этого происшествия. Оглянувшись на грохот дон Мигель и его секретарь, раскрывши от изумления рот, увидели, как какая-то дебелая матрона с громкими криками, в основе которых лежали непечатные выражения, сначала запустила в несчастных испанцев всем, что ещё оставалось стоять, а потом, мигом обернувшись, вылила на них содержимое огромной ночной вазы.

Немыслимая вонь, ругательства ещё и на испанском языке, хохот непонятно зачем понабившихся в узкий переулок зевак, лай собак, кудахтанье кур(!), полетевшие неизвестно откуда перья.... Гачеку на минуту показалось, что тот самый конец света, которым столь долго угрожали церковники человечеству, наконец-то, наступил!

Поэтому когда им удалось с невероятными усилиями все-таки выбраться со злополучной улицы, все последующее время обсуждалась вовсе не поездка графа в Англию, а злокозненный женский нрав.

- Вот она, прекрасная половина человечества,- с горечью вещал дон Мигель, брезгливо поводя носом,- одна полоумная баба смогла с легкостью победить восьмерых вооруженных воинов при помощи обыкновенного ночного горшка. И что ты с ней сделаешь? Напишешь жалобу королю, чтобы потом над тобой потешался весь Париж? Или вступишь в бой, обнажив меч, против помойного ведра? Нет, поплетешься восвояси, поджав хвост и приняв к обгаженной одежде! И их ещё называют слабым полом? Вот так и Стефания - повела у меня перед носом своей косой, и я как последний дурак загубил свою карьеру, и, потеряв покой и сон, рыщу за ней по всей Франции, как будто больше и дел нет на свете!

Гачек только помалкивал, слушая эти сетования. У него было, что сказать графу в ответ на эти жалобы. Если бы кто-то держал себя в руках и не давал воли языку..., но что теперь об этом поминать! Славек был справедливым человеком и прекрасно осознавал, настолько граф наказал сам себя, оскорбив пренебрежением супругу.

К разговору об Англии они вернулись уже после того, как вымылись и переоделись.

- Да, - с горечью признался де ла Верда,- я вынужден уехать! Его преосвященство вчера получил депешу из Рима, где нам четко предписывается вмешаться в отношения между Карлом Бургундским и Йорками. Его святейшество опасается, что если эти двое объединятся против Людовика, то Столетняя война опять вспыхнет. Видите ли, в Англии сейчас идет кровавая междоусобица между Алой и Белой розами - Ланкастерами и Йорками, и герцог поддерживает Белую, так как женат на Маргарите Йорк, сестре нынешнего английского

короля. Там, правда, ветер опять подул в обратную сторону и на престоле Ланкастеры, но я отнюдь не уверен, что пока мы будем пересекать пролив, власть опять не изменится! И вот папа повелевает нам с епископом вмешаться в эту кровавую кашу, как будто нет у него больше кардиналов, легатов и законников, кроме нас с Братичелли. Впрочем, это так сказать, брюзжание! Естественно, что папе виднее, кого послать. Но представьте, с каким сердцем я вынужден оставить сейчас Францию? Я уверен, что Стефания в беде и ждет от меня помощи!

Гачек озадаченно посмотрел на де ла Верду. Надо же - в нем все-таки ещё жив рыцарь! Роль вообще-то графу несвойственная, но чего не бывает на свете, когда речь заходит о сердечных делах?!

- Я снял дом неподалеку от Нового рынка! Место там тихое, и ничто не мешает заниматься нашими делами. Займетесь пересылкой корреспонденции, приходящей из Рима. Через вас мы так же будем поддерживать связь с французским королевским двором. Завтра я вас представлю кардиналу Бурбонскому - это одна из самых значимых фигур при королевском дворе, и одновременно с ним можно иметь дело, так как он кое-чем мне лично обязан. И ещё...

Гачек насторожился, увидев, как сурово вытягивается лицо собеседника.

- Человек - это то, во что он верит! - убежденно припечатал де ла Верда.- Вопросы веры, пан Славек, это серьезные вопросы, а мне кажется, что вы маловер! Это от недостатка знаний! Библиотека кардинала одна из лучших в Европе - учитесь, читайте, думайте и вы сам осознаете собственное невежество.

Это утверждение показалось чеху спорным. Все-таки он был достаточно образованным для своего времени человеком, но спорить с упрямым испанцем молодой человек не стал, с сомнением глянув на предложенный список литературы, состоящий практически полностью из трудов отцов церкви.

## ПОБЕГ.

В тот день к спящей Стефке опять заявился снежный барс.

Она стояла на залитой лунным светом поляне, а он сидел напротив, и, повиливая хвостом, высокомерно говорил:

- Сколько ты будешь служить утехой этому лесному троллю? Твое тело несвободно, так попытайся вернуть свободу хотя бы душе! Иначе ты не сможешь летать среди звезд!

- Почему ты называешь его троллем?

- А кто же он ещё? - лениво мурлыкнула кошка и, ласкаясь, потерлась шелковистой шерстью о её ногу,- летаем?

Стефка с радостным смехом вспрыгнула на зверя, и они помчались с сумасшедшей скоростью над землей. Где-то внизу головокружительным калейдоскопом мелькали залитые лунным светом земли и моря. У женщины закружилась от восторга голова, и она внезапно, распахнув руки, спрыгнула со спины барса и со счастливым смехом запарила по воздуху рядом.

Кошка повернув голову, заглянула ей в глаза жестким изумрудным взглядом, от которого разом перестало биться сжавшееся сердце, и вдруг заявила страшно низким голосом:

- Люди совсем не те, кем кажутся!

Перепуганная Стефка проснулась на рассвете с бешено стучавшим сердцем, и тут же позвала к себе, крепким сном спящую на тюфячке на полу Хельгу. Та, кряхтя и держась за большой живот, приковыляла к юной госпоже, откуда-то вынырнул и заспанно вытирающий глаза Тибо.

- Что случилось, пресветлая госпожа?

Стефка беспомощно оглядела уже ставший привычным за эти недели интерьер комнаты.

Рауль содержал свою любовницу в царской роскоши, которой могли бы позавидовать даже дворцы королей - заваленная пуховиками в шелковых простынях кровать, устилавшие полы восточные ковры, ценных пород дерева мебель, искусно вделанные в стены венецианские зеркала в резных золоченых рамах. Изумленно разглядывавшая все поначалу пленница уже обвыкла среди этих диковинок, и теперь не обращала ни на что внимания, зато решетки на окнах и замки в дверях её раздражали с каждым днем все больше и больше!

- Я ощущаю себя птицей в клетке! - каждый раз возмущенно жаловалась она любовнику во время его визитов.

Но Рауль, всегда внимательно выслушивающий все, что пленница хотела ему сказать, отвечал всегда одинаково, заваливая её на спину среди простыней кровати. Когда-то она страдала от недостатка внимания супруга, теперь наоборот, получала его через край, но, увы, счастливее от этого не становилась.

- Разве тебе плохо со мной,- каждый раз отвечал на её жалобы любовник,- чего ты хочешь?

И если она по наивности вначале, преодолевая утомление, лепетала что-то о свободе, то получала очередной виток изматывающих объятий, после чего долго лежала без сил, даже после того, как любовник скрывался за порогом.

- Ой, что-то тут не так! - бурчала каждый раз Хельга при виде обессиленной госпожи,- что это за мужчина такой, что после него не работают ни ноги, ни руки?! Разве это нормально? Помню, притулимся мы где-нибудь с Куртом, а тут отец внезапно появится, так я, едва оправив юбку, начинала усиленно работать, да ещё косилась глазом на занавеску, где скрывался дружок!

- Так ты у нас ещё та кобыла, многих ездовых на себе носила! И как тебя не гоняй, подол мигом вздернешь, только седлай,- острил Тибо, но как-то печально, больше по привычке.

- А ты хочешь сказать, что после мужских объятий женщина должна по полдня приходить в себя?- огрызалась немка, с жалостью вытирая покрытый каплями пота белый лоб графини,- правда, от такой еды мы вскоре все здесь протянем ноги!

Стефания на еду не жаловалась - ей вполне хватало и молочно-овощного рациона, на который посадил их в заключении де Сантрэ, а вот поклоняющаяся жаркому, как языческому идолу, служанка солидно изголодалась за эти дни.

- И как вас угораздило попасть в такую ловушку,- подхватывал Тибо,- завлек, словно хорь глупышку-несушку!

Стефка только болезненно стонала в ответ, пытаясь справиться с противной слабостью во всем теле. Действительно, Рауль элементарным образом её обманул, только не этим двоим укорять в

доверчивости свою госпожу.

Проснувшись в то далекое утро обнаженной в его объятиях, женщина долго не могла поверить, что так глупо дала обвести себя вокруг пальца. Катастрофа казалась ей настолько сокрушительной, что она чуть было не тронулась умом от горя.

- Вы меня обманули,- кинулась Стефания с кулаками на де Сантрэ,- вы обыкновенный обманщик, лгун, колдун!

Но тот резким движением прижал возмущенную любовницу к груди таким образом, что их глаза оказались на одном уровне.

- Я никогда не лгу,- серьезно уверил он трясущуюся от гнева женщину,- я пообещал, что вы что-то вынесете из ваших грез, и обещание свое исполнил!

- Где же это что-то? Где? - в истерике закричала она.

- Он здесь! - слабо улыбнулся Рауль и многозначительно положил ей руку на живот.

Как она тогда не скончалась от бешенства? Стефке запомнилась только багровая пелена, наползшая на разум, когда она вцепилась ногтями в это бессовестное лицо, да дикое рычание, вырвавшееся из груди.

- Ни за что! - вопила она, изо всех сил вырываясь из ненавистных рук,- никогда этого не будет!

Усмиряли её уже три пары рук. Перепуганные внезапным взрывом гнева обычно терпеливой и доброй госпожи слуги пришли на помощь её врагу, и вскоре туго спеленатая в его плащ Стефка беспомощно извивалась на полу.

- Отпустите меня, - кричала она,- я выцарапаю ему глаза, я....

- Успокойтесь донна! Не надо так расстраиваться! - метались вокруг эти предатели.

- Все будет хорошо! Ну, провели вы ночь с мужчиной, конец света ещё не настал! В ближайшей же церкви возьмете отпущение грехов и вся недолга,- убеждал её, забыв про рифмоплетство, растерянный Тибо,- такие вещи случаются повсеместно, и редко какая женщина может похвастаться, что хранила свою постель только для мужа, да и те, прости Господи, в основном дуры или уродки какие-нибудь!

- Ребенка не так просто зачать,- трусливо вторила ему Хельга,- мессир Рауль ведь не голубь, чтобы клюнуть один раз и все, чрево уже заполнилось! Шутит он, не беременная вы! Вот лучше попейте водички, да придите в себя!

Они голосили в два голоса, болтая всякую чушь, облили её с перепугу несколько раз водой, придавили разметавшиеся волосы, прошлись по ногам, и... Стефка поневоле пришла в себя. И тут же закутила головой в поисках бесстыжего насильника.

Рауль сидел неподалеку на каком-то бауле, и старательно вытирал кровь со щеки, не обращая внимания на суетливо мечущихся и галдящих вокруг графини слуг. Но на её взгляд среагировал мгновенно.

- Ах, душа моя,- нежно улыбнулся он,- хорошо, что вы пришли в себя! Нам нужно сегодня ещё добраться до замка моего дядюшки - кавалера де Шермонтаза, а путь предстоит не близкий.

Пора в дорогу!

- Я никуда не поеду,- резко качнув головой, отказалась женщина,- хватит! Я убедилась в вашем коварстве, дальше наши дороги расходятся!

Рауль, по-прежнему спокойно улыбаясь, наблюдал за ней, прижимая платок к щеке, а слуги подозрительно застыли.

- Ну, - восторженно всем связанным телом пленница,- Хельга, Тибо! Развяжите меня и собирайте вещи!

Те только растерянно переглянулись.

- Но, ваша светлость,- пролепетала немка,- куда же мы пойдём? Там все завалено снегом, мороз, холодно!

- Мы опять собьемся с пути и замерзнем,- тут же жалобно заканючил шут,- у нас нет ни еды, ни денег, и если добрый господин согласился нас довезти напрямик до Парижа...

- Этот добрый господин, как вы выражаетесь, изнасиловал вашу госпожу, а вы?

И эти двое наглецов с такой скоростью отрицательно закрутили головами, что просто на удивление, как те не отскочили с плеч.

- Мы ничего не слышали,- правдиво округлив глаза, заверили слуги вновь наливающуюся гневом графиню,- а то бы непременно кинулись на помощь! Но все было тихо, а когда нам снаружи стало совсем холодно, и мы залезли под полог, то вы уже спали!

- Если бы знали, что вас насильно прижали, мы бы враз вам на помощь с копьём прибежали! - пискнул, опасливо покосившись на де Сантрэ Тибо.

- Откуда нам было знать, что все произошло не по согласию! - добавила покрасневшая Хельга, пряча взор от искрящихся слезами и укоризной глаз графини,- мы, правда, не знали..., но теперь-то ведь сделать ничего нельзя! Потерянного не вернешь, так зачем же нам всем погибать на морозе от голода и холода?

Стефке только и осталось, что заплакать от тоски и бессилия.

- У меня горе,- горько сказала она им, - беда, какой ещё не было! А вы?

Но эти двое уселись на другом краю повозки, демонстрируя занятость переключиванием вещей с места на место, тогда как к ней приблизился де Сантрэ.

- Хватит истерик, дорогая,- неторопливо выпутал он её из кокона плаща, и даже помог одеться в платье, что было весьма кстати в ледяном холоде повозки, - если вас что-то не устраивает в наших отношениях, то ведь никто вас неволить не будет. Мы переждем непогоду в замке дядюшки, и продолжим путь в Париж!

Их фургон тронулся в путь, раскачиваясь на кочках и ухабах. Было невообразимо холодно от налетающего то и дело ветра, задувало под полог снег. Тибо и Хельга, забыв о былых дрызгах, плотно прижались друг к другу, зарывшись в солому, устилающую дно повозки. Рауль почему-то не вылез наружу, как обычно, а остался внутри, расположившись как раз посередине между слугами и графиней. Стефания, может быть, и прижалась бы в поисках тепла к слугам, но

сначала нужно было пробраться мимо де Сантрэ, поэтому она мужественно терпела ледяную стужу, кутаясь в свой собственный, далеко не самый теплый плащ, принципиально отвернувшись от мехов, предложенных вчера коварным Раулем. Кто знает, может проклятый колдун наслал на них чары? На душе и без того было настолько плохо, что хоть волком вой. Стефка чувствовала себя не просто оскорбленной, а донельзя униженной и оскверненной, и молча томилась от мук нечистой совести.

А что если о моем позоре, когда-нибудь узнает дон Мигель? - болезненно прострелила её страшная мысль,- Пресвятая дева, что же тогда будет? Ой, как страшно, стыдно, нехорошо! Он никогда не простит потерявшую чистоту жену! Никогда!

И вдруг, как будто через закрывавшую все это время разум пелену внезапно пробилось ясное и четкое сожаление о том, что она покинула мужа. Только он, дон Мигель, мог защитить её от таких подлецов, как де Сантрэ, только он был ей настоящей поддержкой и опорой, которую она по глупости выбила из-под своих ног. Что за помешательство заставило её пойти на столь безумный шаг? К кому она так стремилась и бежала? Стефанию даже заколотило от осознания собственного безумия. Но как теперь вернуться к мужу? Как посмотреть ему в глаза? Она даже взвыла от отчаяния, спрятав голову в коленях.

Мороз крепчал, и совсем окоченевшую от холода и горя женщину стало клонить в сон, когда лопнуло терпение у самого де Сантрэ.

- Хватит глупостей, - подсел он к ней поближе, и закутал её вяло сопротивляющиеся плечи в меховую шубу,- так и заболеть недолго!

- Я хочу умереть! - пробормотала несчастная Стефка, и вновь расплакалась, уткнувшись носом... прямо в грудь ненавистного Рауля!

- Что ты, любовь моя, что ты,- нежно вытер он слезы с её щек,- ты просто устала, переутомилась скитаться по незнакомым дорогам в чужой стране. Тебе надо отдохнуть, отоспаться на хорошей постели, в тепле и уюте!

И опять предательское тепло, исходящее из его объятий, проникло во все поры заочневшего тела, заставив блаженно расслабиться и моментально заснуть, склонив голову на любезно подставленное плечо.

А когда она очнулась, то уже стояла во дворе странного сооружения, только издали, быть может, напоминающего знакомые ей замки. Высокие стены с башнями защищали от постороннего глаза довольно простой двухэтажный дом, окруженный небольшим, засыпанным снегом садом и всё - ни людских служб, ни толп носящегося туда и сюда народа, ни запахов, идущих с кухни! Да что там, даже следов ног на белоснежном покрывале снега и то не было!

- Как мы сюда попали? - позже спрашивала озадаченная Стефания слуг, но те оказывается, тоже благополучно проспали момент прибытия в этот странный дом.

Позже, когда они тщательно изучили это место, то выяснилось, что где-то за его пределами люди все-таки есть, потому что периодически появлялись мрачные, скорее всего, немые слуги, приносили еду, занимались уборкой. Сделав свое дело, они тот час исчезали за крепко закрывающимися воротами в каменной высоченной стене, а на ночь их вдобавок закрывали в доме с крепкими решетками на окнах, совсем уж непонятно зачем.

Но это пленники узнают позже, а пока они, раскрыв рот, разглядывали стены диковинного жилища. Рауль радушно водил их по помещениям.

- Вот, душа моя, здесь вы пока и отдохнете, наберетесь сил! Располагайтесь, обживайтесь!

Стефка отвела очарованный взгляд от украшенной зеркалами спальни с огромной кроватью, и озадаченно спросила:

- А где хозяева этого дома?

- Ты, радость моя, его хозяйка! - улыбнулся Рауль.

Посчитав, что это просто галантный оборот речи, женщина растерянно улыбнулась.

- Но вы говорили, что-то про своего дядюшку?

- Он умер лет сто пятьдесят назад, - с готовностью заверил их де Сантрэ, сделав вид, что не замечает ошеломленных лиц гостей, - так что, этот дом в вашем полном распоряжении! Отдыхайте, я навещу вас позже!

И исчез!

- Ой, - растерянно плюхнулась на тот час затрещавшее под её весом креслице Хельга, - и куда же мы это попали?

Тибо мрачно нахохлился.

- Каким бы чертом не был он, попали мы, как курицы в бульон!

Но пока Стефания изумленным взором разглядывала в зеркале исхудавшую, с беспокойными глазами рыжеволосую незнакомку, пытаясь сообразить, как это она смогла дойти до такого состояния, её слуги уже пришли в себя.

- Как бы то ни было, здесь тепло, наверняка хорошо кормят, и есть где выспаться!

Так все начиналось.

Де Сантрэ появился на третий сутки, когда они действительно выспались, отдохнули, отъелись.

Стефка с Хельгой от делать нечего перебирали нитки для вышивания, оказавшиеся в коробке с рукоделием, когда перед ними возник, преклонивший колени мужчина.

- Вот, душенька моя, - галантно преподнес он недовольно глядящей на него женщине серьги с бирюзой пронзительно синего цвета, - примерь! Они подходят к твоим глазам.

Серьги действительно были красивыми и хорошей работы, только момент для подарка Рауль выбрал неподходящий - его пленница едва взглянула на подношение.

- Шевалье, - грозно свела она брови, - мы благодарны вам за предоставленный кров, но нам пора в дорогу! Будьте добры открыть ворота!

Но тот прикинул серьги к её глазам, и, полюбовавшись эффектом, задумчиво пробормотал.

- Нет, бирюза немного светлее - у вас изумительный цвет глаз, милая! Они не дают мне покоя с той самой минуты, как я вас увидел!

- Я польщена,- кисло сморщилась Стефания,- вы что, оглохли? Я вам толкую одно, вы мне другое! Неужели в ваших глазах я настолько скудна умом, что не достойна ответов на свои вопросы?

Надо было видеть, с какой быстротой исчезла неповоротливая Хельга, едва де Сантрэ взглянул на неё. Позже немка признается хозяйке, что она словно заглянула в глаза самой смерти. Рауль как будто снял маску и, наконец-то, стал самим собой, то есть личностью весьма неприятной, опасной и трудно постижимой, но тогда они этого ещё не знали, и графиня наивно надеялась на благоприятный исход переговоров.

- Простите меня, мадам, но я не услышал вопроса, - присел он на только что освобожденное место, и даже подхватил в руки нить из сматываемого пленницей клубка, - поэтому и не ответил!

- Я спросила, когда мы сможем тронуться в путь?

- Хоть сейчас, если только вы мне поясните, куда направляетесь?

Стефка немного смутилась.

- В Париж,- уже тише ответила она,- вы же знаете об этом!

- Нет, не знаю! Не знаю, зачем вам понадобился этот город? Кто вас там ждет?

- Я отвечала вам на этот вопрос!

- Так повторите!

- Я еду к Азенкурам!

- Азенкур - это маленькое село близ Кале, где полвека назад англичане наголову разбили французов. Может, у него и есть сеньор, но он не имеет отеля в Париже, и принадлежит к мелкой фландрской знати, а сейчас и вовсе вассал английской короны. И зачем вам нужна эта, скорее всего, мифическая личность?

Стефка растерянно оглянулась в поисках выдуманного эту историю Тибо, но хитроумный карлик предусмотрительно спрятался.

- Пусть так,- вынуждена была согласиться покрасневшая женщина,- но мне все равно нужно в Париж!

- Что вы там собираетесь делать? Без денег, без связей, и даже, как выясняется, без цели?

Что ж, как это и неприятно говорить...

- Я замужем, и ищу мужа!

- Никто не ищет мужа, убегая от него!

У графини де ла Верда противно занял живот.

- Так вы знаете, кто я?- обреченно выронила она клубок ниток из ослабевших рук.

Рауль любезно его подхватил и вручил обратно.

- Дон Мигель, граф де ла Верда - довольно известная личность во Франции. Так же хорошо известно его явно болезненное увлечение преследованием еретиков, или, как он их называет, поклонников дьявола. Мне вполне понятно, почему от него сбежала жена, я не понимаю, зачем ей возвращаться практически на верную смерть?!

Стефка недоуменно взглянула на собеседника, с испугом заметив непонятное мерцание его обычно невыразительных глаз.

- Смерть?

- Граф посылал людей в подвалы инквизиции по малейшему подозрению в причастности к ереси! Что же он сделает с женщиной, если она нарушила священный брачный обет? Обвинит в попустительстве сатанинскому наущению и недрогнувшей рукой отправит на допрос в суд инквизиции. А для братьев доминиканцев невиновных не бывает! Вряд ли вы вынесете пытки..., но и даже в случае упорства вас поместят в затхлый подвал с крысами, на хлеб и воду на долгие годы покаяния! Здоровья вы хрупкого, и вскоре де ла Верда сможет повести другую невесту к алтарю. Ваш муж не любит и тяготеет к вам, зачем же давать ему отличный шанс избавиться от надоевшей супруги?

Стефания часто, и про себя, и вслух упрекала мужа в том, что он не любит её, страдала от этих сомнений, обижалась на его невнимательность, но когда она услышала подтверждение своим подозрениям из уст человека постороннего, да ещё высказанное твердо и убежденно...

- Нет,- побежали слезы по её щекам,- этого не может быть! Мигель любит меня, он просто..., мы с ним..., он любит, любит меня!

Рауль сочувственно подал ей платок, но от своего не отступил.

- От ваших слез в его сердце не вспыхнет любовь! Да, в свое время он увлекся нежной невинной девушкой, но удовлетворенная страсть гаснет быстро! Иначе, почему он не пустился за вами вдогонку? Этот хитроумный интриган ваш шут сделал все, чтобы вас можно было отыскать, не прилагая никаких усилий. Он не давал вам шага сделать, не оставив следов, кружил по одному и тому же месту... почему же вас не нашли? Задайте себе этот вопрос?

Стефка всхлипнула. Она уже знала ответ, но отказывалась произносить приговор своему замужеству. Странно, но только сейчас, после всего случившегося, она вдруг со всей очевидностью поняла, чего хотела добиться своим побегом. Оказывается, в глубине души, женщина все-таки подспудно ждала, что Мигель раскается, поймет свою ошибку, догонит её, и они помирятся!

- Если бы вы были ему нужны, он нашел бы вас так же просто, как в свое время это сделал я! Между тем, граф благополучно уехал во Фландрию, а сейчас он вообще пересек пролив и находится с дипломатической миссией в Лондоне, наверное, предпочитая вообще забыть, что у него есть семья!

- Дон Мигель уехал в Лондон?

У бедной Стефании задрожали руки, и злополучный клубок вновь выпал из пальцев.

- Почему? - с болезненной тоской взглянула она на де Сантрэ, окончательно запутавшись в шелковых нитях, - почему он выкрал меня у жениха, накануне свадьбы, если я была ему не нужна?

Рауль посмотрел на неё с неясным выражением на лице, то ли сожаления, то ли презрения, а может быть и того и другого.

- Люди,- задумчиво проговорил он,- вообще, странные существа! Их чувства так мелки и непостоянны, поступки суетливы и вздорны, они ничего, кроме золота не ценят и мало кем дорожат! И, как правило, только потеряв, начинают сожалеть об утраченном. Выкиньте его из головы, любовь моя, де ла Верда вас не достоин - он разбил вам сердце и даже не заметил этого!

Стефка сквозь слезы неприязненно глянула на собеседника.

- А вы не такой? - зло спросила она,- разве вы не обманом обесчестили меня?

- Нет,- Рауль нежно сжал ей руку,- не такой! Я долго искал себе подругу, и когда, наконец-то, нашел, несколько поторопился с изъявлениями чувств, но меня можно понять - ведь вы так прекрасны! Уверю, мое сердце навсегда отдано вам!

- Это только слова,- раздраженно отмахнулась плачущая Стефка,- слова, чтобы заморочить мне голову и уложить в вашу постель, а когда насытитесь, то у вас тоже появится сотня дел, и вы бросите меня так же, как это сделал в свое время мой муж! Но дон Мигель - мой супруг перед Богом и людьми, тогда как вы предлагаете мне недостойную связь!

- Я предлагаю вам разделить любовь и жизнь, и в этом нет ничего недостойного!

Графиня посмотрела на сидящего напротив мужчину, и сердце пронзила горькая, как полынь тоска. Она прекрасно понимала, что будет дальше, и это приводило её в бессильное отчаяние.

- Пусть меня не любит дон Мигель,- порывисто перевела она дыхание,- но это не значит, что его место должны занять вы!

- А я и не претендую на его место!

Рауль ласково сжал её руки, освобождая от шелковых пут.

- Вы слишком устали, подавлены и растеряны, чтобы объективно взглянуть на ситуацию. Между тем, вам здесь будет хорошо, поверьте! Посмотрите за окно - там метель, свирепый ветер, а здесь уютно, тепло, безопасно, многим женщинам остается только мечтать о таком убежище в объятиях любящего мужчины!

Стефка внимательно вслушивалась в интонации завораживающего голоса, постепенно приходя в состояние обреченного безразличия - действительно, за окном зима, холод и снег, Мигель уехал в Англию и никто и нигде не ждет бедную, беззащитную странницу!

- Примерьте серьги, я уверен, что эта бирюза придаст особый шарм вашей красоте! И знаете..., драгоценные камни лучше всего смотрятся на обнаженной женщине, одежда мешает их по достоинству оценить!

Вот так все начиналось...

Рауль довольно часто навещал свою пленницу, каждый раз приносил какие-нибудь ценные подарки - драгоценности, дорогие шитые золотом ткани, вуали, тончайшие шелковые чулки.

- Зачем мне все это? - как-то спросила его Стефания, рассеянно любуясь на обтянутую

расшитым шелком ногу,- вы, едва завидев меня, сразу же раздеваете! А слугам вообще все равно, как я одета!

- Я специально повесил в этой комнате столько зеркал, чтобы ты любовалась своей красотой. Посмотри, как прекрасно смотрится это кольцо из сапфиров на твоей коже, само совершенство! В мире так мало подобной красоты!

Рауль действительно был ценителем всего прекрасного, но иногда Стефания ощущала себя, чуть ли не очередным перстнем в шкатулке для драгоценностей, настолько мало интересовали де Сантрэ её истинные чувства и желания.

И вот сегодня ей приснился странный сон, давший понять, что пора заканчивать свое заключение, иначе, как высказалась кошка из сновидения, она потеряет душу и действительно станет вещью из коллекции редкостей Рауля, а люди... ..они не те, кем кажутся!

- Надо выбираться отсюда! - скомандовала она смущенно переминающимся с ноги на ногу слугам.

- Но как? - тут же втянула голову в плечи расстроенная Хельга,- везде замки, стены, решетки... и вообще, давайте подождем весны! Куда мы поплетемся в пургу и метель?

Стефка, в общем-то, понимала, что дожидаящаяся вскоре родов немка мало подходит для побега, но и бросать её здесь не отваживалась. Рауль был удивительно черств ко всем, кроме неё, да и она не была особенно уверена в его чувствах. Де Сантрэ был всегда отстраненным, холодным и непостижимо далеким!

Но на удивление хозяйку поддержал Тибо.

- Здесь не все ладно,- буркнул он,- бежать надо отсюда, пока совсем не стало худо!

Оставалась мелочь - выбраться из плена. Собравшись в кружок, они шепотом обсудили план побега.

Ударить табуретом по голове истопника оказалось делом несложным, а вот выбраться всем той дорогой, по которой он пронес свои дрова, им не удалось. Оказалось, что сад, в котором находился их дом, разбит на довольно большой площадке между несколькими башнями внутренней цитадели, и калитка ведет в кишачий людьми внешний двор, какой-то крепости.

- Нам не пройти незамеченными,- вернулся из разведки расстроенный Тибо,- если только кто-то переоденется в его одежду!- кивнул он на бесчувственное тело.

Вариантов было немного.

- Прости меня, Хельга! - со слезами на глазах простилась с верной служанкой графиня,- я обязательно вернусь за тобой. Да и не тронет де Сантрэ беременную женщину, а пускаться в такой опасный путь на сносях...

Немка, конечно, расплакалась, но помогла госпоже переодеться в тряпье истопника. Тибо с небольшим узлом самого необходимого завернули в рогожу, в которой слуга принес дрова, и Стефка, с невероятным усилием взвалив на плечи увесистый груз, отправилась к распахнутой калитке одной из башен.

Наверное, ей элементарно повезло, но когда она вышла из темноты башни на утопанный снег

двора, то первое, что попало на глаза, оказалась выдавшая виды крытая повозка, уже запряженная парой лошадей.

Воровато оглянувшись, Стефка молнией метнулась под защиту её полога, молясь, чтобы там никого не оказалось, и действительно - в ворохе сена устроились только какие-то пустые горшки, рогожи, ящики.

- Тибо,- вытряхнула из рогожи шута донна,- быстро закопай меня в сено, да смотри, не перебежь горшки!

Что она испытала, пока он не зарыл её и себя, не передается описанию. То ли из особой вредности, а может, дурачась по привычке, Тибо так грохотал горшками, что просто диво, как их не обнаружили. От всей души Стефка врезала затрецину этому озорнику, но что толку, он повыл-повыл, и тот час принялся устраиваться поудобнее, с оглушающим треском шурша сеном.

В общем, когда возница, что-то долго обсуждавший совсем рядом с беглецами, залез, наконец, на козлы и тронул повозку, женщина была уже в неменяемом состоянии от страха, что их вот-вот обнаружат, и все придется начинать сначала.

Скрипя и попрыгивая на каждой кочке, угрожающе раскачиваясь, эта развалина миновала подъемный мост, судя по ругани стражников и скрежету разматываемых цепей. Шепчущая все, которые только знала молитвы Стефка лежала ни жива, ни мертва, больше всего на свете боясь чихнуть от лезущего в нос сена, да крепко зажав рот возмущенно брыкающемуся шуту.

- Убью! - грозно прошептала она ему на ухо, и тот благоразумно затих.

Беглецам казалось, что прошли долгие часы пути - они измучилась от неудобных поз и ледящего холода, прежде чем по характерному шуму, доносящемуся снаружи, догадались, что въехали в неизвестное селение.

Когда повозка остановилась, и возница, прихватив несколько горшков, куда-то отлучился, настала их очередь осторожно вылезти на белый свет, отряхивая сennую труху. Вокруг беглецов кипела жизнь небольшого городка. И если Стефка в испачканном платье истопника выглядела настоящим чучелом, то бархатный костюмчик Тибо, наоборот, удостоверял каждого, что перед ним почтенный шут из очень состоятельного семейства.

- В Сен-Дени удалось убежать,- скоро сделал вывод карлик, прислушавшись к разговорам вокруг,- отсюда до Парижа рукой нам подать! Надо сменить вам платье, если не хотите слушать проклятья!

Сменная одежда у графини была - то самое платье с плащом, в котором она в свое время бежала ещё из Лотарингии. Не местного покроя, порядком потрепанное и облезлое, но чистое, оно все-таки более подходило моменту, чем отрепье, в котором пленница совершила побег.

Кое-какие деньги у них оставались на тот момент, когда их нашел Рауль, вот эти жалкие гроши Стефания и вынесла из заточения, наотрез отказавшись взять дареные драгоценности.

- Пусть подавится своими алмазами,- буркнула она в ответ на уговоры слуг,- не хватало только, чтобы нас обвинили в воровстве. На худой конец...

Графиня с тяжелым вздохом прижала к груди золотой крестик, который в свое время подарил ещё Збирайда. Грех, конечно, его продавать, но лучше так, чем брать то, что тебе не

принадлежит.

Надо сказать, что хозяин постоялого двора, где они остановились, чтобы привести себя в порядок, посоветовал путникам выехать с караваном торговцев мукой, который отходил на следующее утро по направлению к Парижу.

- Такая красotka как ты, детка, всегда договорится, чтобы ей устроили местечко между кулями с мукой и компанию тебе всегда подберут, денег не возьмут,- довольно добродушно пошутил он, намекая на её жалкий полунищенский вид, - и уродца своего где-нибудь приткнешь!

- Я - честная девушка,- деланно оскорбилась, поддельваясь под деревенский говор Стефка, но неистребимый акцент придал её речи диковинную шепелявость.

- Так ты, бедняжка, ещё и косноязычна,- пожалел её трактирщик, но потом все-таки добавил, - но с таким личиком тебе слова ни к чему, только глянешь глазками и любой дурак все поймет.

Дядька был добродушным, но и то не оставлял её в покое еще минимум полчаса, изошряясь во фривольных намеках. У Стефки стало отвратительно на душе - а если действительно привяжется какой-нибудь нахал, что тогда делать? Тибо его пугать?

- Мой отец умер,- плакалась она трактирщице вечером,- у меня остался только брат, - кивнула она головой на опешившего от такого внезапного родства карлика,- он служит на хорошем месте в Париже! А как нам туда добраться, чтобы ко мне не приставали всякие распутники, ведь я честная девушка и не хочу рисковать своим добрым именем?

Она так долго плакала и причитала, горестно перечисляя свои мнимые несчастья, что недалекая, но добрая женщина пожалела сирот, и, обежав всех кумушек, нашла знакомых, чей глава семейства то же выезжал с хлебным обозом, и тот клятвенно пообещал не дать их с Тибо в обиду.

- Попробуй только вякни, хотя бы слово,- пригрозила графиня то и дело порывавшемуся что-то съязвить шуту,- станешь немым карликом, на радость всем, кто хоть раз с тобой встречался. Язык вырву!

Вряд ли тот поверил угрозе, но все-таки мудро промолчал, когда сердобольная трактирщица собрала им на ужин пару лепешек с куском курицы.

Стефка мужественно открыла рот..., и тут же его закрыла.

- Не могу,- мрачно призналась она,- ешь сам!

И Тибо в мановение ока сожрал все предложенное, сыто отгрыгнул и улегся спать, а Стефания всю ночь прокрутилась на скудной лежанке рядом с сопящим карликом. Бежать-то, она бежала, но что делать дальше? Куда идти в незнакомом Париже? И кого искать, не Азенкуров же, на самом деле?

- Подумаешь, проблема,- зевнул поутру карлик, когда она пожаловалась ему на бессонную ночь,- а Гачек на что? Уж он, что-нибудь придумает!

Про земляка графиня совершенно забыла, и теперь, воспрянув духом, с нежностью вспомнила своего соотечественника. Да вот же, решение всех проблем! Славек, действительно, обязательно поможет!

Зимнее солнце ещё только багрово забрезжило на востоке, а обоз уже тронулся в путь.

В одной из телег, положив голову на мешок с мукой, спала крепким сном счастливая Стефка. На её коленях притулился дремлющий Тибо, не пожелавший пачкать свой нарядный костюм мучной пылью. Но беглянка даже не стала стгонять наглого шута, у неё на душе впервые за долгие месяцы воцарился покой. Пусть впереди ещё было немало трудностей, но эйфория свободы уже охватила её, и Стефания, наконец-то, окончательно поверила, что убежала от Рауля.

- И никогда больше,- твердо сказала она себе,- я не буду иметь дела с нечистой силой!

## АНГЛИЯ.

Чудовищные сквозняки, гуляющие по обширным залам замка Тьюрдорф, любезно предоставленному папскому посольству его владельцем, скрывшемся, наверное, в более пригодном для жилья месте, были ещё не самой худшей напастью. Больше всего допекала южан-легатов промозглая сырость, от которой не было спасения даже у гигантских каминов, в которых горели целые стволы деревьев. Что толку в опаленных носах туфель и в начинавшей то и дело парить одежде, если по осклизлым стенам на противоположном конце зала иногда даже струилась подозрительная влага.

Волглое бельё, не согревающиеся даже жаровнями спальни, отвратительная еда. Пусть только злопыхатели скажут, что жизнь у аристократов - мёд, дон Мигель их лично ткнет носом в плесень у себя за кроватью. С каким бы удовольствием они от этого грандиозного великолепия съехали на какой-нибудь постоянный двор, с маленькими, но хорошо протопленными комнатами. Увы, положение обязывает!

Поэтому простуженные, с застарелым насморком, чихающие и трясущиеся от холода папские легаты тщетно кутались в теплую одежду, да пичкали себя отвратительным вином со специями из запасов хозяина - графа Солсбери.

- Мы киснем здесь уже месяц,- привычно жаловался граф епископу,- а дело не сдвинулось с мертвой точки. А все этот беспокойный граф Уорик. Делатель королей - ни больше, ни меньше! Практически процарствовав первые годы правления вместо молодого повесы Эдуарда, беспринципный интриган теперь не хочет расставаться с властью. Какое тщеславие у этого человека! Между тем, я уверен, что за замыслами реставрации короля Генриха на престоле, стоит наш хитроумный король Людовик. Известно ведь, какие конфликты вспыхивали между Уориком и Йорком по вопросу поддержки Карла Смелого. Вот теперь бургундец и вынужден принимать у себя беглеца, сторонника свергнутого короля, а как же - родственные связи!

Братичелли в силу возраста воспринимал английский климат ещё хуже, чем его молодой сподвижник. У него разыгрался ревматизм, скрючило пальцы на ногах и болело раненное в годы неразумной юности плечо, но принимал он эти напасти с похвальным смирением, ни то что выходящий из себя от вынужденного безделья дон Мигель.

- Ланкастеры продержатся недолго,- убежденно заверил его епископ,- что из того, что Уорику удалось захватить в плен короля Эдуарда, потом же он все равно его выпустил! Надо же, как ребенок, поверил лживым посулам и обещаниям. Непростительная наивность со стороны такого опытного интригана. И мало проку от королевы Маргариты в этом тонком деле, хотя для женщины она необыкновенно воинственна. Сам же король по-прежнему сидит в Тауэре, да и какой толк с этого, не понять в каком мире существующего государя?

Собеседники тяжело вздохнули. Помутнение разума - катастрофа для любого человека, но горе той стране, в которой подобным недугом страдает король. Государство начинает само по себе напоминать безумца, как будто болезнь перекидывается на всех его подданных.

- Уорик собирается вновь провозгласить Генриха королем и править от его имени. Говорят, что между ним и Маргаритой Анжуйской подписано об этом соглашение, - уныло заметил де ла Верда, - может, у него даже есть идея об окончательном захвате трона Плантагенетов, черт знает, что в голове у этих властолюбцев! Кое-какие права на это он имеет. Ведь у Ланкастеров практически не осталось наследников, кроме принца, и уж совсем отдаленного родича - Тюдора, тогда как Йорки довольно многочисленны. Да и сам низвергнутый король имеет полную возможность нарожать наследников, так как достаточно молод!

Огорченный епископ прочитал молитву.

- Бедная Англия, - грустно перекрестился он, - кто бы мог подумать после блестящего правления короля Эдуарда III, что её ждет такое бедствие? Страшно смотреть, как глупо гибнет цвет английской знати. У папы все это вызывает страшную тревогу, но что толку оттого, что папские посольства, сменяя друг друга, пытаются прекратить весь этот ужас. Среди дьявольского шабаша честолюбий никто не слышит примиряющего благоразумного голоса церкви. Все озверели от крови! Вот что может сделать с могущественной династией один неверный вассал-клятвопреступник!

Дон Мигель согласно кивнул головой, зябко ежась под меховой полостью.

- Сначала Уорик предал Ланкастеров, теперь Йорков, а потом опять предаст первых, - продолжал рассуждать огорченный епископ, - и что? Переговоры нам теперь вести с этим дурным честолюбцем, или с королевой Маргаритой, а может дожидаться, когда вернется с войском восстанавливать свои права на престол король Эдуард?

- Не знаю, - вздохнул граф и, нехотя вывернувшись из теплого мехового кокона, лениво подошел к длинному створчатому окну с мутной непроглядной слюдой, - а еще все время эти дожди, дожди и дожди! На улице уже давно зима, а на этом проклятом острове постоянная мокрая сырая мгла, как будто солнце кто-то украл, и наступила вечная осень. Мне кажется, что все в этом мире как будто сговорилось против меня. Пропала Стефания, нелады с Людовиком, бесполезное пребывание в этой утопающей в дождях стране, когда мне так нужно быть во Франции!

- Вы поддаетесь греху уныния, сын мой, - укоризненно покачал головой епископ, - возможно, это просто испытание, которое наложил на вас Господь. Смиритесь и молитесь о его помощи. Кстати, а есть ли какие-нибудь известия от вашего секретаря?

Де ла Верда отошел от окна к огромному столу, открыл деревянный резной ларец и подал его преосвященству ворох писем.

- У Гачека оказался талант соглядатая! Сколько я работал с такого рода людьми, но таких полных отчетов никогда не получал.

- Может, потому что у него есть личная заинтересованность в судьбе вашей супруги? - улыбнулся Братичелли. - Он так преклонялся перед ней!

- Может, - сухо усмехнулся в ответ дон Мигель, - но работает Гачек добросовестно. Утешительного, правда, сообщить ему нечего. В свите Карла Французского Рауль де Ла Рош занимает должность устроителя облав на зверя и бывает в отеле сюзерена только накануне

выездов на охоту. Друзей он не имеет, держится всегда особняком, замкнут, но, не имея друзей, не имеет и врагов. С юной женой встречается редко, постоянно пропадая в охотничьих угодьях.

- Аминь, - подвел итог разговору зевнувший епископ, - положитесь на милость Божью, сын мой, и Всевышний вас не оставит!

Интриги интригами, а войны войнами, но двенадцать дней после Рождества в Англии привыкли праздновать с широким размахом. К всеобщему веселью не мог не присоединиться красивый остроумный испанец. Забыв про хандру он принимал деятельное участие во всех придворных развлечениях, пытаясь сориентироваться в той сумасшедшей головоломке, которую представляла собой политическая жизнь туманного Альбиона того времени.

Вот и сегодня де ла Верда сопровождал королеву Маргариту и её придворных дам в катании на богато разукрашенной коврами и бархатными подушками ладье по Темзе. Выдался на редкость солнечный день, и отблески солнца на хмурой зимней воде приятно радовали глаза.

Граф изо всех сил старался быть галантным с выводком разодетых в шелка и узорчатый бархат кокетливых, далеких от скромности дам. Англичанки иногда его ставили в тупик несколько более, чем вольными манерами поведения.

Описываемая эпоха требовала от женщин уже довольно много - дамы эпохи Ренессанса должны были уметь поддерживать беседу, петь, музицировать, танцевать, уметь к месту цитировать модных поэтов. Дон Мигель не то, чтобы осуждал подобные вольности - пусть кривляются, раз пошла такая мода! Но во всем должна быть мера, а вот англичанки часто переходили всякие границы благоразумия.

Вот и сейчас, их разноцветные вуали развевались как флаги, готовящихся к сражению армий. Блеск шаловливых глаз, двусмысленные шепотки и улыбки, юбки по делу и без дела, взмывающие над кокетливо обнажаемыми ножками.

- А правда, граф, что вы женились во время своих путешествий?- первой поддела его графиня Берри, искоса бросая на чужеземца сверкающий улыбкой взгляд.

- Правда! - граф любезно растянул губы в ответ.

Его интересовала эта женщина, ходили упорные слухи, что она любовница Уорика, не смотря на близость последнего с королевой.

- И где же сейчас ваша супруга?- это спросила леди Самвейлл.

Красавица-вдова была ближайшей подругой королевы, значит, его личная жизнь была предметом сплетен в королевской опочивальне.

- Где ей и положено быть - в Испании!

- Но ей, наверное, скучно без вас? - опять графиня.

Дон Мигель шутливо развел руками, чуть ниже, чем надо, склоняясь над эннемом красоты.

- Что поделать, жизнь не может быть вечным праздником! Женщине спокойнее жить в деревне, если только речь не идет о такой божественной красавице, как вы, миледи! Уж вашу

прелесть было бы преступлением прятать в тишь, какого-нибудь провинциального замка!

- О, вы испанцы умеете одаривать комплиментами,- улыбнулась польщенная женщина.

- То что сияет и слепит, не нуждается в комплементах. Красота словно солнце, даже для тех, кто вообще лишен способности говорить!

- Меня ещё никто не сравнивал с солнцем!

- Я тоже не сравниваю..., я люблюсь, таю от блаженства и немею!

- Это вы-то немые? Тогда что же бывает, когда вы разговоритесь?

Стараниями дона Мигеля их переговоры от фразы к фразе становились все тише и тише, и последние слова он уже проговорил почти шепотом, склонившись совсем низко над ухом дерзкой кокетки.

- Голос сердца предпочитает доноситься только до того, кем хочет быть услышан! Вам достаточно только пожелать и я положу к вашим ножкам свою любовь!

Он уже несколько дней вел упорную осаду этой красавицы, но она только улыбалась, не давая конкретного ответа, но и не отвергала его притязаний. И вот сегодня, судя по томному мерцанию ответного взора, граф был как никогда близок к цели, но...

- Дон Мигель,- неожиданно обратилась к нему, поигрывающая веткой жимолости, королева,- вы настоящий дамский угодник! Как не гляну, вы, то с одной дамой, то с другой! Что на подобную ветреность скажет ваш спутник епископ?

- Каждому свое, ваше величество, одним молиться, другим ухаживать за дамами. Что поделаешь, если у меня горячая испанская кровь!- отшутился де ла Верда, вновь многозначительно глянув на упорствующую графиню.

- Вы красивый мужчина, но говорят, что испанцы хоть и страстные любовники, но очень коварны!

- Ваше величество, это клевета! Достаточно посмотреть на меня, чтобы понять - уроженцы Пиренеев кротки и смиренны, яки агнцы! Где вы увидели коварство? Наоборот, ваши дамы жестоко терзают мое сердце своей красотой, отказываясь ответить на чувства.

И, конечно же, все рассмеялись в ответ на это жалобу. Королева же только покачала головой - впрочем, она сама была отнюдь не дурна, и если бы не опасная стезя, по которой шла её величество, тогда..., как знать! Де ла Верда заинтересованным взглядом обвел её красивое лицо, рыжеватые косы, приятные формы, и пришел к выводу, что как женщина она ему нравится, но только, как женщина! Не более!

К сожалению, их миссия с епископом зашла в тупик.

Ланкастеры всегда поддерживали Людовика в его борьбе с Карлом Смелым, но когда встал вопрос о конкретных действиях, английская сторона неожиданно заупрячилась.

Не сказать, чтобы они отказались это делать или выдвигали какие-то новые требования, но дело не сдвинулось с мертвой точки ни на йоту. Поэтому граф и решил пойти к цели давно проверенным путем через альковы дам. И хотя графиня Берри пока упрячилась, он был твердо

уверен, что это дело времени. Она все равно согласится, хотя бы ради интереса испытать его в постели, чтобы потом было о чем посплетничать с такими же развратными подружками.

И именно в этот момент, в самый разгар интриги, из Франции пришло донесение от Гачека, после которого епископу пришлось употребить все свое красноречие и влияние, чтобы привести в чувство своего соратника.

- Вы не можете так все бросить и уехать во Францию,- уговаривал он мечущегося по комнате невменяемого испанца,- вы же сами видите, в какой тупиковой мы ситуации. Нужно обязательно узнать, почему Ланкастеры тормозят переговоры? А тут бесценна именно ваша помощь!

- Но моя жена бродит по Парижу! Мало ли, что взбредет ей в голову, куда она ещё подается в припадке слабоумия! От такой женщины можно ожидать чего угодно!

- Я не верю собственным ушам,- сокрушенно вздохнул его преосвященство,- где же ваша знаменитая логика, где острый ум, который так ценит папа? Вы ещё толком ничего не знаете наверняка, и уже такого здесь наговорили, что хоть уши затыкай. Остыньте, успокойтесь, придите в себя! Если графиня появилась, наконец-то, в Париже, живая и здоровая, и принялась искать в Латинском квартале Гачека, то наверняка, поселилась где-то в Новом городе, и секретарь скоро найдет и привезет её сюда! Но в высшей степени глупо было бы сейчас появиться во Франции. Мы не можем себе этого позволить. Если об этом узнает итак недолголюбивающий вас Людовик, то скандала не избежать!

Де ла Верда ещё долго не мог взять себя в руки, извергая проклятия и круша все вокруг, но епископ терпеливо переждал приступ, благочестиво перебирая четки. Он намеривался твердо стоять на своем. Не виделись супруги полгода, могут пока и ещё подождать! Все равно, кроме скандала и взаимных обвинений их не ждет ничего хорошего, а с этим можно было и повременить.

И тут, на счастье его преосвященства, в комнату осторожно заглянул слуга с сообщением, что графа дожидается какая-то старуха. Недовольный дон Мигель все-таки вышел к посетительнице, и почти сразу вернулся, подавленный, но, наконец-то, успокоившийся.

- Записка от графини Берри,- сказал он тихо епископу, сразу же сжигая бумагу в камине и тщательно закопав её в раскаленные уголья,- она ждет меня сегодня вечером!

- С Богом, сын мой,- отечески напутствовал его тот, облегченно переведя дыхание, - а заодно и успокоите расхолодившиеся нервы. Миледи красивая женщина - совместите приятное с полезным! А утром приходите за отпущением грехов!

Дни шли за днями, складываясь в недели и месяцы.

Наконец, после невероятных усилий и в результате целой цепи головоломных интриг папскому посольству удалось усесться за стол переговоров и даже осторожно приступить к выработке, каких-то предложений, но тут начался новый виток войны, и все прочно застопорилось. Ланкастеры и Йорки вновь схватились в смертельной схватке.

Епископ и дон Мигель, обреченно наблюдали, как рушится и превращается в бумажный мусор то, что они с таким трудом достигали на протяжении почти трех месяцев.

На дворе уже зазеленела молодой травой весна, и опять лили так раздражавшие де ла Верду

дожди, когда страшным аккордом пробили события марта 1471 года. Наследный принц погиб в битве при Тьюксбери, а король Генрих был казнен в Тауэре, о чем громко шептались в Лондоне, не смотря на опровергающие репортажи правительства Эдуарда Йорка.

Легатам, по большому счету было все равно, кто победил в этой дикой резне, главное, чтобы она, наконец-то, закончилась.

- Они оскорбляют цветок девы Марии, так обильно поливая его кровью,- как-то огорченно высказался его преосвященство, и это было довольно емкое выражение отношения папского престола к происходящему, но в остальном...

Йорк был настроен откровенно против заключения мира, и за месяцы пребывания во враждебной Франции Бургундии его отношение к Людовику ещё более ухудшилось. То есть работа посольства не только пошла насмарку, но ещё и усложнилась.

Между тем от Гачека то же не было никаких утешительных известий.

Все шло по-старому. Стефания вновь бесследно исчезла, а Рауль де Ла Рош по-прежнему много времени проводил в отъездах, слыл образцовым семьянином и преданным вассалом, до тех пор, пока Францию не взбудоражил слух о внезапной кончине брата короля - Карла Французского.

- Какая странная смерть,- поразился дон Мигель, прочитав сообщение, - просто необъяснимая! Признаков отравления медики не обнаружили, но не может же быть, чтобы абсолютно здоровый молодой человек лег спать и не проснулся?

- Все в руках Божьих, сын мой,- философски заметил епископ,- сегодня мы живы, а завтра станем пищей для червей!

- Только Карл Французский стал этой пищей в самый подходящий для Людовика момент, когда вновь перешел на сторону Карла Смелого. Боюсь, что к его смерти приложил руку сам король!

Братичелли не любил прямых обвинений и громких выпадов.

- Как бы то ни было, не король подсыпал яд,- возразил он,- кстати, а этот ваш предполагаемый соперник барон, кажется, был вассалом погибшего герцога?

- Рауль сразу же перешел на службу к Людовику, и тот даже дал ему должность придворного устроителя охот и королевского смотрителя лесов. Так что от этих событий барон только выиграл. Зато теперь Гачеку стало гораздо тяжелее работать. Король большинство времени проводит в замках на Луаре, куда, разумеется, нашему шпиону вход заказан.

- О графине ничего не известно?

- Нет! Но почему-то Гачек попросил меня выслать ему все имеющиеся в моем распоряжении книги по демонологии, - дон Мигель удивленно качнул головой,- знаете, с его стороны, это странный поступок. Честно говоря, у меня сложилось впечатление, что он не особенно боится нечистой силы!

- Бывают такие безумцы,- тяжело вздохнул собеседник,- им не хватает чужой мудрости, и они пока на своей шкуре не испытают, что это такое, упорствуют в заблуждениях. Таких глупцов, как правило, особенно любит сатана. Из них иногда выходят талантливые ученые, медики, алхимики и астрологи, но в основном, опасные еретики. Забираясь туда, куда категорически запрещено, эти люди даже и не подозревают, кто их подталкивает в спину.

- Гачек ещё не потерян для матери-церкви,- живо возразил граф, - и его сомнения - обычные заблуждения неразумной юности!

ПАРИЖ.

В Париже Стефания и Тибо распрощались с попутчиками на Центральном рынке и, расспрашивая прохожих, принялись искать Латинский квартал. Надо сказать, сделать это было непросто!

Париж того времени был одним из самых больших городов Европы. После запустения, которое постигло город из-за гражданской войны между арманьяками и бургиньонами начала века, он вновь начинал приобретать утерянное могущество и процветание.

Город был слишком огромен для того, чтобы в нем не заблудились наши путешественники. Огромный рынок включал зерновые, хлебные и мучные ряды, лавки, где торговали птицей, молочные ряды. В районе Живодерни жили мясники. На площади Сен-Жан-ан-Грев продавали сено, а на Веннери, торговали овсом. Париж того времени уже славился производством предметов роскоши: в Таблетри делали изделия из слоновой кости, на улице Сен-Мартен жили обработчики бронзы, улица Кенкампуа славилась мастерскими ювелиров, а на улице Курари продавали бриллианты и другие драгоценные камни. Изготовители гвоздей и продавцы проволоки жили на улице Мариво, оружейники -- на Омри, текстильщики -- на улице Ломбардов, а кожевенники -- на Кордонри, где также изготавливали башмаки. На улице Сен-Дени помещались бакалейщики, аптекари и шорники.

Можно только представить с каким трудом пробирались через паутину этих улиц Стефка и Тибо, беспомощно спрашивая прохожих, как попасть в район Университета. Нельзя сказать, чтобы чужеземцам отказывали в подсказках, но объяснения были настолько путанными и привязанными к понятным только местным жителям ориентирам, что в результате, описав новый круг по забитым народом улицам, они вновь оказывались где-нибудь в районе рынка. Только потом, уже на постоялом дворе странникам пояснили, что район Университетов находится в Новом городе. Они же блуждали по так называемому Городу - торговому сердцу Парижа, где в избытке было трактиров, складов, рынков и домов буржуа средней руки с неизменными лавками и конторами, а так же невероятной грязи вкупе с прокопченным воздухом, висящим серым маревом вдоль узких улочек.

- Выйдите на улицу Сен-Дени, и идите прямо на юг, не сворачивая, через каменный мост до острова Сите. Там увидите наш величественный Нотр-Дам-де-Пари и продолжите путь уже по улице Сен-Жак, через Малый мост на левый берег Сены, вот там и будет Латинский квартал! - пояснила им хозяйка гостиницы, дородная пожилая женщина,- только будь осторожна, девонька, эти студенты такие безобразники!

Она остановила сожалеющий взгляд на понуром с посиневшим носом Тибо, продрогшем за утомительный день бесцельной беготни.

- И брата своего оставь здесь, его задразнят эти озорники, изведут насмешками! И ведь никакой управы на латинских бездельников нет! Терроризируют весь город, а только тронь..., шуму не оберешься!

Так и оказалась наша героиня одна на улицах огромного незнакомого города, равных которому не видела никогда. Стефка непривычно скользила по смешанному с грязью раскисшему снегу, приподнимая подол юбки, чтобы не испачкаться.

И к ней тут же пристали местные юнцы.

- Эй, красотка,- распинался один из них,- подними повыше юбку, я хочу посмотреть на твои ножки!

- Посмотрите на эту маркизу,- кричал другой, - она боится запачкать платье!

Горожанки, оберегая башмаки от грязи, носили деревянные сабо на высокой подошве, к сожалению, у нашей героини их не было, и её обувь моментально промокла. То и дело приходилось прижиматься к стене, сторонясь всадников и носильщиков с портшезами, и все равно, те каждый раз обдавали её плащ потоком ледяной грязи.

Женщина устала настолько сильно, что даже громада Нотр-Дам-де-Пари, которым так гордились парижане, и то не произвела на неё сильного впечатления - утомленные шумом и мельтешением толпы глаза лишь равнодушно отметили каменные узоры кладки.

Но настоящие неприятности начались, когда она пересекла Малый мост через серую и неприветливую зимнюю Сену и попала на левый берег.

Здесь кишела уже совсем другая жизнь. На левом берегу в ту пору располагалась улица Брюно -- здесь были открыты школы для преподавания канонического права; на улице Англичан жили хорошие ножовщики, а на улице Ферр находились учебные заведения при факультете искусств. Там школяры изучали латинский язык и грамматику, философию, риторику, а так же литературные и научные дисциплины, освоение которых предшествовало изучению богословия, права или медицины.

Вот на улице Ферр и вцепился ей в локоть, какой-то нахальный молодчик, когда она осведомилась у него, как пройти к Медицинской школе

- Сколько ты хочешь, красотка? Много не дам, но десять денье у меня есть! Соглашайся, совсем не плохие деньги!

Стефка по наивности сначала подумала, что тот неправильно её понял.

- Мне не нужны деньги, месье, я прошу вас показать дорогу!

- Я покажу тебе дорогу - здесь есть гостиница, где хозяйка сдает комнаты на часок. Не пожалеешь!

- Мне не надо в гостиницу,- принялась она с силой вырывать локоть из его цепких пальцев,- отпустите меня!

- Уверяю, тебе больше никто не даст! - силой повлек её тот в сторону узкого переулка,- пойдём, не пожалеешь, когда увидишь, что у меня в штанах!

- Да что же это такое! - обозлившаяся Стефка пнула его именно в то место, которым он так хвастался,- пошел вон, мерзавец!

- Ах ты, шлюха! - разъяренно взревел нахал, и уже занес руку для удара, когда из собравшейся вокруг небольшой толпы появился худощавый мужчина средних лет в сером подбитом белкой плаще.

- Что здесь происходит? Почему вы не даете проходу девушке? Мне что, пожаловаться вашему

декану?- с неожиданной силой ухватил он обидчика за запястье, - безобразие какое! Совсем распустились!

- Я...,- моментально струхнул тот,- она сама виновата..., потаскуха, а нос дерет!

Стефка от возмущения задохнулась.

- Я - честная девушка,- заверила она заступника,- он все лжет! Я ищу своего брата, и хотела узнать, как найти Латинский квартал!

- Так ты не местная, крошка?- улыбаясь, заметил тот, - потому что ты уже попала в Латинский квартал, и этот безобразник - школяр!

Но обидчик уже выбрался из толпы и исчез где-то в прилегающих улицах. Разочарованная, что самое интересное закончилась, толпа немедля рассосалась и Стефка осталась с незнакомцем вдвоем.

- Мой брат учится в Медицинской школе,- пояснила она этому доброму человеку,- наш отец умер, и я приехала к нему!

- В Медицинской школе?- удивленно приподнял брови мужчина,- что ж, пошли! Совершенно случайно, нам по дороге. Я - профессор медицинской школы Метье де Монтрей, а как имя твоего брата?

- Его зовут Славек Гачек.

- Откуда вы?

- Из Моравии!

Собеседник замолчал, заинтересованно и с недоумением поглядывая на неё.

- Мне жаль, что ты проделала такую дальнюю дорогу зря, красавица, но такого студента в нашей школе нет,- наконец, с искренним сожалением произнес он,- но я попробую, что-нибудь узнать!

И профессор повел её по поднимающейся все выше и выше улице дальше, мимо двухэтажных с эркерами и высокими дымоходами домов, красующихся красными черепичными крышами и синими ставнями. Здесь практически в каждом доме располагался небольшой трактирчик или лавка, двери, в которые почти не закрывались, впуская и выпуская массу школяров в мантиях и без мантий, но их легко было опознать по привязанным к поясам чернильницам и особым четырехугольным шапочкам.

- Каждый студент, появляющийся в коллеже, обязательно состоит, в каком-нибудь землячестве,- пояснял расстроенной Стефке её спутник,- где земляка поддерживают на первых порах, помогают обустроиться и защищают его интересы в дальнейшем. Выходцы из Моравии, насколько я знаю, входят в чешское землячество. И если ваш брат появлялся здесь, он обязательно должен был там зарегистрироваться.

Де Монтрей шел быстро, и женщина едва поспевала за ним.

- Подожди меня здесь, девушка,- усадил он её в зале одного из маленьких трактирчиков неподалеку от здания Медицинской школы,- я наведу справки! А вы пока поешь, здесь неплохо

кормят!

Что-то шепнув трактирщику, мужчина исчез за дверью, а наша героиня осталась одна среди толпы шумно галдящих студентов. Впрочем, здесь её спутника видимо хорошо знали, поэтому, не смотря на бушующее вокруг веселье, к ней никто не приставал.

- Чего тебе подать, девушка? Есть тушеная капуста!

- Хорошо бы! - признательно сглотнула она голодную слюну.

Вернулся её спаситель не скоро, когда юная женщина совсем истомилась в ожидании.

Профессор уселся рядом, заказал себе жареную рыбу и ту же капусту и, запивая все это вином, рассказал ей о результатах своих поисков:

- Да, такой студент действительно записывался на курс этой осенью и даже заплатил за первый семестр, но, прослушав лекции всего несколько дней, вдруг все бросил! Я тут расспросил кое-кого из тех, кто все на свете знает, и мне сказали, что он не живет в прилегающих кварталах!

Стефка так и окаменела, сложив руки на коленях - такого исхода дела она не ожидала! Что делать дальше, к кому идти? Но оказывается, случайный попутчик еще не все сказал.

- Не надо так расстраиваться, милая,- вдруг участливо пожал он ей руку,- мне нужна служанка, пойдешь ко мне на работу? Что ты умеешь делать?

- Вышивать! - автоматически ответила графиня.

- Это чудесно,- рассмеялся мужчина,- только ума не приложу, что мне украсить вышивкой?! А готовить, убирать, стирать?

Стефка подняла на него печальные глаза и отрицательно покачала головой.

- Ещё могу шить!

- Странная ты девица,- вздохнул де Монтрей,- ладно, пойдём ко мне, а там разберемся, что с тобой делать. Скоро на город опустятся сумерки, переночуешь у меня!

- Но, - женщина слегка покраснела,- я не одна, со мной младший брат. Он не совсем обычный - карлик, уродец! Я его оставила на левом берегу в гостинице Орел и курица, потому что ему было тяжело идти на тонких ножках по такой грязи!

- Карлик, уродец? - несколько оторопел собеседник,- что ж..., может, и он на что-то пригодится! Я пошлю за ним!

Жил де Монтрей в Латинском квартале, в небольшом домике на берегу Сены, окруженном садом. Здесь и было-то всего четыре помещения - большая зала и контора, в которой располагалась библиотека и лаборатория мэтра, и две комнатки наверху - хозяйская и гостевая спальни. Всем в доме заправляла огромная толстая кухарка Жервеза, царство которой находилось в пристройке, выходящей во двор. Вот сюда-то и привел профессор свою спутницу.

Стефка устало огляделась. Пол здесь был плиточный и слегка наклонный для стока жидких отходов в желоб, выходящий во двор. Ярко пылал очаг, снабженный крюком для котла и треножником. На полках кухни красовались глиняные миски, висели низки лука и чеснока.

Посреди комнаты стоял стол, а вдоль стен тянулись скамьи и лари, для хранения продуктов.

- Ах, мэтр Метье,- сразу же возмущенно загудела Жервеза, едва завидев на пороге робкую фигурку Стефки,- опять притащили с улицы какую-то бродяжку! Все закончится, как и в прошлый раз, когда наглая Марьон стащила у вас деньги и удрала со школяром!

- Не мог же я оставить девушку-иноземку, не знающую Парижа на улице, когда опускаются сумерки,- почему-то начал оправдываться хозяин, подталкивая продрогшую гостью к очагу, - она ищет своего брата, он одно время был студентом нашей школы!

Но на толстуху эти оправдания не произвели никакого впечатления.

- Жениться вам надо, вот что,- фыркнула служанка, с воинственным видом опершись на огромную метлу, - хозяйка быстро бы отбила у вас охоту таскать с улицы всяких хорошеньких девчонок, место которым только на улицах Глатиньи или Ля-Кур-Робер!

- Не надо обижать честную девушку, Жервеза,- мягко пожурил кухарку хозяин,- лучше подложи дров в очаг, бедняжка совсем продрогла!

Пока они препирались, усталая Стефка разглядывала место, в котором оказалась.

Кухня с до блеска начищенными котлами и сковородами отдаленно напомнила ей кухню родного дома, только была гораздо меньше. Не в силах больше держаться на ногах, она бочком пробралась к очагу, и, присев на скамеечку, протянула озябшие руки к огню. Промокший плащ тот час засмердел какой-то особой вонью то ли псины, то ли вообще, дохлятины.

- Тьфу! - выругалась за спиной Жервеза,- да с какой же помойки вы приволокли эту нищенку?

Она ещё долго пыхтела и бормотала всякие колкости в адрес оцепеневшей у огня гостьи, но уже без особого пыла. Брезгливо приняла у неё плащ и промокшие башмаки - Стефка даже на мгновение, как ей показалось, заклевала носом, когда....

- Да что же такое, дом это или ночлежка для бродяг? - вдруг взревела громовым голосом кухарка,- кыш отсюда, кыш, это приличный дом, чего ты сюда приперся! Пошел вон!

От неожиданности задремавшая женщина чуть было не упала в очаг, да что там, выбежал на лестницу, торопливо натягивающий домашнюю куртку, сам профессор.

- Что случилось, Жервеза, почему ты так кричишь? - недовольно спросил он.

- Так вот! - ткнула та своим любимым оружием - метлой в угол у порога.

Стефания и хозяин дома недоуменно глянули туда, и невольно фыркнули.

В углу, угодливо сняв шляпу с полу лысой головы, довольно жмурил морщинистое личико, ничуть не напуганный этими воплями Тибо:

- Заткни рот, глупая толстуха, твое визжание режет ухо,- безо всякого намека на почтительность заявил он,- у тебя такая пасть, что в неё можно, как в воронку упасть!

- Тибо! - застонала графиня, испугавшись, что им сейчас укажут на дверь,- эти люди милостиво предоставили нам крышу над головой, а ты распускаешь язык! Замолчи немедленно!

Предупреждение запоздало - с яростными воплями и метлой наперевес Жервеза кинулась на обидчика, но за ним бегали личности и половчее огромной толстухи. Радостно взвизгнувший карлик принялся увертываться от ударов жестких прутьев, да ещё норовил, то и дело ущипнуть кухарку за те места, о которых не упоминают в приличном обществе.

- Побегай за мною подружка-толстуха, а я тебе новость шепну вдруг на ушко,- пританцовывал он,- что глупая квочка на яйцах сидела, а жирная бочка ей песенку пела! Она издавала истошные вопли, и квочки цыплята от страха все сдохли!

Какое-то время Жервезе помогала метаться за юрким, как огонек, карликом злость и обида, но она быстро выдохлась, и вынуждена была, тяжело дыша, сесть на лавку, угрожающе потрясая в сторону шута метлой.

- Ух, я тебя!

Но притаившуюся Стефку мало интересовала эта развоевавшаяся бабища, она, с ужасом втянув голову в плечи, ожидала, что сделает изумленно наблюдающий за таким безобразием хозяин. Неужели их опять выставят из дома, как было не раз на многих постоянных дворах? И куда они подадутся в ночном городе?

Но де Монтрей только улыбнулся, укоризненно покачав головой.

- Ваш брат работал шутком в богатом доме? - спросил он.

- Мой брат,- уничижительно глянула на расходившегося карлика графиня,- однажды так сильно ударился головой, что даже колпак шута стал для него слишком хорош! Пожалуй, я сама сейчас использую эту метлу по назначению!

Но хитрец моментально вывернулся.

- Бедный Тибо, усталый и больной, не надо бить его метлой! Никто Тибо не любит, и скоро печаль его окончательно загубит! Уж ладно бы, сначала покормили, а потом уж метлами лупили!

И проказник шут жалобно захныкал и даже изобразил на своем лице обиду.

- Ладно,- вдруг сменила гнев на милость Жервеза,- хватит тут сырость развозить, садитесь ужинать! В городе не еда, а слезы!

И кто оказался первым за столом? Конечно же, Тибо!

И пока на тарелки раскладывали сдобренную маслом овсяную похлебку, он горящими глазами наблюдал за действиями кухарки, сглатывая слюну и облизываясь. Стефка же, поевшая в городе, с умеренным аппетитом шевелила ложкой в своей тарелке. Она утомленно наблюдала, как толстуха кормит хозяина ужином, попутно рассказывая о каких-то знакомых им людях, профессор же посмеивался и вставлял свои замечания.

Юная женщина происходящее воспринимала с трудом - сказалось напряжение последних дней. Побег, путешествие среди мешков с мукой, когда она спала только урывками, усталость от прогулки по оживленным улицам Парижа, разочарование оттого, что не удалось найти Гачека, выходки Тибо - все слилось воедино, и она потихоньку клонила голову, пока обессилено не уронила её на выскобленный стол.

- Посмотри на бедняжку, Жервеза,- раздался сочувственный голос де Монтрея,- она совсем измучилась, уложи девушку спать. Да пристрой у очага её брата - он поместится на любой лавке.

Но измотанная Стефка уже была не в состоянии шевельнуться, поэтому раздевать гостью пришлось Жервезе.

- Посмотрите, мэтр,- вдруг возмущенно проговорила кухарка,- все-таки это падшая девица! Золотой крестик ей мог подарить только богатый любовник! Она разве не знает, что такие носить девушкам простого сословия запрещено?

- Откуда ей это знать, когда она только сегодня прибыла в Париж,- голос профессора оставался спокойным,- что же касается крестика, то причина его появления на шейке малютки может быть другой.

- Какой? Откуда у девушки её сословия появиться такому богатству? Да, ещё шелковые чулки, а рубашка... вы видели какое тонкое полотно? Не меньше чем по три су за десять локтей!

- Крестик ей мог подарить крестный отец. Обрати внимание на руки нашей гостьи - они явно не привыкли к тяжелому труду. Наверное, девушка росла в достатке!

- Как же, в достатке! Платье-то на ней абы какое, да и сама тощая, как тень! Впрочем, мужчины любят оправдывать хорошеньких девчонок!- ворчала Жервеза, правда, уже не столь злобно.

Перед внутренним взором Стефки мелькнуло лицо Збирайды, и она провалилась в сон без сновидений.

Рано утром её энергично растолкала Жервеза.

- Вставай, лежебока, поможешь мне на кухне, надо приготовить завтрак хозяину!

Плохо выспавшаяся Стефка, покачиваясь спронея, слезла с жесткой скамьи, послужившей ей постелью.

- Растопи очаг!- раздраженно приказала ей кухарка.

Солнце ещё и не думало всходить, а той уже было отвратительное настроение. Наверное, состояние гнева было для этой женщины таким же привычным, как и нахождение между котлов скромной кухни де Монтрея.

Графиня испуганно посмотрела на кучку дров, с трудом соображая, каким образом превратить эти поленья в ярко горящий огонь и нерешительно взялась за кочергу. Презрительно покосившаяся на гостью Жервеза возмущенно фыркнула, грозно потрясая сковородкой.

- Зачем тебе кочерга, дуреха? Неужели ты и этой малости не в состоянии сделать? Хотя бы подмети пол! - рявкнула она, сама с натугой присаживаясь у очага с трутом и огнивом.

Стефка с торопливой готовностью ухватилась за метлу, замахнулась... И тут выяснилось, что оказывается кошка не лукавила, говоря, что вещи далеко не такие, какими кажутся. По крайней мере, метла тут же показала свой зловредный характер - она не только не стала мести, но почему-то принялась выписывать вокруг изумленной женщины диковинные круги. Вместо того чтобы сметать мусор, она, наоборот, расшвыряла его во все стороны, и конечно,

что-то сразу попало в красное от бешенства лицо кухарки.

- Да что же это такое?- окончательно озверела Жервеза,- ты что, милочка, с луны свалилась? Такой неумехи я никогда ещё не видела! Кто же так метлу-то держит, словно у тебя не руки, а...

- Оставь её в покое! - раздался голос профессора, весьма кстати показавшегося на пороге кухни.

Он сел за чисто выскобленный стол и предложил присесть госте.

- Теперь, когда ты выпалась и отдохнула, дитя мое,- мягко заговорил де Монтрей,- давай поговорим. Что ты собираешься делать дальше и куда идти? Служанки из тебя явно не получится!

- Да лучше уж пригласить бродячего кота, - буркнула себе под нос кухарка,- тот хотя бы мышей ловить будет!

- А ты, красотка, любишь только язык без дела точить, лучше бы кинулась сама мышей ловить!

Зевающий карлик вскарабкался на лавку и уселся рядом со своей госпожой.

Стефка цыкнула на шута, и умоляюще глянула на хозяина дома.

- Мне нужно найти брата, и пока я этого не сделаю, идти нам некуда! У меня есть немного денег, но в Париже такие цены!

- Да, Париж - город не дешевый! - со вздохом согласился профессор, с жалостью глянув на уныло поникшую головку в чепце, - ладно, оставайтесь пока у нас! И приберегите свои деньги до худших времен. Я ещё раз попробую найти твоего брата, девушка! Может, кто-нибудь из землячества и знает, куда он делся, а пока... Жервеза научит тебя готовить и управляться по дому, чтобы ты потом смогла найти себе работу!

- Легче научить козу играть на барабанах, чем эту девку, что-либо делать! Интересно, куда смотрела её мать, растя такую неженку? - проворчала кухарка, волком глядя на чужаков.- У неё же обе руки левые!

- Правые или левые, все равно умелые. Моя сестра умеет хорошо шить, а ты только языком грешить!- обиделся за госпожу Тибо.

Поддержал шута и хозяин дома.

- Невелика наука справиться с метлой! Правда, таких нежных рук у тебя уже не будет! Но, может, тебе не подходит мое предложение?

Конечно, графине де ла Верда оно подходило мало, но для неизвестно куда бредущей беглянки было сверх щедрым. Она уже давно осознала, какое это счастье - иметь безопасную крышу над головой. А метла..., не глупее же была хозяйка собственных холопов!

- Благодарю вас! - признательно улыбнулась Стефка.

- Вот и хорошо,- облегченно вздохнул мэтр,- а теперь назови себя, хотя бы!

- Меня зовут Стефания!

- Пора уходить, - поднялся с места хозяин, - а ты Стефания во всем слушайся Жервезы, и не обращай внимания на её ворчание, сердце у неё золотое! А ты, Жервеза, купи нашей гостье более подходящее для парижских улиц платье, это уж больно диковинного и чужеземного покроя, и внимание излишнее привлекает и для беготни по грязи не приспособлено.

Сразу скажем, что с новым платьем произошла неурядица, но... об этом позже.

Так графиня де ла Верда очутилась в доме магистра медицинских наук, преподавателя Медицинской школы Сорбонны, профессора - мэтра Метье де Монтрея. Это был скромный, внешне ничем непримечательный мужчина лет тридцати пяти, доброта и щедрость которого вошла в поговорку и среди соседей, и среди школяров. Наконец-то, после всех выпавших на их долю испытаний, Стефке и Тибо повезло встретить в первый же день приезда в Париж единственного, быть может, в своем роде человека.

- Это у него от матушки, - уже позже рассказывала им Жервеза, - уж та была необыкновенно добра! Все нищие толпились у нас на кухне, всех попрошаек она угощала..., тем дело и кончилось, что один из этих бродяг притащил в дом какую-то заразу, и госпожа скончалась. Зато хоронило её, наверное, полгорода! Сын не так простоват, как мать, но то же ни одну уже бродяжку пригрел на нашей кухне, а уж за помощью приходи к нему хоть днем, хоть ночью! Нарыв там какой вскрыть, или зуб выдернуть - никому не откажет! Слово цирюльнику какой, а не доктор! Да что там, даже кошки котятся к нам со всей округи идут! Я уж их гоню-гоню, а они опять тут как тут, как и бродяжки всякие!

И злобная старуха многозначительно покосилась на меланхолично шелушащую горох девицу и прижавшегося к её ноге, как всегда шкодничавшего Тибо. Стефка сделала вид, что не понимает её намеков и от всей души шлепнула шута, украдкой разбрасывающего по всей кухне шелуху.

Стефка старалась изо всех сил отрабатывать свою еду, только получалось у неё не сказать, чтобы хорошо. Её светлость пошла вместе с кухаркой на Сену полоскать белье, и упустила одну из рубашек метра. Да что там - сама чуть не упала в воду! Благо, трущийся все время под ногами Тибо вовремя успел ухватить за подол!

- Ты не рубашка, сестра, тебя полоскать не нужно с утра!

Но что можно было поделать, когда от ледяной воды у женщины свело судорогой пальцы! Зато как её потом несколько дней поедом ела Жервеза за эту рубашку! Можно сказать, гудела не умолкая.

От более близкого знакомства с метлой у бывшей пани Лукаши на руках воспалились волдыри, и профессору пришлось с тяжелым вздохом перебинтовать ей руки. Вновь купленное платье оказалось слишком грубого сукна и моментально натерло грудь и шею, вызвав крапивную лихорадку на всем теле. И пришлось ругающейся Жервезе смазывать ей травмированные места, да ещё тащиться на рынок, чтобы купить рубашки более тонкого полотна.

- Тоже мне, принцесса нашлась! Одни расходы..., если уж вам, мэтр, девать некуда деньги, то лучше кидайте их прямо в воду, чем тратить на такую нерадивую девку!

На рынок, кстати, Стефка могла ходить только рядом с Жервезой, потому что стоило послать её одну, для торговцев сразу наступал праздник. Юной служанке можно было всучить втридорога любую гниль, но если даже чудом удавалось этого избежать, так что-нибудь

непрерывно устраивал Тибо! То воровал яблоки, а его хозяйка тряслась, что их поймают, то строил рожи мяснику. Тот запустил в безобразника куском протухшего мяса, а попал в стражника. Крик, вопли... в общем, не соскучишься! Торговаться Стефания не умела, но зато ей нравилось идти следом за огромной кухаркой по городу - в её присутствии она чувствовала себя защищенной от уличных хулиганов лучше, чем отрядом вооруженных рыцарей. Когда гневная Жервеза открывала рот, бесславно ретировались даже самые дерзкие и смелые, а уж если замахивалась кулаком или корзиной - все удирала в рассыпную, правые и неправые!

Именно прячась за её широкой спиной, чужестранка получила возможность осмотреть в свое время напугавший её город. Хотя Жервеза посещала только церковь и рынок. Впрочем, это было нормой для жителей Парижа - они не любили покидать пределы своих улиц или кварталов.

Вечерами профессор или работал в своей лаборатории, изготавливая мази и настойки, или отправлялся на кухню и заинтересованно слушал неизменную перебранку Жервезы и Тибо. И пока те препирались, давно уже не реагирующая на выходки шута Стефка невозмутимо вышивала на подаренных пальцах хозяину рубашки.

Доктору нравилось смотреть на склоненную над работой головку женщины, и она часто ловила на себе его заинтересованный взгляд.

Прошел месяц, второй - известий о Гачеке так и не было, но хозяин словно забыл о том, что Стефания у него остановилась только на время.

Жизнь в домике де Монреа отличалась особым покоем и размеренностью, с маленькими радостями и отсутствием каких-либо стоящих внимания событий. Вносили определенное разнообразие в этот мерный ход событий разве что постоянные пациенты мэтра, особенно пациентки. Его услугами любили пользоваться женщины легкого поведения.

- Шлюхи к нему так и липнут,- ворчала в таких случаях Жервеза, неизменно запирая Стефку в каморке с припасами,- нечего тебе на них глаза пялить! Всякая шваль - не компания порядочным девушкам! Вот помяните мое слово, как-нибудь соседи науськают на нас бальи, и те нас выселят из квартала за таких посетительниц!

Постепенно Стефка начала привыкать к этому немудрящему существованию на маленькой кухне в далеко небогатом доме, как будто в её жизни никогда не было роскоши герцогских и королевских замков, хотя домашняя работа по-прежнему ей, мягко говоря, не давалась.

Когда графине поручили почистить котел, пришлось потом отмывать её, настолько она стала грязной, а котел ни с места. Зато при помощи Тибо нашей даме удалось как-то испечь вполне сносный пирог с творогом, который с гордостью она и преподнесла профессору. Тот отведал его и похвалил, за спиной новоявленной кухарки подмигнув умирающей от смеха Жервезе.

Приближался март.

Было холодно - лили дожди, и профессор выдал кухарке денег на новую теплую накидку для подопечной (старая совсем пришла в негодность!).

Женщины долго ходили по суконщикам, живущим у ворот Сент-Оноре, выбирая ткань и прицениваясь. Жервезе было очень трудно угодить, то не нравился цвет, то плотность материи, то цена, а то и физиономия продавца. Причем она свое недовольство тут же, недолго думая, и высказывала.

- Эта рухлядь пять су за штуку? Да ты с ума сошел, разбойник! Ни стыда, ни совести..., тот край совсем растрепался, а цвет не поймешь какой!

- Разуй глаза, толстуха, таким сукном не побрезговал бы даже король, не то, что такая корова, как ты!

- Эту дерюга стоит только обезьяньих монет!

Стефка утомилась от её пререканий с торговцами и с унылым видом зябко переступала с ноги на ногу. Её локоть оттягивала корзинка с луковицами, любовно отобранными кухаркой и стоимшими той часовой ругани с продавцом.

И вдруг кто-то, из вечно шастающей вокруг оборванной мелюзги подтолкнул Стефку под локоть так, что корзинка, выскочив из рук, описала дугу и упала в нескольких шагах на бок, а все луковицы раскатились.

- Ах ты, косорукая неумеха,- закричала разгневанная Жервеза,- быстрее подбирай лук, лентяйка, пока его не растащили! Ничего нельзя тебе доверить!

Расстроенная этим происшествием Стефка подбежала к корзинке и спешно начала подбирать с земли луковицы, но одна из них закатилась довольно далеко, прямо к ногам какого-то господина в дорогих сапогах кордовской кожи. И пока женщина, пригнувшись к земле, медленно подбиралась к луковице, незнакомец сам поднял золотистую беглянку. Стефка с неловкостью приняла лук из украшенных перстнями перчаток и, не поднимая глаз, с низким поклоном тихо поблагодарила за услугу.

- Я рад тебе услужить, любимая!- раздался хорошо узнаваемый голос.

Когда он достиг её сознания, Стефка в леденящем ужасе вздернула голову и наткнулась на взгляд стальных знакомых глаз. Даже толком не осознав всей губительности этой встречи, она ужасе сорвалась с места. Где-то кто-то заулюлюкал, кто-то крикнул держи воровку!, но обезумевшей от страха беглянке до этих криков дела было мало.

- Стой, чумовая девка, - донесся уже издали негодующий голос кухарки,- куда ты мчишься, как будто за тобой черти несутся?! С ума ты, что ли сошла?

Но Стефка и не подумала останавливаться, забежав в помещение какой-то пустынной церкви. И только оказавшись в сумраке помещения, наконец-то, остановилась и отдышалась.

Итак, Рауль все-таки нашел её. Что делать?

Безопаснее было бы, конечно, больше не возвращаться к де Монтрею. Но возникало сразу две проблемы. Первая - все деньги остались в доме доктора, а у неё в руках красовалась лишь корзина с грязными луковицами. Вторая же упиралась в Тибо - совесть не позволяла Стефании взвалить такое наказание на плечи благороднейшего человека. Да и надо было хотя бы попрощаться с профессором, поблагодарить его за приют.

Женщина ещё немного посидела в церкви, и лишь окончательно продрогнув и относительно успокоившись, осторожно выглянула на папёрть. Никого подозрительного окрест не наблюдалось.

Облегченно вздохнув и постоянно оглядываясь, она осторожно направилась к дому доктора,

где её потоком брани встретила разъяренная Жервеза.

- Что случилось, донна, не было ли молнии и грома? - тихо спросил не на шутку встревоженный Тибо,- толстуха толкует, что в вас вселился бес, и вы взвились до небес!

Но его госпожа села в уголок и, застыв от напряжения, стала ждать, кто появится первым - де Сантрэ или де Монтрей. Напрасно извергала на бессовестную лентяйку упреки кухарка, Стефании было не до неё, и уж тем более, не до дурацких сковородок.

Профессор, как назло, именно сегодня задержался в школе и пришел уже в сумерках. Недовольная Жервеза обрушилась на него с жалобами на постоялицу. Но он внимательно осмотрел замкнутое, напряженное лицо женщины и участливо осведомился:

- Что случилось, милая?

- Мне нужно поговорить с вами наедине!

- Подумаешь, какие-то у неё тайны, - заворчала Жервеза, задетая тем, что от неё пытаются что-то скрыть, - сначала скачет как блоха, потом важность на себя напускает! Больно надо нам тут подслушивать...

- Не хочешь слушать,- влез вредный Тибо,- не развешивай уши, рот замкни на замок, может, даже от дуры тогда будет толк!

Но доктор, не обращая внимания на их перепалку, провел Стефку в контору, где хранил свои книги и инструменты, и где готовил лекарства. Сюда не допускалась даже Жервеза. Де Монтрей самолично наводил порядок среди множества склянок, пучков травы, банок с пиявками и прочими загадочными и малоприятными для непосвященного человека предметами. Иногда из-за двери, не смотря на вытяжку на установленной здесь плите, тянуло мерзкой вонью, но прятавшие носы домочадцы знали, доктор готовит либо мазь, либо пилюли. Вообще-то Стефку постоянно тянуло посмотреть на этот таинственный процесс, и вот она здесь, но, увы! Ей не до трав, и не до колб!

- Что произошло с тобой, девушка? - его улыбка была такой мягкой и доброй, что она не смогла солгать этому чудесному человеку.

- Меня обнаружили, мэтр, поэтому мне нужно срочно покинуть ваш дом!

На лбу у доктора появились недоуменные морщины.

- Обнаружили? Ты что, беглая преступница?

- Нет, нет, что вы,- поспешила уверить его гостя, и смущенно покраснев, тихо призналась, - я убежала от любовника!

- Значит, Жервеза была права, и у тебя все-таки был любовник,- тоскливо вздохнул де Монтрей, и тут до неё дошло, что его участие было не просто дружеским.

Стефания искренне не хотела обижать этого человека, но пришлось разрушить его надежды.

- Да, я бежала из замка, где меня насильно удерживали! Но сегодня я увидела похитителя на рынке, а значит, он скоро появится здесь. Мне уже давно надо было уйти из вашего дома,- и она вдруг заплакала, взглянув на взволнованное лицо доктора,- но я не могла этого сделать, не

простившись с вами! Вы были так добры ко мне, как никто и никогда!

- Я сразу понял, что вы не простая горожанка, - задумчиво произнес доктор, переходя на вы, - но почему вы должны бежать от любовника? Какое он имеет право удерживать вас?

- Право сильного над слабым!

- Конечно, я не принц, - профессор пылко пожал ей руки, - но если вы согласитесь выйти за меня замуж, то даже король не сможет разлучить нас!

Стефка со смешанным чувством благодарности и сожаления посмотрела на взволнованного в ожидании её ответа мужчину. Второе за её жизнь предложение руки и сердца (не считая же чудовищную ночь брака с де ла Вердой)! И хотя парижский лекарь был неровней графу Палацкому, нашей героине все равно польстила такая готовность разделить с ней не только любовь и жизнь, но и кучу неприятностей.

- Поверьте, профессор, ваше предложение мне лестно и я, не задумываясь, приняла его и была счастлива, если бы не одно обстоятельство, - тут она прервалась, собираясь с духом перед признанием, - я замужем!

С глубоким вздохом Стефания виновато опустила голову:

- Почти год года назад я обвенчалась с одним испанским дворянином! Но из этого ничего хорошего не получилось, я решила вернуться назад к своему крестному отцу, и... попала в руки насильника!

Доктор был потрясен - услышанное не укладывалось в его голове.

- Как ваш муж мог допустить такую ситуацию? И почему вы не обратитесь за помощью к нему?

Своевременный вопрос! Вот только ответить на него было непросто. Честно говоря, графиня сама не понимала, почему де Сантрэ каждый раз после побега её находит, а вот супруг нет!

- Все непросто, - нервно рассмеялась Стефка, - во-первых, его сейчас нет в стране, а во-вторых, он давно уже раскаялся в том, что опрометчиво женился, и не ищет меня!

- Почему?

Графиня хмуро хмыкнула.

- О, у него всегда такое множество дел - без него рухнут империи, перегрызутся короли! Он тебе и миротворец, и сват, и неумолимый борец с ересями, и..., в общем, женщина рядом ему все равно, что пятая лапа собаке!

Де Монтрей неожиданно улыбнулся.

- За немногими подробностями, я часто слышу подобные жалобы от своих пациенток. Женщины из всех сословий дружно жалуются на то, что мужчинам нет до них дела, но однако каждый год от кого-то рожают, а иногда даже умудряются делать это дважды!

- Ко мне это не относится, - помрачнела Стефания, - ссора между нами привела к тому, что из-за его чудовищных оскорблений я потеряла нашего первенца, и он даже не извинился!

- Да! - тяжело вздохнул доктор, - положение действительно не из лучших!

- С мужем мне не удалось ужиться,- продолжила женщина свой горестный рассказ,- но я сильно пожалела, что покинула его, когда на моей дороге оказался этот дьявол!

Де Монтрей сомневался в существовании нечистой силы, хотя тщательно ото всех это скрывал. Просто, когда постоянно вскрываешь гнойники, нарывы, моешь и чистишь раны, ты начинаешь несколько по-другому смотреть на мир. Но дьявол это ведь не обязательно черт с рогами и копытами, извергающий серное пламя. Жестокий мужчина, издевающийся над слабой и незащищенной женщиной, смело может претендовать на это звание! Именно с этой точки зрения он и воспринял сказанное подопечной. Женщина нуждалась в защите, и профессор долго молчал, глядя в окно на уже окутанный темнотой город. Видно было, что он о чем-то напряженно размышляет.

- А куда вы собираетесь идти, на ночь глядя?

- Куда угодно! Он может появиться в любую минуту,- взволнованно вскрикнула Стефка,- я и так вздрагиваю от каждого звука. Наверное, ждет глубокой ночи!

Доктор согласно качнул головой. Днем в их квартале было бесполезно врываться в дом к магистру университета - распоясавшиеся школяры могли, защищая любимого учителя, солидно намять бока даже городской страже, не то, что прислуге какого-то никому неведомого человека.

- Я, кажется, знаю, где вас спрятать, только это место вряд ли придется по душе порядочной женщине! - тихо пробормотал он, с сомнением глядя на понурю фигурку собеседницы.

- Мне подойдет любое место!- горячо возразила воспрянувшая духом Стефка.

Уж если она ужилась с Жервезой, то ей подойдет даже монастырь со строгим уставом! Но место, которое ей неожиданно предложил лекарь, располагалось, как бы помягче выразиться, на противоположном конце от обитателей!

- Вы ведь знаете, что у меня довольно тесные отношения с девицами легкого поведения,- смущенно пояснил де Монтрей,- они постоянно вьются вокруг школяров в поисках заработков. И всякое случается, поэтому я часто помогаю этим несчастным созданиям, когда они заболевают. Так вот, я бы мог вас спрятать в их квартале! Мама-ля-Тибод - владелица нескольких крупнейших домов терпимости с улицы Глатиньи, моя старая должница. Не побрезгуете ли вы принять помощь от потаскух?

Ему удалось озадачить нашу героиню! Она даже не знала, как среагировать на столь экстравагантное предложение. Шлюхи? На мгновение перед внутренним взором предстала потрясающая крестом разгневанная бабка Анелька, и графиня, испуганно передернувшись, едва пришла в себя от неприятного видения, но с другой стороны - если только так она могла избавиться от преследований де Сантрэ, то...

- Какая разница, кто меня спрячет, - обреченно поникла головой Стефка, - лишь бы сбить со следа барона!

- Тогда в путь,- решительно предложил доктор,- сколько времени вам нужно, чтобы собраться?

- Нисколько,- она безразлично пожалала плечами,- я готова выйти из дома прямо сейчас, только прихватчу Тибо, да возьму свой узел!

Когда они появились на кухне, Жервеза уже спала, а Тибо дремал на лавке неподалеку от очага. Стефка с сожалением посмотрела на уютные стены с развешанными кастрюлями и сковородами, и сердце сжалось от тоски - что не говори, но после замка Лукаши это было её первое убежище, надежный приют, где она отдохнула и душой, и телом, но, увы, приходилось в спешке его покидать.

- Может, Тибо вы оставите здесь? - тихо предложил профессор.

Стефка чуть ли не с религиозным благоговением посмотрела на его голову, ища скрытого до поры до времени нимба местного святого. Такое предложение мог сделать только человек, обладающий неизмеримой добротой и ангельским терпением.

Но сам Тибо не собирался за свой счет пробивать для парижского лекаря дорогу в рай. Он подскочил со своего места, как мячик, едва заметив в руках у хозяйки маленький узелок с вещами.

- Донна не оставит своего шута на этой кухне, где даже мухи от скуки протухли? Тибо от тоски умрет, он итак уже давно не ест и не пьет! Моя госпожа - добрая графиня, а не эта толстуха - гнилая вонючая дыня! - заскулил он, мертвой хваткой вцепившись в её юбки.

Что ж, как говорится, каждый в этой жизни несет свой крест - даже если это не сколоченные две жерди, а шустрый и злоязычный карлик. Графиня вздохнула и, присев, застегнула на заплаканном шуте щегольской плащ с капюшоном.

- Пошли!

Идти он, конечно же, отказался - мол, ночная дорога изобиловала неровностями и грязью, и поэтому бессовестный Тибо весьма ловко пристроился за спиной тяжело вздохнувшего лекаря, а Стефка помимо своего узелка ещё и вынуждена была тащить по темным улицам его увесистый узел!

- Что у тебя там, камни?! - недовольно осведомилась она, спотыкаясь на рытвинах.

- Основное снаряжение - колпак шута! - нагло огрызнулся тот, - мне без него - никуда! Колокольчики мерку серебра весят, так зазвонят, что мертвого воскресят!

Стефка чуть не умерла на месте от злости. Они столько времени голодали, считали каждый грош, обрекали себя на кучу неприятностей, а этот охальник тащил в своем узле уйму серебра! Что на это можно было сказать?

- Дурак!

- А кто спорит? Это мой хлеба кусок, мне умным нельзя быть даже часок!

УЛИЦА ГЛАТИНЬИ.

Фонарь в руке лекаря давал мало света, но и от него был немалый прок.

Стоило только, какой-нибудь подозрительной фигуре угрожающе пересечь их путь, как, узнав мэтра, им сразу же уступали с извинениями дорогу. Доктора действительно хорошо знали и уважали парижские бродяги.

- Девушек бояться не надо, - между тем, говорил де Монтрэй, ещё и умудряясь поддерживать

спутницу под локоть на особо труднопроходимых участках дороги, - они неплохие, и редко какая не явилась жертвой обмана со стороны мужчин. Я ни разу не встречал ни одной женщины, которая бы примкнула к этому ремеслу по собственному желанию. Чаще всего все происходит в силу различных обстоятельств. Видишь ли, блудницами не рождаются - это выдумки бесчестных развратников! Девушки становятся на эту дорожку из-за того, что, во-первых, им платят гораздо больше, чем, скажем, служанкам, а во-вторых, из-за кажущейся легкости ремесла. Это потом, когда несчастная погрузится уже по самую макушку в эту грязь, она начинает понимать, что лучше иметь более скромный кусок хлеба, да более твердую почву под ногами. Обидно, что все начинается, как правило, с любви!

Здесь мэтр умолк и о чем-то быстро переговорил с очередным, встретившимся на дороге оборванцем, который, громко шлепая ногами, скрылся в темноте прилегающих улиц.

- На красивых девушек обращают внимание быстрее, чем на их менее приглядных товарок. А природа скупа - обычно дав красоту, она редко её обладательницу награждает таким же умом. И вот, представьте, крутится возле такой красивой простушки хорошо одетый кавалер, куда более привлекательный, чем скажем, подмастерье из соседней лавки, сулит любовь, богатство, красивые платья. Девушка и отдает ему сердце, да кое-что еще в придачу. А получив своё, развратник тут же исчезает, зато о падении, как правило, узнают все! И пошло, и поехало - и мать с отцом могут выгнать из дома, и соседки плюются вслед, а желающие пройти по протоптанной дорожке тут как тут! Появляется пронюхавшая о легкой добыче сводня, и всё, бедняжка уже зарабатывает себе на жизнь в постелях борделей!

Стефка изумленно слушала эту защитную речь. Голос де Монтрея звучал грустно и одновременно сочувственно, рассказывая о бедах тех, ремесло которых стало символом грязи, греха и порока.

- Вся зараза, какая есть в городе - их, каких болезней только не подхватывают, бедняжки! Я всегда им помогаю, чем могу, но иногда и мое искусство бессильно. А уж когда состарятся! Нет зрелища более душераздирающего, чем потерявшая клиентов куртизанка. Вся больная и измотанная, нет у неё ни семьи, ни кровя над головой, никому она не нужна, все презируют и отталкивают. Я таким всегда подаю на паперти в первую очередь, уж больно мне их жалко!

Озадаченная Стефка не понимала природу такого горячего сочувствия мэтра к падшим девицам, но с другой стороны, её жизнь в последнее время настолько причудливо изменилась, что осуждать кого-либо она то же не бралась. Графиня вспомнила, как в свое время пострадала от людской несправедливости несчастная Хельга, в одночасье потерявшая всё, да ещё и наказанная кнутом палача за бессердечие любовника и родной матери. Назвать простодушную немку развратницей у неё язык не поворачивался, и, если на то пошло, что можно было сказать об их далеко не невинных забавах с де Сантрэ? Разве она не стала жертвой обмана? Да, судьба иногда нам преподносит трудно разрешимые дилеммы!

Так за разговором спутники миновали Новый мост и оказались в Сите, где и находилась улица Глатиньи. Вместе с другими такими же, занятыми домами терпимости, она примыкала к церкви Сен-Мерри, из которой сделали приход для себя девицы легкого поведения, живущие по соседству.

Если весь город вокруг уже затихал и отходил ко сну, то здесь жизнь кипела. Окна и двери были широко распахнуты и ярко освещены, на порогах стояли развязанные девицы и перекидывались скабрёзными шутками с прохаживающимися вдоль улицы мужчинами. У некоторых домов на входе стояли зазывающие клиентов сводни, во всю расхваливающие свой

специфический товар в таких выражениях, что у нашей героини покраснели не только щеки, но и, казалось, даже пятки на ногах.

- Опустите пониже капюшон,- тихо посоветовал де Монтрей, - держитесь ко мне поближе и не крутите по сторонам головой - не на что вам тут смотреть!

Испуганная Стефка послушно натянула на глаза края капюшона, с трудом соображая, как она будет дальше передвигаться, если ничего не видит. Но вскоре спутники оказались у порога двухэтажного дома, из которого шум разнузданных голосов и женского радостного визга свободно выплескивался на улицу.

- Как же, как же,- прошамкала беззубая сводня на пороге,- прибежал от вас оборванец, Мами-ля-Тибод вас ждет с черного хода, профессор.

Мужчина и женщина обошли дом, и через заднюю калитку попали в небольшой темный дворик, а оттуда через двери черного хода очутились на кухне, где, не смотря на поздний час, сновали туда-сюда со снедью кухарки и шустрые подростки.

Несмотря на занятость, все почтительно раскланялись с доктором. Гости поднялись по крутой винтовой лестнице на второй этаж и оказались в темном коридоре, куда выходили двери нескольких комнат. Женщина даже под капюшоном съежилась от неловкости, услышав, какие откровенные звуки доносятся из-за них.

Они находились в самом сердце борделя, но доктор уверенным шагом провел свою спутницу в самую дальнюю с распахнутой настежь дверью комнату около большой лестницы вниз, где за столом с конторкой сидела приятная пожилая женщина с серьезным и благожелательным лицом. Стефке она напомнила почему-то герцогиню Баварскую - они были схожи как родные сестры, если бы...

- Ах, мэтр, это вы?- удивилась та, приветливо улыбаясь,- что же вам понадобилось в нашем квартале в это время суток, да ещё в сопровождении девушки? Неужели старая мегера Жервеза довела вас до того, что вы вынуждены ходить с милашкой в поисках угла по публичным домам?

- Нет, Мами,- вздохнул в ответ доктор,- я к тебе не за развлечениями, а по делу. Вот этой женщине нужна помощь, и я прошу тебя дать ей крышу над головой.

- Девчонке нужна работа?- сразу стала деловитой хозяйка.

- Нет, Мами, ей нужно только убежище! - вежливо пояснил де Монтрей.

Та непонимающим взглядом посмотрела на визитера, а потом весело рассмеялась.

- Убежище? У меня? Здесь все время отирается уйма народа, не говоря о королевском балли, который с нас скоро последнюю рубашку снимет! Так и рыскает! Деньги уже прямо под подолом у девочек ищет! Кого мы можем укрыть? Уж лучше сразу малышку выставить на площадь, может, хоть в толпе затеряется!

- Она скрывается не от закона,- терпеливо объяснил доктор,- а от своего бывшего любовника. Он человек из титулованной знати и в твой вертеп не сунется.

- О, здесь иногда и не такие появляются,- снисходительно усмехнулась Мами,- если бы ты знал, какое распутное у нас дворянство! И как они ещё умудряются размножаться со своими

женами, когда только извращенная похоть способна привести их хилые орудия в боевую готовность!

Стефка про себя мрачно хмыкнула, вспомнив о собственном супруге. Хилое не хилое, но все-таки дона Мигеля, очевидно, тоже не тянуло на скромные постельные утехы с законной половиной!

- Но ты ведь не будешь её выпускать к гостям,- выдержке де Монтрея, казалось, не было предела, - я прошу просто спрятать женщину у себя. Ей подойдет любое помещение с крепкой, закрывающейся на засов, дверью. Приюти её на какое-то время, за еду и крышу над головой я заплачу!

- Не обижайте меня, мэтр,- нахмурилась Мами,- не возьму я с вас денег, и так за многое по гроб обязана! И просьбу вашу попытаюсь выполнить, хотя свободных комнат у меня не бывает - девочки по очереди водят клиентов! Но для вас я что-нибудь придумаю. Подождите здесь!

С этими словами хозяйка вышла из-за стола, и Стефка изумленно округлила глаза. Мами за конторкой смотрелась нормальной женщиной, а когда встала на ноги, оказалось, что это карлица на коротких ножках. Но удивилась не только графиня, раздалось какое-то нечленораздельное хрюканье, и после глухого удара о пол, перед ними предстал спешно приводящий себя в порядок Тибо.

- Это ещё кто? - недовольно нахмурилась Мами,- вы же доктор говорили только о женщине?

- Меня зовут Тибо, красотка,- умильно растянул губы гаер,- я шут, пока владею глоткой! Могу я девок развлекать, и как блоха перед клиентами скакать. Мне нужен и всего кусочек хлеба, чтоб дотянуть до вознесения на небо!

- Бездельник и плут!- тот час пронизательно припечатала карлица.

- Кровопивец,- с тяжелым вздохом впервые подала голос Стефания,- это мой младший брат!

- Младший,- удивилась Мами, - так ему же уже лет тридцать! Или тебе самой за сорок?

Графиня поперхнулась, с ужасом глядя на своего малыша - она почему-то была уверена, что тот ещё подросток. Открытие потрясло её настолько, что женщина потеряла дар речи. Зато нашелся карлик.

- Моя сестра сказать хотела, не младший я, а ростом так себе, малой! Какое, впрочем, вам до лет моих особо дело, я все равно горбатый и кривой!

- Кормить его будете сами, мэтр,- пришла к выводу хозяйка,- такие болтуны обычно прожорливые, как стая ворон! А мы сами едва концы с концами сводим! Сейчас я приду!

И карлица, переваливаясь из стороны в сторону на кривых ножках, скрылась во мраке коридора.

- Как она с такой внешностью может этим заниматься?- с недоумением спросила Стефка доктора.

- Здесь можно увидеть все, что угодно,- тяжело вздохнул де Монтрей, откидывая с её лица капюшон,- вы не представляете себе, Стефания, как извращен порок. Пусть Мами и не отличается статью, зато с головой у неё все в порядке.

Тибо же даже подпрыгнул от возмущения.

- Пусть карлики и не верзилы,- обиженно прошипел он, и красноречиво ударил себя в место пониже живота,- но кое на чего они всегда находят силы!

Не успела Стефка отреагировать на эту сомнительную похвальбу затрешиной, как в комнату вернулась хозяйка. Увидев открытое лицо гостя, она даже присвистнула.

- Вот так красотка! Она бы смогла неплохо заработать, если у неё есть, хотя бы какой-нибудь разум в хорошенькой головке!

- Выкинь это из головы,- рассердился доктор,- я оставляю у тебя в руках мою будущую жену и надеюсь, что хотя бы из признательности, о которой мне постоянно толкуешь, ты оставишь девушку в покое!

- Не сердитесь, мэтр,- примиряющее растянула губы Мами,- я буду беречь Ангелочка, как зеницу ока! Но если она вдруг сама...

- Тогда больше ко мне своих девиц не присылай,- резко возразил де Монтрей,- пусть их лечат другие лекари!

Стефка тогда и не подозревала, что данная Мами кличка прилипнет к ней, как репей, и что в мире публичных домов за ней прочно закрепится прозвище Ангелочка.

Они пошли за переваливающейся на ходу хозяйкой вдоль по коридору, пока не остановились возле углового закутка, дверь в который была наполовину скрыта большим тяжелым сундуком. Но открывалась она вовнутрь, поэтому, протиснувшись мимо его острых углов, посетители оказались в маленькой комнатке, загроможденной тряпками и какими-то непонятными предметами. В углу около маленького затянутого паутиной окошка, сквозь которое едва пробивался лунный свет, стояла узенькая скамейка. Удушливо пахло пылью, мышами и плесенью заброшенного места.

- Как вы тут вдвоем пристроитесь, не знаю! - раздраженно заявила Мами,- больше места у меня нет! Единственное, могу дать два старых одеяла.

В клетушке было довольно холодно, поэтому её предложение было кстати. И больше ничего не говоря, сводня, закрыв дверь, оставила своих гостей одних.

Тонкие стены помещения отнюдь не защищали это убогое убежище от разгульного шума, царившего в доме, но Стефка утомленно села на жалкое подобие постели и с облегчением вытянула ноги, которые уперлись в грудку какого-то хлама. Рядом живо пристроился Тибо, и доктору только и осталось, что стоять, поясняя назначение непонятных сооружений с торчащими то там, то тут обрывками материи на прутьях.

- Это принадлежности шествия колонны цеха куртизанок в день Святой Мадлен!

- Цеха? - ещё нашла в себе силы удивиться графиня.

Де Монтрей обескуражено развел руками.

- Что поделать, но все развратные девицы нашего города объединены в свою единую корпорацию. У них разработаны правила ремесла, есть свои судьи, свой устав, свои

привилегии..., а в день святой Мадлен куртизанки не работают и устраивают праздничное шествие для всех жителей квартала. Хотите - смотрите, хотите - плюйтесь, но их интересы защищают бальи, потому что шлюхи лучшие налогоплательщики города!

Профессор еще немного постоял, рассеянно оглядываясь.

- Вот, пожалуй, и все, что я могу пока для вас сделать, Стефания,- улыбнулся он своей добродушной улыбкой,- вы, наверное, очень устали и хотите отдохнуть?

- Что вы, - горячо возразила Стефка,- мне, наоборот, страшно без вас здесь оставаться. Я как-то привыкла за этот месяц к вашей доброй и ненавязчивой опеке! А ну-ка, брысь,- столкнула она шута с постели,- уступи место мэтру, пусть отдохнет! Ему ещё домой добираться!

Она уже заранее сморщила нос, приготовившись к обычному вытью и жалобам карлика, но Тибо неожиданно не стал возражать.

- Вы тут посидите без меня,- отстраненно пробормотал он, с видимым интересом прислушиваясь к звукам разгула,- а я тут пойду, осмотрюсь..., мало ли что, может, здесь небезопасно!

- Тибо! - взвыли в два голоса и лекарь и хозяйка, но шут юркнул в щель двери и исчез.

Де Монтрей с тяжелым вздохом вытянул ноги, осторожно усевшись рядом с подопечной.

- Ах, Стефания,- грустно признался он,- вы, конечно же, не знаете, что в течение всего этого времени я бежал домой с единственной мыслью - о вас! А теперь мне не хочется возвращаться в свой дом - он стал для меня холодным и пустым!

Мужчина рядом с такой болью в голосе признавался ей в любви, что у Стефки болезненно защемило сердце от жалости. Она нежно поцеловала его в щеку, пытаясь хоть таким образом утешить этого замечательного человека. Но даже святые подвижники все равно остаются, прежде всего, мужчинами! Обрадованный этим знаком внимания мэтр тут же крепко обнял её и прижал к себе, пылко покрывая поцелуями чепец на головке возлюбленной.

- Я люблю вас,- прерывающимся голосом прошептал он,- обещайте мне, что если все закончится благополучно, вы вернетесь в мой дом и станете в нем хозяйкой?

Стефка улыбнулась. Почему-то приставания этого кавалера не вызывали в ней обычного раздражения, разве только чувство снисходительной нежности.

- Вы же знаете, что я замужем!- пробормотала она, доверчиво утыкаясь лицом в его грудь.

От мужчины пахло травами и специфическим запахом врача. Этот запах стал за это время для неё символом безопасности и людской порядочности, которая, увы, так редко встречается в этом мире. И Стефка отчетливо услышала, как громко и радостно стучит его сердце.

- Надо же,- удивленно признался он, - никогда бы не подумал, что испытаю самое большое счастье в своей жизни в жалкой каморке на задворках публичного дома!

- Если хочешь, то можешь остаться на эту ночь со мной! - неожиданно предложила Стефка, ласково погладив его по щеке.

Сказала и сама опешила, но потом только рукой махнула - что уж тут корчить из себя

добродетельную испанскую графиню, когда целый месяц делила постель неизвестно с кем! Но доктор почему-то не поспешил воспользоваться предложением. Он опустился на колени и заглянул сияющими глазами в её лицо.

- Я мог бы провести всю свою жизнь на коленях перед вами! Разве обладать - это самое главное? Мы сейчас находимся в таком месте, где все имеют этого вдовость, но какое это имеет отношение к любви? Счастье - это возможность стоять перед любимой на коленях, обнимать её, смотреть в глаза, слышать, как стучит её сердце рядом с твоим, а поутру, проснувшись, видеть, как она спит на твоей руке!

Пораженная Стефка внимательно слушала его тихий хриловатый от переполнявших чувств голос, и что-то теплое и болезненное неожиданно властно вторглось в её душу, растопив лед и усталость. Словно она вдруг встретила сама с собой, той, которой была когда-то давно, после встречи на балу с милым Яреком.

- Жизнь так коротка и мимолетна, и я уже и не мечтал, что встречу тебя, любимая, когда ты попала мне тем благословенным утром по дороге к университету! Дай мне свои руки, и я поцелую каждый пальчик, который ты натрудила у меня на кухне, попытаюсь справиться с чуждой тебе работой! Ты так устала и измучилась, любимая, укладывайся в постель, и я расскажу тебе все сказки, которые только знаю, чтобы ты не чувствовала себя плохо в этом уютном доме, где надругательству подвергается самое святое, что есть у людей - любовь!

С этими словами де Монтрей уложил свою возлюбленную на лавку, укутал одеялами и плащом, а сам сел рядом и, поглаживая по руке, нежно заговорил:

- Жил однажды в Париже один немолодой лекарь, учащий школяров медицине, жил он скучно и невесело, но вот однажды утром с ним случилось чудо....

- А ещё он был фантазером и необыкновенно добрым человеком,- улыбнулась Стефка и сонно потерлась щекой о его теплую, пахнущую лекарствами ладонь.

Профессор тихо рассмеялся в ответ и продолжил и дальше, что-то ласково нашептывать, пока она не погрузилась в глубокий без сновидений сон, так и ощущая его руку на своей щеке.

Пробудилась женщина уже ближе к полудню оттого, что во всем доме слышались звуки пробуждения его обитателей. Захлопали двери, слышались резкие звуки голосов, топанье ног и потянуло запахом еды из кухни.

При свете дня её клетушка выглядела еще более захлавленной и грязной, чем в смягченном сумраке ночи. Хлам из тряпок и прутьев был покрыт плотным слоем грязи и пыли, паутина красовалась во всех углах. А выглянув из маленького окошка, она увидела перед собой только черепичные кровли соседних домов. В общей сложности, постоялица могла сделать только три шага к окошку и два к двери.

- Как же я буду здесь сидеть?- проговорила она вслух, растерянно оглядывая весь этот кавардак, пока ещё кое-что не вспомнила, - а где же этот безобразник Тибо? Пресвятая Дева, неужели нас с ним выгонят даже из борделя?

Но долго ей терзаться страхами не дали. Вскоре дверь скрипнула и в проеме появилась припухшее со сна лицо, какой-то растрепанной девицы, которая даже не удосужилась надеть на рыжие разлохмаченные кудри чепец.

- Эй ты, новенькая,- зевнула она во весь рот,- иди вниз обедать, тебя Мамаи приглашает! Да...,

там твой урод торчит, всех уже довел!

Стефка, со сжавшимся от страха сердцем, торопливо привела кое-как в порядок помятую юбку и съехавший на бок чепец, и чуть ли не бегом проследовала вслед за проводницей. Они прошли вчерашним путем, и спустились вниз по винтовой лестнице на кухню, где за большим длинным столом сидели за обедом, где-то около двух десятков девиц. Почти все они были простоволосые, с опухшими бледными лицами, и кое-как одетые. Вяло, с явной неохотой ворочая в мисках с похлебкой ложками, жадно потребляли воду. На Стефку девки глянули безо всякого интереса. Их больше занимал всюю резвящийся вокруг стола карлик.

Графиня так и замерла на пороге, глядя на колени своего шута. А тот весело приплясывая, то нагло задирает шлюхам юбки, то щипал их за пышные зады, и при этом громко напевал:

- Девки у Мамаи такие красотки, попки как дыни, а грудки как попки! Мягче матрасов у них животы, будем резвиться на них я и ты! Дай же мне губки - тебя поцелую, в кровать завалю я из кисок люблю!

Киски кисло поморщились, страдая от головной боли. Судя по заплывшим глазам девушки мучились похмельем, а тут ещё этот неугомонный карлик!

- Твой? - сурово спросила графиню одна из них, пышнотелая солидного вида девица.

- Мой! - тяжело вздохнула Стефка.

- Достал! Как его заставить замолчать? Всю ночь галдел, всех до головной боли довел, и утром не успокаивается!

- Можно утопить, - на полном серьезе заметила хозяйка, - но он будет брыкаться и причитать до тех пор, пока не останется на берегу в полном одиночестве, а вы не попрыгаете в воду. Так что дешевле его накормить, когда его рот занят, Тибо, как правило, молчит!

- Ангелочек, - заметила вторая вяло жующая девица, после того, как карлику навалили полную миску, и наступила блаженная тишина, - Мамаи говорит, что это горбатое пугало твой брат! Она ничего не перепутала?

- В семье не без уроды! - Стефка присела на край скамьи, получив свою порцию овсяной похлебки.

Готовили, кстати, в заведении Мамаи-ля-Тибод очень даже неплохо, не смотря на пост.

- Мамаи говорит, что ты не будешь работать с клиентами, - вяло поинтересовалась третья, тощая и высокая, не в пример двум первым, девушка, - тогда что ты будешь делать?

Стефка пожала плечами.

- А что надо? Могу шить!

Эту фразу услышала, ворвавшись на кухню, как всегда бодрая и энергичная Мамаи.

- Уже жрет! - констатировала она, увидев залезшего по уши в глубокую миску карлика, - я так и знала! Если он будет тут пастись, как козел на лужайке, да ещё под юбки девкам лезть, то отработывай, милая, содержание своего братца! Стаскивайте Ангелочку все рвань, - приказала она своим подопечным, - пусть штопает, все равно ей делать нечего! Только не

заваливайте девчонку работой, она не портниха, да и с мэтром такого уговора не было.... И на этом я считаю наш разговор законченным. Гулять можешь выходить во двор, он закрытый и тебя никто не увидит!

Задыхнувшаяся от царящего на кухне запаха перегара, Стефка торопливо воспользовалась разрешением и вышла во дворик. Там, среди всякой хозяйственной утвари, красовались пока ещё укутанные снегом грядки, но все равно из проталин уже выглядывала, дерзко рвущаяся к солнцу и свету зелень травы. Да и, не смотря на дымный угар, валяющийся из высоких труб окружающих домов, в воздухе ощущалась острая свежинка, напоминающая о том, что весна не за горами.

Стефка, лениво прищурившись, посмотрела на садящее где-то за островерхими крышами закатное багровое солнце. День прошел так быстро, и вскоре все должно было повториться сначала - и визг, и крики, и звуки разгула и разврата. Интересно, почему все дома терпимости работают только по ночам? Может, потому, что мужчин пугает ночная тишина?

Когда женщина вернулась в свою клетушку, к ней протиснулась толстая девка с огромным задом и пышной грудью. Её довольно приятное лицо с черными кудрями и карими глазами смотрело на мир вполне счастливо, можно даже сказать, умиротворенно. Она принесла ей для штопки нижнюю юбку с прорехой.

- Вот,- досадливо вздохнула девица,- зацепилась за что-то! Могу и сама зашить, да только голова очень болит с похмелья. Ты издалека, Ангелочек?

- Из Эльзаса!- Стефка решила придерживаться этой версии до конца.

Она принялась за работу, но света из окна уже не хватало, поэтому толстушка принесла ей масляный светильник.

- Меня зовут Изабо. Я у Мамаи уже четыре года,- трещала она без умолку, с любопытством рассматривая новенькую, - попала сюда сразу же после чумы, когда у меня умерли родители, а дядька, отцов брат, обозвал меня шлюхой и выгнал из дома.

Стефка с соболезнающей миной покосилась на девушку, сшивая полотнища обширной полотняной, далеко не первой свежести юбки.

- И тебе здесь нравится?

- Уж лучше, чем драить чугуны и выносить ночные горшки, как служанкам,- жизнерадостно рассмеялась Изабо,- конечно, иногда эти козлы так разойдутся, что и глядеть на них не охота, но у меня своя клиентура, поэтому я без заработков не остаюсь. Здесь не любят таких худосочных, как ты! Мужчины не собаки, чтобы бросаться на кости.

- А ты любила, когда-нибудь?- поинтересовалась графиня, вспомнив вчерашнюю лекцию метра.

- Почему любила,- удивилась собеседница,- я и сейчас люблю! У меня есть дружок, с которым я сплю не за деньги, а потому что он такой милашка!

Стефка наморщила лоб, пытаясь осознать сказанное. Не получилось! Она от удивления даже перестала латать юбку.

- И он не ревнует тебя к остальным?

- Ревнует?- у толстухи от смеха необъятная грудь заходила ходуном,- а на что бездельник будет жить, если я перестану зарабатывать нам на хлеб? Опальный поэт - его выслали из Парижа за разные неблагоприятные дела, поэтому он и в городе-то до тех пор, пока удачно скрывается. И у нас с ним на двоих только то, что я выбиваю из клиентов, подбрасывая их к потолку!

Тут Изабо животом сделала такое непристойное движение, что Стефания не удержалась от смущенного смеха.

- О чем же пишет твой поэт? - поинтересовалась она,- неужели о любви?

- Какой там..., о любви! - небрежно отмахнулась Изабо, - о выпивке, воспевает иногда мой зад, а в основном о том, как ему нравится жить и как ему не хочется умирать. Он премилый, озорной и веселый, я его просто обожаю! Только,- глубоко вздохнула она,- его уже дважды чуть не повесили!

Графиня слегка оторопела - наверное, это была какая-то экстраординарная личность!

- Где же он скрывается от бальи?

Девушка недоуменно пожала плечами, почесав нос.

- Да, скорее всего, на Дворе Чудес! Там все прячутся, ведь никто туда не суется. Ну, а как стемнеет, Франсуа приходит ко мне, - губы Изабо изогнула нежная улыбка, - правда, я почти все время занята, но и для него минутку всегда улучаю. Женщина не может жить без любви, она без неё все равно, что мертвая.

Стефания задумчиво перекусила нитку, заканчивая латать прореху. Как-то странно все это звучало..., если ещё учесть, кем было произнесено!

После того, как Изабо забрала свою юбку, зашла ещё одна девица - этой надо было починить корсаж. Поэтому, когда де Монтрей пришел к своей протее, то увидел её в слабом свете светильника, склонившуюся над шитьем. Дом уже сотрясался от смеха, грубых мужских голосов и женского визга - девицы начали свою работу.

- Как ты, Стефания?- он осторожно поцеловал пальцы с зажатой в них иглой.

- Да, ничего,- ласково улыбнулась она доктору, и в ответ прикоснулась к его щеке губами,- здешние обитательницы, действительно, неплохие девушки. С одной из них - толстухой Изабо я даже разговорилась, и она мне рассказала о своем возлюбленном поэте, который скрывается в каком-то Дворе Чудес.

Она рассказала эту историю доктору, чтобы немного пошутить, но неожиданно это известие произвело на него удручающее впечатление.

- Как,- озабоченно нахмурился тот,- Франсуа опять в Париже? Как неосторожно с его стороны! Когда он в последний раз попался в руки бальи, его приговорили к повешенью. Едва удалось упросить сильных мира сего заменить казнь изгнанием.

- Изабо говорит, что содержит его,- не переставала удивляться Стефка,- разве это возможно, чтобы мужчина любил женщину и делил её с остальными, разрешая заниматься подобным ремеслом?

Доктор виновато поцеловал ей руку.

- Прости, что я определил тебя в такое место, где у любой порядочной женщины пойдет голова кругом!

- Дело не в этом,- попробовала объяснить свое недоумение Стефка,- но если любимый есть, то как же..., как же позволять другим...?

Она окончательно ступевалась, не зная, каким образом выразить свою мысль, но собеседник её понял.

- Дорогая, всё зависит от того, как смотреть на жизнь. Что же касается Изабо и Франсуа, то у них нет возможности строить, какие-то отношения - у обоих ни двора, ни кола, ни денье за душой. День прошел, на виселицу не вздернули и под кнут палача не попали - благословение Всевышнему! Франсуа не может безраздельно владеть возлюбленной - содержать её ему не по карману! Вот он и предоставляет это почетное право другим, мудро довольствуясь лишь теми крошками с её стола, которые перепадают, оставшись от других клиентов. Зато в этой малости столько неподдельного, ничем незамутненного чувства, которое не купишь ни за какие деньги.

Стефания задумчиво перекусила нитку. Интересно, что бы сказал его преосвященство епископ, услышав эти рассуждения? Упал бы в обморок от ужаса? Или пожалел запутавшихся грешников?

- А вы бы так смогли?- любопытствовала она.

- Нет, не смог бы, - грустно усмехнулся де Монтрей, - но ведь я врач, а не поэт! А им дано смотреть на мир другими глазами!

Кое-что на тему видения мира поэтами Стефка знала.

- Мне Гачек читал стихи итальянского поэта прошлого столетия Петрарки о его любви к одной прекрасной даме Лауре. Он даже не был с ней знаком, просто один раз увидел и влюбился на всю жизнь. Она умерла, а он все писал и писал сонеты, посвященные этой даме и своей безнадежной любви! Могу себе представить, чтобы стало бы с Петраркой, если бы Лаура вдруг стала падшей женщиной?

- Я думаю,- уклончиво заметил профессор,- что его сонеты принялись бы восхвалять не лик прекрасной дамы, а так сказать,- он смущенно хмыкнул,- другие её сокровища! А впрочем, поэты такой народ, скажу я вам, что Петрарка мог бы вполне сознательно закрыть глаза на занятия своей возлюбленной, и по-прежнему описывать её святость! Мне рассказывали, что моделей мадонн для храмов художники выбирают, в основном из дам, так называемого облегченного поведения!

- И что же, Изабо в стихах этого Франсуа тоже образец куртуазного преклонения?

Она впервые услышала, как обычно серьезный доктор настолько громко смеется - в уголках его глаз даже появились слезы.

- Нет, наш Вийон на такое не способен,- наконец, ответил он, поспешно вытирая глаза, - хотя не абы какой проstack - окончил университет, и является магистром свободных искусств. Но влюбиться в какую-то один раз увиденную даму, которую даже ни разу не поцеловал, до такой глупости он не опустится. Это удел таких идеалистов, как ваш покорный слуга! А где, кстати, ваш шут?

- Хотелось бы мне и самой это знать! - Стефка с сердцем воткнула иглу в материю, но промахнулась.

Мгновение спустя де Монтрей уже зализывал ранку на её пальце, попутно целуя и все остальные.

- Он не стоит твоего гнева, дорогая! Пусть болтается среди девок!

- Да, как бы из-за его выходок нас отсюда не выгнали!

- Отсюда, нет! Отсюда уже некуда выгонять!

Тогда Стефания не обратила внимания на его слова, но потом, оставшись одна, призадумалась.

Как-то незаметно получилось, чуть ли не само собой, но она играючи преодолела расстояние, отделяющее испанскую графиню, жену могущественного гранда от нищей белошвейки, работающей за кусок хлеба и крышу над головой в низкопробном парижском борделе! Действительно, ниже упасть было, наверное, некуда, но осознавая это умом, Стефания не воспринимала происходящее, как трагедию позорного падения, наоборот, теперешнее окружение казалось спектаклем из чуждой жизни.

Вот-вот представление закончится, актеры свернут декорации и покинут зрителей, а она, кинув монетку в шляпу, пойдет домой! Вот только где сейчас её дом? Куда она может уйти? К мэтру Метье? Стефка относилась к нему с величайшей нежностью, но твердо знала, что парижский лекарь не пара пани Лукаши из Черного леса, чей древний род гордился гербами и легендами о героическом прошлом. При определенных условиях, она могла даже с ним улечься в постель, но никак не разделить судьбу!

Мысли двигались по бесконечному кругу, пока женщина не сомкнула ресницы.

Снилось ей, что она бежит по лугу, заросшему алыми маками, а рядом мчится знакомый белый барс. Она как бы играет с ним в догонялки, кружась в шуточных отступлениях и кругах по всему пространству. Но вот Стефка протянула руку, и тот прильнул к ладони умной пушистой головой.

- Странные существа, вы, женщины,- замурлыкал барс, усаживаясь рядом,- с твоей-то красотой нужно укладывать у своих ног королей, развязывать войны, а ты штопаешь прорехи в грязных юбках шлюх! Связалась с каким-то нелепым лекаришкой!

Вот ещё! Будут приснившиеся кошки оскорблять её лучших друзей!

- Тоже занятие, ничуть не хуже остальных, а у мэтра Метье золотое сердце,- возразила Стефка, заглядывая в зеленые изумрудные глаза,- хватит без толку язвить, лучше давай полетаем!

- Золотых сердец не бывает! И если ты предпочитаешь участь живущей в пыли и грязи мыши, то летать не сможешь! Это удовольствие для тех, кто стремится вверх, а не вниз!

- Глупая ты, кошка,- Стефка дерзко потрепала барса за шелковую холку,- я немного жила на свете и всего, конечно, не знаю, но я твердо уверена, что лучше штопать юбки шлюхам, чем тонуть, как в грязи в дворцовых интригах!

- Ах ты, дерзкая малышка! - опять болезненно резанул, уже ставший навязчивым кошмаром странный голос, и все закружилось многоцветным хороводом и пропало.

Стефка проснулась в холодном поту и с бешено бьющимся сердцем.

Дом уже замолчал, очевидно, уgomонились даже последние самые буйные клиенты. За окном вставал ранний весенний рассвет.

И только тут она заметила какой-то предмет, лежащий около потушенного светильника. На колченогой табуретке источал тонкий приятный аромат круглый оранжевый плод в твердой пористой кожуре. Стефка никогда не видела ничего подобного. Она осторожно взяла это чудо в руки и нежно сжала - благоухание стало еще сильнее, заглушив уже привычные запахи пыли и плесени, царящие в комнате. Было в нем что-то светлое, прекрасное, дарящее надежду, что все образуется и будет хорошо!

Стефка сразу же поверила этому молчаливому обещанию, и, прижав маленькое ароматное солнце к себе, вновь заснула и спокойно проспала до утра.

КЕТРИН ПРЕЛЬ.

- Это апельсин,- пояснила Стефке на следующий день одна из девиц, принеся в штопку чулки,- их привозят откуда-то из Мавритании. Оранжевое - это кожура, её надо очистить, а под ней необыкновенно душистая и сочная мякоть, пальчики оближешь! Хорошо утоляет жажду, особенно когда с похмелья голова раскалывается!

Но Стефке не хотелось разрушать это душистое чудо, оно напоминало ей солнечный зайчик и приятно отличалось оттого, что находилось вокруг. Втыкая иглу в старый чулок, она иногда бросала на него взгляд, и ей становилось как будто теплее от сияния его оранжевых боков.

Прошло несколько дней.

Как-то утром к хозяйке заглянул Тибо, чуть ли не впервые с того момента, как они пришли в бордель.

Он был не в настроении, но его глаза тот час плотоядно остановились на апельсине.

- Только попробуй,- женщина пригрозила обжоре иглой,- зашью тебе рот! Это мне профессор принес, а ты ищи подарки там, откуда пришел!

- Там можно найти только...

Словцо было грязное, и графиня гневно нахмурилась.

- Не к лицу почтенному шуту пачкать язык такими выражениями!

- С кем поведешься, у того и дури наберешься,- умильно пристроился Тибо в ногах своей госпожи,- откуда здесь взяться хорошим манерам, здесь деньги несут не за то кавалеры! Узнал бедный шут, как его не кори, монеты тут ценятся больше любви! А вы апельсин даже съесть не даете, грозитесь, язык быстро к небу пришьете!

Стефка пропустила его жалобы мимо ушей, точно зная, что кто бы ни стал пострадавшей стороной, карлик ею никогда не будет. Зато он мог ответить на некоторые интересующие её вопросы, которые она стеснялась задавать девицам Мами.

- Тибо,- тихо полюбопытствовала графиня,- ты видел хоть раз, а как девушки сговариваются со своими клиентами?

Шут насмешливо скосил на хозяйку глаза:

- А вам-то зачем, кто, за сколько и с кем? Здесь все продадут, только грош усмотрев, карманы порвут, там монеты узрев! Покажешь денье и любую бери, поманишь же су, можешь взять сразу три!

- Так просто,- невольно поразилась донна,- и что, нет никому отказа? Слепой, глухой, слюнявый..., неужели не противно?

Тибо пожал плечами, рассеянно теребя её подол. Сегодня он был в несвойственной ему обычно философской задумчивости.

- А разве жизнь не цепь обычных сделок? Кто больше выложит монет, тому ни в чем отказу нет. Ни в платье, ни в любви, ни в плоти здешних девок!

Тонкая игла жалости внезапно кольнула сердце Стефании.

- Тебя обидели? - сочувственно положила она руку на макушку карлика.

Тот строптиво и совсем по-детски дернулся.

- Кто карликом - уродцем был рожден, тот с детства жизнью обделен!

Тибо был наказанием, ниспосланным на графиню откуда-то свыше, чтобы она могла осознать, насколько горька юдоль людская, но сейчас, когда баламут сидел у ног своей госпожи по-настоящему притихший и несчастный, её затопило сочувствие.

- Ну-ну, дружок не нужно вешать нос! Пусть ты и не красавец, но разве это главное в жизни?

- Когда как!

Краткая фраза сказала Стефке всё.

- Ты влюбился?

Она не столько удивилась, сколько была озадаченна этим известием.

- А что? - тот час взвился обидевшийся шут.- Любовь дается только с красотой? Я ж для любви чуть-чуть кривой?

- Нет,- хозяйке даже пришлось отложить штопку в сторону, и с силой усадить возмущенного карлика рядом с собой на постель,- я не об этом! Просто мне не понятно, кто в этом ... странном месте мог покорить твое гордое сердце? Уж не Мами-ля-Тибод, ли это?

Попытка умиротворить развоевавшегося карлика, оказалась неудачной. Едва услышав такое предположение, он ещё больше разошелся.

- А что, если у меня не стать Аполлона, так я ещё и слеп на оба глаза? Зачем мне эта старая ворона, она же безобразна как проказа!

Стефка только руками всплеснула в ответ на это наглое утверждение. Уж кто бы говорил!

- Так кто же эта принцесса? - кисло полюбопытствовала она,- одна из девиц? Надеюсь не Изабо,

а то у неё уже есть друг сердца, которого она содержит за счет, - она смущенно хмыкнула,- в общем, своего ремесла! Двоих даже с её трудолюбием не потянуть!

Тибо одарил её неприязненным взглядом, но все-таки сухо ответил:

- Мадлен - порядочная девушка!

Графиня вновь взяла в руки начатую штопку.

- Откуда ты нашел такую в борделе, - сухо поинтересовалась она, втыкая иглу в рукоделие,- или тебя ещё куда занесло, пока я тут слепну в темноте?

Карлик перестал сверлить её негодующим взглядом и вновь уселся на старое место.

- Мадлен прислуживает одной парфюмерше и почти каждое утро приносит девкам мази, румяна, в общем, всяческую дребедень, которую те заказывают у её хозяйки.

- Красивая девушка?

- Недурна,- сдержанно подтвердил Тибо,- но не это главное!

- А что?

- Она крепкая, как репка и здоровая, как наливное яблочко! Всё при всем, и это все на месте!

Разговор по-настоящему заинтересовал Стефанию.

- И что ты собираешься делать с этим яблочком? Довести её до головной боли, как и всех остальных?

- Я разговаривал с Мадлен! - шут решил проигнорировать замечание хозяйки,- она разумная девушка, но вы сами понимаете...

Внезапно он запнулся, и графиня с откровенным любопытством оглядела его непривычно серьезное личико.

- Что я должна понять?

- Шут - хорошая партия для сироты без гроша за душой, но... когда у него есть хозяин! Иначе, как же я смогу содержать жену и детей?

Казалось, уже привыкла Стефания к невозможному, озорному характеру шута, смирилась с этой напастью, но к своему стыду, первой её мыслью была все-таки огромная радость, что у неё появилась надежда распрощаться с ним навсегда.

- Ты хочешь найти себе нового господина?

Но Тибо не дал своей хозяйке долго упиваться несбыточными надеждами.

- Я никогда не покину вас, донна! - торжественно заверил он.- Нет..., я не об этом!

- А о чём?

Но хитроумный шут только заелозил возле её ног, пристраиваясь поудобнее на подоле юбок.

- Мадлен завтра придет со своей хозяйкой,- глухо пояснил он,- госпожа Катрина будет собирать заказы на свой товар! Вот мне бы и хотелось, чтобы вы посмотрели на девушку и потолковали с парфюмершей о нас!

Графиня даже растерялась, не зная, что и сказать в ответ на эту дикую просьбу.

- Но,- в конце концов, пролепетала она,- мы сейчас в таком положении... Да и девушка..., согласна ли она будет выйти за тебя замуж, если у нас нет даже крыши над головой?

- Не будет же это длиться вечно,- мудро заметил Тибо,- а мы пока ходим в обрученных!

В ту ночь де Монтрей не пришел, как обычно, навестить свою подопечную, и затосковавшая в одиночестве Стефания долго не могла уснуть. Ей казалось, что никогда ещё так громко не орали за стеной клиенты и пронзительно не визжали девицы. Она даже заплакала в тощую набитую соломой подушку, прежде чем забыться тяжелым сном, которого тоже побаивалась из-за непонятных встреч с белым барсом. Но в ту ночь он не появился, зато рано утром её разбудил взволнованный Тибо.

Стефка, напрочь забывшая об их разговоре, приподняла голову от подушки, с недоумением глянув на непоседу. Девицы обычно спали до обеда, приноровились к их ритму жизни и они с шутком.

- Госпожа Катрина пришла, ваша светлость,- потянул её с постели озабоченный карлик,- надо идти! Посмотрите на Мадлен, да поговорите на счет меня с её хозяйкой.

Юной женщине не хотелось покидать теплую, нагретую двумя одеялами и плащом постель и вылезать в холод комнаты. Да и смысла в подобном разговоре она не видела. Кто отдаст девушку в жены, живущему из милости в публичном доме шуту? Но разве ей было справиться с Тибо? Тот даже мертвого мог заставить плясать под свою дудку!

- Ладно,- хмуро и зябко поеживаясь, вылезла она из-под одеяла, быстро набрасывая на себя душегрейку и разыскивая ногами башмаки, - веди меня к своей возлюбленной!

- А кто такая госпожа Катрина? - поинтересовалась женщина уже в коридоре,- ты говорил, она парфюмерша?

- Да, - с энтузиазмом подтвердил взволнованный карлик,- это очень известная продавщица благовоний, и её услугами пользуются даже придворные дамы самой королевы!

- Зачем же столь влиятельной женщине пользоваться своими услугами ещё и этот квартал?

- Х-мм, - многозначительно хмыкнул Тибо,- знатные дамы не очень-то любят расплачиваться за товар, и за недоимки не натравишь балы на королеву. Чести много, шерсти мало, а вот местные милашки платят исправно, да и вообще им без неё никуда! Травница - очень необычный человек! Мадлен говорила, что ей достаточно взглянуть на женщину, и госпожа Катрин сразу же определяет, какой запах подходит той, чтобы сделать привлекательной для мужчины.

Стефку охватило двойственное чувство - с одной стороны интереса, с другой - опасения. После встречи с Марго она не желала иметь дела ни с одной женщиной, обладающей хоть какими-то особыми талантами. Чем проще человек, тем спокойней с ним общаться!

- А она не ведьма?- осторожно поинтересовалась юная женщина, спускаясь вслед за карликом

по винтовой лестнице вниз, в помещение кухни.

- Все травницы немного ведьмы,- пожал плечами Тибо,- нам-то до этого какое дело? Пусть болит голова у инквизиции или у вашего супруга, раз он без них жить не может! Девки же говорят, что в их деле Катрин цены нет. Она делает такие мази, что даже самые слабосильные мужчины возбуждаются.

- А зачем им это?- невольно удивилась Стефка,- не могут, пусть не приходят!

Но ответил не Тибо, а догнавшая их на повороте запыхавшаяся Изабо. Толстуха так оглушительно фыркнула ей в спину, что графиня от неожиданности чуть не слетела со ступенек вниз головой.

- Сразу видно, Ангелочек, что ты плохо понимаешь суть нашего ремесла,- громко заявила та,- эти-то и наиболее хорошо платят. Дома у них ничего не получается, а здесь он герой! А-то ведь как бывает - бьешься-бьешься над ним, потеряешь весь заработок, а он ни с места, а потом ещё и платить отказывается, мол, ты сама виновата, плохо старалась! И, поди, что-нибудь ему докажи! Клиент всегда прав. Впрочем, бывают и другие,- обычно жизнерадостная Изабо даже нахмурилась,- мучает тебя такой и час, и два, а платит только за один раз. Мол, он один раз кончил и баста! И денег кот наплакал, и сил на других нет. Только зельем Катрины и спасаемся! Да шевели ногами быстрее, Ангелочек, сколько можно копать! Весь товар разберут!

Стефка убыстрила шаг и спустилась в кухню, пропахшую странным смешанным запахом благовоний, вчерашней похлебки и перегара. Сегодня здесь было необычайно шумно. Обычно еле ползающие после бурно проведенной ночи девицы с кислыми, опухшими от вина физиономиями, сейчас, наоборот, деловито суетились вокруг длинного кухонного стола, выхватывая друг у друга горшочки с остро пахнущими притираниями, флаконы, заинтересованно перебирали баночки с краской и помадами. Деловито поморщив нос, подносили к нему пучки трав, какие-то порошки, масла!

Знаменитая Катрин оказалась маленькой хрупкой женщиной преклонных лет в слишком большом для её роста чепце на голове, опрятно и аккуратно одетой. Её сухие пальцы похозяйски перебирали товар, открывая многочисленные коробочки и флаконы, и давая понюхать оживленно толпящимся вокруг неё женщинам с горящими глазами. Сейчас она расхваливала краску для бровей и волос.

- Мне её привезли из далекого Леванта,- говорила торговка негромким надтреснутым голосом,- поэтому, не обессудьте, вещь дорогая! Но вам, цыплятки мои, не стоит мелочиться, чем вы лучше будите выглядеть, тем больше клиентов привлечете, и ваши деньги вернуться сторицей.

Цыплятки недовольно ворчали, ругали Катрин за дороговизну, но она лишь отшучивалась, ни на денье не скидывая цену на свой душистый, такой милый женскому сердцу товар.

Но с интересом разглядывающая эту сцену женского тщеславия Стефка была вынуждена отвлечься на своего шута, который с такой силой дергал за подол юбки, что та жалобно затрещала.

- Вы не туда смотрите - Мадлен там, госпожа,- гневно толкнул он её, заставляя обернуться в нужную ему сторону,- как вам она?

Стефка раздраженно повиновалась приказу своего избалованного карлика, глянула и...

застыла. Вряд ли она сама осознавала, кого ожидала увидеть в избранницах своего Тибо, но только не подобную девушку.

К описанию Мадлен больше всего, пожалуй, подходило слово здорова! Про таких ещё говорят - кровь с молоком! Высокая девица с приятным чуть присыпанным веснушками розовощеким лицом обращала на себя внимание рвушей корсаж пышной грудью, да и остальные округлости едва ли могло скрыть платье с передником. Карлик рядом с ней выглядел, как мелкая паршивая дворняжка рядом с породистой красивой телкой, то есть, по определению не совместимо!

- Тибо,- растерянно прошептала хозяйка на ухо шуту,- ты уверен, что эта девушка тебе подойдет?

- По-вашему, она недостаточно красива? - встревожился тот,- у неё, конечно, немного подкачал нос, но это если приглядеться!

В своем волнении он даже позабыл про рифмы, но, увы, если его госпожу что и волновало, то это отнюдь не нос служанки травницы, она, кстати сказать, не заметила в нем никакого изъяна.

- Тибо,- графиня попыталась мобилизовать все свои запасы деликатности,- Мадлен - парижанка, вряд ли она захочет связать жизнь с эльзасцем! Француженки, они не то, что немки!

- Ерунда!- горячо возразил Тибо,- если уж короли берут себе жен из чужеземок, то почему простым смертным не последовать их примеру. Я научу её готовить мои любимые блюда!

- Но, может, девушка хранит в своем сердце другие привязанности, и хочет выйти замуж за ученика пекаря или сапожника, знаешь, такие вещи бывают!

- Её сердце свободно! Она сама мне вчера сказала!

- Но для замужества необходимо, чтобы оно было занято тобой! - Стефка изо всех сил пыталась объяснить своему слуге то, что казалось, не требовало разъяснений.

Но если Тибо что-нибудь взбрело в голову, то сопротивляться было бесполезно, поэтому через несколько минут графиня, растерянно растягивая губы в улыбке, предстала перед травницей в довольно жалкой роли просительницы за своего уродца.

Катрин глянула на юную женщину бусинами темных, как у мыши глаз.

- Кто это?- поинтересовалась она у Мами,- что подобная женщина делает в твоём заведении? Только не говори, что работает!

Мами сама что-то разыскивающая в ворохах товара, неохотно оторвалась от своего занятия.

- Нет,- вздохнула она,- это мэтр Метье попросил меня приютить Ангелочка. Знаешь же, у него всегда какие-нибудь тайны и куча призреваемых. Вечно мэтр кого-то спасает, опекает! Но относительно девчонки сказал, что хочет жениться на ней.

Морщины на лице парфюмерши причудливо сморщились то ли улыбкой, то ли ещё какой гримасой.

- Он-то, может, и хочет,- хмыкнула она, не сводя глаз с замершей под этим пристальным взглядом Стефки,- только от его желания здесь мало что зависит - не пара она ему. Я, вообще, не понимаю, как женщина её ранга могла оказаться в грязном борделе в нищенском платье служанки? Кто ты, милая?

Графиня не для того сюда пришла, чтобы отвечать на вопросы какой-то торговки.

- Я по поводу моего брата,- вежливо, но твердо перевела она разговор в нужное русло,- это дело деликатное, и мне бы хотелось поговорить с вами наедине!

Теперь уже Катрин откровенно рассмеялась.

- Брата? Ну-ну..., ладно, отойдем!

Но когда они под всеобщими любопытствующими взглядами уединились на другом конце кухни, то выяснилось, что Тибо был тут как тут.

- Тибо,- зашипела на него хозяйка,- мне нужно поговорить с госпожой Катрин наедине. Ты нам мешаешь!

- Но ведь дело касается меня,- уперся тот, недовольно нахмурившись,- почему я должен уйти?

- Тогда уйду я! - озверела она.

Недовольно ворчащий шут отошел в сторону под ироничным взглядом с откровенным любопытством наблюдающей за этой сценой Катрин.

- Совсем разбаловали вы своего шута! - заметила травница,- эдак, совсем может на шею сесть!

Что ж, она была по-своему права, и все же...

- Тибо решил жениться на вашей Мадлен,- Стефка решила не ходить вокруг да около, - вбил себе в голову, что это подходящая для него пара и слушать ничего не хочет!

Вообще-то, наша героиня ожидала от собеседницы или смеха, или возмущения при известии о проекте столь нелепого брака, но пожилая женщина лишь безразлично пожала плечами.

- Мадлен не гвоздями ко мне прибита! Хочет её, пусть забирает!

- Но,- Стефания от изумления даже не сразу сообразила, что сказать,- но ..., едва ли юной девушке захочется иметь в мужьях такого, как Тибо!

Катрин смерила её снисходительным взглядом.

- Что же ей может не понравиться? С мужским делом у него все в порядке, - она сделала красноречивый жест рукой,- с головой, более чем! А что горбат, так ночью все кошки серы! Я бы сказала даже, что он слишком хорош для нищей девчонки, без гроша за душой!

Не успела Стефка как-то все это осознать, как догадавшийся о благоприятном исходе переговоров карлик уже вновь теребил её за юбку.

- Это ещё не все, госпожа!

Обе женщины недовольно опустили головы вниз.

- Что ещё? - неласково осведомилась графиня.

Тибо одарил их укоризненным взглядом, как будто они забыли невесть что жизненно важное.

- Донна, - буркнул он, - вы должны осмотреть девушку и удостовериться, что в ней нет изъянов!

Пока онемевшая от такой наглости графиня лишь возмущенно хлопала ресницами, парфюмерша откровенно расхохоталась.

- Ну, ты и хват, уродец, - восхищенно покачала она головой, - может, нам осмотреть и тебя заодно, может, тоже чего-то не хватает, а?

Похоже, настороженно наблюдавшие за ними девицы дома терпимости сообразили, в чем дело, потому что тот час расшумелись.

- Ах ты, сморчок занюханный, - услышала Стефка выделившийся из всеобщего гула громовой голос Изабо, - сам под всеми подолами уже пролез, а здесь ему девственница понадобилась!

Эта внезапная реплика несказанно поразила графиню.

- Что? - развернулась она к лицом к стайке обитательниц дома, - я не ослышалась? Это правда?

Девицы только хором хихикнули.

- Такого пакостника ещё поискать!

Всё! Даже ангельскому терпению может прийти конец! Стефания и сама не поняла, откуда у неё в руках оказалась огромный половник, но отходила она им сразу же завизжавшего Тибо от всей души.

- Ах ты, блудливый кот! Ну, я тебе покажу!

Карлик с причитаниями метался по всей кухне, ловко ускользя от ударов, девицы хором подбадривали озверевшую Стефку, а Катрин хохотала до слез!

Наверное, столь шумного утра в доме терпимости не было никогда. Вопли были слышны даже на улице. Наконец, графиня, запыхавшись, упала на лавку, напоследок погрозив плачущему карлику кулаком.

- Ещё раз услышу нечто подобное, попрошу метра сделать из тебя борова! Только такого срама мне ещё не хватало!

Сказала и даже осеклась, смущенно вспомнив, что слово в слово повторяет слова своей бабки Анельки, сказанные однажды почти по такому же поводу. Почему-то подобный грех она менее всего склонна была прощать, но такое жестокосердие не было свойственно местным девицам.

- Да пусть его, - примиряющее махнула руками Мами, - одним козлом больше, другим меньше, не расстраивайтесь вы так! Он у вас вообще трехногий!

- То есть? - нахмурилась едва отдышавшаяся Стефка.

- Да вот, - хозяйка борделя красноречиво развела руками, - прыгает то на одной ноге, то на двух, а то и на трех, и каждый раз уж больно шустро!

Хозяйка подобного уникама обвела тяжелым взглядом хихикающих девиц, и вдруг осознала, что если Тибо и прошелся победным маршем по их телам, то только потому, что отказа ему в этом не было, и тогда она нашла глазами все это время тихонько простоявшую в углу Мадлен.

- Ну, девушка,- угрюмо перевела дыхание графиня,- нужен тебе столь замечательный трехногий, горбатый и с языком змеи кавалер?

Та только безразлично пожала плечами.

- Почему бы и нет!

- Тогда бери его,- устало взмахнула она рукой,- и не жалуйся потом, что у тебя от него изжога!

Расстроенная Стефка уже было собралась забиться назад в свою конуру, когда её остановила травница.

- Почему же вы ничего не выбрали из моего товара,- настойчиво схватила она за локоть сопротивляющуюся женщину,- посмотрите!

У нашей героини элементарно не было денег.

- Я не буду у вас ничего покупать,- поспешно отказалась она и развернулась, чтобы уйти.

Но отделаться от Катрин оказалось делом не простым.

- А я ничего вам и не стану продавать,- ответила та,- только подойдите сюда!

И Стефка вынуждена была вернуться к столу. Травница внимательно осмотрела её своими острыми темными глазами, чуть втянула в себя воздух и, наконец, откуда-то из складок юбки вытащила серебряную красивую коробочку.

- Вот вам подарок!

Нет женщин, с безразличием относящихся к средствам приукрасить себя, разве уж совсем свихнувшиеся на аскетизме - но и те с гордостью таскают на себе пудовые кресты и вериги, вшей и лохмотья, как их развращенные грешницы товарки - ожерелья, ленты и шелковые платья. Понятно, что заинтригованная Стефка не смогла противиться своей природе и, с любопытством глянув на коробочку, осторожно открыла крышку. Внутри было притирание желтовато-зеленого цвета, от которого по комнате сразу же поплыл сильный запах ландыша.

В памяти мгновенно побледневшей Стефки сразу же возник Рауль и подаренная им корзина с цветами. Испуганно вздрогнув, она решительно вернула подарок торговке.

- Может это и мой запах, только я его не люблю!

Катрин даже сменилась с лица, помрачнев, как туча.

- Вот даже как? Вам виднее, - сухо хмыкнула она,- тогда возьмите вот это!

Новая коробочка была не такой красивой, но тоже по-своему замечательной, из неизвестного бархатистого на ощупь дерева, и торговка её также достала откуда-то из тайников на платье. Настороженная Стефка недоверчиво вдохнула сильный аромат. Притирание било в нос запахом полыни, напоминая о летнем солнцепеке. В неприятной духоте пропахшей прокисшим вином кухни он был, как порыв ветра с холмов родной Моравии.

- Это я, пожалуй, возьму,- согласилась она,- сколько я вам должна?

Катрин чему-то таинственно и торжествующе улыбнулась, быстро опустил глаза.

- Нисколько! Выбирая запах, женщина выбирает себе жизнь!

- Возможно!- не стала спорить Стефка и, кратко попрощавшись, быстро вышла из комнаты.

Ей была неприятна эта женщина. У неё появилось стойкое отвращение к людям, имеющим хоть какое-то отношение к магии.

А тут ещё Тибо. Тот, кстати, о чем-то бойко сговаривался с Мадлен, косо поглядывая на госпожу. Стефке он настолько надоел, что она проигнорировала его призывные взгляды. Пусть делает, что хочет - женится или блудит, только бы оставил её в покое!

С этими невеселыми мыслями графиня поднялась по лестнице к себе, открыла дверь комнаты и... опять оказалась во власти тонкого нежного запаха, который источала кожура, оставшаяся от столь долго сберегаемого и лелеемого апельсина.

Потрясенная таким святотатством Стефка сначала с ужасом и горечью увидела эти останки, а потом и того, кто его совершил. На её кровати как ни в чем не бывало развалился небольшого роста щуплый мужчина, с морщинистым лицом рано постаревшего человека и насмешливыми черными глазами.

Для сегодняшнего дня это оказалось уже через чур. Если утро начинается таким образом, то что может принести день? Страшный суд? Конец света?

- Это ты съел мой апельсин?- голосом, не предвещавшим ничего хорошего, спросила она незнакомца. - Кто ты такой и чего тебе здесь нужно?

Но тот не испугался её гневно нахмуренных бровей и разъяренного взгляда.

- Я жду Изабо,- весело подмигнул непрошенный гость,- обычно я прихожу, когда все спят, но сегодня из-за старой ведьмы Катрин все проснулись ни свет ни заря. Вот мне и приходится сидеть здесь, покуда Мама не уберется к себе. Она на меня давно зуб точит, старая сводня!

Хоть здесь что-то прояснилось. Слава Богу, это была не её головная боль!

- Так ты поэт,- облегченно перевела дух Стефка,- опальный Франсуа Вийон. Мне рассказывал о тебе де Монтрей! И все равно, - не сдержала она обиды, - незачем было есть мой апельсин! Какого черта! Не тебе он был подарен!

Лексикон бывшей пани Лукаши стремительно менялся. А что вы хотите, когда на протяжении долгого времени общаешься только с людьми, привыкшими сильно выражаться? Приходится переходить на их жаргон!

- Ну, красавица, - протянул Вийон,- я же не знал, что этот апельсин тебе столь дорог! А мне очень хотелось есть, со вчерашнего утра во рту не было даже макового зерна. А мою милую коровушку подоила эта ведьма-травница, и на мою долю ничего, кроме любви не осталось. А какая любовь на пустой желудок? У тебя, милашка, не найдется несколько монет для страдающего от голода поэта?

Его живые выразительные глаза округлились такой уморительной просьбой, что как ни была

зла Стефка за апельсин, все равно рассмеялась и вытащила из-за лифа, где у неё располагался тайник, несколько монет.

- Извини, но это все, с чем я могу расстаться!

Но Вийон только пренебрежительно глянул на её ладонь, словно она предложила ему пресловутое маковое зернышко.

- Такая красавица и так мало зарабатываешь? Может, у тебя какой-нибудь скрытый платьем изъян?

Да что же это такое? Почему именно её Господь постоянно наказывал встречами с непревзойденными хамами? Ведь у неё уже есть свой венец терновый - наглый Тибо, бесстыжий поэт уже был явным перебором. Даже если она и была грешницей, это совсем не повод, чтобы устраивать ей ад ещё в земной юдоли. В конце концов, всему свое время!

- Копыта и хвост,- рассердилась Стефка, силком сталкивая Вийона со своей постели, - ты и наглец - съел мой апельсин, выпросил у меня деньги, которых и так слишком мало, да ещё норовишь залезть туда, куда тебя не просят!

- Подумаешь, дала несколько денье и задрала нос,- рассмеялся тот, состроив ей гримасу и ловко выхватив монеты.

- Не нравится, отдай назад, и вообще, освободи комнату - у меня есть работа!

- Да, работай, кто тебе мешает,- поэта, казалось, ничто не могло смутить,- тут места маловато, но мы вдвоем прекрасно поместимся на этой жердочке, которую ты называешь кроватью.

И Вийон с невозмутимым видом пододвинулся поближе к окошку. Заметив, что на нем довольно ветхое платье и дырявый плащ, Стефка не стала гнать его на улицу, рассудив, что пусть сидит, он ей не мешает. Если только будет молчать!

Больно стукнув по руке, которой распутник попытался её обхватить за талию, Стефка взялась за штопку очередного чулка, выбрав его из кучи тряпья, которую ей стащили ещё вчера днем девицы.

- Так ты не работаешь с клиентами,- до заметно разочарованного Франсуа дошло, что он ошибся,- Ангелочек, ты здесь на положении швеи, что ли? Ну и дура, с твоей хорошенькой рожицей ты бы заработала в десять раз больше, чем, штопая старые чулки девок.

Вот ещё умник выискался!

- Каждому своё,- фыркнула Стефка,- одним писать стихи про женские задницы, другим штопать чулки - смотря, что у кого хорошо получается!

- Неужели у тебя с мужчинами получается плохо? - глумливо усмехнулся собеседник, с интересом глянув на её занятые руки.- Хочешь, за умеренную плату дам несколько уроков?

- Спасибо, но я обойдусь собственными силами,- странно, но Стефку почему-то не обижало его бесстыдство, а наоборот, развлекало.

Мало того, настроение безнадежно, казалось, испорченное после встречи с Катрин, неуклонно начало повышаться, и вскоре она уже от чистого сердца смеялась над выходками Франсуа. В

первый раз в жизни ей попался такой наглый, бессовестный и одновременно жизнерадостный и обаятельный человек. Обычно первыми двумя качествами все и исчерпывалось. Яркий пример - вечно ноющий и пакостничавший Тибо!

Занявшись чулком, женщина положила коробочку с духами себе на колени. Поначалу поэт не обращал на этот предмет никакого внимания, но потом добрался и до неё. Покрутил в руках, понюхал, даже зачем-то осторожно куснул.

- Какой горький запах, Ангелочек, неужели тебе нравится? Сомневаюсь, что найдется мужчина, которого это возбудит. Зачем ты купила эту дрянь? Наверное, как и все безголовые бабы заплатила кучу денег? Лучше бы мне их отдала!

Стефка только пожала плечами. Покупать бы она эти духи тоже не стала!

- А тебе зачем деньги?

- Сыграл бы в кости! Может, мне бы повезло, и тогда я купил бы целую корзину апельсинов, чтобы ты перестала на меня дуться!

- Разве дело в количестве, - заметила женщина, откидывая заштопанный чулок и выискивая в хламе очередную требующую починки вещь, - это был подарок от человека, который мне очень дорог!

Вийон оглушительно фыркнул, тоже что-то высматривая в куче тряпок.

- Все вы, женщины, глупые слезливые коровы, - пренебрежительно заявил он, вытягивая на поверхность чью-то рубашку, и покрутив перед носом, небрежно швырнул назад.

- То храните какой-то засохший цветок, который вам сунул парень, прежде чем завалить на лопатки, то вздыхаете над грошовым колечком или крестиком, подаренным при таких же обстоятельствах. Дурь и глупость! И не надоело тебе копаться в этом дранье? Давай, я научу тебя, как проводить время с большей пользой! - и бесцеремонные руки обвилились вокруг женской талии.

Стефка отреагировала на столь наглое поведение ударом чулка прямо по физиономии, но это не охладило пыл незваного кавалера.

- Ну, что ты брыкаешься, Ангелочек, как упрямый мул, - уговаривал он её, - знаешь, как я хорошо это умею делать! Тебе понравится, вот увидишь!

- Уколю!- пригрозила иглой наша героиня, быстро укусив не самую чистую руку, крадущуюся к корсажу.

- Уколи его, Ангелочек, - внезапно прогрохотала над их головами, вошедшая в комнату Изабо, - причем целясь этому козлу прямо между ног! Пришей ему ... к ....., чтобы за ненадобностью потом все его хозяйство склевали вороны, когда он в очередной раз будет приговорен к виселице!

Но Вийон только расхохотался, услышав это пожелание и крепко ухватил, тот час повалившуюся на него солидную Изабо. И пока та, задыхаясь от смеха, пыталась вновь встать на ноги, бодро вещал, с силой шлепая возлюбленную по солидным ягодицам:

- Зачем же Ангелочку лишать человека последнего куска хлеба, который он имеет, и чем же я

тебя тогда, мой толстенький пончик, буду ублажать? Не надо ссориться, девочки, меня вполне хватит и на вас двоих. Хотите прямо сейчас и начнем! Хотя, я бы сказал, Изабо, что ты со своей аппетитной задницей здесь не поместишься, просто-напросто застрянешь!

Стефке было стыдно за саму себя, но она не могла удержаться и расхохоталась, представив, как могучая толстуха застревает между кроватью и стеной из хлама в интимной позе, хохотала и сама Изабо, вторил женщинам и развеселившийся поэт.

- Что ты будешь делать с этим шутом гороховым,- наконец, вытирая слезы, простонала толстуха,- наглец и хам, но умеет согреть душу!

С этим наша героиня была согласна.

- На,- Изабо вытрясла из небольшого кошелька несколько солей,- взяла в долг у Мамаи, ох и скрипела старая скряга! Для неё расстаться хоть с одной монеткой смерти подобно, но сегодня Катрин что-то уж слишком щедро с ней рассчиталась за посредничество. Возьми, горе ты мое, и если опять все продуешь в кости, то на этой неделе ко мне больше не наведишься! Я что, действительно, дойная корова?!

Но не успела она ещё договорить свою речь до конца, как Франсуа выхватил из её рук деньги, чмокнул в щеку, и исчез, пробормотав напоследок:

- Ах, ты моя сладкая плюшечка, я скоро вернусь! Вот увидишь, сегодня мне обязательно повезет, и я куплю тебе серебряный крестик!

Изабо только головой покачала, проводив его любящим, чуть ли не материнским взглядом.

- Вот шалопаи! Если бы он каждый раз выполнял свои обещания, то на мне этих крестиков было больше, чем у самой благочестивой монахини четок..., - она легко и всей грудью вздохнула,- но я не могу на него сердиться, таков уж этот плут! Ведь знаю, что он все до денье продует в кости, и все равно не могу устоять и даю ему деньги.

Тут до Стефки кое-что дошло, безмерно её удивившее.

- Ты знаешь, Изабо,- озадаченно протянула она,- а я ведь тоже дала ему несколько монеток, даже сама не знаю, зачем и почему?

Но ту вовсе не поразила её исповедь.

- Одна ты, что ли такая,- снисходительно фыркнула толстуха,- у нас нет ни одной девчонки, у которой бы не выцыганил денег. И каждая вот так же потом недоуменно крутит головой, глядя в пустой кошелек! Только толку от этого чуть - всё равно все пропьет, прогуляет, проиграет. А ведь из знатной семьи, его отец умер рано, но его усыновил дядя - каноник церкви святого Бенедикта. И что же? Он так и идет по жизни, совершая преступление за преступлением, то человека прирежет, то кассу университета ограбит. Дважды его приговаривали к смерти, только чудом он её избегал, а уж тюрьма для него, вообще, дом родной!

Потрясенная Стефка слушала Изабо, широко раскрыв от изумления глаза. Она и не подозревала, что человек её круга может так опуститься. Конечно, и среди знати встречались распутники, пьяницы и довольно неприятные люди, но чтобы дворянин до такой степени наплевал на условности? Жить на деньги падших женщин?! Впрочем..., штопала же она - графиня де ла Верда чулки местным девицам, что уж говорить про других!

В один из дней погода на улице была на редкость мерзкая, ничего похожего на жаркую прошлогоднюю весну. Весь день лил проливной дождь, и Стефка все время жгла светильник, чтобы иметь возможность работать. Ей уже порядком надоело далеко не самое чистое белье, и эта грязная клетушка, но особенно то, что вот уже несколько недель она спала, не снимая платья, не мытая и толком нечесаная. Женщине казалось, что она покрылась такой же коркой грязи, как и все окружающие предметы, зудела и невыносимо чесалась голова. И когда к ней за своей юбкой зашла одна из девиц по имени Амбруаза, она ей пожаловалась на это неприятное обстоятельство.

- И в чем проблема?- та беспечно пожала плечами,- давай сходим в баню! Все равно в такую погоду клиентов будет мало, да и к вечеру мы вернемся.

Баня? Стефка оживилась от перспективы выйти из осточертевшего ей дома, а если ещё при этом помыться, было бы совсем прекрасно!

Надо сказать, что установившееся мнение о средневековье, как о времени возведенной в культ грязи, не совсем соответствует истине. Люди тогда отнюдь не чурались мытья - в каждом мало-мальски состоятельном доме был чан для купания, а менее богатые люди посещали городские бани. Это потом, в Новое время даже короли будут шараться от воды, как от проказы, потому что какой-то умник надоумит весь мир теорией о заразе, приникающей сквозь поры чистой кожи. Правда, в описываемую эпоху уже правила Изабелла Кастильская, которая мылась дважды в жизни, но для всех остальных это ещё не стало нормой. По крайней мере, в Париже тогда существовали общественные бани, которые охотно посещались горожанами. Вот в одну из них и направилась наша героиня. Баня располагалась неподалеку от улицы Глатиньи. Это было каменное, приземистое, специфически пахнущее заведение с двумя отделениями - мужским и женским, сохранившееся, судя по мраморным плиткам пола, ещё с римских времен.

Их провели в парную, где банщица, бросая раскаленные камни в воду, создавала пар, в котором старательно потели, сидящие на скамьях женщины. Впервые за долгое время оказавшаяся в тепле Стефка едва ли не мурлыкала. Разморенная жаркой влагой, она философски наблюдала, как по телу струятся потоки грязного пота.

- Я, наверное, стану теперь вдвое легче! Это надо же, столько грязи нацепляла на себя!

Рядом с беспечным видом блаженствовала Амбруаза - вытянув ноги, она с умным видом разглядывала свои ногти, почему-то сосредоточив все внимание на мизинцах.

- К нам ходит один нотариус,- прошептала она на ухо собеседнице,- так он только тогда может иметь дело с женщиной, если его пощекотать в том месте пальцами ноги! Представляешь? Вот козел!

Всех без исключения мужчин от короля до нищего в борделе называли козлами, кстати, не только называли, но и искренне считали таковыми. Что ж, их можно было понять!

А потом к разомлевшим женщинам подошли две старухи и, уложив их на лежаки, быстро выщипали у них все волосы на теле, помыли с мылом и расчесали волосы. Довольная Стефка уселась их сушить, и наконец-то признала, что жизнь вовсе не такая уж и плохая штука!

- У тебя такие красивые волосы,- восхитилась Амбруаза, перебрав рыжие пряди,- совсем как огонь! Что ты их скрываешь под чепцом?

Пока они сидели в общей зале и болтали о том о сем, прислушиваясь так же к разговорам остальных женщин, обменивающихся сплетнями обо всяких пустяках, все шло хорошо, но когда вышли в раздевалку, то одна из старух подошла к Амбруазе и что-то тихо сказала ей на ухо. Девица мгновенно утратила расслабленное выражение лица и деловито встрепенулась.

- Хочешь заработать?- предложила она на ухо Стефке,- тут за перегородкой мужское отделение и есть специальные отверстия, в которые мужчины за деньги смотрят на женщин, а старухи-мойщицы по совместительству сводни! Ты кому-то приглянулась! Какие-то козлы предлагают целых тридцать солей, а это очень неплохие деньги, поверь, за минутную непыльную работу!

Нервно прижавшая к себе рубаху Стефка вспыхнула от стыда, осознав, что кто-то разглядывает её обнаженное тело.

- Интересно, - возмущенно прошептала она в ответ,- есть ли на земле место, где бы женщина была защищена от вожделения мужчин?

- Есть,- лукаво усмехнулась Амбруаза, деловито зашнуровывая корсаж, - это монастыри, но знаешь, и о монашках иногда рассказывают такие вещи, что шлюхи краснеют. Так ты пойдешь?

- Нет!

- Твое дело! - пожала плечами девица и ушла за старухой.

Когда потом они возвращались под тем же проливным дождем в заведение Мами, довольно позвякивающая монетками в кармане Амруаза снисходительно объясняла Стефке:

- Бани, Ангелочек, по сути дела, те же публичные дома, только тайные. Там и так называемые порядочные матроны могут подработать проституцией, не связываясь с законом. Всем удобно - и нам, и клиентам! И помоешься и заработаешь! Зато как же негодуют всякие святоши! Рвут глотки, чтобы бани закрыли, вопят, что это рассадники разврата и заразы! И кто знает, что решат капитулы, а то если так дело пойдет, скоро и помыться негде будет!

Стефка брела рядом со словоохотливой девицей и рассеянно размышляла о том, что в этом мире, в принципе, всё крутится вокруг трех вещей - еды, сна и занятий любовью. Вся же остальная деятельность только заполняет перерывы, чтобы не скучно было переходить от одного к другому.

- Ты слишком серьезно относишься к тому, что выеденного яйца не стоит,- фыркнула собеседница, когда она поделилась с ней этой мыслью,- подумаешь, несколько минут совокупления с мужчиной! Что из этого делать трагедию? Иногда это неприятно, а иногда очень даже ничего..., так что же, драные чулки штопать лучше? Если вдуматься, то чем мы отличаемся ото всех остальных женщин? Только тем, что их содержит один мужчина, а нас несколько. Вспомни, даже Иисус не осудил Магдалину и предпочел её хозяйственной Марфе!

Графиня довольно серьезно отнеслась к этим аргументам - как ни крути, но девицы Мами знали жизнь гораздо лучше, чем она.

Так или иначе, но, пробыв несколько дней в заведении Мами-ля-Тибод, Стефка с удивлением осознала, что у неё меняется взгляд на жизнь. Порок больше не казался ей безобразным. Она стала к нему относиться как неизбежному злу, без которого нельзя обойтись, а следовательно, нужно смириться, так же как с неприятным запахом нечистот на улицах Парижа, обитатели которых, не затрудняя себе голову, зачастую вываливали содержимое своих горшков прямо перед домом.

- Но ведь это совсем не то, что по замыслу Божьему должно связывать мужчину и женщину! - как-то философствовали они с Франсуа в один из особо хмурых дождливых дней.

Поэт опять продулся в карты и вынужден был воспользоваться гостеприимством её каморки, пока его подружка зарабатывала и себе и ему на хлеб.

- Ангелочек,- снисходительно пояснил он,- все, что приносит человеку радость, от Бога! Господь никогда не пожелает, а тем более не сделает несчастными своих неразумных детей. Почему-то наши постники с угрюмыми физиономиями и горящими глазами фанатиков, которые призывают громы и молнии на головы очаровательных грешниц этого заведения, думают, что Господу приятнее взирать на их мерзкие физиономии, чем на веселые лица бражников и милашек, задыхающихся от наслаждения в объятиях мужчин. И вообще, - Вийон игриво толкнул её в бок, - давай перед тобой поставим двух мужчин, одного - серьезного, богомольного и приличного бюргера, а другого - веселого распутного повесу, который тебе больше понравится?

- Наверное, второй! - улыбнулась Стефка.

Это был на редкость уютный вечер. Светила свеча, скрывая за небольшим кружком света мерзость запустения этой комнаты. Вийон был настроен тихо и мирно. Съев почти весь её ужин, он сыто блаженствовал, ловко помогая ей штопать чью-то юбку. Тибо, который терпеть не мог Франсуа, с шипеньем исчез по каким-то своим таинственным делам. Надо сказать, что поэт и шут вступали в яростную схватку, едва только встречались в убогой каморке. Это были люди одного типа, и понятно, что конкуренты обоим были без надобности. Но сегодня, на счастье, у карлика не было то ли времени, то ли настроения воевать за свою территорию, и поэтому женщина блаженствовала в относительном покое, если не считать уже ставший привычным шум за стеной.

И именно в эту идиллию и вторгся давно не бывавший у подопечной де Монтрей. Открыв дверь, он так и застыл на пороге, в ошеломленном изумлении глядя на поэта.

- Послушай, Франсуа,- возмущенно проговорил доктор,- неужели во всем Париже не нашлось для тебя другого места, кроме как возле женщины, которую я люблю?

Добрый идеалист! Неужели он всерьез рассчитывал пристыдить того, в ком совесть не была заложена от рождения?

- А почему ты должен её любить в одиночку, - тут же отпарировал Вийон,- я, может, тоже хочу попытать счастья? Или, если у тебя целый зад на штанах и не рваный плащ, то и все женщины должны быть твоими?

Лекарю оставалось только беспомощно развести руками.

- Мне не нужны все, мне нужна одна!

- Так садись рядом, и не порть людям настроение, места на всех хватит, хотя и тесновато,- добродушно предложил Вийон, кивнув ему головой на колченогий табурет на котором стояла свеча. - Хочешь, я дам тебе третью иголку, и ты поможешь нам зашить этот парус с задницы, какой-то толстухи. Судя по гигантским размерам, это моя Изабо! Узнаю!

Он мог сказать невесте что, и смущенная Стефка поспешила вмешаться.

- Он съел твой апельсин! - пожаловалась она на безобразника.

- Что взять с нашего Франсуа? Когда он голоден, то может съесть даже легендарного василиска, - снисходительно рассмеялся мэтр, - не расстраивайся, завтра я принесу тебе другой. О чем это вы тут философствовали, когда я вторгся в ваше уединение?

- Мы разговаривали о любви в целом, и о продажной - в частности, - охотно пояснил поэт, - и не нашли в них особой разницы. Там и там мужчина и женщина, там и там они вместе занимаются приятным делом, так зачем же уже века и тысячелетия ломают копы моралисты и поэты?

Де Монтрей был далек от того, чтобы согласиться со столь сомнительными доводами.

- Наверное, есть над чем! Не может быть, чтобы были не правы все, кроме одного разгульного поэта. Зачем ты забиваешь голову этому прелестному созданию разной мерзостью? - укорил он бродягу. - Разве сам ты не любил? Вспомни хотя бы Катрин де Воссель? Как вы подрались из-за неё прямо на паперти церкви с Сермуазом? Тогда ты точно знал, чем отличается продажная любовь от сердечной!

Вийон хмуро хмыкнул, сбрасывая полотнище заштопанной юбки с колен.

- Ну и чем для меня эта глупость закончилась? Этот чокнутый придурок порезал меня ножом, а когда я, защищаясь, бросил в него камень, то его тупая башка лопнула как орех, и мне пришлось долгие годы бродяжничать в изгнании. И потом она же, эта лживая шлюха, приказала своим слугам избить меня. Нет, - поэт мрачно вздохнул, - сколько я не увлекался женщинами, все заканчивалось одинаково. Все они на один лад - и богатые, и бедные! Вначале связи полыхают как огонь, на все заранее согласные, а потом предпочитают тебе того, у кого водится в кармане звонкая монета.

Люби, покуда бродит хмель,

Гуляй, пируй зимой и летом,

Целуй красоток всех земель,

Но не теряй ума при этом!

- Вот так я могу ответить!

Де Монтрей только укоризненно покачал головой, с жалостью глядя на собеседника.

- Да, тебе ли об этом говорить? Опомнись, ведь скоро сорок, а ты вечно голодный, раздетый и разутый, бездомный! У меня плохая память на стихи, но что-то ты там писал про жену и про перину. Так кажется:

Будь я прилежным школяром,

Будь юность не такой шальною,

Имел бы я перину, дом

И спал с законною женою...

- Вийон, у тебя так много покровителей, принцы не бросят тебя! Укроти свой нрав, возмись за ум и доживи хотя бы последние дни в тишине и покое. Неужели тебе не стыдно сидеть здесь, в

ожидании подачек от шлюхи и смущать чистую душой девушку?

- Посмотрите, какой обличитель,- ни капельки не смутившись, огрызнулся Франсуа,- да я не святой, а ты сам? Что сможешь ей дать? Что ты умеешь, кроме того, как пускать кровь, ставить банки, да рвать зубы?

- Он даст мне свою любовь! - поспешила на защиту лекаря, обескураженная такой наглым напором Стефка,- она стоит всех сокровищ мира!

- А ты попробуй,- насмешливо заметил Вийон,- а потом и сравнивай! Слова, Ангелочек, стоят мало! Все эти самцы-удальцы, что сейчас резвятся со шлюхами, имеют в большинстве своем под собственным кровом все те сладкие нюни, о которых ты говорила, и что? Все они здесь, потому что человеку всегда очень скучно быть порядочным. Его, как и ведьму к дьяволу, тянет на запретное и грязное.

Наша героиня не любила играть словами на такие темы.

- Ты сам, Франсуа, первым, отказался бы жить в мире, где забыли о порядочности! Тебе бы стало скучно среди себе подобных, недаром вы так грызетесь с Тибо! Два сапога пара!

- Не надо меня сравнивать с этим мерзким, как проказа карликом,- возмутился тот,- вот! Слова не скажи, сразу же рот затыкают! И вообще...

Поэт только открыл рот, чтобы сказать какую ни будь очередную гадость, когда дверь раскрылась и в её проеме появилась голова Амбруазы. Она была голая по пояс, в одной нижней юбке. Небольшие груди торчали, как у козы во все стороны, открывая коричневые большие соски.

- Мне сказали, что вы здесь, мэтр, - проговорила она шепотом, тоскливо глядя на доктора,- вы не посмотрите меня? Что-то у меня не все ладно!

Де Монтрей тут же встал и вышел вслед за ней.

- Она что, заболела?- встревожилась Стефка,- мы третьего дня с ней ходили в баню, и она была совершенно здорова.

- Бедолага,- вдруг помрачнел Франсуа,- если это болезни Венеры, то Мама тут же её выкинет за дверь. А там... ничего хорошего её уже не ждет! Пропадет красotka!

Но это оказалось не то, чего он боялся.

- Беременная,- пожал плечами мэтр, - меня всегда удивляет, как они реагируют на это известие. С таким возмущением, как будто это глубочайшая несправедливость, а не самый, что ни на есть естественный исход дела. Теперь она извергает громы и молнии на голову неизвестного отца!

- И что теперь она будет делать,- поинтересовалась огорченная Стефка,- оставит ремесло?

- Вот ещё,- пренебрежительно фыркнул Вийон,- просто ходит к Кетрин Прель, а та ей даст какого-нибудь зелья, и она опять взметнет подолом на радость обожающей подобные зрелища публики.

Профессор кинул на него недоброжелательный взгляд.

- Видит Бог, я - человек незлобивый,- процедил он сквозь зубы,- но дай мне волю, с удовольствием выдал бы эту чертову бабу палачу. Сколько на её совести смертей, не поддается описанию!

Морщинистое лицо Вийона насмешливо сморщилось в язвительную гримасу, сделав его похожим на потрепанную жизнью горгулью.

- Говорят, у каждого из лекарей есть свое кладбище? - ядовитым голоском осведомился он.

Доктор выдержал удар достойно, хотя и побледнел от несправедливого упрека.

- Правду говорят, - сдержанно согласился он,- только для нас каждая смерть - трагедия, укор нашему неумению отбить пациента у смерти. А Катрин Прель специализируется на том, что убивает и, увы, не только не рожденных младенцев. Я много о ней слышал от разных людей, но не особенно верил, пока не заболел мой сосед - содержатель трактирчика неподалеку. Человек он был пожилой, а женился на молоденькой девушке. Мы его все предупреждали, что не стоит этого делать, но он так влюбился на старости лет, что не пожелал никого слушать. Так вот, его красotka повадилась ходить к той за мазями и духами, и абсолютно здоровый и бодрый человек стал чахнуть и за две недели сошел в могилу.

История не произвела должного эффекта.

- А нечего было жениться на молоденькой,- ухмыльнулся Франсуа,- а уж если женился, то готовься к смерти! Ни от яда, так от любви! Говорят, что первого короля из династии Валуа Филиппа то же уходила на тот свет молодая жена. Она не давала ему слезть с неё, заставляя заниматься любовью чуть ли не ежечасно и, готово, он сыграл в ящик через полгода после свадьбы.

Стефка заинтересованно покосилась на поэта. Неужели такое возможно? Ох, и штука должно быть, была эта юная королева! Её величеству повезло, что она не наткнулась на её супруга, а то бы дон Мигель быстро остудил страсть венценосной красотки парой суровых отповедей. Впрочем, мэтра история юной распутницы интересовала мало.

- В нашем случае, на лицо были все признаки отравления,- возразил он,- и другую давно бы ожидал палач, но у Катрин сильные покровители на самых верхах, и дело спешно замяли. Мне не хочется все пересказывать, что я слышал об этой страшной женщине, но связываться с ней я не посоветовал бы никому!

- Катрин - просто ведьма,- пожал плечами поэт, вновь принимаясь за штопку юбки,- а дьявол всегда покровительствует своим. Уверен, что когда её товарки слетаются к колдовскому костру, наша Катрин летит первой, на самой быстрой и нарядной метле! Хотя зачем дьяволу эта старуха? Наверное, он предпочитает более молоденьких.

- Что за бред ты несешь,- огорченно покачал головой доктор,- это всё больные выдумки инквизиторов..., ещё накличешь беду. Иногда и у стен есть уши!

- Ничего не выдумки,- даже обиделся Вийон,- я знавал одну такую ведьму, которая мне втайне признавалась, что имела с ним дело, и что в этом вопросе он на голову выше любого мужчины, только семя у него ледяное. Я могу вам сейчас рассказать...

Уж про что-что, а про это Стефания наотрез отказывалась слушать. Хватит, она уже досыта наелась всякой чертовщины, и между обществом шлюх и любящих поговорить на такие мерзкие темы мужчин, решительно выбирала первых.

- Франсуа,- мягко попросила она,- расскажешь в следующий раз, а сейчас не мог бы ты...

Но её стремительно опередили. Вийон посмотрел на собеседницу такими обиженными глазами, что у женщины невольно заговорила совесть.

- Я могу и уйти,- горько молвил он,- пожалуйста! Буду стоять на улице под дождем, мокрый, голодный, продрогший, пока вы здесь будете целоваться. Ведь у меня нет ни денье, чтобы я зашел в какой-нибудь кабачок или трактирчик, да что за беда! Кому нужен несчастный бездомный поэт! Простужусь и умру, и ты, мэтр, переступишь через мой окоченевший труп, когда будешь возвращаться от своей милой!

И пока Стефания успокаивающе гладила его по плечу, доктор обескуражено рассмеялся.

- Как же, избавишься от тебя так просто,- заметил он, и вытащил из кармана несколько монет,- на, хладный труп, мчись, кое-где еще играют!

В этот раз Франсуа побил все рекорды скорости. Мимо Стефки просвистел его плащ, и он тут же убрался, мгновенно забыв и про голод, и про холод.

Де Монтрей нежно обнял подопечную и поцеловал в висок.

- Как же я по тебе соскучился, сердце мое, - вздохнул он и, посадив к себе на колени, крепко прижал к груди,- всё время думаю только о тебе!

За время недолгой разлуки Стефания уже отвыкла от своего покровителя, и хотя по-прежнему относилась к нему с нежностью, все-таки испытала определенную неловкость от того, что не может ответить на его чувства.

- Мне здесь неплохо,- успокоила она мэтра,- хотя я окончательно запуталась в том, что происходит вокруг меня. Девушки не вызывают у меня никаких чувств, кроме, может, сожаления о том, что ремесло их довольно неприятно! Ни возмущения, ни брезгливости, ни пренебрежения - ничего такого я не испытываю!

- Это свидетельствует о твоём добром сердце,- легко вздохнул мэтр, - и все же бордель не место для порядочной женщины. Сама атмосфера этого заведения такова, что губительно действует на человеческую душу. Порок грязен не только сам по себе, но он ещё и пачкает все вокруг!

Сентенция была сказана к месту и по делу, но она не произвела никакого впечатления на слушательницу именно в силу своей неприемлемости в её нынешнем положении. Для графини обитательницы борделя были подругами, собеседницами, и даже защитой, коль предоставили ей убежище, и как же она могла думать о них плохо? Да она и не думала - та черта, что ещё совсем недавно четко разделяла добродетель и разврат, по мере пребывания в заведении Мами становилась все более и более тонкой, и уже была едва ли различима в глазах графини де ла Верда. Наверное, именно это и волновало мэтра, но, увы, он не смог донести своей тревоги до уютно устроившейся на его коленях юной женщины. Она пригрелась в его объятиях, и беспечно и крепко заснула, даже пропустив момент, когда доктор покинул её комнату, чтобы уйти восвояси. Во сне женщине снилось что-то прекрасное, легкое, светлое...

А наутро её разбудил как всегда гримасничавший Тибо.

- Проснись, королева, утро на пороге,- пропел он ей на самое ухо,- солнышко уж высоко, и ты вставай на ноги! Там на обед из проса каша, и на столе для нас стоит большая каши чаша!

Стефка потянулась на своем скудном ложе. После такого хорошего сна, ей даже почудилось, что в комнате пахнет не как обычно плесенью и мышами, а чем-то неуловимо приятным, но и странно знакомым. Впрочем, принюхиваться особо было некогда, карлик дергал её за юбку - он как всегда был голоден, и торопил хозяйку вниз.

Приближалась последняя неделя поста. На страстной бордель закрывался вплоть до окончания пасхальных торжеств, и поэтому его обитательницы изо всех сил старались за оставшееся время заработать побольше. Обычно, утомленные ночной работой, утром они едва передвигались, неохотно ели и только глотали воду или разбавленное вино, но сегодня на кухне Стефка застала оживленный разговор. Беда случившаяся с Амбруазой никого не оставила в стороне.

- От кого же это ты понесла?- налетали девицы на расстроенную Амбруазу.- Хотя предположения есть?

Но та только хлюпала распухшим носом и отрицательно качала головой, горестно подперев голову руками.

- Кто бы он ни был все равно, какой-нибудь урод,- проворчала, вытерев слезы Амбруаза,- вот сегодня на рассвете я видела в коридоре редкого красавца, по всему видать знатного дворянина. У кого он был, девочки?

Женщины недоуменно переглянулись.

- А как он выглядел?- спросил кто-то.

- Светлый..., и волосы, и глаза, как у сказочного принца! Сам высокий, и повадка как у благородных, а уж одет так, что хоть сразу на прием к королю. Чистенький, сияющий как новый ливр!

- Приснился он тебе,- угрюмо отрезала Мамаи,- не было никого подобного среди наших гостей, да и не бывает никогда. Наша публика мелкий и незначительный люд, среди которого даже нотариус из Сен-Жермен - принц! Ты совсем спятила, из-за своей беременности! Они еще о чем-то говорили, но Стефка как будто оглохла. По спине пробежала ледяная дрожь ужаса - так вот почему в каморке так знакомо пахло! Это был запах Рауля, и описание мужчины говорило само за себя! Похоже, теперь не только у Амбруазы, но и у нашей героини появились проблемы.

Но спустя несколько минут оказалось, что это было только преддверие беды, настоящее горе пришло вместе с Мадлен, которая в большой корзине принесла заказы, сделанные совсем недавно Катрин.

Пока они с Тибо любезничали у двери, дожидаясь, когда со стола уберут посуду, Стефка окаменело сидела на своем месте и лихорадочно размышляла, что делать дальше. Она безразличными невидящими глазами смотрела на вновь поднимающуюся кутерьму вокруг помощницы парфюмерши, до тех пор, пока сама Мадлен осторожно не коснулась её локтя.

- Моя хозяйка велела передать,- прошептала ей та на ухо,- что если вам нужна её помощь, то она будет рада вас принять!

- Её помощь? - до задумавшейся о своем графини с трудом доходило, что девица ей хочет сказать,- очередные духи? Но я ещё теми не начала пользоваться!

Мадлен отрицательно покачала головой.

- Да нет, дело не в духах, а в вашем деликатном положении. Катрин имеет в виду вашу беременность!

Беременность? Стефке сначала показалось, что она просто ослышалась, но когда до неё дошел истинный смысл сказанных слов...

- С чего это твоя хозяйка такое вообразила? - задыхаясь от ужаса спросила она, - я вовсе не беременна!

- Вам виднее, - не стала спорить та, - только моя хозяйка редко ошибается!

- В этот раз она ошиблась! - твердо уверила посланницу графиня.

Сказать Мадлен, что Катрин ошиблась было легко, но вот уверить в этом саму себя, оказалось делом потруднее.

Несколько дней женщина была не в своей тарелке, раздумывая, что ей делать. С ужасом разглядывая свой живот, она отказывалась признавать, что могла понести от де Сантрэ. Как же все это было далеко от того состояния трогательной нежности, с которой Стефка ждала первой беременности, но теперь кроме страха и протеста, эта новость ничего у неё не вызвала.

За это время Рауль дважды ночью побывал в каморке, но ни разу не сделал попытки её разбудить, или оставить какой-либо знак, говорящий о его присутствии. Она узнавала о тайных посещениях только по присущему ему запаху то ли лаванды, то ли хвои, который напрочь уничтожал на несколько часов привычное амбре конуры на задворках борделя. И хотя против лаванды Стефка ничего не имела, но со временем начала предпочитать ей вонь мышиного помета.

Так беременная она или нет? Гачека рядом не было. Де Монтрея ей не хотелось расстраивать - зачем омрачать душу хорошего человека дурными известиями!

После памятного разговора на кухне Амбруаза исчезла и появилась вновь у Мамаи только через три дня - бледная, с синими кругами под глазами, но живая. О том, где она была, все предпочитали помалкивать, ведь за такие дела можно было угодить к палачу. Всю страстную неделю девушка пролежала в постели, но потом оправилась, встала и опять, как ни в чем не бывало, принялась принимать клиентов.

Можно было, конечно, обратиться за помощью и к ней, но Стефка знала, что никакого даже подобия сохранения тайны среди девиц не существовало. Что бы из них не узнала одна, тут же становилось известно всем, даже ей.

И именно в этот момент Тибо примчался с радостным известием.

- Донна, Гачека нашел я! - ворвался он в её каморку, - его ваш супруг пригрел на папском подворье! Теперь вам надо дать ему знать, и мне можно кольца покупать!

Стефка, оторвавшись от шитья, болезненно глянула на веселящегося карлика. Тот, как всегда думал только о себе, и до грустного лица госпожи ему и дела не было. А как она интересно вернется к супругу, если Катрин права? Нет, о её позоре никто не должен узнать, а значит, оставался только один выход!

- Подожди ставить Гачека в известность о месте нашего пребывания,- тихо попросила Стефания, прыгающего вокруг неё радостного шута, - есть одно незаконченное дело!

- И долго ждать? - раздраженно нахмурился тот, явно недовольный отсрочкой на пути к семейному счастью. - Если много размышлять, можем вновь морава потерять!

- У меня есть причины не обнаруживать себя!

- Но если вы не вернетесь к супругу, тогда я потеряю подругу! Мне не прокормить жены, покуда в борделе мы! Мадлен найдет другого, пусть не такого...

- ... дурного! - мрачно закончила хозяйка. - Подожди!

Был только один человек, который ещё знал Катрин, и который бы не растрепал её тайну всему свету, но его как назло не было. Вийон, который ей так надоедал в течение последних недель, вдруг куда-то исчез. Стефании было по-настоящему трудно метаться между истериками и нытьем шута и наивными ухаживаниями доброго лекаря. И неизвестно, что действовало на нервы сильнее - воинствующий эгоизм одного или бесконечная доброта другого. Святые иногда здорово омрачают жизнь людям вокруг себя, именно недостижимыми для обыкновенных грешников добродетелями!

Прошло целых две недели, прежде чем лисья физиономия поэта вновь появилась в её каморке.

- А наша златошвейка все шьет,- промурлыкал он, склоняясь над шитьем,- для принцесс чудесные наряды. У кого на этот раз прохудилась юбка? Что они с ними делают, раз они у них то и дело рвутся? Ловят, как сетями, клиентов?

- Где это ты был, Франсуа?- не смотря на сведавшую её тревогу, не могла не улыбнуться Стефка.

- А ты скучала, моя крошка?- он шлепнулся рядом, сразу же попытавшись завалить её на спину.

Женщина со смехом вырвалась из цепких рук, с силой ударив наглеца в грудь.

- Сколько можно упрямиться,- с досадой потер ушибленное место Вийон,- ну поломалась для приличия и хватит! Что ты девственница, в конце концов? Не веди себя как мерзкая глупая ханжа, это становится скучным!

- А я уже развеселила кое-кого! - тяжело вздохнула Стефка.

- Вот оно в чем дело - я опоздал!- огорченно протянул Франсуа,- ты уже нашла себе дружка? Извини, но я не думаю что это профессор. Его голова набита всякими глупостями и у него, пожалуй, хватит ума дожидаться благословения священника. Ты мне скажешь, кто это?

- Я и сама толком не знаю,- даже не покривила душой Стефка,- но мне теперь срочно нужна Катрин, чтобы мэтр ничего не узнал. Ты же знаешь, он обещал на мне жениться, а беременная невеста - это слишком большое испытание даже для его золотого сердца!

- Вот даже как! Ты уверена в том, что беременна?

- Так сказала Катрин!

Очевидно, для Вийона, как и для Мадлен слово сей дамы было непререкаемой истиной.

- Не повезло тебе, бедняжка,- сочувственно похлопал он её по колену,- но почему ты это мне рассказала, чтобы я пожалел тебя? Или тебе ещё что-то надо?

- Второе. Я не знаю, где живет Катрин, но мне нужно к ней попасть и нужно, чтобы никто ничего не узнал! Я не могу допустить, чтобы доктору стало обо всем известно.

Поэт смерил собеседницу черным колючим взглядом.

- Черт вас женщин поймет,- наконец, устало сказал он,- любите одних, отдаетесь другим. Бойтесь ранить золотое сердце и заводите ребенка от человека, которого даже не знаете!

Вот и дважды висельник Вийон ей читает мораль! У мужчин, похоже, пунктик на нравоучениях женщинам. Уж лучше бы следили за собой - вся клевета, и все зло только от них! Но в намерения женщины не входило ссориться с поэтом, поэтому она благоразумно придержала язык за зубами.

- Так получилось,- Стефка никого не собиралась посвящать в тонкости отношений с Раулем,- поверь, я сама давно раскаялась в том, что совершила, но дело сделано, и ничего исправить нельзя, иначе как с помощью Катрин. Ты поможешь мне?

Но у Вийона были свои соображения о помощи попавшим в беду дамам.

- А что я с этого буду иметь? Чем ты рассчитаешься со мной за сохранение твоей тайны?

- Сколько ты хочешь?- нахмурилась Стефка

- Не надо хмуриться,- он презрительно цыкнул зубами,- я рискую жизнью, сводя тебя с ведьмой! Я отведу тебя к Катрин за десять су!

Стефка нахмурилась - он обдирал её как липку, а ведь надо будет еще заплатить Катрин за услуги. Похоже, что благодаря этому жулику и старой ведьме, она останется без гроша в кармане!

- Когда пойдем?

- Да хотя бы сейчас! Давай деньги и в путь! - оживился Франсуа.

Но наша героиня недаром прожила почти два месяца в борделе, и всякого за это время наслушалась, поэтому усвоила четко, среди такой публики как Вийон, сначала услуги, а только потом деньги!

- Нет,- горько усмехнулась она,- нашел наивную дурочку! Сначала ты меня отведешь туда, потом обратно и только потом получишь всю сумму.

Франсуа неожиданно смутился и даже отвел в сторону глаза.

- Но ты можешь и не вернуться,- тихо пояснил он,- видишь ли, это очень опасный визит, далеко не все возвращаются!

От предупреждений того, кто сам мало дорожит жизнью, отмахиваться не стоит. Тоска смертного ужаса сжала её сердце.

- А как же Амбруаза?

- Сравнила,- невесело хмыкнул Вийон,- у этой железной кобылы лошадиное здоровье, если она в состоянии пропустить через себя до семи мужиков за ночь и не устать. А ты сможешь?

- Разумеется, нет,- вспыхнула Стефка,- что я кролик, что ли? Но если я не вернусь, то оставлю тебе в наследство вот это.

Она вытащила из-за корсажа свой крестик - подарок Збирайды на пятинадцатилетие. Стефка берегла его как святыню - последнее, что связывало её с родиной и людьми, которые бескорыстно любили маленькую сироту.

- Это дорогая вещь, крошка,- заметил Вийон, жадно разглядывая золотую цепочку,- неужели ты воровка?

- Чтобы иметь дорогие вещи, вовсе не обязательно их воровать,- вздохнула она, пряча крестик на место,- это подарок моего крестного! Но я отдам его не просто так - если не выберусь живой из этой передраги, ты найдешь на папском подворье человека по имени Славек Гачек, покажешь ему крест и скажешь, что я умерла! Пусть он сообщит о смерти одному человеку, для которого это известие жизненно важно!

Вийон пристально взглянул на измученное лицо собеседницы и вдруг нежно привлек её к себе, прижав к издававшему виды плащу.

- Что ты, Ангелочек, не надо так грустно смотреть на вещи,- прошептал он, глядя её по чепчику,- все обойдется, и ты вернешься в эту клетушку живой и невредимой. Пошли!

На улице было не по-весеннему зябко. Дул пронизывающий сырой ветер, когда Стефка со спутником тайно покинули гудящий обычным ночным шумом бордель.

Катрин Прель жила около аббатства Сен-Мартен, в небольшом домике с плотно закрытыми ставнями на высоко расположенном окне. Домик стоял к улице боком, со всех сторон окруженный садом, с уже набухшими в ожидании тепла почками. Их горький аромат перебивал даже привычные городские запахи нечистот, лошадиного навоза и печного угара.

Вийон уверенно подошел к двери и три раза стукнул тяжелым кольцом. Некоторое время спустя в верхней части открылось небольшое забранное решеткой окошко.

- Кого это носит по ночам?- прошамкал изнутри старческий голос.

- Передай Катрин, что к ней пришел Франсуа Вийон с подружкой,- нетерпеливо рявкнул поэт,- да побыстрее, сегодня на редкость холодно! А в моем плаще больше дыр, чем шерсти!

- Снег что ли, собирается?- зябко притоптывая на месте, поделился он соображениями с оцепеневшей от страха Стефкой,- вот так весна!

Гостей не заставили долго ждать - дверь медленно скрипнула на плохо смазанных петлях и впустила их вовнутрь. Наша парочка оказалась в темном душном коридоре, который, извиваясь, привел спутников не понять куда, то ли на кухню, то ли в кладовую старухи. Тут, как на любой кухне были и очаг, и кастрюли, но все было увешано пучками трав, в банках лежала всякая пахучая всячина и воздух был пропитан чем-то весьма отличным от еды, от чего Вийон даже несколько раз чихнул.

Катрин, обряженная в большой передник, стояла к ним спиной и что-то энергично терла пестиком в ступке.

- Ах, Франсуа, тебя только могила исправит,- проскрипела она, не оборачиваясь,- тебе уже надо жениться и осесть у камина с детьми на коленях и с заботливой женой, да предаться воспоминаниям о прошедшей жизни, а ты опять обрюхатил девчонку и привел её ко мне. Когда же ты угомонишься?

Надо же! Стефке оставалось только поражаться - два таких разных человека, как мэтр Метье и Катрин, говорили слово в слово, обращаясь к беспутному поэту. Все-таки Вийона любили в Париже, раз его горести одинаково огорчали и колдунью и лекаря, но только не самого Франсуа!

- Что это ты меня хоронишь, старая ведьма! И зачем мне жена? - со смехом возмутился Вийон,- нет уж, дорогая, сидящим у домашнего очага и киснувшим с грелкой у ног, меня никто не увидит. Не знаю, сколько мне намеренно, но я эти годы проживу так, как мне хочется. Да и, если честно, кто за меня пойдет? Разве какая-нибудь совсем безголовая, но мне такая самому не нужна!

Старуха скрипуче рассмеялась и, бросив свое занятие, повернула к ним лицо. И тут же улыбка погасла на её губах, когда она увидела рядом с поэтом Стефку.

- Ты?- её удивлению не было предела. - Каким образом вы оказались рядом?

- Почему она не может оказаться рядом со мной? - взъерепенился поэт.

- Потому, глупец, что эта женщина не для тебя и твоей никогда не будет,- охотно пояснила Катрин, взволнованно подходя к Стефке,- значит, ты все-таки прислушалась к словам Мадлен?

Интересно, есть ли на земле такая женщина, которая не прислушается к предупреждениям подобного рода? Вот только...

- А почему вы решили, что я беременна? Живота у меня нет!

Старуха только покровительственно улыбнулась.

- Дорогая, причем тут живот? Всеу свое время - ещё вырастет, а беременность я вижу по глазам! В твоём же случае, недалеко осталось и до родов! Ведь это необычный плод, такой же, как и его отец!

- А кто он, Катрин?- не выдержав, поинтересовалась Стефка,- ты же понимаешь, что мне нужно узнать?

- Понятно, что не его имя,- мерзко хихикнула та,- ты хорошо сделала, что пришла! Мы с сестрами предоставим тебе убежище, и Рауль никогда не доберется до вас с малышом!

Стефка почувствовала, как качнулась вокруг неё комната. Вот только помощи ведьм ей и не хватало до полного счастья! Уж лучше и дальше штопать чулки блудниц - беременностью в публичном доме никого не удивишь!

- Это исключено,- резко отказалась графиня, с открытой неприязнью глядя на ведьму,- я пришла сюда по тому же делу, что и Амбруаза! Ты сможешь мне?

Судя по неестественным багровым пятнам на щеках, травница была ошеломлена.

- Этого нельзя делать! Никак нельзя!

- Почему? - упрямо нахмурилась Стефка. - Если выдержала Амбруаза, выдержу и я! Не смотрите, что я худая, на самом деле во мне много сил!

- Глупая,- снисходительно хмыкнула Катрин- это особый ребенок, и обычные средства здесь не помогут.

- Почему особый?- внезапно вмешался в разговор Вийон.

- Тебе не надо об этом знать,- отрезала старуха,- не суй свой любопытный нос, куда не следует. Сядь вон там, в сторонке и сиди, помалкивай.

- Пусть он особый, - горячо настаивала на своем Стефка,- но я-то нормальная женщина, и не желаю плодить неизвестно кого!

- Если бы женщины рожали только тогда, когда хотят, жизнь на земле давно бы иссякла,- буркнула старуха,- роди и можешь быть свободна! Мы заберем у тебя этого младенца. Поверь, его отец может страшно отомстить за смерть сына!

Отдавать пусть даже нежеланного младенца ведьмам на потеху, Стефка не собиралась.

- Я не поняла, Катрин, ты боишься мне помочь?

- Нет, я его не боюсь,- покачала головой старуха, - ты же здесь по доброй воле, какие у него могут быть ко мне претензии? Но я еще раз вынуждена повторить, что шансов выйти живой из этой передраги, у тебя практически нет.

Слушать это было жутко, но ещё страшнее было заглядывать в будущее и видеть себя в подвалах инквизиции за связь с нечистой силой.

- И все-таки я попробую,- Стефка решила настаивать на своем,- сколько это будет стоить?

- Не хватало мне только с тебя брать деньги,- махнула рукой ведьма, отворачиваясь от неё к своим склянкам, - ты летала вокруг праздничного огня, значит своя!

- Откуда ты знаешь?- помертвела графиня.

- А у тебя на лбу знак для всех наших,- пояснила Катрин, начиная колдовать над каким-то булькающим неприятным запахом горшком,- я сразу, ещё там, у Мами, поняла кто ты, но вмешиваться не стала! Теперь сядь и подожди, мне надо приготовить отвар.

Стефку мигом затрясло от страха и ужаса перед предстоящим испытанием, и она, сев поближе к Вийону, нашла его горячую сухую руку и судорожно сжала.

Но у того был свой интерес в этом деле.

- Ангелочек, ты что же, ведьма?- весело поблескивая глазами, потихоньку от Катрин полюбопытствовал он.

- Нет,- отрицательно покачала головой Стефка,- я однажды по глупости и неосторожности попала в неприятную историю и теперь, наверное, заплачу за это жизнью!

- А, правда, что у твоего любовника семья ледяное?- похоже, этот момент его особо занимал, впрочем, как и всех мужчин.

Но от подобной чести наша героиня решительно открестилась.

- Это не он!

- Но кто тогда этот Рауль?- не успокаивался лопающийся от любопытства Франсуа.

- Я не знаю,- горько вздохнула Стефка, - но и не обычный человек!

- А отличий никаких у него нет,- продолжал допытываться тот,- может, там ногти сросшиися, как копыто или маленький хвостик, или глаза косые?

- Хватит всякую ерунду говорить,- вмешалась в разговор, изо всех сил что-то растирающая в плошке Катрин,- никаких рогов и копыт у Рауля нет, и взяться не откуда, так как по природе они ему не положены. Разве только уши его немного выдают, но он носит длинные волосы, а смельчаков заглянуть ему под шляпу не найдется. Твое зелье, милая, готово, можешь пить!

Она ловко перевернула содержимое плошки в дымящийся горшок, энергично помешала, налила парящее варево в чашку и протянула гостье.

Стефка опасливо взяла напиток, брезгливо вдохнула неприятный, тошнотворный запах, но, заметив насмешливую улыбку на лице старухи, быстро прошептала молитву и залпом выпила.

Зелье проскочило в желудок неожиданно легко, разве только чуть обожгло язык. Женщина затаила дыхание в ожидании неприятностей, но ровным счетом ничего не произошло. Она облегченно перевела дух и подняла взгляд на стоящую перед ней старуху с тонкими поджатыми губами и неожиданно грустным взглядом черных глаз.

- Ты ляг, милая, на пол,- посоветовала та сочувственно,- сидеть все равно не сможешь!

Стефка послушно последовала её совету и растянулась на чистом глиняном полу. И тут же боль набросилась на женщину, как голодный зверь. Она немилосердно терзала её тело, выкручивая и ломая суставы. Несчастливая только выла и металась по полу, пытаясь хоть немного уменьшить боль, но без толку. Не видя ничего из-за багряной пелены затянувшей все вокруг, она искала хоть какой-то выход, чтобы убежать, исчезнуть из этого дома, туда, на улицу, в холод весенней ночи!

- Послушай, Катрин, неужели нельзя ей как-нибудь помочь,- откуда-то как из-за тридевяти земель раздался напуганный голос Вийона,- что-то такого раньше я не видел!

- И не увидишь больше никогда,- голос ведьмы шелестел как сухие листья, - ничего не получилось, она умирает! Возьми её на руки и пойдём, я тебя провожу! Сейчас пройдёшь через сад к монастырскому кладбищу и оставишь женщину там. Как раз темнеет, и тело найдут только утром. Монахи решат, что какая-то бродяжка замерзла от холода! Они отпоют её и придадут земле.

Сквозь пронзительную невыносимую боль Стефка почувствовала, что её несут, а потом, наконец, ощутила благодатный холод, охватывающий пылающее тело. Она даже не поняла, куда Вийон её положил, скорее всего, на надгробную плиту. В разгоряченное лицо суровый ветер бросал снежную крупу со снегом. И это было равноценно глотку воды в пекле! Умирающая судорожно слизывала влагу со щек, когда почувствовала мужские руки у себя на

груди - Франсуа обыскивал её!

- Подожди,- едва выговаривая слова, попросила она,- дай мне умереть!

- Холодно,- недовольно проворчал Вийон,- да и крестик тебя не спасет, самоубийцам дорога прямо в ад, к его величеству дьяволу!

В затуманенном сознании вдруг, как наяву появился силуэт белого барса.

- Люди не те, кем они кажутся!

- Нет,- простонала в ужасе Стефания,- нет....

- У тебя ещё крепкая одежда,- опять пробился сквозь боль и мрак голос Франсуа,- там, куда ты отправишься, она ни к чему, а я её продам - за тряпки можно будет выручить несколько солей. Монахи прикроют тебя, чем-нибудь! А нет, так свалят в общую кучу - мертвым все равно, голые они или одетые!

Странно, юную женщину особо не испугала угроза смерти и ада, а вот перспектива оказаться обнаженной перед скопищем монахов, пусть даже мертвой, заставила судорожно цепляться за жизнь.

- Я не хочу лежать голая,- в отчаянии прохрипела Стефка, и что-то вспышкой щелкнуло в голове, - Рауль, Рауль! Помоги мне!

Женщине казалось, что она кричит изо всех сил, и от громкости крика разорвутся небеса.

- Что ты там шепчешь?- разочаровал её Вийон.- Не хочешь, чтобы я тебе раздевал? Ладно, я тут постою неподалеку, подожду, когда ты умрешь. Только поторопись, у меня нет желания околевать с тобой рядом!

А Стефка, видимо, израсходовав последние силы на зов, вдруг отчетливо увидела Хеленку. Экономка крестного сидела на кровати, держа в руках тот самый кусок янтаря, из-за которого начались все её неприятности. Лицо у женщины было умиротворенным, и ей самой тоже вдруг стало хорошо и спокойно. Это конец,- поняла она,- хорошо-то как..., ад или рай - главное, что конец страданиям!

- Зачем ты меня позвала?- неожиданно врезался в приятное забытье голос Рауля, и тут же вернулась и боль, и холод этой студеной ночи.

- Я хочу жить, Рауль!- прошептала она, пытаюсь, хоть и без толку, но открыть глаза.

- Ты хотела убить моего ребенка,- его голос был непривычно суров,- разве Катрин не предупредила, что ты умрешь? Так зачем же ты меня позвала, раз сделала свой выбор? Решила погубить и его и свою душу? Умирай!

- Я не хочу умирать,- Стефка собрала все свои силы и протянула дрожащую руку на звук голоса,- я знаю, ты можешь меня спасти!

- Могу,- его голос ничуть не смягчился,- но если ты поклянешься своей бессмертной душой, что никогда больше не выйдешь из-под моей власти!

Когда смерть расправляет над тобой свои страшные крылья, вряд ли кто думает о последствиях

своих поступков, потому что самим Богом в человеке заложено самое главное стремление на земле - жить, выжить во что бы то ни стало! И измученная болью и ужасом Стефка, подчиняясь этой могучей силе, кротко прошелестела пересохшими губами:

- Клянусь!

И тут же боль отпустила, едва раскаленного тела коснулись его руки.

- Иди ко мне, любимая!- и Рауль, подняв женщину со страшного ложа, закутал её в свой плащ.

Совсем потерявшая способность соображать Стефка начала впадать в приятное забытие, когда в него диссонансом вклинился хриплый и возмущенный голос Вийона.

- Эй, приятель! Это моя добыча! Труп можешь забрать, но золотой крестик и одежду покойница завещала мне!

- Пошел прочь, висельник,- с ледяным презрением ответил Рауль,- если не хочешь стать добычей таких же падальщиков, как ты сам!

Бархатистая ночь вновь светилась звездами над Стефкиной головой, и она вновь куда-то летела, качаясь в объятиях легкого ветерка. Было и хорошо, и легко, только очень жарко, поэтому она все время пыталась лететь быстрее, но ей не удавалось, как будто что-то препятствовало, мешало! А потом какая-то сила резко потянула её вниз и вернулась тяжелая, как камни боль.

- Она приходит в себя! - раздался знакомый голос.

Стефка с огромным трудом разлепила ресницы и первое, что она увидела, было заплаканное лицо Хельги, просиявшее измученной улыбкой при виде затуманенных глаз госпожи.

- О, ваша светлость!- только и смогла сказать служанка, заливаясь слезами.

Рядом с немкой, к удивлению Стефки, мелькнуло озабоченное лицо Марго. В испачканном кровью фартуке, с засученными рукавами, она держала в руках большую чашку с курящимся дымком содержимым. Рауль то же был здесь. Он сидел на кровати и крепко держал её за руку.

- Мы рады вас видеть живой, дорогая! - растянула его губы усталая улыбка.